политика

власть

государство

правящий класс

современное общество

демократия

политические партии

политические идеологии

политические реформы

международные отношения

суверенитет наций

ВСЯ ПОЛИТИКА

ХРЕСТОМАТИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Наконец-то есть самоучитель политических знаний для человека, окончившего среднюю школу и не утратившего желания разобраться в мире, в стране, гражданином которой он с формальной точки зрения стал, получив на руки паспорт, а по сути становится им по мере достижения политической зрелости. Жанр хрестоматии соблюден здесь в точности: десятки документов, выступлений и интервью российских политиков, критиков наших и иностранных собраны в дюжину разделов – от того, что такое вообще политика, и до того, чем в наше время является вопрос о национальном суверенитете; от сжатой и емкой характеристики основных политических идеологий до политической системы государства и сути ее реформирования. Вопросы к читателю, которыми завершается каждый раздел, сформулированы так, что внятный ответ на них возможен при условии внимательного, рассудительного чтения книги, полезной и как справочник, и как учебник.

Finally we do have a teach-yourself book that contains political knowledge for a young person who, fresh from High School and still eager to get a better understanding of the world a newborn citizen aspiring for some political maturity. The study-book format is strictly adhered to here: dozens of documents, speeches and interviews with Russian politicians, critical views at home and abroad were brought together and given a comprehensive structure. From definitions of politics itself to the subject of the national sovereignty and the role it bears in our days; from a concise and capacious description of main political ideologies to the political system of the State and the nature of its reform. Each chapter ends with carefully phrased questions that require a sensible answer from an attentive and judicious reader. The book is useful both for reference and as a textbook.

- А. В. Филиппов, В. Д. Нечаев
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - 1. ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВО?
    -
    - АРИСТОТЕЛЬ. ПОЛИТИКА[1]
      -
      - КНИГА ПЕРВАЯ (А)
      - КНИГА ТРЕТЬЯ (Г)
      - КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ (Д)
      - КНИГА ПЯТАЯ (Е)

- КНИГА СЕДЬМАЯ (H)
- Н. МАКИАВЕЛЛИ. ГОСУДАРЬ[2]
  -
  - ГЛАВА I
  - ГЛАВА II
  - ГЛАВА XV
  - ГЛАВА XVIII
  - ГЛАВА XIX
  - ГЛАВА XXI
  - ГЛАВА XXII
  - ГЛАВА XXIII
- Т. ГОББС
  -
  - ЧАСТЬ II. О ГОСУДАРСТВЕ ГЛАВА XVII
  - ГЛАВА XIX
- ЛЖ. ЛОКК. ДВА ТРАКТАТА О ПРАВЛЕНИИ[4]
  -
  - КНИГА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА III
  - ГЛАВА VII
  - ГЛАВА VIII
  - ГЛАВА IX
- М. ВЕБЕР. ПОЛИТИКА КАК ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ[5]
  -
- СОВРЕМЕННАЯ ДИСКУССИЯ
  - В. ВОЛКОВ. МОНОПОЛИЯ НА НАСИЛИЕ[7]
  - С. ХОЛМС. ЧЕМУ РОССИЯ УЧИТ НАС ТЕПЕРЬ?[8]
  - В. В. ПУТИН. ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ, 2000 год[9]
  - В. В. ПУТИН. ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ, 2005 год
- ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ

○ 2. ЧТО ТАКОЕ ЭЛИТЫ?

-
- Г. МОСКА. ПРАВЯЩИЙ КЛАСС[10]
- В. ПАРЕТО. КОМПЕНДИУМ ПО ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ[11]
  -
  - 792. ЭЛИТЫ И ИХ ЦИРКУЛЯЦИИ
- СОВРЕМЕННАЯ ДИСКУССИЯ
- ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ

- 3. СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО И МОДЕРНИЗАЦИЯ
  -
  - Т. ПАРСОНС. СИСТЕМА СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ[13]
  - Т. Ф. ЛИРИ. СЕМЬ ЯЗЫКОВ БОГА[14]
    -
    - ВВЕДЕНИЕ
    - ИНЖЕНЕРИЯ ХАОСА
    - ХАОС СНАРУЖИ
    - ХАОС ВНУТРИ
    - ГУМАНИЗМ: НАВИГАЦИОННЫЙ ПЛАН ИГРЫ
  - В. М. СЕРГЕЕВ, Н. И. БИРЮКОВ В ЧЕМ СЕКРЕТ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА?[15]
  - С. ХАНТИНГТОН. СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ[16]
  - К. МАРКС. ВОСЕМНАДЦАТОЕ БРЮМЕРА ЛУИ БОНАПАРТА[17]
    -
    - ЧАСТЬ II
    - ЧАСТЬ III
    - ЧАСТЬ VI
    - ЧАСТЬ VII
  - Р. ДАЛЬ. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И УТВЕРЖДЕНИЯ ПОЛИАРХИЙ[24]
    -
    - ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ НАД СИЛОВЫМ ПРИНУЖДЕНИЕМ
    - ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ СОСТОЯНИЯ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ВОЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
    - УКРОЩЕНИЕ СИЛОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ
    - СОВРЕМЕННОЕ ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКИ ОРГАНИЗОВАННОЕ ОБЩЕСТВО
    - ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОКРАТИИ В МИРЕ
  - Л. РАСТОУ. ПЕРЕХОДЫ К ДЕМОКРАТИИ[25]
  - А. ПШЕВОРСКИЙ. ДЕМОКРАТИЯ И РЫНОК[26]
    -
    - ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ
    - ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ
  - СОВРЕМЕННАЯ ДИСКУССИЯ
  - ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ
- 4. ЧТО ТАКОЕ ДЕМОКРАТИЯ?
  -

- РЕЧЬ ПЕРИКЛА О ДОСТОИНСТВАХ АФИНЯН
- Ж. Ж. РУССО. ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ДОГОВОРЕ, ИЛИ ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРАВА[28]
  -
  - КНИГА ПЕРВАЯ
  - КНИГА ВТОРАЯ
  - КНИГА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА IX
- А. де ТОКВИЛЬ. ДЕМОКРАТИЯ В АМЕРИКЕ[29]
  -
  - КНИГА ВТОРАЯ.
    - ГЛАВА I
    - ГЛАВА II
    - ГЛАВА III
- А. ЛИНКОЛЬН. ГЕТТИСБЕРГСКАЯ РЕЧЬ[31]
- И. ШУМПЕТЕР КАПИТАЛИЗМ, СОЦИАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ[32]
  -
  - ГЛАВА XXII
- Т. Л. КАРЛ, Ф. ШМИТТЕР. ЧТО ЕСТЬ ДЕМОКРАТИЯ?[33]
- СОВРЕМЕННАЯ ДИСКУССИЯ
- ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ

○ 5. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ
-
- М. Я. ОСТРОГОРСКИЙ ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ[34]
  -
  - КНИГА ШЕСТАЯ
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - IX
  - X
  - XI
- Р. МИХЕЛЬС. СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИИ[35]
- М. ДЮВЕРЖЕ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ[36]
  -
  - ВВЕДЕНИЕ
  - ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ И ПАРЛАМЕНТСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАРТИЙ
  - ВНЕШНЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАРТИЙ

- КНИГА ВТОРАЯ. ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ
  - ГЛАВА I
  - I. Двухпартийность
  - II. Многопартийность
- ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ

○ 6. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ

-
- КОНСЕРВАТИЗМ
  - Э. БЁРК РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ[37]
    -
    - ИСТИННАЯ СУТЬ ПРАВЛЕНИЯ
  - А. де ТОКВИЛЬ. СТАРЫЙ ПОРЯДОК И РЕВОЛЮЦИЯ[40]
    -
    - ПРЕДИСЛОВИЕ
    - КНИГА ТРЕТЬЯ
  - И. ИЛЬИН. НАШИ ЗАДАЧИ[41]
    -
    - РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ БЫЛА КАТАСТРОФОЙ
    - РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ БЫЛА БЕЗУМИЕМ
- ЛИБЕРАЛИЗМ
  - ДЖ. С. МИЛЛЬ. О СВОБОДЕ[42]
    -
    - ГЛАВА I
  - Л. ФОН МИЗЕС ЛИБЕРАЛИЗМ В КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ[43]
    -
    - ВВЕДЕНИЕ
      - 1. ЛИБЕРАЛИЗМ
      - 2. МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ
      - 3. РАЦИОНАЛИЗМ
      - 4. ЦЕЛЬ ЛИБЕРАЛИЗМА
- СОЦИАЛИЗМ (СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ)
  - К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС. МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ[44]
    -
    - I. БУРЖУА И ПРОЛЕТАРИИ[45]
  - В. БРАНДТ. ПРОГРАММНЫЕ ОСНОВЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА
- ПРАВЫЙ И ЛЕВЫЙ РАДИКАЛИЗМ

- С. НЕЧАЕВ. КАТЕХИЗИС РЕВОЛЮЦИОНЕРА (1869 г.)[51]
  -
  - ОТНОШЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА К САМОМУ СЕБЕ
  - ОТНОШЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА К ТОВАРИЩАМ ПО РЕВОЛЮЦИИ
  - ОТНОШЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА К ОБЩЕСТВУ
  - ОТНОШЕНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА К НАРОДУ
- М. А. БАКУНИН. ФЕДЕРАЛИЗМ, СОЦИАЛИЗМ И АНТИТЕОЛОГИЗМ (1867 г.)[52]
- В. И. ЛЕНИН. ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ
  -
  - УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА О ГОСУДАРСТВЕ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА В РЕВОЛЮЦИИ
    - 1. Государство – продукт непримиримости классовых противоречий
    - 2. Особые отряды вооруженных людей, тюрьмы и пр.
    - 3. Государство – орудие эксплуатации угнетенного класса
- Б. МУССОЛИНИ. ДОКТРИНА ФАШИЗМА (1932 г.)[53]
- ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ

○ 7. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ГОСУДАРСТВА
-
- «ФЕДЕРАЛИСТ», ПИСЬМО № 51[54]
- СОВРЕМЕННАЯ ДИСКУССИЯ
  - М. ШУГАРТ, Л. КЭРИ. ПРЕЗИДЕНТЫ И АССАМБЛЕИ[55]
  - А. МИГРАНЯН. РОССИЯ: ОТ ХАОСА К ПОРЯДКУ?[56]
  - КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
- ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ

○ 8. ИТОГИ РОССИЙСКОГО ПЕРЕХОДА – ОТ ГОРБАЧЕВА ДО ПУТИНА

- М. С. ГОРБАЧЕВ. ИСТОРИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ БЕЗ МЕНЯ, НО ВМЕСТЕ СО МНОЙ…
- Б. Н. ЕЛЬЦИН ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО ТВ 31 ДЕКАБРЯ 1999 ГОЛА
- В. В. ПУТИН. ВЫСТУПЛЕНИЕ ПЕРЕД ДОВЕРЕННЫМИ ЛИЦАМИ
- А. ШЛЯЙФЕР, Л. ТРЕЙЗМАН РОССИЯ – НОРМАЛЬНАЯ СТРАНА[58]
- В. ТРЕТЬЯКОВ. ДИАГНОЗ: УПРАВЛЯЕМАЯ ДЕМОКРАТИЯ[59]
- ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ

○ 9. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В. В. ПУТИНА

- В. В. ПУТИН. ТЕЛЕВИЗИОННОЕ ОБРАЩЕНИЕ К ГРАЖДАНАМ РОССИИ
- Н. ПЕТРОВ. ФЕДЕРАЛИЗМ ПО-РОССИЙСКИ[60]
  - ЦЕНТР – РЕГИОНЫ: НОВЕЙШИЕ СДВИГИ
- К. МАЦУЗАТО. ФЕНОМЕН ВЛАДИМИРА ПУТИНА И РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ[61]
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
- В. В. ПУТИН. ВЫСТУПЛЕНИЕ НА РАСШИРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА С УЧАСТИЕМ ГЛАВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 13 СЕНТЯБРЯ 2004 ГОЛА
- В. В. ПУТИН. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА РАСШИРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА С УЧАСТИЕМ ГЛАВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
- А. ЛЕЙПХАРТ. КОНСТИТУЦИОННЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ЛЛЯ НОВЫХ ДЕМОКРАТИЙ[62]
- Г. В. ГОЛОСОВ, А. В. ЛИХТЕНШТЕЙН. «ПАРТИИ ВЛАСТИ» И РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ЛИЗАЙН: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ[63]
  - ПАРТИЯ БОЛЬШИНСТВА: РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ
  - РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА
  - ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ
  - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
- А. ФИЛИППОВ. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ В РОССИИ[64]

- ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ
- 10. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
  -
  - О. БИСМАРК. МЫСЛИ И ВОСПОМИНАНИЯ[65]
  - А. ЛЖ. ТОЙНБИ. МИР И ЗАПАЛ[80]
    -
    - РОССИЯ И ЗАПАД
  - СОВРЕМЕННАЯ ДИССКУСИЯ
    - ЗБИГНЕВ БЖЕЗИНСКИЙ ВЕЛИКАЯ ШАХМАТНАЯ ЛОСКА[90]
      -
      - ВВЕДЕНИЕ. ПОЛИТИКА СВЕРХДЕРЖАВЫ
      - ГЛАВА I. ГЕГЕМОНИЯ НОВОГО ТИПА
      - ГЛАВА II. ЕВРАЗИЙСКАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА
      - ГЛАВА IV. ЧЕРНАЯ ДЫРА
    - С. ХАНТИНГТОН. СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ?[91]
      -
      - МОДЕЛЬ ГРЯДУЩЕГО КОНФЛИКТА
      - ПРИРОДА ЦИВИЛИЗАЦИЙ
      - ПОЧЕМУ НЕИЗБЕЖНО СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ?
      - ЗАПАД ПРОТИВ ОСТАЛЬНОГО МИРА
      - ВЫВОДЫ ДЛЯ ЗАПАДА
    - УСТАВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
      -
      - ГЛАВА I. ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ
      - ГЛАВА V. СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ
        - Состав
        - Функции и Полномочия
        - Голосование
      - ГЛАВА VII. ДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ УГРОЗЫ МИРУ, НАРУШЕНИЙ МИРА И АКТОВ АГРЕССИИ
    - КОНЦЕПЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
      - I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ
      - II. СОВРЕМЕННЫЙ МИР И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

- СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США
- В. В. ПУТИН. ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ, 2000 год
- В. В. ПУТИН. ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ, 2002 год
- ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ

11. СУВЕРЕНИТЕТ НАЦИЙ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

-
- К. ШМИТТ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ. ЧЕТЫРЕ ГЛАВЫ К УЧЕНИЮ О СУВЕРЕНИТЕТЕ[92]
  -
  - I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА
- Б. АНДЕРСОН. ВООБРАЖАЕМЫЕ СООБЩЕСТВА[98]
  -
  - ВВЕДЕНИЕ
- Г. НОДИЯ. ДЕМОКРАТИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ[99]
- А. ЗИНОВЬЕВ. НА ПУТИ К СВЕРХОБЩЕСТВУ[100]
  -
  - НА ПУТИ К ГЛОБАЛЬНОМУ ЧЕЛОВЕЙНИКУ
  - ЗАПАДНИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
- У. БЕК. ЧТО ТАКОЕ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ?[101]
  -
  - ЧАСТЬ I. ВВЕДЕНИЕ
    - I. Виртуальные налогоплательщики
    - II. Национальное государство между мировой экономикой и индивидуализацией утрачивает свой суверенитет: что делать?
  - ЧАСТЬ II. ЧТО ИМЕЕТ В ВИДУ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ? ИЗМЕРЕНИЯ, КОНТРОВЕРЗЫ, ДЕФИНИЦИИ
- ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50

- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94

- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102

А. В. Филиппов, В. Д. Нечаев
Вся политика. Хрестоматия

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ВЫСШАЯ ШКОЛА УПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Не спрашивай, что твоя страна может для тебя сделать; спроси, что ты можешь сделать для своей страны.

Дж. Ф. Кеннеди

Поражение – горькая вещь.

Какой смысл объяснять причину поражения?

Люди не любят поражений, равно как они не любят оправданий, какими бы подробными и вразумительными они ни были.

На поражение есть только один ответ.

Единственным ответом на поражение является победа.

У. Черчилль 1941 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга адресована тем, кто не изучал политические науки в высшей школе. Однако политические знания требуются не только тем, кто посвящает жизнь наблюдению, комментированию, анализу и исследованию политических процессов.

Рядовому гражданину – именно для того, чтобы быть гражданином, – нужен довольно солидный запас сведений о политической сфере жизни общества вообще и своей родной страны в особенности.

Для того чтобы получить необходимый минимум знаний, нашему гражданину придется прочитать несколько десятков статей и книг, не все из которых найдутся в ближайшей библиотеке. Наша цель состоит в том, чтобы собрать под одной обложкой выбранные места из трудов классиков политической науки и современных авторов, снабдив их минимально необходимыми пояснениями и объединив в связный и удобочитаемый текст, предоставляющий читателю начальные сведения о современной российской политике.

Как читать эту хрестоматию? В начале каждой главы ее логику построения и мотивы выбора цитат объясняют вводные тексты от редакции. В каждой главе, посвященной крупному вопросу или проблеме, после теоретических работ вы найдете раздел *«Современная дискуссия».* Там собраны цитаты из законодательных актов, выступлений Президента России и действующих политиков. Высказывания политиков и экспертов размещены также во «врезках» в основном тексте. Таким образом мы постарались показать наличный спектр мнений. Это сделано для того, чтобы каждому стала понятна связь между теорией и практикой принятия политических решений. Как нам представляется, после прочтения хрестоматии у вас изменится отношение к **принимаемым в государстве решениям. Не в том смысле, что вы начнете их разделять, но станете понимать их логику.**

Мы начнем с базовых понятий – что такое политика, что такое государство, что такое власть и что такое правящие элиты. Затем мы ознакомимся с понятиями о современных обществах и о модернизации. На этой основе мы перейдем к крупнейшему политическому достижению современных обществ – демократии. Узнав, что такое демократия, мы ознакомимся со сравнительно новой, но бурно развивающейся и уже обзаведшейся собственными классиками политологической дисциплиной – теорией перехода к демократии (транзитологией). Отдельно мы

остановимся на двух связанных с проблемой перехода к демократии проблемах – национализма (в его соотношении с демократией) и роли государственности в обеспечении демократии и прав человека.

Опираясь на эту теоретическую базу, мы на примере наиболее интересных высказываний показываем, как происходил переход в нашей стране и к установлению какого режима он привел к настоящему времени. В отдельной главе мы познакомимся с политическим содержанием действующей Конституции Российской Федерации – институциональной базы современной российской политики. Затем, опираясь на знания о демократии и транзитологии, мы рассмотрим суть происходящей политической реформы.

Никакое государство не существует в одиночку – оно всегда включено в мировую систему государств. Поэтому мы включили разделы о существующих теориях международных отношений, ведущих концепциях складывающегося нового мирового порядка, месте, которое Россия стремится занять в мире.

Читайте на здоровье и постарайтесь понять, в каком мире вы живете, в какой стране, в каком сложном обществе. Будьте гражданами России!

1. ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВО?

Наиболее распространенные и часто употребляемые людьми слова, как правило, одновременно имеют и наиболее размытые и расплывчатые значения. К ним относится и слово «политика». **«Мы хорошо знаем, что это такое, до тех пор, пока нас об этом не спросят», –** заметил по этому поводу известный языковед В. А. Успенский.

Рассуждения политического философа древност Аристотеля приводят нас к мысли о смысле существования государства (соблюдения справедливости и законности) и о вреде крайностей в правлении. Опасна как абсолютная единоличная власть, так и неограниченная власть народа – и то и другое чревато потерей законности.

Первый «политический советник» и «политтехнолог» Макиавелли известен своими циничными рассуждениями об управлении народом. Однако нас здесь в большей степени интересует другая сторона его мысли – государь (государство) должен использовать все имеющиеся в его распоряжении средства, когда речь идет о защите свободы и безопасности страны.

Политические философы эпохи Просвещения Т. Гоббс и Дж. Локк – создатели теории общественного договора, согласно которой общество и государство возникают из «естественного состояния». Сопоставление их книг дает нам представление об эволюции отношения к государству самих граждан: Гоббс теоретически обосновывает абсолютную власть, спасающую людей от «войны всех против всех», а Дж. Локк ставит абсолютного монарха вне гражданского общества.

М. Вебер – классик политической науки XX века. Именно его подход к понятиям «политика» и «власть» считается на сегодняшний день наиболее взвешенным и принятым.

В рамках раздела **«Современная дискуссия»** в этой главе мы приводим статью отечественного социолога В. Волкова о «реконструкции государства» в России – она покажет вам, насколько близки теоретические работы Вебера к современности и как «исчезновение» государства в смутное время предыдущих 20 лет едва не привело к трагическим последствиям. О том же пишет американский исследователь Холмс: **«На примере нынешней России становится до боли ясно: несостоятельность государства угрожает либеральным**

ценностям столь же серьезно, как и деспотическая власть».

Цитаты из Посланий В. Путина Федеральному Собранию России определяют политику в этом направлении. Постарайтесь понять их и как определяющие документы политического курса страны, и как выступления действующего политика.

АРИСТОТЕЛЬ. ПОЛИТИКА [1]

Аристотель (384—322 до н.э.) – великий греческий философ и политический мыслитель. С именами Платона и Аристотеля связано зарождение политической науки.

На фреске Рафаэля «Афинская школа» изображен спор великих мыслителей: Платон указует на небо, Аристотель – на землю. Это метафорически изображает противоположность их устремлений, в том числе и в сфере познания политики: Платон создал грандиозное сочинение об идеальном государстве, в то время как Аристотель анализировал существующие государства; перед написанием трактата «Политика» им и его учениками были составлены описания политического строя 147 городов-государств.

Аристотель утверждал, что человек, будучи «политическим животным», несет в себе инстинктивное стремление к совместному сожительству: развитие общества идет от семьи к общине, а от нее к государству (полису). Государство (по Аристотелю) существует ради «лучшей жизни» своих граждан.

Наибольшее влияние на последующую политическую мысль оказала созданная Аристотелем классификация форм государственного устройства. По сей день публицисты любят цитировать суждения великого эллина о среднем слое как лучшей основе государства.

Формы государственного устройства Аристотель определял по двум основаниям: число правящих и цель правления. В зависимости от этого он выделял три «правильных» формы правления (монархия, аристократия, полития), при которых правители имеют в виду общую пользу, и три «неправильных» (тирания, олигархия, демократия), преследующие лишь личное благо правителей. Формы государственного устройства Аристотель связывал с их «принципами»: принцип аристократии – добродетель, олигархии – богатство, демократии – свобода. Политик», которая включает все три принципа, философ считает наилучшей формой правления, так как она объединяет интересы зажиточных и неимущих. Полития – «средняя» форма государства, и «средний» элемент в ней доминирует во всем: в нравах – умеренность, в имуществе – средний достаток, во властвовании – средний слой.

КНИГА ПЕРВАЯ (А)

I. 1. Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение

организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством ИЛИ общением политическим. ‹…›

2. ‹…› Соответственно общение, естественным путем возникшее для удовлетворения повседневных надобностей, есть семья. ‹…›

7. Общение, состоящее из нескольких семей и имеющее целью обслуживание не кратковременных только потребностей, – селение. ‹…›

8. Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичные общения: оно является завершением их, в завершении же сказывается природа. ‹…›

9. Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое. ‹…›

КНИГА ТРЕТЬЯ (Г)

I.2. Ввиду того, что государство представляет собой нечто составное, подобное всякому целому, но состоящему из многих частей, ясно, что сначала следует определить, что такое гражданин (polites), ведь государство есть совокупность граждан. Итак, должно рассмотреть, кого следует называть гражданином и что такое гражданин. ‹…›

5. ‹…› Мы же считаем гражданами тех, кто участвует в суде и в народном собрании. Примерно такое определение понятия гражданина лучше всего подходит ко всем тем, кто именуется гражданами.

II.1. ‹…› Гражданин, говорим мы, находится в таком же отношении к государству, в каком моряк на судне – к остальному экипажу. Хотя моряки на судне занимают неодинаковое положение ‹…› благополучное плавание – цель, к которой стремятся все моряки в совокупности и каждый из них в отдельности.

2. То же самое и по отношению к гражданам: хотя они и не одинаковы, все же их задача заключается в спасении

составляемого ими общения, а общением этим является государственный строй. ‹…›

IV.1. ‹…› Государственное устройство (politeia) – это распорядок в области организации государственных должностей вообще, и в первую очередь верховной власти: верховная власть повсюду связана с порядком государственного управления, а последний и есть государственное устройство. Я имею в виду, например, то, что в демократических государствах верховная власть – в руках народа; в олигархиях, наоборот, в руках немногих; поэтому и государственное устройство в них мы называем различным. С этой точки зрения мы будем судить и об остальном.

V.1. Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. ‹…›

2. Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих, но более чем одного – аристократией (или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит); а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства, – полития. ‹…›

4. Отклонения от указанных устройств следующие: от царской власти – тирания, от аристократии – олигархия, от политии – демократия. Тирания – монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия – выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет. ‹…›

5. Тирания, как мы сказали, есть деспотическая монархия в области политического общения; олигархия – тот вид, когда верховную власть в государственном управлении имеют владеющие собственностью; наоборот, при демократии эта власть сосредоточена не в руках тех, кто имеет большое состояние, а в руках неимущих. ‹…›

7. Итак, из приведенных соображений, по-видимому, вытекает следующее: тот признак, что верховная власть находится либо в руках меньшинства, либо в руках большинства, есть признак случайный и при определении того, что такое олигархия, и при определении того, что такое демократия, так как повсеместно состоятельных бывает меньшинство, а неимущих большинство; значит, этот признак не может служить основой указанных выше различий. То, чем различаются демократия и

олигархия, есть бедность и богатство; вот почему там, где власть основана – безразлично, у меньшинства или большинства – на богатстве, мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие, там перед нами демократия. ‹…›

VI.4. ‹…› А то положение, что предпочтительнее, чтобы верховная власть находилась в руках большинства, нежели меньшинства, хотя бы состоящего из наилучших, может считаться, по-видимому, удовлетворительным решением вопроса и заключает в себе некое оправдание, а пожалуй, даже и истину. Ведь может оказаться, что большинство, из которого каждый сам по себе и не является дельным, объединившись, окажется лучше тех, не порознь. ‹…›

6. ‹…› Над чем, собственно, должна иметь верховную власть масса свободнорожденных граждан, т. е. все те, кто и богатством не обладает, и не отличается ни одной выдающейся добродетелью? Допускать таких к занятию высших должностей небезопасно: не обладая чувством справедливости и рассудительностью, они могут поступать то несправедливо, то ошибочно. С другой стороны, опасно и устранять их от участия во власти: когда в государстве много людей лишено политических прав, когда в нем много бедняков, такое государство неизбежно бывает переполнено враждебно настроенными людьми. Остается одно: предоставить им участвовать в совещательной и судебной власти.

Политика – слишком серьезное дело, чтобы ей занимались одни политики.

Шарль де Голль

12. ‹…› Ведь властью является не член суда, не член совета, не член народного собрания, но суд, совет и народное собрание; каждый из поименованных членов представляет собой только составную часть самих учреждений ‹…›, так что народная масса с полным правом имеет в своих руках верховную власть над более важными делами: и народное собрание, и совет, и суд состоят из многих, да и имущественный ценз всех, вместе взятых, превышает имущественный ценз каждого в отдельности или немногих, занимающих высокие посты в государстве.

VII.8. ‹…› Равным образом справедливы и притязания большинства предпочтительно перед меньшинством, потому что большинство во всей его совокупности и сильнее, и богаче, и лучше по сравнению с меньшинством. ‹…›

XI.3. Поэтому справедливость требует, чтобы все равные властвовали в той же мере, в какой они подчиняются, и чтобы

каждый поочередно то повелевал, то подчинялся. Здесь мы уже имеем дело с законом, ибо порядок и есть закон. Поэтому предпочтительнее, чтобы властвовал закон, а не кто-либо один из среды граждан. На том же самом основании, даже если будет признано лучшим, чтобы власть имели несколько человек, следует назначать этих последних стражами закона и его слугами. ‹…›

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ (Д)

II.1. В нашем предыдущем рассуждении о видах государственного устройства мы распределили их так: три вида правильные – царская власть, аристократия, полития – и три отклоняющиеся от них, тирания – от царской власти, олигархия – от аристократии, демократия – от политии. ‹…›

IX.1. Какой же вид государственного устройства наилучший? ‹…›

3. ‹…› В каждом государстве есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посредине между теми и другими. ‹…› Люди первого типа становятся по преимуществу наглецами и крупными мерзавцами. Люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами. А из преступлений одни совершаются из-за наглости, другие – вследствие подлости. Сверх того, люди обоих этих типов не уклоняются от власти, но ревностно стремятся к ней, а ведь и то и другое приносит государствам вред.

Искусство политики – это искусство делать так, чтобы каждому было выгодно быть добродетельным.

Клод Адриан Гельвеций

8. Итак, ясно, что наилучшее государственного общение – то, которое достигается посредством средних, и те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большем количестве, где они – в лучшем случае – сильнее обеих крайностей или по крайней мере каждой из них в отдельности. Соединившись с той или другой крайностью, они обеспечивают равновесие и препятствуют перевесу противников. Поэтому величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной; а в тех случаях, когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания, именно под влиянием противоположных крайностей. Ведь тирания образуется как из

чрезвычайно распущенной демократии, так и из олигархии, значительно реже – из средних видов государственного строя. ‹…›

КНИГА ПЯТАЯ (E)

I.4. ‹…› государственные перевороты встречаются двоякого рода: иногда посягают на существующее государственное устройство, чтобы заменить его другим, например, демократическое – олигархическим, олигархическое – демократическим, олигархию и демократию – аристократией и политией или наоборот; иногда на существующее государственное устройство не посягают, оно остается прежним, но стремятся сами взять в свои руки правление, например, в олигархии или монархии.

6. ‹…› Вообще повсюду причиной возмущений бывает отсутствие равенства, коль скоро ему не соответствует действительное неравенство, ведь и пожизненная царская власть есть неравенство, если она имеется среди равных. И возмущения поднимаются вообще ради достижения равенства. ‹…›

КНИГА СЕДЬМАЯ (H)

II.3. Итак, ясно, что наилучшим государственным строем должно признать такой, организация которого дает возможность всякому человеку благоденствовать и жить счастливо. Но даже те, которые согласны в том, что всего более предпочтительна жизнь, согласная с требованиями добродетели, спорят, чему отдать предпочтение: политической ли и практически деятельной жизни или такой жизни, которая свободна от всякой внешней деятельности, например, той созерцательной жизни, какую некоторые только и считают достойной философа. Легко видеть, что люди, всего выше ставящие достоинство и честь, почти всегда избирают один из этих двух образов жизни – практически деятельный и философский; так было раньше, так обстоит дело и теперь.

IV.2. ‹…› Первым условием для обеспечения существования государства является совокупность граждан; возникает вопрос, как велико должно быть их количество, какие они должны иметь природные качества, точно так же какого размера должна быть территория и каковы должны быть ее свойства.

5. Опыт подсказывает, однако, как трудно, чтобы не сказать невозможно, слишком многонаселенному государству управляться хорошими законами; по крайней мере мы видим, что все те государства, чье устройство слывет прекрасным, не

допускают чрезмерного увеличения своего народонаселения. ‹…›

VII.4. Итак, мы должны перечислить задачи государства, и тогда вопрос станет ясным. Должно быть прежде всего пропитание; затем – ремесла (человеческая жизнь нуждается во многих орудиях); в-третьих, оружие (оружие необходимо для участников государственного общения как для поддержания власти против неповинующихся внутри государства, так и против внешних врагов, если они попытаются нанести обиду); также известный запас денежных средств для собственных надобностей и для военных нужд; в-пятых, и это прежде всего, попечение о религиозном культе, то есть то, что называется жречеством; в-шестых по счету, но самое необходимое – решение о том, что полезно и что справедливо в отношениях граждан между собой.

XII.1. ‹…› Благо при всех обстоятельствах зависит от соблюдения двух условий: одно из них – правильное установление задачи и конечной цели всякого рода деятельности, второе – отыскание всякого рода средств, ведущих к конечной цели. Может случиться, что оба этих требования будут противоречить друг другу, и может случиться, что они будут совпадать, ведь иногда цель определена прекрасно, но совершаются ошибки в средствах, ведущих к ее достижению; в другой раз имеются все средства, ведущие к достижению цели, но сама цель поставлена плохо. ‹…›

Н. МАКИАВЕЛЛИ. ГОСУДАРЬ [2]

Макиавелли Никколо (1469—1527) – итальянский политический мыслитель, историк, литератор, политик и дипломат, в 1498—1512 гг. – секретарь Совета десяти Флорентийской республики. После государственного переворота во Флоренции и установления тирании Медичи был сослан в свое имение. Автор трактатов «Рассуждение на первую декаду Тита Ливия», «Государь», «История Флоренции», песен, сонетов, новелл и комедий.

Макиавелли впервые в Европе подошел к политике со светских, а не богословских позиций, в связи с чем его часто именуют основателем или открывателем политической науки. В «Государе» он пытался сформулировать правила политического искусства, которые необходимы для создания сильного государства. При этом Макиавелли за аксиому принимал тезис о том, что народ невежественен, а гражданские добродетели – достояние немногих. Для достижения политической цели, считает Макиавелли, допустимы все средства. В своей частной жизни государь должен руководствоваться общепринятыми нормами поведения, но он может не считаться с требованиями морали, если его действия направляются заботой о процветании и могуществе государства. «Когда речь идет о спасении родины, не следует принимать во внимание никакие соображения о том, что справедливо и что несправедливо, что милосердно и что жестоко, что похвально и что позорно, но необходимо, забыв обо всем прочем, действовать так, чтобы спасти ее существование, ее свободу». Следовательно, политику и политические деяния нельзя судить с нравственных позиций.

От имени мыслителя возник термин «макиавеллизм», которым обозначается поведение, пренебрегающее нормами морали для достижения политических целей. Суть макиавеллизма – «цель оправдывает средства», и вероломство, коварство, жестокость считаются оправданными и приемлемыми, если служат достижению политической цели.

ГЛАВА I
СКОЛЬКИХ ВИДОВ БЫВАЮТ ГОСУДАРСТВА И КАК ОНИ ПРИОБРЕТАЮТСЯ

Все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, были и суть либо республики, либо

государства, управляемые единовластно. Последние могут быть либо унаследованными – если род государя правил долгое время, либо новыми. Новым может быть либо государство в целом – таков Милан для Франческо Сфорца; либо его часть, присоединенная к унаследованному государству вследствие завоевания – таково Неаполитанское королевство для короля Испании. Новые государства разделяются на те, где подданные привыкли повиноваться государям, и те, где они искони жили свободно; государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием, либо милостью судьбы, либо доблестью.

ГЛАВА II
О НАСЛЕДСТВЕННОМ ЕДИНОВЛАСТИИ

‹…› Здесь я перейду прямо к единовластному правлению и, держась намеченного выше порядка, разберу, какими способами государи могут управлять государствами и удерживать над ними власть.

Всякая власть развращает; абсолютная власть развращает абсолютно.

Джон Эктон

‹…› Ибо у государя, унаследовавшего власть, меньше причин и меньше необходимости притеснять подданных, почему они и платят ему большей любовью, и если он не обнаруживает чрезмерных пороков, вызывающих ненависть, то закономерно пользуется благорасположением граждан. Давнее и преемственное правление заставляет забыть о бывших некогда переворотах и вызвавших их причинах, тогда как всякая перемена прокладывает путь другим переменам.

ГЛАВА XV
О ТОМ, ЗА ЧТО ЛЮДЕЙ, В ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРЕЙ, ВОСХВАЛЯЮТ ИЛИ ПОРИЦАЮТ

‹…› Государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности.

Если же говорить не о вымышленных, а об истинных свойствах государей, то надо сказать, что во всех людях, а особенно в государях, стоящих выше прочих людей, замечают те или иные качества, заслуживающие похвалы или порицания. ‹…›

Что может быть похвальнее для государя, нежели соединять в себе все лучшие из перечисленных качеств? Но раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же – воздерживаться по мере сил, но не более. И даже пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность.

ГЛАВА XVIII
О ТОМ, КАК ГОСУДАРИ ДОЛЖНЫ ДЕРЖАТЬ СЛОВО

Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямодушие и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность.

Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя. ‹…›

Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру. Однако натуру эту надо еще уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так

простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить. ‹…›

‹…› Надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым – и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранять готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо. Следует понимать, что государь, особенно новый, не может исполнять все то, за что людей почитают хорошими, так как ради сохранения государства он часто бывает вынужден идти против своего слова, против милосердия, доброты и благочестия. Поэтому в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, т. е., как было сказано, по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла.

Итак, государь должен бдительно следить за тем, чтобы с языка его не сорвалось слова, не исполненного пяти названных добродетелей. Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстанет как само милосердие, верность, прямодушие, человечность и благочестие, особенно благочестие. Ибо люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками – немногим. Каждый знает, каков ты с виду, немногим известно, каков ты на самом деле, и эти последние не посмеют оспорить мнение большинства, за спиной которого стоит государство. О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобрят, ибо чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит государство. Один из нынешних государей, которого воздержусь называть, только и делает, что проповедует мир и верность, на деле же тому и другому злейший враг; но если бы он последовал тому, что проповедует, то давно лишился бы либо могущества, либо государства.

ГЛАВА XIX
О ТОМ, КАКИМ ОБРАЗОМ ИЗБЕГАТЬ НЕНАВИСТИ И ПРЕЗРЕНИЯ

‹…› Государь ‹…› должен следить за тем, чтобы не совершить ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных. Если в этом он преуспеет, то свое дело он сделал, и прочие его пороки не представят для него никакой опасности.

Ненависть государи возбуждают хищничеством и посягательством на добро и женщин своих подданных. Ибо большая часть людей довольна жизнью, пока не задеты их честь или имущество; так что недовольным может оказаться лишь небольшое число честолюбцев, на которых нетрудно найти управу. Презрение государи возбуждают непостоянством, легкомыслием, изнеженностью, малодушием и нерешительностью. Этих качеств надо остерегаться как огня, стараясь, напротив, в каждом действии являть великодушие, бесстрашие, основательность и твердость. Решения государя касательно частных дел подданных должны быть бесповоротными, и мнение о нем должно быть таково, чтобы никому не могло прийти в голову, что можно обмануть или перехитрить государя. К правителю, внушившему о себе такое понятие, будут относиться с почтением; а если известно, что государь имеет выдающиеся достоинства и почитаем своими подданными, врагам труднее будет напасть на него или составить против него заговор. Ибо государя подстерегают две опасности – одна изнутри, со стороны подданных, другая извне – со стороны сильных соседей. С внешней опасностью можно справиться при помощи хорошего войска и хороших союзников; причем тот, кто имеет хорошее войско, найдет и хороших союзников. А если опасность извне будет устранена, то и внутри сохранится мир при условии, что его не нарушат тайные заговоры. Но и в случае нападения извне государь не должен терять присутствия духа, ибо, если образ его действий был таков, как я говорю, он устоит перед любым неприятелем. ‹…›

Что же касается подданных, то когда снаружи мир, единственное, чего следует опасаться, – это тайные заговоры. Главное средство против них – не навлекать на себя ненависти и презрения подданных и быть угодным народу, чего добиться необходимо, как о том подробно сказано выше. Из всех способов предотвратить заговор самый верный – не быть ненавистным народу. Ведь заговорщик всегда рассчитывает на то, что убийством государя угодит народу; если же он знает, что возмутит народ, у него не хватит духа пойти на такое дело. ‹…›

Короче говоря, на стороне заговорщика – страх, подозрение, боязнь расплаты; на стороне государя – величие власти, законы, друзья и вся мощь государства; так что если к этому присоединяется народное благоволение, то едва ли кто-нибудь осмелится составить заговор. Ибо заговорщику есть чего опасаться и прежде совершения злого дела, но в этом случае, когда против него народ, ему есть чего опасаться и после, ибо ему не у кого будет искать убежища. ‹…›

В заключение повторю, что государь может не опасаться заговоров, если пользуется благоволением народа, и, наоборот, должен бояться всех и каждого, если народ питает к нему вражду и ненависть. Благоустроенные государства и мудрые государи принимали все меры к тому, чтобы не ожесточать знать и быть угодными народу, ибо это принадлежит к числу важнейших забот тех, кто правит.

В наши дни хорошо устроенным и хорошо управляемым государством является Франция. В ней имеется множество полезных учреждений, обеспечивающих свободу и безопасность короля, из которых первейшее – парламент с его полномочиями. Устроитель этой монархии, зная властолюбие и наглость знати, считал, что ее необходимо держать в узде; с другой стороны, зная ненависть народа к знати, основанную на страхе, желал оградить знать. Однако он не стал вменять это в обязанность королю, чтобы знать не могла обвинить его в потворстве народу, а народ – в покровительстве знати, и создал третейское учреждение, которое, не вмешивая короля, обуздывает сильных и поощряет слабых. Трудно вообразить лучший и более разумный порядок, как и более верный залог безопасности короля и королевства. Отсюда можно извлечь еще одно полезное правило, а именно: что дела, неугодные подданным, государи должны возлагать на других, а угодные – исполнять сами. ‹…›

Здесь уместно заметить, что добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными, поэтому государь, как я уже говорил, нередко вынужден отступать от добра ради того, чтобы сохранить государство, ибо если та часть подданных, чьего расположения ищет государь, – будь то народ, знать или войско, – развращена, то и государю, чтобы ей угодить, приходится действовать соответственно, и в этом случае добрые дела могут ему повредить. ‹…›

Но вернемся к обсуждаемому предмету. Рассмотрев сказанное выше, мы увидим, что главной причиной гибели императоров была либо ненависть к ним, либо презрение. ‹…›

ГЛАВА XXI
КАК НАДЛЕЖИТ ПОСТУПАТЬ ГОСУДАРЮ, ЧТОБЫ ЕГО ПОЧИТАЛИ

Ничто не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки. ‹…›

Величию государя способствуют также необычайные распоряжения внутри государства, ‹…› иначе говоря, когда кто-либо совершает что-либо значительное в гражданской жизни,

дурное или хорошее, то его полезно награждать или карать таким образом, чтобы это помнилось как можно дольше. Но самое главное для государя – постараться всеми своими поступками создать себе славу великого человека, наделенного умом выдающимся.

Государя уважают также, когда он открыто заявляет себя врагом или другом, т. е. когда он без колебаний выступает за одного против другого – это всегда лучше, чем стоять в стороне. Ибо когда двое сильных правителей вступают в схватку, то они могут быть таковы, что возможный победитель либо опасен для тебя, либо нет. В обоих случаях выгоднее открыто и решительно вступить в войну. ‹…›

И всегда недруг призывает отойти в сторону, тогда как друг зовет открыто выступить за него с оружием в руках. Нерешительные государи, как правило, выбирают невмешательство, чтобы избежать ближайшей опасности, и, как правило, это приводит их к крушению.

Зато если ты бесстрашно примешь сторону одного из воюющих и твой союзник одержит победу, то как бы ни был он могуществен и как бы ты от него ни зависел, он обязан тебе – люди же не настолько бесчестны, чтобы нанести удар союзнику, выказав столь явную неблагодарность. Кроме того, победа никогда не бывает полной в такой степени, чтобы победитель мог ни с чем не считаться и в особенности – мог попрать справедливость. Если же тот, чью сторону ты принял, проиграет войну, он примет тебя к себе и, пока сможет, будет тебе помогать, так что ты станешь собратом по несчастью тому, чье счастье, возможно, еще возродится.

Во втором случае, когда ни одного из воюющих не приходится опасаться, примкнуть к тому или к другому еще более благоразумно. Ибо с помощью одного ты разгромишь другого, хотя тому, будь он умнее, следовало бы спасать, а не губить противника; а после победы ты подчинишь союзника своей власти, он же благодаря твоей поддержке неминуемо одержит победу.

Здесь уместно заметить, что лучше избегать союза с теми, кто сильнее тебя, если к этому не понуждает необходимость. ‹…› Ибо в случае победы сильного союзника ты у него в руках, государи же должны остерегаться попадать в зависимость к другим государям. ‹…›

Государь должен также выказывать себя покровителем дарований, привечать одаренных людей, оказывать почет тем, кто отличился в каком-либо ремесле или искусстве. Он должен побуждать граждан спокойно предаваться торговле, земледелию и

ремеслам, чтобы одни благоустраивали свои владения, не боясь, что эти владения у них отнимут, другие – открывали торговлю, не опасаясь, что их разорят налогами; более того, он должен располагать наградами для тех, кто заботится об украшении города или государства. Он должен также занимать народ празднествами и зрелищами в подходящее для этого время года. Уважая цехи, или трибы, на которые разделен всякий город, государь должен участвовать иногда в их собраниях и являть собой пример щедрости и великодушия, но при этом твердо блюсти свое достоинство и величие, каковые должны присутствовать в каждом его поступке.

ГЛАВА XXII
О СОВЕТНИКАХ ГОСУДАРЕЙ

Немалую важность имеет для государя выбор советников, а каковы они будут, хороши или плохи, – зависит от благоразумия государей. Об уме правителя первым делом судят по тому, каких людей он к себе приближает; если это люди преданные и способные, то можно всегда быть уверенным в его мудрости, ибо он умел распознать их способности и удержать их преданность. Если же они не таковы, то и о государе заключат соответственно, ибо первую оплошность он уже совершил, выбрав плохих помощников. ‹…›

ГЛАВА XXIII
КАК ИЗБЕЖАТЬ ЛЬСТЕЦОВ

‹…› благоразумный государь должен избрать третий путь, а именно: отличив нескольких мудрых людей, им одним предоставить право высказывать все, что они думают, но только о том, что ты сам спрашиваешь, и ни о чем больше; однако спрашивать надо обо всем и выслушивать ответы, решение же принимать самому и по своему усмотрению. На советах с каждым из советников надо вести себя так, чтобы все знали, что, чем безбоязненнее они выскажутся, тем более угодят государю; но вне их никого не слушать, а прямо идти к намеченной цели и твердо держаться принятого решения. ‹…›

Таким образом, государь всегда должен советоваться с другими, но только когда он того желает, а не когда того желают другие; и он должен осаживать всякого, кто вздумает, непрошеный, подавать ему советы. Однако сам он должен широко обо всем спрашивать, о спрошенном терпеливо выслушивать правдивые ответы и, более того, проявлять беспокойство, замечая,

что кто-либо почему-либо опасается говорить ему правду. ‹…› правило, не знающее исключений, гласит: государю, который сам не обладает мудростью, бесполезно давать благие советы, если только такой государь случайно не доверится мудрому советнику, который будет принимать за него все решения. Но хотя подобное положение и возможно, ему скоро пришел бы конец, ибо советник сам сделался бы государем. Когда же у государя не один советник, то, не обладая мудростью, он не сможет примирить разноречивые мнения; кроме того, каждый из советников будет думать лишь о собственном благе, а государь этого не разглядит и не примет меры. Других же советников не бывает, ибо люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость. Отсюда можно заключить, что добрые советы, кто бы их ни давал, родятся из мудрости государей, а не мудрость государей родится из добрых советов.

Т. ГОББС
ЛЕВИАФАН, ИЛИ МАТЕРИЯ, ФОРМА И ВЛАСТЬ ГОСУДАРСТВА ЦЕРКОВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО [3]

Гоббс Томас (1588—1679) – английский философ и политический мыслитель, автор трилогии «Основа философии» и трактата «Левиафан». Гоббс определял государство как «искусственное тело», создаваемое «общественным договором» из «естественного состояния», когда люди жили разобщенно и находились в состоянии «войны всех против всех». В результате общественного договора права отдельных граждан, добровольно ограничивающих свою свободу, были перенесены на государство, обеспечивающее мир и благополучие граждан. Общественный договор создает общество и государство одновременно. Общественный договор представляет собой объединение каждого с каждым; его посредством толпа людей превращается в организованное общество и образует единое лицо – государство, «воля которого в силу соглашения многих людей считается за волю их всех, с тем, чтобы государство могло распоряжаться силами и способностями отдельных членов в интересах общего мира и защиты». Т. Гоббс теоретически обосновал абсолютность власти суверена (которым может быть монарх, но может и весь народ) – согласно его трактату, свобода подданных состоит в праве действовать по своему усмотрению в тех случаях, на которые государством не установлено правил; во всех остальных ситуациях они должны повиноваться предписаниям суверена.

ЧАСТЬ II. О ГОСУДАРСТВЕ ГЛАВА XVII
О ПРИЧИНАХ, ВОЗНИКНОВЕНИИ И ОПРЕДЕЛЕНИИ ГОСУДАРСТВА

Цель государства – главным образом обеспечение безопасности. Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя уз (которыми они связаны ‹…› живя в государстве) является забота о самосохранении и при этом о более благоприятной жизни. Иными словами, при установлении государства люди руководствуются стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося ‹…› необходимым следствием естественных страстей людей там, где нет видимой

власти, держащей их в страхе и под угрозой наказания, принуждающей их к выполнению соглашений и соблюдению естественных законов. ‹…›

Каковая не гарантируется естественным законом. В самом деле, естественные законы (как *справедливость, беспристрастие, скромность, милосердие и* (в общем) *поведение по отношению к другим так, как мы желали бы, чтобы поступали по отношению к нам)* сами по себе, без страха перед какой-нибудь силой, заставляющей их соблюдать, противоречат естественным страстям, влекущим нас к пристрастию, гордости, мести и т. п. А соглашения без меча лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность. Вот почему, несмотря на наличие естественных законов ‹…› каждый будет и может вполне законно применять свою физическую силу и ловкость, чтобы обезопасить себя от всех других людей, если нет установленной власти или власти достаточно сильной, чтобы обеспечить нам безопасность. И везде, где люди жили маленькими семьями, они грабили друг друга; это считалось настолько совместимым с естественным законом, что чем больше человек мог награбить, тем больше это доставляло ему чести. В этих делах люди не соблюдали никаких других законов, кроме законов чести, а именно они воздерживались от жестокости, оставляя людям их жизнь и сельскохозяйственные орудия. Как прежде маленькие семьи, так теперь города и королевства, являющиеся большими родами для собственной безопасности, расширяют свои владения под всяческими предлогами ‹…›. При этом они изо всех сил стараются подчинить и ослабить своих соседей грубой силой и тайными махинациями, и, поскольку нет других гарантий безопасности, они поступают вполне справедливо, и в веках их деяния вспоминают со славой.

Государство – это я.

Людовик XIV

А также соединением небольшого количества людей или семейств. Гарантией безопасности не может служить также объединение небольшого числа людей, ибо малейшее прибавление к той или иной стороне доставляет ей такое большое преимущество в физической силе, которое вполне обеспечивает ей победу и потому поощряет к завоеванию. То количество сил, которому мы можем доверять нашу безопасность, определяется не каким-то числом, а отношением этих сил к силам врага; в таком случае для нашей безопасности достаточно, когда избыток сил на стороне врага не настолько велик, чтобы он

мог решить исход войны и побудить врага к нападению.

Ни множеством людей, из которых каждый руководствуется собственным суждением. Пусть имеется какое угодно множество людей, однако если каждый будет руководствоваться в своих действиях лишь частными суждениями и стремлениями, они не могут ожидать защиты и покровительства ни от общего врага, ни от несправедливостей, причиненных друг другу. Ибо, будучи несогласными во мнениях относительно лучшего использования и применения своих сил, они не помогают, а мешают друг другу и взаимным противодействием сводят свои силы к нулю, вследствие чего они не только легко покоряются немногочисленным, но более сплоченным врагом, но и при отсутствии общего врага ведут друг с другом войну за свои частные интересы. В самом деле, если бы мы могли предположить, что большая масса людей согласна соблюдать справедливость и другие естественные законы при отсутствии общей власти, держащей их в страхе, то мы с таким же основанием могли бы предположить то же самое и относительно всего человеческого рода, и тогда не существовало бы, да и не было бы никакой необходимости в гражданском правлении или государстве, ибо тогда существовал бы мир без подчинения.

Что то и дело повторяется. Для безопасности, которую люди желали бы продлить на все время их жизни, недостаточно, чтобы они управлялись и направлялись единой волей в течение какого-то времени, например, в ходе одной битвы или войны. Ибо хотя они и одерживают победу против иноземного врага благодаря своим единодушным усилиям, однако потом, когда общего врага уже нет или когда одна партия считает врагом того, кого другая считает другом, они в силу различия своих интересов должны по необходимости разобщиться и снова быть ввергнутыми в междоусобную войну. ‹…›

Происхождение государства. Определение государства. Такая общая власть, которая была бы способна защищать людей от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу, и, таким образом, доставить им ту безопасность, при которой они могли бы кормиться от трудов рук своих и от плодов земли и жить в довольстве, может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю. Иначе говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет

делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воли и суждению носителя общего лица. Это больше, чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: *я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия.* Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством, по-латыни – civitas. Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой. Ибо благодаря полномочиям, отданным ему каждым отдельным человеком в государстве, указанный человек или собрание лиц пользуется такой огромной сосредоточенной в нем силой и властью, что внушаемый этой силой и властью страх делает этого человека или это собрание лиц способным направлять волю всех людей к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов. В этом человеке или собрании лиц состоит сущность государства, которая нуждается в следующем определении: государство есть *единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты.*

Что такое суверен и подданный. Тот, кто является носителем этого лица, называется *сувереном,* и о нем говорят, что он обладает *верховной властью,* а всякий другой является *подданным.*

Всякий народ имеет такое правительство, какого заслуживает.

Жозеф де Местр

Для достижения верховной власти имеются два пути. Один – это физическая сила, например, когда кто-нибудь заставляет своих детей подчиниться своей власти под угрозой погубить их в случае отказа или когда путем войны подчиняют своей воле врагов, даруя им на этом условии жизнь. Второй – это добровольное соглашение людей подчиниться человеку или

собранию людей в надежде, что этот человек или это собрание сумеют защитить их против всех других. Такое государство может быть названо политическим государством, или государством, основанным на *установлении,* а государство, основанное первым путем, – государством, основанным на *приобретении. ‹…›*

ГЛАВА XIX
О РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ГОСУДАРСТВ, ОСНОВАННЫХ НА УСТАНОВЛЕНИИ, И О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

Различных форм государства может быть только три. Различие государств заключается в различии суверена, или лица, являющегося представителем всех и каждого из массы людей. А так как верховная власть может принадлежать или одному человеку, или собранию большого числа людей, а в этом собрании могут иметь право участвовать или каждый, или лишь определенные люди, отличающиеся от остальных, то отсюда ясно, что могут быть лишь три вида государства. Ибо представителем должны быть или один человек, или большее число людей, а это – собрание или всех, или только части. Если представителем является один человек, тогда государство представляет собой *монархию;* если – собрание всех, кто хочет участвовать, тогда это *демократия,* или народоправство; а если верховная власть принадлежит собранию лишь части горожан, тогда это *аристократия.* Других видов государства не может быть, ибо или один, или многие, или все имеют верховную власть (неделимость которой я показал) целиком. ‹…›

ЛЖ. ЛОКК. ДВА ТРАКТАТА О ПРАВЛЕНИИ [4]

Локк Джон (1632—1704) – английский философ и политик. Возражая против учения Т. Гоббса об абсолютном, неограниченном характере государственной власти, Локк доказывал, что основной обязанностью государства, возникшего на основе общественного договора, является соблюдение «естественного права», защита собственности граждан. В понятие собственности Локк включал жизнь, свободу и имущество. Государство, по Локку, получает от людей ровно столько власти, сколько необходимо для достижения главной цели политического сообщества – реализовать свои гражданские идеи и прежде всего право владеть собственностью. В государстве никто и ничто не может находиться вне подчинения законам и законности.

Реализация «главной и великой цели» политического общества непременно требует, по Локку, чтобы правомочия государства были четко разграничены и поделены между разными его органами. Правомочие принимать законы (законодательная власть) полагается только представительному учреждению всей нации – парламенту. Применять законы для разрешения споров и установления справедливости надлежит независимым судьям. Претворять законы и судебные решения в жизнь (исполнительная власть) подобает монарху, кабинету министров. Их дело ведать также сношениями с иностранными государствами. Эти воззрения английского мыслителя легли в основу доктрины разделения властей и конституционализма.

КНИГА ВТОРАЯ
ГЛАВА II
О ЕСТЕСТВЕННОМ СОСТОЯНИИ

4. Для правильного понимания политической власти и определения источника ее возникновения мы должны рассмотреть, в каком естественном состоянии находятся все люди, а это – *состояние полной свободы* в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли.

Это также *состояние равенства,* при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, – никто не имеет больше

другого. Нет ничего более очевидного, чем то, что существа одной и той же породы и вида, при своем рождении без различия получая одинаковые природные преимущества и используя одни и те же способности, должны также быть равными между собой без какого-либо подчинения или подавления, если только господь и владыка их всех каким-либо явным проявлением своей воли не поставит одного над другим и не облечет его посредством явного и определенного назначения бесспорным правом на господство и верховную власть.

ГЛАВА III
О СОСТОЯНИИ ВОЙНЫ

16. *Состояние войны* есть состояние вражды и разрушения. И следовательно, сообщая словом или действием не об опрометчивом и поспешно принятом, но о продуманном и твердом решении лишить жизни другого человека, сделавший это *вовлекает себя в состояние войны* с тем, в отношении кого он заявил о подобном намерении, и, таким образом, подвергает свою собственную жизнь опасности со стороны другого или всякого, кто будет помогать тому защищаться и примет его сторону. Вполне здраво и справедливо, чтобы я обладал правом уничтожить то, что угрожает мне уничтожением. Ибо *по основному закону природы* нужно стремиться *оберегать человека* насколько возможно; когда нельзя уберечь всех, то необходимо в первую очередь думать о безопасности невинных. И человек может уничтожить того, кто с ним воюет или проявляет враждебность по отношению к нему и является угрозой для его существования, по той же причине, по которой он может убить *волка* или *льва;* ведь люди эти не связаны узами общего закона разума, ими руководят только сила и насилие, и, следовательно, их можно рассматривать как хищных зверей, как опасных и вредных существ, которые несомненно уничтожат человека, как только он окажется в их власти.

> **Обязанность правительства – создавать такие условия, чтобы людям было трудно совершать дурное и легко поступать правильно.**
>
> ***Уильям Гладстон***

17. Отсюда следует, что тот, кто пытается полностью подчинить другого человека своей власти, тем самым *вовлекает себя в состояние войны* с ним; это следует понимать как

объявление об умысле против его жизни. Ибо у меня имеется основание заключить, что тот, кто хочет подчинить меня своей власти без моего согласия, будет поступать со мной, добившись своего, как ему заблагорассудится, и может даже уничтожить меня, если у него будет такая прихоть; ведь никто не может желать *иметь меня в своей неограниченной власти,* если только он не собирается принудить меня силой к тому, что противоречит праву моей свободы, т. е. сделать меня рабом. Быть свободным от подобной силы является единственным залогом моего сохранения; и разум побуждает меня смотреть на него как на врага моей безопасности, который стремится отнять у меня *свободу,* обеспечивающую ее; таким образом, тот, кто *пытается поработить меня,* тем самым ставит себя и состояние войны со мной. Того, кто в естественном состоянии *пожелал бы отнять свободу,* которой обладает всякий в этом состоянии, по необходимости следует считать умышляющим отнять и все остальное, поскольку свобода является основанием всего остального. Подобным же образом того, кто в общественном состоянии пожелал бы отнять *свободу,* принадлежащую членам этого общества или государства, следует подозревать в умысле отнять у них и все остальное и, таким образом, считать находящимися в *состоянии войны.*

ГЛАВА VII
О ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЛИ ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

‹…› 87. Человек рождается, как было уже доказано, имея право на полную свободу и неограниченное пользование всеми правами и привилегиями естественного закона в такой же мере, как всякий другой человек или любые другие люди в мире, и он по природе обладает властью не только охранять свою собственность, т. е. свою жизнь, свободу и имущество, от повреждений и нападений со стороны других людей, но также судить и наказывать за нарушение этого закона других, как того заслуживает, по его убеждению, данное преступление, даже смертью, в тех случаях, когда гнусность поступка, по его мнению, этого требует. Но поскольку ни одно *политическое общество* не может ни быть, ни существовать, не обладая само правом охранять собственность и в этих целях наказывать преступления всех членов этого общества, то *политическое общество* налицо там, и только там, где каждый из его членов отказался от этой естественной власти, передав ее в руки общества во всех случаях, которые не препятствуют ему обращаться за защитой к закону, установленному этим обществом. И таким образом, всякий

частный суд каждого отдельного члена исключается, и общество становится третейским судьей, устанавливая постоянные правила, беспристрастные и одни и те же для всех сторон, и с помощью людей, получивших от общества полномочия проводить в жизнь эти правила, разрешает все разногласия, которые могут возникнуть между любыми членами этого общества в отношении всякого правового вопроса, равно как и наказывает те преступления, которые любой член общества совершил по отношению к обществу, такими карами, которые установлены законом. Вследствие этого легко различить, кто находится и кто не находится вместе в *политическом обществе.* Те, кто объединен в одно целое и имеет общий установленный закон и судебное учреждение, куда можно обращаться и которое наделено властью разрешать споры между ними и наказывать преступников, *находятся в гражданском обществе,* но те, кто не имеет такого общего судилища ‹…› все еще находятся в естественном состоянии. ‹…›

88. Таким образом, государство получает власть устанавливать, какое наказание должно полагаться за различные нарушения ‹…› и какие нарушения того заслуживают (это есть *законодательная власть),* так же как оно обладает властью наказывать за ущерб, нанесенный любому из его членов любым из тех, кто не входит в это общество (это *власть* решать вопросы *войны* и *мира),* и все это для сохранения собственности всех членов общества, насколько это возможно. Но хотя каждый человек, вступивший в гражданское общество и ставший членом какого-либо государства, тем самым отказался от своей власти наказывать преступления против закона природы и осуществлять свое собственное частное правосудие, все же вместе с правом судить за преступления, которое он передал законодательной власти во всех случаях, когда он может обратиться к суду, он дал право государству употреблять его силу для исполнения приговоров государства в тех случаях, когда его к этому призовут: ведь эти приговоры являются его собственными. ‹…› И здесь мы имеем первоначало *законодательной* и *исполнительной* власти гражданского общества. ‹…›

89. Следовательно, когда какое-либо число людей так объединено в одно общество, что каждый из них отказывается от своей исполнительной власти, присущей ему по закону природы, и передает ее обществу, то тогда, и только тогда, существует *политическое, или гражданское, общество. ‹…›* И это *переносит людей* из естественного состояния *в государство,* поскольку на земле появляется судья, имеющий власть разрешать все споры и возмещать любой ущерб, который может быть нанесен любому

члену государства. ‹…› В тех же случаях, когда есть какое-то число людей, хотя бы и связанных между собой, но не имеющих такой принимающей решения власти, к которой они могли бы обратиться, они все еще находятся в *естественном состоянии.*

90. Отсюда очевидно, что *абсолютная монархия,* которую некоторые считают единственной формой правления в мире, на самом деле *несовместима с гражданским обществом* и, следовательно, не может вообще быть формой гражданского правления. Ведь *цель гражданского общества* состоит в том, чтобы избегать и возмещать те неудобства естественного состояния, которые неизбежно возникают из того, что каждый человек является судьей в своем собственном деле. ‹…› В тех случаях, когда существуют какие-либо лица, не имеющие такого органа, к которому они могли бы обратиться для разрешения каких-либо разногласий между ними, эти лица все еще находятся в *естественном состоянии.* И в таком состоянии находится каждый *абсолютный государь* в отношении тех, кто ему *подвластен.*

«Разделяй и властвуй» – мудрое правило; но «объединяй и направляй» – еще лучше.

И. В. Гете

‹…› 93. В самом деле, в *абсолютных монархиях,* так же как и при других формах правления, существующих в мире, подданные имеют право обращаться к закону, а судьи вольны разрешать любые споры и сдерживать любое насилие, которое может проявиться среди самих подданных. ‹…› Ведь стоит только спросить, какая защита, какое *ограждение* существует в подобном состоянии *против насилия и угнетения со стороны этого абсолютного владыки.* Самый вопрос уже вряд ли является допустимым. Они готовы ответить вам, что за самую просьбу о безопасности полагается смерть. Между подданным и подданным, согласятся они, должны существовать правила, законы и судьи ради их взаимного мира и безопасности. Но во всем, что касается *правителя,* он должен быть *абсолютным* и он выше всех подобных обстоятельств ‹…›. Если вы спросите, как можно защититься от вреда или ущерба с той стороны, откуда творит их эта самая сильная десница, то это сочтут голосом крамолы и мятежа. ‹…› Это все равно что думать, будто люди настолько глупы, что они стараются избежать вреда от *хорьков или лис,* но довольны и даже считают себя в безопасности, когда их пожирают *львы.*

94. Но что бы ни болтали льстецы с целью отвлечь умы людей, это не мешает людям чувствовать; и когда они замечают, что какой-либо человек, независимо от того, какое положение он

занимает, вышел из границ гражданского общества ‹…› и что им не к кому обратиться на земле за защитой от того зла, которое он им может причинить, то они начинают думать, что сами находятся в естественном состоянии по отношению к тому человеку. ‹…› *Ни для одного человека, находящегося в гражданском обществе, не может быть сделано исключения из законов этого общества.*

ГЛАВА VIII
О ВОЗНИКНОВЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

95. Поскольку люди являются, как уже говорилось, по природе свободными, равными и независимыми, то никто не может быть выведен из этого состояния и подчинен политической власти другого без своего собственного *согласия.* Единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы и *надевает на себя узы гражданского общества,* – это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества. Это может сделать любое число людей, поскольку здесь нет ущерба для свободы остальных людей, которые, как и прежде, остаются в естественном состоянии свободы. Когда какое-либо число людей таким образом *согласилось создать сообщество или* государство, то они тем самым уже объединены и составляют *единый политический организм,* в котором *большинство* имеет право действовать и решать за остальных.

96. Ведь когда какое-либо число людей создало с согласия каждого отдельного лица *сообщество,* то они тем самым сделали это *сообщество* единым организмом, обладающим правом выступать как единый организм, что может происходить только по воле и решению *большинства.* Ведь то, что приводит в действие какое-либо сообщество, есть лишь согласие составляющих его лиц, а поскольку то, что является единым целым, должно двигаться в одном направлении, то необходимо, чтобы это целое двигалось туда, куда его влечет большая сила, которую составляет *согласие большинства:* в противном случае оно не в состоянии выступать как единое целое или продолжать оставаться единым целым, *единым сообществом* ‹…› и, таким образом, каждый благодаря этому согласию обязан подчиняться *большинству. ‹…›*

97. И таким образом, каждый человек, согласившись вместе с

другими составить единый политический организм, подвластный одному правительству, берет на себя перед каждым членом этого сообщества обязательство подчиняться решению *большинства* и считать его окончательным; в противном же случае этот *первоначальный договор,* посредством которого он вместе с другими вступил в одно общество, не будет что-либо значить и вообще не будет договором ‹…›. Какое это будет новое обязательство, если человек будет связан любыми постановлениями общества лишь постольку, поскольку он сам это считает удобным ‹…›? Ведь тогда он будет все еще пользоваться такой же свободой, ‹…› какой пользуется человек, находящийся в естественном состоянии, который может побудить себя и согласиться на любые действия, если он считает их подходящими для себя.

ГЛАВА IX
О ЦЕЛЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВЛЕНИЯ

123. Если человек в естественном состоянии так свободен, как об этом говорилось, если он абсолютный господин своей собственной личности и владений, равный самым великим людям и никому не подчиненный, то почему расстается он со своей свободой, почему отказывается он от этой империи и подчиняет себя власти и руководству какой-то другой силы? На это напрашивается самый очевидный ответ, что хотя в естественном состоянии он обладает подобным правом, но все же пользование им весьма ненадежно и ему постоянно угрожает посягательство других. Ведь, поскольку все являются властителями в такой же степени, как и он сам, поскольку каждый человек ему равен, а большая часть людей не особенно строго соблюдает равенство и справедливость, постольку пользование собственностью, которую он имеет в этом состоянии, весьма небезопасно, весьма ненадежно. Это побуждает его с готовностью отказаться от такого состояния, которое хотя и является свободным, но полно страхов и непрерывных опасений ‹…›.

> **Государство существует не для того, чтобы превращать земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад.**
>
> ***Владимир Соловьев***

124. Поэтому-то великой и *главной целью* объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства

является сохранение их собственности. А для этого в естественном состоянии не хватает многого.

Во-первых, не хватает *установленного,* определенного, известного *закона,* который был бы признан и допущен по общему согласию в качестве нормы справедливости и несправедливости и служил бы тем общим мерилом, при помощи которого разрешались бы между ними все споры. ‹…›

125. *Во-вторых,* в естественном состоянии не хватает *знающего и беспристрастного судьи,* который обладал бы властью разрешать все затруднения в соответствии с установленным законом. ‹…›

126. *В-третьих,* в естественном состоянии часто недостает силы, которая могла бы подкрепить и поддержать справедливый приговор и *привести* его в *исполнение.* Те, кто совершает какую-либо несправедливость, вряд ли удержатся от того, чтобы силой настоять на своем, когда они в состоянии это сделать; подобное сопротивление часто делает наказание опасным и нередко гибельным для тех, кто пытается его осуществить.

Вы можете не заниматься политикой, все равно политика занимается вами.

Ш. Монталамбер

127. Таким образом, люди, несмотря на все преимущества естественного состояния, находятся в скверных условиях, пока они в нем пребывают, и быстро вовлекаются в общество. Вот почему получается так, что мы редко видим, чтобы какое-либо количество людей сколько-нибудь длительное время жило вместе в этом состоянии. Неудобства, которым они при этом подвергаются в результате беспорядочного и ненадлежащего применения власти, которой обладает каждый человек для наказания проступков других, вынуждают их искать убежища под сенью установленных правительством законов, и здесь они стремятся найти *сохранение своей собственности.* Именно это побуждает их столь охотно отказываться от того индивидуального права на наказание, которым обладает каждый, для того чтобы оно осуществлялось только тем из них, кто будет назначен на это, и посредством тех законов, о которых согласятся сообщество или уполномоченные на то лица. И вот это-то является первоначальным *правом и источником как законодательной,* так *и исполнительной власти,* а равно и самих правительств и обществ.

М. ВЕБЕР. ПОЛИТИКА КАК ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ [5]

Вебер Макс (1864—1920) – один из основателей и крупнейших представителей современных социологии и политологии. Вебера нередко называли «Марксом буржуазии». Вебер создал глубокую теорию государства и власти. Власть он определял как «возможность того, что одно лицо внутри социального отношения будет в состоянии осуществить волю, несмотря на сопротивление и независимо от того, на чем такая возможность основана». Вебер особое внимание обратил на простой, казалось бы, вопрос: почему люди повинуются власти? Для обозначения внутреннего основания господства он ввел термин «легитимность» и установил основные типы легитимности. Концепция легитимности, то есть добровольного согласия людей подчиняться, играла и играет в политической науке огромную роль. Хотя веберовское понимание государства как аппарата легитимного насилия отличается от ленинской формулы всего одним словом, это слово существенно – ведь не всякий аппарат насилия есть государство.

Статья «Политика как призвание и профессия» написана на основе лекции, прочитанной ученым примерно за год до смерти в потерпевшей страшное поражение, голодной и разоренной Германии. Этот итог многолетних размышлений о сути политики и призвании политического деятеля завершается важными словами: «Политика есть мощное медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером… весь исторический опыт подтверждает, что возможного нельзя было бы достичь, если бы в мире снова и снова не тянулись к невозможному».

В соответствии с вашим пожеланием я должен сделать доклад, который, однако, непременно разочарует вас в нескольких отношениях. ‹…› Из сегодняшнего доклада как раз должны быть исключены все вопросы, относящиеся к тому, *какую* политику *следует* проводить, какое, таким образом, *содержание следует* придавать своей политической деятельности. Ибо они не имеют никакого отношения к общему вопросу: что есть и что может означать политика как призвание и профессия. Итак, к делу!

Что мы понимаем под политикой? Это понятие имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному *руководству*. Говорят о валютной политике

банков, о дисконтной политике Имперского банка, о политике профсоюза во время забастовки; можно говорить о школьной политике городской или сельской общины, о политике правления, руководящего корпорацией, наконец, даже о политике умной жены, которая стремится управлять своим мужем.

> **Когда мы говорим о состоянии нынешнего государства, нам надо его оценивать не с точки зрения, насколько мы усилились и укрепились относительно 1999 года, а где бы мы были, если бы тенденции 1999 года продолжались. Совершенно очевидно, что нас просто не было бы. Вообще. Яма была бы на этом месте. Большая вонючая яма («Росія», 07.10.2004).**
>
> ***Михаил Леонтьев, политический обозреватель***

Конечно, сейчас мы не берем столь широкое понятие за основу наших рассуждений. Мы намереваемся в данном случае говорить только о руководстве или оказании влияния на руководство *политическим союзом,* то есть в наши дни – *государством.*

Но что есть «политический» союз с точки зрения социологического рассуждения? Что есть «государство»? Ведь государство нельзя социологически определить, исходя из содержания его деятельности. Почти нет таких задач, выполнение которых политический союз не брал бы в свои руки то здесь, то там; с другой стороны, нет такой задачи, о которой можно было бы сказать, что она во всякое время полностью, то есть *исключительно,* присуща тем союзам, которые называют «политическими», то есть в наши дни – государствам, или союзам, которые исторически предшествовали современному государству. Напротив, дать социологическое определение современного государства можно, в конечном счете, только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, *средства* – физического насилия. «Всякое государство основано на насилии», – говорил в свое время *Троцкий* в Брест-Литовске. И это действительно так. Только если бы существовали социальные образования, которым было бы неизвестно насилие как средство, *тогда* отпало бы понятие «государства», *тогда* наступило бы то, что в особом смысле слова можно было бы назвать «анархией». Конечно, насилие отнюдь не является нормальным или единственным средством государства – об этом нет и речи, – но оно, пожалуй, специфическое для него

средство. Именно в наше время отношение государства к насилию особенно интимно. В прошлом различным союзам – начиная с рода – физическое насилие было известно как совершенно нормальное средство. В противоположность этому сегодня мы должны будем сказать: государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области – «область» включается в признак! – претендует (с успехом) на монополию *легитимного физического насилия.* Ибо для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем Другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько *государство* со своей стороны допускает это насилие: единственным источником «права» на насилие считается государство.

> **Понятие государства предполагает понятие политического. Определить понятие политического можно, лишь обнаружив и установив специфически политические категории. Согласимся, что в области морального последние различения суть «доброе» и «злое»; в эстетическом – «прекрасное» и «безобразное»; в экономическом – «полезное» и «вредное». Специфически политическое различение, к которому можно свести политические действия и мотивы, – это различение друга и врага. Смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения людей. Не нужно, чтобы политический враг был морально зол, не нужно, чтобы он был эстетически безобразен, не должен он непременно оказаться хозяйственным конкурентом, а может быть, даже окажется и выгодно вести с ним дела. Он есть именно иной, чужой, и для существа его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое, так что в экстремальном случае возможны конфликты с ним, которые не могут быть разрешены ни предпринятым заранее установлением всеобщих норм, ни приговором «непричастного» и потому «беспристрастного» третьего.**
>
> ***Карл Шмитт, немецкий юрист и философ***

Итак, «политика», судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства

между группами людей, которые оно в себе заключает.

В сущности, такое понимание соответствует и словоупотреблению. Если о каком-то вопросе говорят: это «политический» вопрос, о министре или чиновнике: это «политический» чиновник, о некотором решении: оно «политически» обусловлено, – то тем самым всегда подразумевается, что интересы распределения, сохранения, смещения власти являются определяющими для ответа на указанный вопрос, или обусловливают это решение, или определяют сферу деятельности соответствующего чиновника. Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти «ради нее самой», чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает.

Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение *господства* людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны *подчиняться* авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует. Когда и почему они так поступают? Какие внутренние основания для оправдания господства и какие внешние средства служат ему опорой?

В принципе имеется три вида внутренних оправданий, то есть оснований *легитимности* (начнем с них). Во-первых, это авторитет «вечно вчерашнего»: авторитет *нравов,* освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, – «традиционное» господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее, авторитет внеобыденного личного *дара* (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, – харизматическое господство как его осуществляют пророк, или – в области политического – избранный князьвоеначальник, или плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство в силу «легальности», в силу веры в обязательность легального *установления* и деловой «компетентности», обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил – господство в том виде, в каком его осуществляют современный «государственный служащий» и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении. Понятно, что в действительности подчинение обусловливают чрезвычайно

грубые мотивы страха и надежды – страха перед местью магических сил или властителя, надежды на потустороннее или посюстороннее вознаграждение – и вместе с тем самые разнообразные интересы. К этому мы сейчас вернемся. Но если пытаться выяснить, на чем основана «легитимность» такой покорности, тогда, конечно, столкнешься с указанными тремя ее «чистыми» типами. А эти представления о легитимности и их внутреннее обоснование имеют большое значение для структуры господства. Правда, чистые типы редко встречаются в действительности. Но сегодня мы не можем позволить себе детальный анализ крайне запутанных изменений, переходов и комбинаций этих чистых типов: это относится к проблемам «общего учения о государстве».

В данном случае нас интересует прежде всего второй из них: господство, основанное на преданности тех, кто подчиняется чисто личной «харизме» «вождя». Ибо здесь коренится мысль о *призвании* в его высшем выражении. Преданность харизме пророка или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне «призванным» руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него. Правда, сам «вождь» живет своим делом, «жаждет свершить свой труд», если только он не ограниченный и тщеславный выскочка. Именно к личности вождя и ее качествам относится преданность его сторонников: апостолов, последователей, только ему преданных партийных приверженцев. В двух важнейших в прошлом фигурах: с одной стороны, мага и пророка, с другой – избранного князя-военачальника, главаря банды, кондотьера – вождизм как явление встречается во все исторические эпохи и во всех регионах. Но особенностью Запада, что для нас более важно, является *политический* вождизм в образе сначала свободного «демагога», существовавшего на почве города-государства, характерного только для Запада, и прежде всего для средиземноморской культуры, а затем – в образе парламентского «партийного вождя», выросшего на почве конституционного государства, укорененного тоже лишь на Западе.

Конечно, главными фигурами в механизме политической борьбы не были одни только политики в силу их «призвания» в собственном смысле этого слова. Но в высшей степени решающую роль здесь играет тот род вспомогательных средств, которые находятся в их распоряжении. Как политически господствующие силы начинают утверждаться в своем государстве? Данный вопрос относится ко всякого рода господству ‹…›: к

традиционному, равно как и к легальному, и к харизматическому.

Любое господство как предприятие, требующее постоянного управления, нуждается, с одной стороны, в установке человеческого поведения на подчинение господам, притязающим быть носителями легитимного насилия, а с другой стороны – посредством этого подчинения – в распоряжении теми вещами, которые в случае необходимости привлекаются для применения физического насилия: личный штаб управления и вещественные средства управления.

Штаб управления, представляющий во внешнем проявлении предприятие политического господства, как и всякое другое предприятие, прикован к властелину, конечно, не одним лишь представлением о легитимности, о котором только что шла речь. Его подчинение вызвано двумя средствами, апеллирующими к личному интересу: материальным вознаграждением и социальным почетом. Лены вассалов, доходные должности наследственных чиновников, жалованье современных государственных служащих, рыцарская честь, сословные привилегии, престиж чиновников образуют вознаграждение, а страх потерять их – последнюю решающую основу солидарности штаба управления с властелином. Это относится и к господству харизматического вождя: военные почести и добыча военной дружины, «spoils»[6]: эксплуатация тех, кто находится под господством, благодаря монополии на должности, политически обусловленная прибыль и удовлетворенное тщеславие для свиты демагога.

‹…› для сохранения любого насильственного господства требуются определенные внешние материальные средства. Теперь все государственные устройства можно разделить в соответствии с тем принципом, который лежит в их основе: либо этот штаб – чиновников или кого бы то ни было, на чье послушание должен иметь возможность рассчитывать обладатель власти, – является самостоятельным *собственником* средств управления ‹…›; либо штаб управления «отделен» от средств управления в таком же смысле, в каком служащие и пролетариат внутри современного капиталистического предприятия «отделены» от вещественных средств производства. То есть либо обладатель власти управляет *самостоятельно* и за *свой счет* организуя управление через личных слуг, или штатных чиновников, или любимцев и доверенных, которые не суть собственники (полномочные владетели) вещественных средств предприятия, но направляются сюда господином, либо же имеет место прямо противоположное. Это различие проходит через все управленческие организации прошлого.

‹…› в современном государстве все средства политического предприятия фактически сосредоточиваются в распоряжении единственной высшей инстанции. Ни один чиновник не является больше собственником денег, которые он тратит, или зданий, запасов, инструментов, военной техники, которыми он распоряжается. Таким образом, в современном «государстве» полностью реализовано (и это существенно для его понятия) «отделение» штаба управления – управляющих чиновников и работников управления – от вещественных средств предприятия. ‹…› Для нашего рассмотрения я фиксирую момент чисто *понятийный:* современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции.

В ходе политического процесса экспроприации, который с переменным успехом разыгрывался в разных странах мира, выступили, правда, сначала на службе у князя, первые категории «профессиональных политиков» *во втором смысле,* то есть людей, которые не хотели сами быть господами, как харизматические вожди, но поступили *на службу* политическим господам. В этой борьбе они предоставили себя в распоряжение князьям и сделали из проведения их политики, с одной стороны, доходный промысел, с другой стороны, обеспечили себе идеальное содержание своей жизни. Подчеркнем, что *лишь* на Западе мы находим *этот* род профессиональных политиков на службе не только князей, но и других сил. ‹…›

Прежде чем заняться рассмотрением таких «профессиональных политиков» более подробно, надо всесторонне и однозначно выяснить, что представляет собой их существование.

‹…› Чтобы некто в экономическом смысле мог бы жить «для» политики, при господстве частнособственнического порядка должны наличествовать некоторые, если угодно, весьма тривиальные предпосылки: в нормальных условиях он должен быть независимым от доходов, которые может принести ему политика. Следовательно, он просто должен быть состоятельным человеком или же как частное лицо занимать такое положение в жизни, которое приносит ему достаточный постоянный доход. Так по меньшей мере обстоит дело в нормальных условиях.

Правда, дружина князя-военачальника столь же мало озабочена условиями нормального хозяйствования, как и свита революционного героя улицы. Оба живут добычей, грабежом, конфискациями, контрибуциями, навязыванием ничего не стоящих принудительных средств платежа – что, в сущности, одно и то же. Но это необходимо внеобыденные явления: при обычном хозяйстве доходы приносит только собственное состояние. Однако одного этого недостаточно: тот, кто живет «для» политики, должен быть к тому же хозяйственно «обходим», то есть его доходы не должны зависеть от того, что свою рабочую силу и мышление он лично полностью или самым широким образом постоянно использует для получения своих доходов. Безусловно «обходим» в этом смысле рантье, то есть тот, кто получает совершенно незаработанный доход, будь то земельная рента ‹…›, будь то доход от ценных бумаг или из других современных источников ренты. Ни рабочий, *ни* – на что следует обратить особое внимание – предприниматель, в том числе и *именно* современный крупный предприниматель, не являются в этом смысле «обходимыми». Ибо и предприниматель, и *именно* предприниматель ‹…› привязан к своему предприятию и необходим. В большинстве случаев он с трудом может хотя бы на время позволить заместить себя. ‹…› Легче уже заместить адвоката, чисто по производственно-техническим причинам, и поэтому в качестве профессионального политика он играл несравненно более значительную, иногда прямо-таки господствующую роль. Мы не собираемся дальше прослеживать подобную казуистику, но проясним для себя некоторые следствия.

Если государством или партией руководят люди, которые (в экономическом смысле слова) живут исключительно для политики, а не за счет политики, то это необходимо означает «плутократическое» рекрутирование политических руководящих слоев. ‹…› Но сказанное означает только, что неплутократическое рекрутирование политических соискателей, вождей и свиты связано с само собой разумеющейся предпосылкой, что они получают регулярные и надежные доходы от предприятия политики. Руководить политикой можно либо в порядке «почетной деятельности», и тогда ею занимаются ‹…› состоятельные, прежде всего имеющие ренту люди. Или же к политическому руководству допускаются неимущие, и тогда они должны получать вознаграждение. Профессиональный политик, живущий за счет политики ‹…› либо извлекает доходы из пошлин и сборов за определенные обязательные действия – чаевые и взятки представляют собой лишь одну, нерегулярную и

формально нелегальную разновидность этой категории доходов, – или получает твердое натуральное вознаграждение, или денежное содержание, или то и другое вместе. Руководитель политикой может приобрести характер «предпринимателя», как кондотьер ‹…› как американский босс, расценивающий свои издержки как капиталовложение, из которого он, используя свое влияние, сумеет извлечь доход. Либо же такой политик может получать твердое жалованье как редактор, или партийный секретарь, или современный министр, или политический чиновник. ‹…› *Все* партийные битвы суть не только битвы ради предметных целей, но прежде всего также и за патронаж над должностями. ‹…›

Однако ныне указанной тенденции противостоит развитие и превращение современного чиновничества в совокупность трудящихся, высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции ‹…›, а это бы ставило под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата ‹…›. Эту тенденцию обусловливают чисто технические, неизбежные потребности управления. В Европе профессиональное чиновничество, организованное на началах разделения труда, постепенно возникло в ходе полутысячелетнего развития. Начало его формированию положили итальянские города и сеньории, а среди монархий – государства норманнских завоевателей. Решающий шаг был сделан в управлении княжескими *финансами.* ‹…› Развитие военной техники обусловило появление профессионального офицера, совершенствование судопроизводства – вышколенного юриста. В этих трех областях профессиональное чиновничество одержало окончательную победу в развитых государствах в XVI в. Тем самым одновременно с возвышением княжеского абсолютизма над сословиями происходила постепенная передача княжеского самовластия профессиональному чиновничеству ‹…›.

Одновременно с подъемом вышколенного *чиновничества* возникали также – хотя это совершалось путем куда более незаметных переходов – «руководящие *политики».* Конечно, такие фактически главенствующие советники князей существовали с давних пор во всем мире. На Востоке потребность по возможности освободить султана от бремени личной ответственности за успех правления создала типичную фигуру «великого визиря». ‹…› Необходимость формально единого ведения *всей* политики, включая внутреннюю, одним руководящим государственным

деятелем окончательно сформировалась и стала неизбежной лишь благодаря конституционному развитию.

‹…› Подлинной профессией настоящего чиновника – это имеет решающее значение ‹…› – не должна быть политика. Он должен «управлять» прежде всего *беспристрастно* – данное требование применимо даже к так называемым «политическим» управленческим чиновникам, – по меньшей мере официально, коль скоро под вопрос не поставлены «государственные интересы», то есть жизненные интересы господствующего порядка. ‹…› Политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен делать политик ‹…› – *бороться. ‹…›* Деятельность вождя всегда подчиняется совершенно иному принципу *ответственности,* прямо противоположной ответственности чиновника. В случае если ‹…› вышестоящее учреждение настаивает на кажущемся ему ошибочным приказе, дело чести чиновника – выполнить приказ ‹…› добросовестно и точно: без такой в высшем смысле нравственной дисциплины и самоотверженности развалился бы весь аппарат. Напротив, честь политического вождя, то есть руководящего государственного деятеля, есть прямо-таки исключительная *личная* ответственность за то, что он делает ‹…›. Как раз те натуры, которые в качестве чиновников высоко стоят в нравственном отношении, суть скверные, безответственные прежде всего в политическом смысле слова ‹…›. Но давайте еще раз вернемся к типам политических фигур.

На Западе со времени возникновения конституционного государства, а в полной мере – со времени развития демократии типом политика-вождя является «демагог». У этого слова неприятный оттенок, что не должно заставить нас забыть: первым имя «демагога» носил не Клеон, но Перикл. ‹…›

Во всех сколько-нибудь обширных, то есть выходящих за пределы и круг задач мелкого деревенского кантона, политических союзах с периодическими выборами власть имущих политическое предприятие необходимо является *предприятием претендентов*. Это значит, что относительно небольшое количество людей, заинтересованных в первую очередь ‹…› в участии в политической власти, создают себе посредством свободной вербовки свиту, выставляют себя или тех, кого они опекают, в качестве кандидатов на выборах ‹…›. Невозможно себе представить, как бы в крупных союзах вообще происходили выборы без такого предприятия. Практически оно означает разделение граждан с избирательным правом на политически активные и политически пассивные элементы, а так как это различие базируется на добровольности самих избирателей, то

оно не может быть устранено никакими принудительными мерами ‹…›. Вожди и их свита как активные элементы свободной вербовки и свиты, и, через ее посредство, пассивной массы избирателей для избрания вождя – суть необходимые жизненные элементы любой партии. ‹…›

Партийная свита, прежде всего партийный чиновник и предприниматель, конечно, ждут от победы своего вождя личного вознаграждения – постов или других преимуществ. ‹…› Прежде всего они рассчитывают, что демагогический эффект *личности* вождя обеспечит партии голоса и мандаты в предвыборной борьбе ‹…›. А труд с верой и личной самоотдачей человеку, не какой-то абстрактной программе какой-то партии ‹…› является тут идеальным моментом – это «харизматический» элемент всякого вождизма, одна из его движущих сил. ‹…› Коль скоро в какой-то момент партия оказывается без общепризнанного вождя, поражения следуют одно за другим ‹…›.

Как же происходит отбор этих вождей? Прежде всего: в соответствии с какой способностью? Конечно, определяющей здесь (наряду с волей, имеющей решающее значение во всем мире) является власть демагогической речи. ‹…› Данное положение можно, пожалуй, назвать «диктатурой, покоящейся на использовании эмоциональности масс». ‹…›

В *Германии* до сих пор решающими условиями политического предприятия являлись, в основном, следующие. Во-первых: бессилие парламентов, в результате чего никто из обладавших качествами вождя в течение длительного времени не мог сюда попасть. Допустим, он захотел бы стать членом парламента – что бы он стал там делать? Когда освобождалось место в канцелярии, соответствующему начальнику управления можно было сказать: в моем избирательном округе есть весьма толковый человек, он бы подошел, возьмите-ка его. И его охотно брали на освободившееся место. Вот, в общем-то, все, чего мог достигнуть немецкий парламентарий для удовлетворения своих инстинктов власти ‹…›. Следует также учесть – и этот второй момент обусловливал первый – огромное значение в Германии вышколенного профессионального чиновничества. Здесь мы были первыми в мире. Поэтому профессиональное чиновничество претендовало не только на места чиновников-специалистов, но и на министерские посты. ‹…›

Третьим отличительным моментом было то, что, в противоположность Америке, мы в Германии имели принципиальные партии, которые по меньшей мере ‹…› утверждали, что их члены являются носителями «мировоззрения». ‹…›

Чем же в таком случае стали заниматься немецкие профессиональные политики? У них не было ни власти, ни ответственности, они могли играть лишь весьма подчиненную роль уважаемых людей и в результате снова оказались во власти самых типичных цеховых инстинктов. ‹…›

‹…› Но выбирать можно только между вождистской демократией с «машиной» и демократией, лишенной вождей, то есть господством «профессиональных политиков» без призвания, без внутренних, харизматических качеств, которые и делают человека вождем. Последнее же предвещает то, что нынешняя партийная фронда обычно называет господством «клики». ‹…›

Можно сказать, что в основном три качества являются для политика решающими: страсть, чувство ответственности, глазомер. Страсть – в смысле *ориентации на существо дела:* страстной самоотдачи «делу», тому богу или демону, который этим делом повелевает. ‹…› Одной только страсти, сколь бы подлинной она ни казалась, еще, конечно, недостаточно. Она не сделает вас политиком, если, являясь служением «делу», не сделает *ответственность* именно перед этим делом главной путеводной звездой вашей деятельности. А для этого – в том-то и состоит решающее психологическое качество политика – требуется *глазомер,* способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей, иными словами, требуется *дистанция* по отношению к вещам и людям. ‹…› Проблема в том и состоит: как можно втиснуть в одну и ту же душу и жаркую страсть, и холодный глазомер? Политика «делается» головой, а не какими-нибудь другими частями тела или души. И все же самоотдача политике ‹…› должна быть рождена и вскормлена только страстью. ‹…› «Сила» политической «личности» в первую очередь означает наличие у нее этих качеств.

И потому политик ежедневно и ежечасно должен одолевать в себе совершенно тривиального, слишком «человеческого» врага: обыкновеннейшее *тщеславие,* смертного врага всякой самоотдачи делу и всякой дистанции ‹…›.

Исключительно верно именно то, и это основной факт всей истории (более подробное обоснование здесь невозможно), что конечный результат политической деятельности часто, нет – пожалуй, даже регулярно оказывался в совершенно неадекватном, часто прямо-таки парадоксальном отношении к ее изначальному смыслу. Но ‹…› нельзя, чтобы этот смысл – служение *делу* – отсутствовал. Как должно выглядеть то дело, служа которому политик стремится к власти и употребляет власть, – это вопрос веры ‹…› но какая-либо вера должна быть в *наличии* всегда. ‹…›

Политика есть мощное медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером. ‹…› Весь исторический опыт подтверждает, что возможного нельзя было бы достичь, если бы в мире снова и снова не тянулись к невозможному. Но тот, кто на это способен, должен быть вождем, мало того, он еще должен быть – в самом простом смысле слова – героем. И даже те, кто не суть ни то, ни другое, должны вооружиться той твердостью духа, которую не сломит и крушение всех надежд; уже теперь они должны вооружиться ею, ибо иначе они не сумеют осуществить даже то, что возможно ныне. Лишь тот, кто уверен, что он не дрогнет, если, с его точки зрения, мир окажется слишком глуп или слишком подл для того, что он хочет ему предложить; лишь тот, кто вопреки всему способен сказать «и все-таки!», – лишь тот имеет «профессиональное призвание» к политике.

СОВРЕМЕННАЯ ДИСКУССИЯ

В. ВОЛКОВ. МОНОПОЛИЯ НА НАСИЛИЕ [7]

Волков Вадим Викторович, доктор философии, заведующий кафедрой социологии Государственного университета – Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге. Автор книги «Силовое предпринимательство в России», ряда статей. В. Волков применяет классические историко-социологические концепции (М. Вебера, Н. Элиаса, Ч. Тилли) к анализу явлений современной российской действительности, что позволяет увидеть в хорошо известных явлениях смысл такого масштаба, который вполне может быть назван историческим.

«В основании любого современного государства лежит монополия на легитимное насилие и соответствующая этому монополия на налогообложение в пределах определенной территории ‹…› государство, которое в значительной мере утратило указанные важнейшие монополии, можно считать слабым. С 1987 г. сочетание ряда факторов вызвало активную приватизацию российского государства – процесс, при котором функции защиты юридических и экономических субъектов по преимуществу стали выполняться криминальными группами, частными охранными предприятиями или подразделениями государственной службы безопасности и милиции, действующими как частные предприниматели. Данный процесс вылился в скрытую фрагментацию (дробление) государства – на территории, находящейся под его формальной юрисдикцией, появились конкурирующие и неподконтрольные этому государству источники насилия и инстанции налогообложения».

«Вебер ‹…› и другие исследователи процессов формирования государства как установления монополий на насилие и на налогообложение едва ли предполагали возможность обратного процесса – потери этих монополий ‹…›. Однако сегодня, в условиях посткоммунистического кризиса государства, проявившегося в распространении организованной преступности и различных форм негосударственного насилия и налогообложения, данная историко-социологическая концепция способна служить ‹…› средством понимания скрытых связей между хорошо наблюдаемыми явлениями».

«Неподконтрольные государству инстанции организованного насилия, образовавшиеся в процессе перехода к рынку ‹…› сумели

наладить механизм присвоения дани, которую должно – в условиях нормального функционирования – взимать государство в виде налогов. Свертывание государственного бюджета, массовое уклонение от налогов, расстройство механизма исполнительной власти, ощутимая утрата легитимности властных институтов вообще и другие кризисные явления – все это обусловило приватизацию организованного насилия».

«Динамику российской государственности сегодня во многом определяют два конфликтующих процесса – фрагментация государства и реконструкция государства».

«Фрагментацией государства я назову процесс создания и количественного роста частных или автономных от государства организаций, использующих реальное либо потенциальное насилие для извлечения дохода на территории, находящейся под формальной юрисдикцией российского государства. Фрагментация государства тождественна диффузии насилия, налогообложения и арбитражных функций». ‹…›

«Первая фаза скрытой фрагментации государства может быть определена рамками двух событий. Начало ей было положено законом о кооперативах 1987 г. ‹…› Моментом окончания первой, подготовительной, фазы и одновременно отправной точкой активной фрагментации можно считать принятие в начале 1992 г. закона „О частной охранной и детективной деятельности“, позволившего легализовать многие организованные вооруженные группы. В российском контексте этот акт следовало бы рассматривать не столько как попытку государства регулировать использование насилия, сколько как законодательное закрепление диффузии важнейших официальных функций. Есть основания последующие два года охарактеризовать как время интенсивной фрагментации государства ‹…› период с 1994—1995 гг. и по сегодняшний день – как сочетание процессов фрагментации и реконструкции государства».

«Под реконструкцией государства я предложил бы понимать ряд политических, экономических, организационных и иных мер и практик, используемых как правительством и подконтрольными ему структурами, так и негосударственными организованными группами (в частности, ячейками гражданского общества) для усиления контроля за использованием силы с целью установления монополии на насилие. Реконструкцию государства следует отличать от того, что обычно называется „борьбой с организованной преступностью“ ‹…› реконструкция государства подразумевает более широкий набор средств, методов и стратегий, чем просто полицейские меры борьбы с преступностью ‹…› возврат государственной монополии на насилие предполагает

три основные стратегии: уничтожение, интеграцию и умиротворение конкурирующих с государством инстанций организованного насилия и налогообложения».

С. ХОЛМС. ЧЕМУ РОССИЯ УЧИТ НАС ТЕПЕРЬ? [8]

Холмс Стивен – профессор политологии Принстонского университета, доцент права юридического факультета Нью-Йоркского университета. Руководил в Фонде Сороса программой правовых реформ в странах Восточной Европы и бывшего СССР.

«На протяжении полувека Советский Союз не только был для нас главным военным соперником, но и выполнял в идеологической и политической системе отсчета роль „иного“. И левые, и правые в Америке отстаивали свои концепции свободного общества (при всем их различии), отталкиваясь от сталинского кошмара. С этой точки зрения „холодная война“ оказала глубокое формирующее влияние на нашу политическую философию. Можно даже сказать, что „холодная война“ и была нашей политической философией ‹…›.

Какие же именно элементы американского «символа веры» побуждал нас подчеркивать этот фундаментальный контраст? Прежде всего свободу слова и печати, а также свободу совести, поскольку Москва их жестоко подавляла. По той же причине американцы придавали большое значение свободе передвижения, праву граждан образовывать независимые объединения, праву на справедливое судебное разбирательство и праву голосовать на состязательных выборах, обеспечивающих реальную сменяемость представителей власти ‹…›.

Теперь Советский Союз стерт с мировой карты. Однако дела в России обстоят не лучшим образом. За пределами Москвы условия жизни людей ухудшились настолько сильно, что многим приходится кормиться за счет подсобного хозяйства ‹…› у россиян теперь больше оснований беспокоиться по поводу не силы государства, а его бессилия. Признаки беспорядка в стране – на каждом шагу: тюремные бунты, грабежи поездов, солдаты, выпрашивающие закурить у прохожих, стаи собак на улицах провинциальных городов, утечка нефти из трубопроводов ‹…›.

Какой же урок мы можем извлечь из этой обескураживающей ситуации? Как следует пересмотреть прославление «свободного рынка» и «стихийного обмена» при виде рынка ракет класса «земля – воздух» и других смертоносных остатков советского арсенала? И как насчет «плюрализма», «децентрализации», «уравновешивающих друг друга властных полномочий»,

«независимых общественных объединений» и «независимости общества от государства»? Быть может, послекоммунистический опыт должен дать нам для понимания этих идей не меньше, чем давал, как мы прежде думали, опыт коммунистический.

В эпоху «холодной войны», когда казалось, что все зло в политике исходит от «слишком сильного государства», угроза, исходящая от слишком слабого государства, не играла особой роли в либеральной идеологии, как ее понимали сами либералы. ‹…› Однако так было не всегда. По знаменитой формуле Мэдисона, употребленной в «Федералисте», конституционные ограничения государственной власти предполагают, что «прежде всего надо обеспечить правительству контроль над управляемыми». Если представителей власти можно одолеть силой или подкупить, энергия частного предпринимательства может приобрести патологические формы ‹…›. Неприглядная картина общества с бандами головорезов вместо нормальных регуляторов рынка не должна, конечно же, настраивать нас в пользу «твердой руки». Но беды нынешней России, проистекающие из политической дезорганизации, должны заставить нас лучше осознать роль государства в осуществлении либеральных свобод и послужить уроком тем из нас, кто воспринимает государство исключительно как угрозу либеральным ценностям.

Нет государственной власти – нет и прав личности. Крайние либералы иногда утверждают, будто государство имеет право на принуждение только для предотвращения вреда и защиты прав собственности. Применительно к сегодняшней России слово «только» в этой фразе звучит крайне неуместно ‹…›.

На примере нынешней России становится до боли ясно: несостоятельность государства угрожает либеральным ценностям столь же серьезно, как и деспотическая власть. «Разгосударствление» не столько разрешает проблемы, сколько их порождает. Ибо без действенной государственной власти не будет ни предотвращения общественного вреда, ни личной безопасности. Права, записанные в брежневской конституции 1977 года, не были защищены из-за репрессивного характера государства. Права, записанные в ельцинской конституции 1993 года, не могут быть обеспечены из-за отсутствия у государства воли и средств.

Итак, политическая раздробленность и разложение власти делают невозможным осуществление либеральных свобод. Этот факт заставляет предположить, что либерализм не должен стремиться исключительно (или хотя бы главным образом) к ослаблению государственной власти. В свете современного

российского опыта на первый план выходит способность либерального государства сосредоточивать власть в руках ответственных перед обществом лиц и эффективно пользоваться этой властью.

В свое время образ одинокого отказника в лапах у беспощадного государственного монстра привел к односторонней интерпретации либеральных прав. Огромный тяжкий опыт говорил, казалось, о том, что права человека – это, по существу, «стены», воздвигаемые для защиты от государства. В этой метафоре, несомненно, есть своя правда. Но ее недостаточность становится очевидной на примере сегодняшней России, где неудача либеральных реформ проявляется наиболее явно в том, что между государством и обществом выросла стена безразличия. Коррумпированные должностные лица, которым нет нужды никого угнетать, живут в одном мире, а деполитизированные граждане – в другом ‹…› либерализм в истинном смысле слова имеет своей целью не изоляцию общества от государства, а, напротив, поддержание эффективных открытых каналов для консультаций и партнерства между честными представителями власти и честными рядовыми гражданами. В либеральном государстве нарушение прав личности означает неповиновение власти. А отсутствие государства столь удручающе потому, что отсутствует тот единственный общественный институт, который может обеспечить нуждающимся необходимую защиту. Иначе говоря, государство – самая крупная и самая надежная правозащитная организация. Там, где такое государство не может эффективно осуществлять свою власть, последовательно обеспечивать и защищать права человека невозможно. Без действенной государственной власти не будет ни прав человека, ни гражданского общества. Этот урок очевиден, хоть он и противоречит тем убеждениям, которые привиты нам антитоталитарным воспитанием».

В. В. ПУТИН. ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ, 2000 год [9]

«Без укрепления государства нельзя решить ни одну общенациональную задачу. И хотя укрепление государства не первый год провозглашается важнейшей целью российской политики, дальше деклараций и пустых разговоров мы никуда не продвинулись за эти годы. Никуда!

Наша позиция предельно ясна: только сильное, эффективное, если комуто не нравится слово «сильное», скажем эффективное государство и демократическое государство в состоянии

защитить гражданские, политические, экономические свободы, способно создать условия для благополучной жизни людей и для процветания нашей Родины».

«Мы убедились: нерешительность власти и слабость государства сводят на нет экономические и другие реформы. Власть обязана опираться на закон и сформированную в соответствии с ним единую исполнительную вертикаль.

Мы создали «острова» и отдельные «островки» власти, но не возвели между ними надежных мостов. У нас до сих пор не выстроено эффективное взаимодействие между разными уровнями власти. Мы с вами очень много и часто говорили об этом. Центр и территории, региональные и местные власти все еще соревнуются между собой, соревнуются за полномочия. А за их часто взаимоуничтожающей схваткой наблюдают те, кому выгодны беспорядок и произвол, кто использует отсутствие эффективного государства в собственных целях. И некоторые хотели бы сохранить такое положение на будущее.

Вакуум власти привел к перехвату государственных функций частными корпорациями и кланами. Они обросли собственными теневыми группами, группами влияния, сомнительными службами безопасности, использующими незаконные способы получения информации.

Между тем государственные функции и государственные институты тем и отличаются от предпринимательских, что не должны быть куплены или проданы, приватизированы или переданы в пользование, в лизинг. На государственной службе нужны профессионалы, для которых единственным критерием деятельности является закон. Иначе государство открывает дорогу коррупции. И может наступить момент, когда оно просто переродится, перестанет быть демократическим.

Вот почему мы настаиваем на единственной диктатуре – диктатуре Закона. Хотя я знаю, что выражение это многим не нравится. Вот почему так важно указать границы той области, где государство является полноправным и единственным хозяином. Четко сказать, где оно – последний арбитр, и обозначить те сферы, куда оно не должно вмешиваться.

Мотором нашей политики должны стать инициативные и ответственные федеральные органы исполнительной власти. В основе их полномочий – конституционный долг обеспечить прочность исполнительной вертикали, общегосударственный мандат доверия, полученный в результате демократических выборов Президента, единая стратегия внутренней и внешней политики.

Но без согласованной работы с региональными и местными

властями федеральные органы власти ничего не добьются. Власть на местах также должна стать действенной. По сути, речь идет о собирании всех ресурсов государства с целью реализации единой стратегии развития страны».

В. В. ПУТИН. ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ, 2005 год

«В течение последних пяти лет мы были вынуждены решать трудные задачи по предотвращению деградации государственных и общественных институтов. Но в то же время обязаны были создавать основы для развития на годы и десятилетия вперед. Мы вместе разбирали завалы и постепенно продвигались дальше. И в этой связи политика стабилизации фактически была политикой реагирования на накопленные проблемы. Эта политика в целом оправдала себя. Но к настоящему времени себя уже исчерпала.

Теперь ей на смену должна прийти политика, устремленная в будущее. И для этого нам крайне необходимо эффективное государство. Однако, несмотря на многие позитивные изменения, эта – действительно центральная – проблема в полной мере не решена.

Наше чиновничество еще в значительной степени представляет собой замкнутую и подчас просто надменную касту, понимающую государственную службу как разновидность бизнеса. И потому задачей номер один для нас по-прежнему остается повышение эффективности государственного управления, строгое соблюдение чиновниками законности, предоставление ими качественных публичных услуг населению.

Особенностью последнего времени стало то, что наша недобросовестная часть бюрократии (как федеральной, так и местной) научилась потреблять достигнутую стабильность в своих корыстных интересах ‹…›.

И если сейчас, когда созданы предпосылки для серьезной и масштабной работы, государство поддастся соблазну простых решений, то верх возьмет бюрократическая реакция. Вместо прорыва мы можем получить стагнацию. При этом потенциал гражданского общества останется невостребованным, а коррупция, безответственность и непрофессионализм будут стремительно нарастать, возвращая нас на путь деградации экономического и интеллектуального потенциала нации и все большего отрыва власти от интересов общества, нежелания госаппарата слышать запросы людей.

Повторю, наша действительность не может нас удовлетворить. Ведь освободив крупнейшие средства массовой

информации от олигархической цензуры, мы не защитили их от нездорового рвения отдельных начальников. Направляя правоохранительные органы на справедливую борьбу с преступлениями, в том числе налоговыми, то и дело обнаруживаем грубые нарушения прав предпринимателей. А порой и просто откровенный рэкет со стороны государственных структур.

Многим чиновникам кажется, что так будет всегда. И что подобные издержки – это и есть результат.

Должен их огорчить. В наши планы не входит передача страны в распоряжение неэффективной коррумпированной бюрократии».

ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ

1. «Политика есть практическая реализация нравственных норм». Какие из философов, упоминаемых в разделе, скорее всего согласились бы с этим утверждением, а кто выдвинул возражения?

За_____

Против_____

2. «Политика есть борьба». У кого из философов этот тезис нашел бы горячую поддержку?

За_____

3. Составьте перечень аргументов (со ссылками на мнения мыслителей из этого раздела) в пользу необходимости сильного государства и перечень аргументов против чрезмерного усиления государства.

Сильное государство необходимо, потому что…

_____

Чрезмерно сильное государство опасно, потому что…

_____

Какие из этих аргументов более убедительны в современной российской ситуации?

_____

2. ЧТО ТАКОЕ ЭЛИТЫ?

Власть всегда принадлежит кому-то. В каждом обществе кто-то правит. Правящий слой в современной науке называется «властвующей элитой» или просто «элитой». Это понятие было введено итальянским ученым Вильфредо Парето, переосмыслившим предложенное итальянским же социологом Гаэтано Моской понятие «правящего класса». Ученик М. Вебера Роберт Михельс развил концепцию элиты, обосновав ее появление как в обществе в целом, так и в таких его ячейках, как политические партии, профсоюзы и парламенты, необходимостью организации. Михельс сформулировал «железный закон олигархии», согласно которому в любом организованном сообществе людей неизбежно складывается олигархическая правящая группа.

Концепция элиты возникала в полемике с демократической идеологией – основатели элитизма прямо полемизировали с тезисом о том, что власть в государстве может принадлежать народу. Элитисты считали демократию циничным обманом народа. Поэтому эта концепция долгое время не пользовалась признанием в науке. Изменилось отношение к ней лишь в 1960-е годы, в связи с освобождением азиатских и африканских стран от колониальной зависимости и началом их собственного развития. Возникшая как осмысление этого опыта теория модернизации «реабилитировала» понятие элиты, наполнив его позитивным содержанием – элиты рассматривались как те, кто инициирует и осуществляет модернизацию. Способность элит модернизировать свои страны напрямую связывалась с их качеством – не всякие элиты пригодны для реализации этой цели. Отметим, что качество современной российской элиты вызывает глубокое неудовлетворение отечественных и зарубежных публицистов и исследователей. Именно со своекорыстием и аморализмом российской элиты связываются трудности и проблемы модернизации России.

Г. МОСКА. ПРАВЯЩИЙ КЛАСС[10]

Моска Гаэтано (1853—1941) – итальянский экономист, социолог и политолог, один из основоположников элитистского направления в политологии. Изучая как историю, так и современное ему общество, Моска пригнел к выводу, что власть в обществе осуществляется особым организованным меньшинством. Это организованное меньшинство он называл правящим классом. Анализируя структуру и динамику правящего класса, Моска отметил две присущие ему тенденции: аристократическую и демократическую. Первая, аристократическая, тенденция проявляется в том, что стоящие у кормила власти стремятся всячески закрепить свое господство и передать власть по наследству. Наблюдается, по выражению Моски, «кристаллизация» правящего класса, определенная застылость форм и методов управления, окостенелость и консерватизм. Обновление элиты при этом происходит крайне медленно. Вторая, демократическая, тенденция наблюдается тогда, когда в обществе происходят изменения в соотношении политических сил. Находящиеся у власти отчасти утрачивают свое значение, и тогда изменения в составе правящего класса происходят путем пополнения его рядов наиболее способными к управлению и активными представителями низших слоев общества.

«Среди неизменных явлений и тенденций, проявляющихся во всех политических организмах, одно становится очевидно даже при самом поверхностном взгляде. Во всех обществах существуют два класса людей – класс правящих и класс управляемых. Первый, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть и наслаждается теми преимуществами, которые дает власть, в то время как второй, более многочисленный класс управляется и контролируется первым в форме, которая в настоящее время более или менее законна, более или менее произвольна и насильственна и обеспечивает первому классу, по крайней мере внешне, материальные средства существования и все необходимое для жизнедеятельности политического организма.

В реальной жизни мы все признаем существование этого правящего класса ‹…›. Мы все знаем, что в нашей собственной стране, как бы то ни было, управление общественными делами находится в руках меньшинства влиятельных людей, с управлением которых, осознанно или нет, считается большинство. Мы знаем, что то же самое происходит в соседних

странах ‹…›.

Если в теории мы рассуждаем иначе, это отчасти связано с застарелыми привычками, которым мы следуем при размышлении, и отчасти с преувеличенным значением, которое придаем двум политическим фактам, кажущимся гораздо значительнее, чем есть на самом деле.

Первый факт – достаточно только открыть глаза, чтобы это увидеть, – заключается в том, что в каждом политическом организме есть один индивид, который является основным среди правящего класса как целого и находится, как мы говорим, у кормила власти. ‹…›

Второй факт обнаружить столь же несложно. Каким бы ни был тип политической организации, давление, вызванное неудовлетворенностью, недовольством управляемых масс, их чувствами, оказывает определенное влияние на политику правящего ‹…› класса.

Жить в свое удовольствие – удел плебея; благородный стремится к порядку и закону.

И. В. Гете

Но человек, стоящий во главе государства, определенно не в состоянии был бы управлять без поддержки со стороны многочисленного класса, не мог бы заставить уважать его приказы и их выполнять ‹…› этот человек определенно не может ссориться с данным классом или вообще покончить с ним. Если бы это было возможно, то ему пришлось бы сразу же создавать другой класс, без поддержки которого его действие было бы полностью парализовано. В то же время, утверждая, что неудовлетворенность масс может привести к свержению правящего класса, неизбежно, как будет показано далее, должно было бы существовать другое организованное меньшинство внутри самих масс для выполнения функций правящего класса ‹…›.

Власть всякого меньшинства непреодолима для любого представителя большинства, который противостоит тотальности организованного меньшинства. В то же время меньшинство организованно именно потому, что оно меньшинство. Сто человек, действуя согласованно, с общим пониманием дела, победят тысячу не согласных друг с другом людей ‹…›. Между тем для первых легче будет действовать согласованно ‹…› просто потому, что их сто, а не тысяча ‹…›.

‹…› в дополнение к большому преимуществу – выпавшей на долю правящего меньшинства организованности – оно так обычно

сформировано, что составляющие его индивиды отличаются от массы управляемых качествами, которые обеспечивают им материальное, интеллектуальное и даже моральное превосходство; или же они являются наследниками людей, обладающих этими качествами. Иными словами, представители правящего меньшинства неизменно обладают свойствами, реальными или кажущимися, которые глубоко почитаются в том обществе, где они живут.

‹…› все правящие классы стремятся стать наследственными если не по закону, то фактически. Все политические силы обладают, видимо, качеством, которое в физике называют силой инерции. Они имеют тенденцию оставаться на том же месте в том же состоянии ‹…›. Даже когда академические степени, научная подготовка, особые способности, выявленные в ходе проверки и конкурса, открывают доступ в государственные учреждения, тем самым отнюдь не устраняется то особое преимущество для определенных индивидов, которое французы называют преимуществом positions deja prises. Хотя экзамен и конкурс теоретически доступны для всех, на деле большинство не имеет ни средств для продолжительной подготовки, ни связей и титулов, которые быстро ставят индивида на правильную дорогу ‹…›. Демократический принцип выборов, основанных на широких избирательных правах, может на первый взгляд находиться в противоречии с тенденцией к стабильности, которую, согласно нашей теории, проявляют правящие классы. Однако необходимо отметить, что кандидаты, добивающиеся успеха в демократических выборах, почти всегда те, кто обладает указанной выше политической силой, чаще всего наследственной ‹…›.

Различие между человеком элиты и человеком массы: первый предъявляет к себе строгие требования; второй – всегда доволен собой, более того, восхищен.

Х. Ортега-и-Гассет

‹…› когда мы анализируем наследственную знать, утвердившуюся в стране и монополизировавшую политическую власть, можно быть уверенным, что такому статусу de jure предшествует статус de facto. До провозглашения их исключительного наследственного права на власть семьи или касты, о которых идет речь, должны твердой рукой взять руль управления, полностью монополизируя все политические силы своей страны в данный период. В противном случае такая

претензия с их стороны вызвала бы только сильный протест и спровоцировала острую борьбу ‹…›. ‹…› с изменением баланса политических сил, когда назревает необходимость проявления в государственном управлении новых черт, а старые способности отчасти утрачивают свою значимость или же происходят изменения в их распределении, меняется и способ формирования правящего класса. Если в обществе существует новый источник богатства, если возрастает практическая значимость знания, если находится в упадке старая или появилась новая религия, если распространяется новое идейное течение, тогда одновременно и в правящем классе происходят далеко идущие перемены ‹…› вся история цивилизованного человечества низводится до конфликта между стремлением доминирующих элементов монополизировать политическую власть и передать ее по наследству и стремлением расщепить старые силы и возвысить новые. ‹…› Правящие классы неизбежно приходят в упадок, если перестают совершенствовать привычные для них социальные функции, а их таланты и служба утрачивают в обществе свою значимость ‹…›.

В истории народа может случиться и так, что торговые отношения с иноземцами, вынужденная эмиграция, открытия, войны порождают новую **бедность** и новое богатство, способствуют распространению преимущественно неизвестного ранее знания и проникновению новых моральных, интеллектуальных и религиозных идей. И опять в результате такого проникновения, или вследствие процесса постепенного внутреннего развития, или же в силу обеих причин ‹…› новые идеи и убеждения выдвинутся вперед и опрокинут укоренившиеся, с помощью которых поддерживалась покорность масс. Правящий класс также может быть полностью или частично побежден и уничтожен иностранным вторжением или, когда возникают упомянутые выше обстоятельства, может быть лишен власти с приходом новых социальных элементов, сильных политических сил. Тогда, естественно, наступает период обновления либо, если кому-то больше нравится, революции, в ходе которой проявляется свобода действий индивидов, часть которых, наиболее пассионарных, энергичных, бесстрашных или просто самых практичных, прокладывает себе дорогу с нижних ступеней социальной лестницы наверх.

Если началось такое движение, сразу остановить его невозможно. Пример индивидов, которые начинали с нуля и достигли заметного положения, вызывает честолюбивые замыслы, алчность, новые усилия, и это молекулярное обновление правящего класса продолжается до тех нор, пока не сменится продолжительным периодом социальной стабильности ‹…›. Когда

общественная жизнь начинается в таких условиях, а правящий класс находится только в процессе формирования, доступ в него прост ‹…›.

Предположим теперь, что общество переходит постепенно от лихорадочного состояния к покою. Поскольку у человеческого существа всегда одни и те же психологические устремления, те, кто принадлежит к правящему классу, начнут обретать чувство солидарности с ним. Они все более становятся недоступными, все лучше овладевают искусством использовать к своей выгоде необходимые для достижения и удержания власти качества и способности. Далее, появляется и носящая консервативный характер сила – сила привычки. Многие люди смиряются со своим низким положением, в то время как члены определенных привилегированных семей или классов все более убеждаются в том, что обладают почти абсолютным правом на высокое положение и правление ‹…«.

В. ПАРЕТО. КОМПЕНДИУМ ПО ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ [11]

Парето Вилъфредо (1848—1923) – итальянский экономист, социолог и политолог, один из основоположников теории элит. Исходный тезис Парето гласит: люди различаются между собой физически, морально и интеллектуально. Совокупность индивидов, добивающихся высоких результатов в любой области, ученый назвал элитой, которую подразделял на правящую и неправящую. К правящей элите относятся, по его мнению, те группы, которые прямо или косвенно принимают участие в управлении. Именно правящая элита осуществляет власть в обществе, захватывая все командные высоты. Неправящая элита – это те, кто по своим способностям мог бы править, но в реальности лишен этой возможности правящей элитой. Вступив в борьбу за власть, неправящая элита превращается в контрэлиту. Если ей удается получить поддержку масс, она может стать правящей. По Парето, существуют два главных типа элит, которые последовательно сменяют друг друга. Первый тип – «львы», характеризуется консерватизмом и силовыми методами правления. Второй тип – «лисы», мастера демагогии, обмана, политических комбинаций. Общество, в котором преобладает элита «львов» застойно. Элита «лис» придает обществу динамизм. Механизм социального равновесия функционирует нормально, когда обеспечен пропорциональный приток в элиту людей первой и второй ориентации. Циркуляция правящей элиты осуществляется путем отторжения из нее членов, утративших способности к управлению, и привлечения в ее состав новых талантливых членов из массовых социальных групп. Прекращение циркуляции приводит к вырождению правящей элиты и открывает возможность ее радикальной смены контрэлитой, однако даже полная замена лиц не приводит к исчезновению самой элиты как социального слоя.

«Нравится это некоторым теоретикам или нет, фактически человеческое общество неоднородно; люди различны физически, морально и интеллектуально. Мы намереваемся исследовать здесь реальные феномены, поэтому должны учитывать данное обстоятельство, а также принимать во внимание и другой фактор, а именно, что социальные классы не отделены друг от друга полностью даже там, где существуют касты, и что в современных цивилизованных нациях между ними происходит интенсивная циркуляция ‹…›.

‹…› Мы пока не касаемся хорошей или плохой, полезной или вредной, похвальной или достойной порицания природы человеческих характеров; обратим внимание лишь на тот уровень, которым они обладают: низкий, посредственный, высокий, или, точнее, на то, какой индекс может быть присвоен каждому человеку в соответствии с вышеобозначенным уровнем его характера.

Итак, предположим, что в каждой сфере человеческой деятельности каждому индивиду присваивается индекс его способностей, подобно экзаменационным оценкам ‹…›. Тому, кто сумел нажить миллионы (неважно, честно или нечестно), – 10, зарабатывающему тысячи лир – 6, тому, кто едва не умирает с голода, – 1, а находящемуся в приюте нищих – 0 ‹…›. Ловкому жулику, обманывающему людей и не попадающему при этом под действие уголовного кодекса, поставим 8,9 и 10, в зависимости от числа простофиль, которых он заманил в свои сети, и количества вытянутых из них денег; нищему воришке, укравшему один столовый прибор у трактирщика и к тому же позволившему карабинерам схватить себя, дадим индекс 1 ‹…›. И так далее, для всех сфер деятельности человека.

> **Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которых народ любит и возвышает. Еще хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает.**
>
> ***Лао-цзы***

Обратим внимание на то, что речь идет о фактическом, а не о потенциальном состоянии. Если на экзамене по английскому языку кто-нибудь скажет: «Если бы я захотел, я смог бы отлично знать английский; я его не знаю, поскольку не хотел его учить», то экзаменатор ответит: «Мне совершенно не важно, почему вы его не знаете. Вы его не знаете, и я вам ставлю 0». Подобным образом тому, кто сказал бы: «Этот человек не ворует не потому, что он не смог бы, но потому, что он порядочный», мы бы ответили: «Очень хорошо, мы воздаем ему хвалу; но как вору мы ставим ему 0».

Некоторые преклоняются перед Наполеоном I как перед богом, а есть такие, которые ненавидят его как последнего преступника. Кто прав? Мы не хотим отвечать на этот вопрос,

связанный с совершенно другой темой. Каким бы, хорошим или плохим, ни был Наполеон I, он, несомненно, обладал исключительными качествами, и этого достаточно, чтобы мы поместили его на высокий уровень ‹…›.

Таким образом, мы составим класс тех, кто имеет наиболее высокие индексы в своей сфере деятельности, который мы назовем избранным классом, элитой; подразумевается, что граница, отделяющая ее от остального населения, не является и не может являться точной, подобно тому, как неточна граница между юностью и зрелым возрастом, что, однако, не означает, что бесполезно рассматривать эти различия.

Для исследования, которым мы занимаемся ‹…› полезно также разделить этот класс на две части; выделим тех, кто прямо или косвенно играет заметную роль в управлении обществом и составляет правящую элиту; остальные образуют неуправляющую элиту.

Итак, мы имеем две страты населения, а именно: 1) низшая страта, не элита, относительно которой мы пока не выясняем, какую роль она может играть в управлении; 2) высшая страта, элита, делящаяся на две части: а) правящая элита; б) неуправляющая элита.

‹…› На практике не существует экзаменов для определения места каждого индивида в этих стратах; их отсутствие восполняется другими средствами, с помощью своего рода этикеток, которые более или менее достигают данной цели ‹…›. Например, этикетка адвоката обозначает человека, который должен знать закон ‹…›. Аналогичным образом в правящую элиту входят люди с этикетками о принадлежности к политической службе достаточно высокого уровня, например, министры, сенаторы, депутаты, начальники отделов министерств, председатели апелляционных судов, генералы, полковники, однако при этом необходимо исключить тех, кому удалось проникнуть в их ряды, не имея соответствующих полученной этикетке качеств.

Таких исключений гораздо больше, чем в случаях с врачами, инженерами или же теми, кто обнаружил свой талант в музыке, литературе и т. п., в частности, потому, что во всех этих сферах человеческой деятельности этикетку получает непосредственно каждый индивид, в то время как у элиты часть этикеток передается по наследству ‹…›.

К массе духовного принадлежит тот, кто в каждом вопросе довольствуется готовой мыслью, уже сидящей в его голове. Наоборот, человек элиты не

ценит готовых мнений, взятых без проверки, без труда, он ценит лишь то, что до сих пор было недоступно, что приходится добывать усилием.

Х. Ортега-и-Гассет

‹…› Если бы все эти отклонения от основной модели были малозначительными, то ими можно было бы пренебречь, как на практике ими пренебрегают в тех случаях, когда для отправления определенной службы требуется диплом. Известно, что некоторые люди имеют дипломы незаслуженно; но в конце концов опыт показывает, что в общем это обстоятельство можно не учитывать ‹…›. Однако ‹…› отклонений не настолько мало, чтобы ими можно было пренебречь; их число меняется, и отсюда проистекают очень важные для поддержания социального равновесия проблемы; поэтому следует изучать их специально. Кроме того, необходимо понять, каким образом смешиваются различные группы населения. Тот, кто из одной группы переходит в другую, приносит с собой, как правило, определенные склонности, чувства, предрасположенности, приобретенные в той группе, из которой он происходит; и с этим обстоятельством следует считаться. Подобный феномен в том случае, когда рассматриваются только две группы – элита и не элита, называется «циркуляция элит» ‹…›.

‹…› факты циркуляции индивидов между этими двумя стратами настолько очевидны, что во все времена они доступны даже малоопытному наблюдателю. Начиная с Платона, почувствовавшего эту проблему ‹…› многие рассуждали о «новых людях», «парвеню», и существует огромное количество посвященных им литературных произведений.

‹…› В высшей страте общества, элите, номинально присутствуют некие группы людей, порой не вполне определенные, называющие себя аристократиями ‹…›. Аристократии не вечны. Каковы бы ни были причины, неоспоримо то, что через какое-то время они исчезают. История – это кладбище аристократий ‹…›.

‹…› Правящий класс восстанавливается не только численно, но, что более важно, и качественно: благодаря семьям из низших классов, приносящим энергию и пропорции остатков, необходимые для удержания власти. Он восстанавливается также и благодаря тому, что теряет своих наиболее деградировавших членов. Если один из этих процессов прекратится или, что еще хуже, прекратятся оба, правящий класс придет к упадку, часто влекущему за собой упадок всей нации ‹…›.

В результате циркуляции элит правящая элита находится в

состоянии постоянной и медленной трансформации, движется подобно реке; сегодня она уже не та, что была вчера. Время от времени происходят неожиданности и жестокие потрясения, подобные наводнениям; затем новая правящая элита вновь начинает постепенно меняться: река, вошедшая в свое русло, возобновляет обычный путь.

‹…› Революции происходят, поскольку с замедлением циркуляции элиты или по какой-либо другой причине в высших стратах общества накапливаются деградировавшие элементы ‹…› в то время как в низших стратах возрастает число элементов высшего качества ‹…›.

Насильственные изменения происходят внезапно, и, следовательно, результат не следует немедленно за причиной. В том случае, если правящий класс или нация в течение длительного времени удерживали власть силой и разбогатели, они могут еще некоторое время просуществовать без помощи силы, купив мир у противников и оплатив его золотом или же принеся в жертву завоеванные до того честь и уважение, что, впрочем, также составляет определенный капитал. На первых порах власть удерживается с помощью уступок, и возникает ложное представление, что это может продолжаться бесконечно».

СОВРЕМЕННАЯ ДИСКУССИЯ
Л. МЕДВЕДЕВ. СОХРАНИТЬ ЭФФЕКТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО В СУЩЕСТВУЮЩИХ ГРАНИЦАХ

***С руководителем администрации президента России Дмитрием Медведевым беседует главный редактор журнала «Эксперт» Валерий Фадеев*[12]**

– Дмитрий Анатольевич, в прошлом году президент России объявил о целом ряде серьезных преобразований в политическом устройстве страны. Наибольшие споры вызвала новая система избрания руководителей регионов. Сегодня эта новая технология уже действует. Каковы принципы подбора кандидатов на губернаторские посты? Отдается ли предпочтение чиновникам или людям из других областей деятельности? Какой корпус губернаторов мы увидим через несколько лет?

В иерархии каждый служащий стремится достичь своего уровня некомпетентности.

Принцип Питера

– Новый способ избрания главы региона появился вовсе не для того, чтобы перетряхнуть наш губернаторский корпус. Этот корпус, на мой взгляд, в целом вполне квалифицирован и работоспособен. Вопрос был в единстве исполнительной власти в масштабе России. И, как следствие, в ее эффективности. Новая система избрания губернаторов, направленная на укрепление единства власти, должна консолидировать региональные элиты, создать условия для большей эффективности в исполнении принятых решений.

Основной принцип подбора кандидата на должность губернатора очевиден – это профессиональная способность исполнять обязанности. Все остальное – образование, собственная команда и даже опыт – очень важно, но вторично. Знаете, в прежние годы был так называемый кадровый резерв. Его отсутствие ощущается сегодня чрезвычайно сильно. Этот резерв мог бы охватывать все должности, в том числе и губернаторов, и сельских старост, и министров. Хотелось бы и притока «свежей крови». Считаю ситуацию, когда губернатором может стать и

карьерный чиновник, и менеджер из бизнеса, и политик федерального уровня, абсолютно нормальной. Лишь бы он был готов к эффективной работе, к нормальным коммуникациям с региональными элитами и центральной властью. Линия общественного развития непрерывна. И я надеюсь, что через несколько лет мы увидим синтез опыта, накопленного действующими сегодня губернаторами, и современных подходов, привнесенных новыми людьми. ‹…›

– Президент Путин, отвечая на нападки западной общественности, часто говорит о том, что народ России сам выбрал для себя свободу, и никто не собирается от этого выбора отступать. Между тем, если посмотреть программы политических партий, можно увидеть, что партий, активно защищающих свободу, частную жизнь и неразрывно связанные с ними права собственности, в стране фактически нет. Администрация президента известна своим активным участием в конструировании политической среды России. Будет ли она предпринимать усилия по формированию в стране настоящей правой партии?

– Знаете, может быть, одна из исторических бед России состоит в пренебрежении ценностями частной жизни и частной собственности. Подсознательный коллективизм российских людей использовали самые разные силы – от монархистов до большевиков. Последствия этого видны до сих пор. Многие партии просто опасаются говорить о защите частной собственности, симметричной защите государственной.

Общая тенденция такова, что со временем каждая должность будет замешена работником, недостаточно компетентным для выполнения своих обязанностей. Всю работу выполняют те служащие, которые еще не достигли своего уровня некомпетентности.

Следствия Принципа Питера

Кроме того, программные цели значительной части политических сил невнятны, их идеология смазана, у них нет собственного лица. Политическая элита у нас не структурирована. Недостаток нормальной правой идеологии плодит суррогаты и предрассудки. Подчас политик из правого лагеря может сказать (а то и сделать) такое, что не снилось радикальному левому. Посмотрите, как повели себя многие из тех, кто относит себя к правому спектру, в ходе так называемой

монетизации льгот. Никто из них ясно не сказал, что замена льгот деньгами – одно из самых примитивных условий первоначального развития рынка.

Наличие нормальной правой партии – системообразующая вещь. Нет вразумительных правых – нет ни центра, ни левых. Но появится такая партия только при наличии людей, объединенных истинно правыми ценностями, а не желанием пролезть в Думу. Не исключаю, что одним из плацдармов для развития правой идеологии могла бы стать и соответствующая фракция в «Единой России».

– СМИ любят муссировать тему борьбы разных элитных группировок, в том числе в администрации президента. Между тем представляется, что страна сегодня недостаточно сильна, чтобы позволить себе борьбу внутри элиты. Возможна ли в ближайшие годы консолидация российской элиты и если да, то на какой платформе?

– Если мы не сумеем консолидировать элиты, Россия может исчезнуть как единое государство. С географических карт были смыты целые империи, когда их элиты лишились объединяющей идеи и вступили в смертельную схватку. Консолидация российской элиты возможна только на одной платформе – для сохранения эффективной государственности в пределах существующих границ. Все остальные идеологемы вторичны. За последние годы удалось укрепить единство государства, обеспечить должную стабильность для экономического роста. Но если расслабиться и отдаться на волю волн, последствия будут чудовищными. Распад Союза может показаться утренником в детском саду по сравнению с государственным коллапсом в современной России. И тогда уж плохо будет всем, в том числе нашим ближним и дальним соседям.

В современном российском обществе – компрадорские элиты. Они представляют крупный частный сектор, олигархов и связанную с ним политическую верхушку. А все остальное – персонал, обслуживающий интересы экономических элит. Людей, которых волнует судьба России, много. А вот элита если и разделилась, то на тех, кто готов присягнуть возможному кандидату, предложенному Вашингтоном, и тех, кто это сделает при определенных обстоятельствах. С идеологической точки зрения между ними нет противоречий, но интересы, естественно, сталкиваются. И не будет

между ними никакого примирения даже перед лицом угрозы распада России («Труд», 23.04.2005).

Александр Дугин, политолог

Что касается борьбы группировок в администрации, то это один из расхожих политологических штампов. Последние пять лет в аппарате президента существует лишь одна группа. Это команда тех, кто помогает президенту исполнять его конституционные полномочия. Конечно, у нас работают люди, прошедшие разный жизненный путь, имеющие разные корни и круг общения. Взгляды людей по отдельным вопросам также могут различаться. Это хорошо. Мы не ЦК КПСС и не пропагандируем единомыслия. Главное – не утратить критичность по отношению к себе, не опуститься до примитивных управленческих схем, забыв об истинных целях государственной деятельности. ‹…›

– Накануне президентских выборов 2000 года аналитики писали, что в России каждые выборы связаны с риском пересмотра самих основ общественно-политического устройства страны. Сохранится ли этот риск к 2008 году? Какие другие серьезные политические риски 2008 года вы видите?

– Несмотря на стабильное развитие нашего государства в последнее пятилетие, риск резкого изменения вектора развития страны сохраняется (при том что серьезной угрозы основам политического устройства страны, на мой взгляд, не существует). Он, конечно, значительно меньше, чем в 1996 году. Но и сегодня остаются серьезные проблемы, способные раскачать общество и привести к серии общественных катаклизмов. Это терроризм, бедность, преступность.

Кроме того, история России показывает, что сам по себе легальный переход власти у нас почти всегда был непростым. ‹…› Поэтому основной риск – дестабилизация общественной жизни, возникшая вследствие актов террора и грубых экономических ошибок и проходящая на основе масштабной драки элит. Она ведет к переделу собственности, возникновению региональных барьеров, сепаратизации общественной и хозяйственной сфер. ‹…›

– «Дело ЮКОСа» подняло волну разговоров, с одной стороны, о нелегитимности крупной промышленной собственности, приватизированной в девяностые годы, а с другой – о слабой защищенности прав собственности в России вообще. На ваш взгляд, существует ли проблема легитимности собственности, надо ли прилагать особые политические усилия для ее решения? И

как решать безусловно существующую проблему слабости прав собственности?

– Не понимаю, что означает «легитимность собственности». Такого понятия в праве нет. Более того, вопреки распространенному мнению неправильно, на мой взгляд, говорить и о слабой защищенности права собственности по нашему законодательству. Гражданский кодекс и другие законы в сфере гражданского права сегодня у нас одни из самых современных в мире. Проблема, очевидно, в другом. Во-первых, нашим отношениям собственности не хватает стабильности. Норма права есть, а спокойствия нет. Вот корень всех опасений. Справедливости ради еще раз напомню, что проблема неуважения к собственности – одна из исторических российских проблем. Приватизация девяностых годов была революционна, проходила быстро, правила менялись и были не всегда продуманны. Отсюда обеспокоенность: придут и отнимут под надуманным предлогом. Надо закрыть эти опасения юридически корректным способом.

Когда о монархе говорят, что он добр, значит, он ни к черту не годится.

Наполеон I

Во-вторых, существует явная неудовлетворенность деятельностью судебной системы. Советская система защиты права собственности в суде была однобока и недоразвита, российская только становится на ноги. Вредную роль в ее развитии сыграли и отдельные коммерческие споры, когда на защиту интересов враждующих бизнес-групп бросались все возможные ресурсы, начиная от властных и заканчивая, что греха таить, денежными. С этим необходимо кончать. «Рынок правосудия» должен быть полностью свернут. Сегодня это понимают все, кто участвовал в его формировании. Возник общественный консенсус в отношении ценности суда для всех. Теперь главное – соблюдать правила приличия, не пытаться влиять на ход принятия решения. Независимая судебная система нужна всем – и власти, и бизнесу, и отдельному гражданину.

– Позвольте затронуть региональный аспект. Ни для кого не секрет, что местные руководители зачастую весьма серьезно используют административный ресурс для вмешательства в дела бизнеса. Бюрократы, чиновники часто прикрываются государством, а на самом деле выступают как частные игроки в экономическом пространстве. Как разделить власть бюрократии на местах и бизнес?

– Это очень серьезная проблема, когда бюрократ выступает, как вы сказали, как частный игрок. Естественно, что, когда чиновников много, эта проблема умножается на десять, на сто, на тысячу и в конечном счете может привести к образованию общественного тренда. Куда идет государство – по пути развития эффективного рынка или же оно превращается в плохо управляемую коррумпированную страну с административным капитализмом. Это проблема и общественного выбора, и эффективности государства. Кстати сказать, это и вопрос отношения бизнеса к своим обязанностям. Здесь ответственность взаимна. Хотелось бы надеяться, что в ближайшем будущем векторы понимания общественной пользы бизнеса и государства полностью совпадут и дадут сильный эффект.

– То есть когда элиты наконец договорятся на какой-то ясной основе. А основа, как вы сказали, – сохранить страну.

– Конечно. Ничего другого объединяющего в ближайшей исторической перспективе для России не предполагается. Нам действительно нужно сохранить большое доставшееся нам в наследство государство – государство с множеством проблем, но в то же время с огромным количеством возможностей. ‹…›

– В прошлом году власть очень активно говорила о необходимости усиления социальной роли и ответственности бизнеса. Предполагается, что это быстрее избавит Россию от бедности. Но ведь, оказывая любое давление на бизнес, власть ограничивает его естественное развитие, его творчество. Как писал Фернан Броделъ, «капитализм для своего развития требует некоторого попустительства со стороны государства». Не было бы более эффективным для нашего общества, если бы частный бизнес занимался развитием частных рынков, а непосредственной борьбой с бедностью занималось само государство?

– Можно сказать и иначе: «Капитализм – это то, чем занимаются люди, если их оставить в покое» (Кеннет Мигоут). Но приведенное вами разделение обязанностей – упрощение. Корешки – развитие частных рынков – частному бизнесу, а вершки – борьба с бедностью – государству. Во-первых, частные рынки должны формироваться и в результате деятельности госсектора. В противном случае нам грозит возврат в двухсекторную экономику. Во-вторых, надо честно признать: государству в одиночку не справиться с бедностью. Кроме того, это закрепляет вредные патерналистские подходы в головах у людей. Я бедный, сирый, пусть государство мне поможет. Бизнес не для меня, а для кровососов-предпринимателей. С подобной

психологией мы будем бороться. Взаимная ответственность государства и бизнеса за дела в стране – именно то, что нам нужно.

ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ

1. Можно ли, на Ваш взгляд, добиться существенных изменений в обществе, не изменив качество правящей элиты? Почему?

_____

2. Сформируйте список качеств, которыми должен обладать человек, чтобы претендовать на место в правящей элите.

_____

3. Является ли доступ в правящую элиту в современной России скорее закрытым или скорее открытым? Почему?

_____

4. Опишите, в результате каких процессов произошло формирование современной российской правящей элиты.

_____

5. Что более опасно для нашей страны сегодня – раскол внутри правящей элиты или сохранение компрадорской элиты у власти? Возможно ли какое-то решение, которое бы обеспечивало приход нового поколения элиты без угрозы для суверенитета страны?

_____

3. СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Может быть, это ключевой раздел данной книги. Его задача показать, что Россия еще находится в переходе (транзите, как говорят ученые) и ее движение к идеальной модели, во-первых, не закончено, а во-вторых, не будет осуществляться под давлением.

Понятия современного общества (или общества современного типа) и модернизации взаимосвязаны – модернизация как раз и означает процесс перехода от традиционного общества к современному. Наиболее систематическое толкование сути понятия современного общества принадлежит Т. Парсонсу. Однако терминология Т. Парсонса довольно сложна, поэтому мы ограничились лишь его рассуждением о месте, в котором зародилось современное общество. Среди отечественных исследователей, развивая положения Т. Парсонса об институтах современности, оригинальную трактовку понятий современного общества и модернизации создали В. М. Сергеев и Н. И. Бирюков.

Экстравагантный взгляд на общественное развитие присущ американскому психологу Тимоти Лири.

С точки зрения теории модернизации Россия начала переход к обществу современного типа в XVIII столетии (реформы Петра Великого) и не завершила до сих пор. Модернизация была основной целью преобразований М. Горбачева и Б. Ельцина. В. В. Путин ставит задачу завершения модернизации страны.

Мы приводим здесь высказывания американских политологов для того, чтобы показать, как идет дискуссия о возможности модернизации других стран по образцу США и цивилизационном разломе в современном мире.

Почему так трудно достигнуть демократии, хотя выгоды ее очевидны? Почему столь многие попытки установить демократическое правление закончились неудачей и даже установлением жестоких диктатур на месте сравнительно мягких режимов?

Еще в XIX веке К. Маркс в сжатом очерке «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» показал причины крушения возникшей в результате февральской революции 1848 года во Франции республики – самого демократического до того времени государства.

Ныне ответы на эти вопросы пытается дать целая специальная дисциплина – транзитология (раздел политической науки о переходе к демократии). В ее рамках оказалось возможным

установить, что демократия не возникает «по умолчанию» в случае распада или свержения авторитарной власти и не создается усилиями демократов (как бы ни были чисты их намерения). Демократия представляет собой исход конфликта внутри элит, причем отнюдь не обязательно демократия станет результатом перехода. Само по себе падение недемократического режима (аналогичное краху власти КПСС в 1991 году) еще не гарантирует получение благ демократии. Формирование устойчивой демократии – это длительный процесс постепенного расширения общественного контроля за государственной властью, расширения и реального обеспечения прав человека. Иллюзией было бы считать, что какая-то страна прошла этот путь до конца. Другая иллюзия – что может быть какая-то универсальная модель демократии. Американская демократия отличается от французской, французская от скандинавской, скандинавская от индийской и т. д. Чтобы быть устойчивой, демократия должна опираться на национальный опыт развития. Вот почему «экспорт демократии» редко приводит к желаемому результату. В любом случае (как, например, это показывает Растоу) национальное единство и суверенитет – важные предпосылки формирования реальной демократии. Еще одна важная мысль (ее отстаивают, в частности, Бирюков и Сергеев) – модернизация не сводится только к демократизации. Формирование конкурентоспособной рыночной экономики, современной науки, эффективной бюрократии – не менее важные аспекты модернизации. Общества, ушедшие с пути модернизации, обречены на исчезновение.

Т. ПАРСОНС. СИСТЕМА СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ [13]

Парсонс Толкотт (1902—1979) – один из основоположников современной социальной науки. Стоял у истоков зарождения профессиональной социологии, создания Американской социологической ассоциации, президентом которой являлся. Создатель теории действия и структурно-функциональной школы в социологии. Социальная система, по мнению Парсонса, для своего сохранения и выживания вынуждена так или иначе реализовывать четыре основные функции: адаптацию к меняющейся среде, целедостижение, интеграцию и поддержание образа. На уровне социальной системы функцию адаптации обеспечивает экономическая подсистема, функцию целедостижения – политическая подсистема, функцию интеграции – правовые институты и обычаи, функцию поддержания – система верований, мораль, семья, учреждения образования и т. д. В различных социальных системах, различных обществах эти функции осуществляются разными институтами, что позволяет Парсонсу построить схему развития от традиционных обществ к современному. По сей день Парсонс остается одним из наиболее значимых теоретиков социологии.

«Современный тип общества возник в единственной эволюционной зоне – на Западе, который, по сути, представляет собой часть Европы, ставшую наследницей западной половины Римской империи к северу от Средиземного моря. Следовательно, общество западного христианского мира послужило отправной точкой, из которой „взяло начало“ то, что мы называем „системой“ современных обществ. Независимо от того, оправдано или нет рассмотрение средневекового западного христианского мира как единого общества, пришедшие ему на смену территориальные государства и культурные образцы, называемые национальными, получили такое развитие, что для эпохи современности весь этот комплекс может рассматриваться только как система обществ».

Нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми.

Н. Макиавелли

«Вебер поставил вопрос о том, содержится ли в опыте современного Запада универсальная значимость или нет. Ссылаясь на экспериментальную науку, искусство, рациональные правовые и административные системы, современное государственное устройство и „рациональный буржуазный капитализм“, он делал вывод, что комбинация всех этих факторов создает уникальную социокультурную систему, обладающую не знающей себе равных адаптивной способностью».

«Одним из аспектов этого подхода является параллель между возникновением человека как биологического вида и появлением обществ современного типа. Биологи полностью согласны в том, что все люди принадлежат к одному виду, имеющему один эволюционный источник. Из этого источника произошел человек, который отделился от других видов за счет своей способности созидать, обучаться и пользоваться символическими системами (культурой) в форме языка и других посредников. В этом смысле все человеческие сообщества „культурны“, и если обладание культурой является неотъемлемым критерием человеческого общества, то коллективные формы организации у других видов следует именовать протообществами».

«Есть основания предполагать, что эволюционный путь от древнейших человеческих обществ к сегодняшним сопровождался определенными скачками в развитии их адаптивной способности ‹…› возникновение системы современных обществ в ходе сложного, занявшего несколько столетий процесса развития представляло собой один из таких скачков. Многие воспримут сопряженный с этим утверждением тезис о том, что общества современного типа обладают более высокой и обобщенной, чем все другие, адаптивной способностью и что все они имеют единое западное происхождение, как „культуроцентристский“ и оценочный».

Т. Ф. ЛИРИ. СЕМЬ ЯЗЫКОВ БОГА [14]

Лири Тимоти Фрэнсис (1920—1996) – американский психолог, теоретик антикультуры, один из основателей т. н. «третьей волны», автор понятия «виртуальная реальность».

ВВЕДЕНИЕ
ВЕЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ ХАОСА

Фундаментальная природа вселенной всегда казалась человеку чрезвычайно сложной и немыслимо беспорядочной. Эту таинственную и непостижимую бездну назвали Хаосом.

Хотя новые порядки и изменяют сознание людей, надлежит стараться, чтобы в своем изменении порядки сохраняли как можно больше от старого.

Н. Макиавелли

Поэтичные индусы считали вселенную призрачной дымкой иллюзии, или майей. Парадоксальные буддисты говорили о пустоте слишком сложно, возможно, в триллионы раз сложнее, чем могла ухватить человеческая система обработки символьной информации (разум).

Китайский поэт и философ Лао-Цзы уклончиво намекал, что ДАО – это вечно изменяющаяся и ускользающая со скоростью света тьма вещей, – хаос, бесформенность. Хаос и до сих пор остается неуловимым для кончиков наших пальцев, прилежно печатающих текстовые файлы на буквенно-цифровых клавиатурах, и непонятным для разума наших мыслящих операционных систем.

Сократ, этот гордый и самоуверенный демократ, случайно выболтал ужасный секрет, когда его угораздило заявить: «Цель жизни человека – познать самого себя». Именно тогда был выброшен революционный флаг, которым гуманисты размахивали на протяжении многих столетий, и сформулирован самый спорный лозунг, ставший визитной карточкой их нервных систем.

Самостоятельное индивидуальное мышление – вот первородный грех в иудейской, христианской и исламской религиях. Оно саботирует попытки властей упорядочить и структурировать хаос.

Главная задача любой системы правопорядка сводится к

выхолащиванию и демонизации таких опасных понятий, как «эго», «индивидуальные цели» и «личное знание». Человек, который мыслит самостоятельно и творчески, автоматически переводится в разряд еретиков, изменников и богохульников. Самостоятельно и творчески мыслил один лишь Сатана. Любая конструктивная мысль, высказанная во всеуслышание, становится особо тяжким преступлением. Сначала католики, управлявшие департаментом контроля над хаосом во времена инквизиции римского папства, методично уничтожали протестантских раскольников, а потом уж протестанты, возглавив этот же департамент, начали сжигать на кострах ведьм.

Контролеры из департамента правопорядка рассуждали очень просто. Есть бессмертные Боги и Богини, прожигающие жизнь на вершине Олимпа, и есть чернь, бестолковые смертные, работающие до изнеможения внизу, на равнинах.

Представление о человеке, обладающем свободой выбора и индивидуальной самобытностью, казалось полным безумием и кошмаром, причем не только для авторитарных бюрократов, но и для здравомыслящих либералов. Хаос должен быть подконтрольным!

Существует стандартный способ упростить и умерить невероятную сложность окружающего нас мира. Для этого надо изобрести несколько «сказочных» Богов, причем чем инфантильнее, тем лучше, и ввести несколько детских заповедей: почитай отца и мать, не убий и пр. Эти правила просты и логичны. Ты пассивно им следуешь. Ты молишься. Ты жертвуешь. Ты работаешь. Ты веришь.

И тогда, хвала скучающим, не появятся терзающие душу фантазии о людях, которые блуждают по этой бессмысленной беспорядочной вселенной, пытаясь познать самих себя.

ИНЖЕНЕРИЯ ХАОСА

Вероятно, первыми инженерами хаоса были индусские мудрецы, создавшие метод отключения сознания, или йогу. Буддисты написали одно из величайших практических руководств по управлению мозгом: «Тибетскую книгу умирания». Китайские даосы разработали учение об изменении и эволюции, о «течении в потоке», о непривязанности к идеям и структурам. Они посылали нам сигнал: расслабьтесь. Не паникуйте. Хаос дарует нам бездонный океан возможностей.

В политике допускается все, можно выпустить плакат с изображением Никсона и надписью:

«Голосуйте за Макговерна».

Энди Уорхолл

Сумасшедшая идея Сократа о самопознании (формулируемая как «делай сам») положила начало современной демократии. Это была практичная и разумная афинская версия йогических учений, разработанных индусами, буддистами и даосами.

Самым опасным словом в этой бредовой мегаломаниакальной идее Сократа был глагол ПОЗНАЙ, который превращает человека из раба в мыслителя. Какая возмутительная дерзость! Раба призывают стать философом! Раба побуждают быть психологом! Потенциальным йогическим мудрецом!

Эта ересь объясняет, почему впоследствии такие атеистически настроенные эволюционисты, как Линней и Дарвин, характеризовали наш вид сверх-шимпанзе как Femina Homo sapiens.

ХАОС СНАРУЖИ

Долгие столетия научное познание находилось под фанатичным запретом. Почему? Из страха перед хаосом. Представления о нашем (явно) малозаметном месте в галактическом танце весьма оскорбляют гордыню фанатичных контролеров, которые во все времена пытаются держать хаос под контролем. Поэтому контролеры пресекают любые наши попытки выглянуть наружу и встретиться с великим хаосом.

Было время, когда существовал запрет на использование таких устройств, как микроскоп и телескоп, потому что они изменяли сознание людей. По этим же причинам в более поздние времена власти ввели запрет на употребление психоделических растений. Все дело в том, что эти средства позволяют нам всматриваться в биты, зоны и фракталы хаоса.

Галилея сломили, а Джордано Бруно отправили на ватиканский костер за то, что эти ученые осмелились утверждать, будто Солнце не вращается вокруг Земли. Все религиозные и политические хаосоненавистники хотят жить в четко структурированной, чистенькой и уютной вселенной.

За последние столетия ученые и инженеры создали множество технических приборов, расширивших возможности человеческих органов чувств. Эти приборы вскрыли поистине ужасающую сложность мира, в котором мы живем.

Звездная астрономия поведала нам о фантастической вселенной хаоса: сто миллиардов крошечных звездных систем в

нашей крошечной галактике, сто миллиардов галактик в нашей крошечной вселенной…

ХАОС ВНУТРИ

В последние десятилетия двадцатого века ученые приступили к изучению человеческого мозга. И опять мы столкнулись с хаосом!

Оказалось, что мозг – это галактическая система, содержащая сотни миллиардов нейронов. Каждый нейрон представляет собой такой же сложный информационный организм, как компьютер. Каждый нейрон связан синоптическими соединениями с десятками тысяч других нейронов. У каждого человека есть личная нейрологическая вселенная такой сложности, которая непостижима для его буквенно-цифрового ума.

Зная о могуществе нашего мозга, мы смиренно признаем ту степень невежества, на которой в настоящее время находимся, и в то же время понимаем, что у нас есть завораживающие перспективы превратиться в богов, если мы научимся управлять нашим мозгом.

ГУМАНИЗМ: НАВИГАЦИОННЫЙ ПЛАН ИГРЫ

Теория хаоса позволяет нам понять значение нашей миссии, которая состоит в познании поразительного устройства вселенной и совершенно сумасшедших парадоксов, возникающих внутри наших мозгов, и в наслаждении игрой жизни.

Активизация так называемого правого полушария мозга устраняет один из последних запретов на познание хаоса и становится научно-практической основой для развития философии гуманизма, побуждающей людей объединяться для создания разных (персональных) версий о природе хаоса.

В последние месяцы я неотступно думаю о грандиозной сложности мироздания. Мы не знаем, кто мы, зачем мы пришли, почему мы здесь, куда мы идем, где было начало, когда наступит конец. Какой позор! Невежественные, разобщенные агенты, которых отправили выполнять миссию без предварительного инструктажа.

Мой интерес к Великому Беспорядку (хаосу), конечно же, вызван неожиданным приходом старости, о которой я узнал по трем признакам: потере кратковременной памяти, приобретению долговременной памяти и желанию написать книгу.

1. Потеря кратковременной, или оперативной, памяти означает, что ты совершенно забываешь, что происходит и почему

ты здесь.

2. Приобретение долговременной памяти открывает перед тобой туманные перспективы познания Тайны, которую безуспешно пытались разгадать многие культуры.

3. Желание написать книгу связано с появлением мыслей о том, как реконструировать хаос и создать персональный беспорядок…

… употребляя информационные химические вещества хаоса на экране компьютера, при помощи кибернетических устройств, с точки зрения контркультуры, в качестве партизанствующего творца, который исследует альтернативы визуализации и реанимации, стремясь хотя бы мельком увидеть, как раздвигаются горизонты потрясающего, немыслимого и невероятно безумного мира грядущего тысячелетия.

В. М. СЕРГЕЕВ, Н. И. БИРЮКОВ В ЧЕМ СЕКРЕТ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА? [15]

Сергеев Виктор – кандидат физико-математических наук, доктор исторических наук, профессор МГИМО МИД РФ, директор Центра международных исследований МГИМО. Специалист по системам искусственного интеллекта, теории эволюции, истории парламентаризма и политических партий. Автор книг «Пределы рациональности», посвященной приложению термодинамической модели к проблеме равновесия в экономике, и «Демократия как переговорный процесс», в которой демократия рассматривается в прямом смысле слова как власть народа – система управления, особого рода (коллективный) искусственный интеллект.

Бирюков Николай – кандидат философских наук, доцент МГИМО МИД РФ, специалист по исследованиям парламентаризма и политических партий.

Первый и самый трудный вопрос, на который должен ответить исследователь, претендующий на осмысленное пользование понятием – а значит, и теорией – «современного общества»: почему социальный строй, предполагаемый этой теорией – при всех его очевидных преимуществах и несомненной привлекательности, – так трудно заимствовать?

> **Россия сейчас не является образцовой демократией. Ну и вряд ли можно было бы ожидать иного на пятнадцатом году демократического строительства после тысячелетия, когда у России даже не было намека на какую бы то ни было демократическую традицию. Но просто напомнить, что, скажем, первые 100 лет американской демократии существовало рабство, так, на пятнадцатом году германской демократии к власти пришел Гитлер. У нас пока что ситуация и динамика гораздо более позитивные (выступление в «Президент-отеле», 25.05.2005).**
>
> ***Вячеслав Никонов, политолог***

Подобно тому, как в биологической сфере развитие мозга стало началом процесса, завершившегося вытеснением физической (соматической) эволюции – в качестве основного средства приспособления определенного вида живых существ к

окружающей среде – технологическим развитием, точно так же возникновение социального строя, позволяющего обществу существовать и осуществлять экспансию посредством приспособления (переделки) «окружающей среды», а не путем своего приспособления к ней, знаменовало радикальный перелом в истории человечества, прекративший «естественный отбор» в социальной сфере. Это значит, что, в отличие от прежних – «традиционных» – обществ, «современное» общество отвечает на вызовы не столько собственной трансформацией, сколько трансформацией «среды» – то есть именно так, как это характерно для приспособительной деятельности человека. ‹…›

Но социальная история существенно отличается от естественной по меньшей мере в одном отношении: после своего возникновения общество, способное к устойчивому развитию, самим фактом своего существования ‹…› лишает стабильности практически любые другие общества, не способные действовать аналогичным образом, – просто потому, что Земля слишком мала. ‹…›

Спору нет, это болезненный процесс; ведь, в сущности, все другие общества, какими бы достижениями они ни гордились и какими бы внутренними достоинствами ни обладали, волей-неволей оказываются перед малоприятной дилеммой: они должны либо стать на путь модернизации ‹…›, либо исчезнуть.

Разумеется, «исчезнуть» – не означает обязательно «вымереть»: может оказаться, суждено погибнуть лишь социальным структурам, «человеческий материал» может и сохраняться; впрочем, и против прямого истребления, как свидетельствует история, отнюдь не было выработано гарантий – участь, увы, уже постигшая некоторые «чересчур» традиционные общества. ‹…›

Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.

И. Сталин

В Северной Европе XVII столетия мы наблюдаем одновременное существование (в ряде случаев – возникновение) социальных институтов, которые характерны для современного общества. К ним относятся: 1) парламент; 2) рациональная бюрократия; 3) независимый суд; 4) академическая и университетская наука; 5) массовое производство и опосредующие его финансовые институты; 6) книгопечатание – зародыш будущей системы массовых коммуникаций.

Сами по себе эти – или подобные им – институты могли существовать и действительно существовали в других обществах. ‹…› Но последствий, аналогичных тем, что наблюдаются с началом Нового времени, мы там не наблюдаем. Центральная гипотеза настоящей работы состоит в том, что критическое значение имело именно их (вышеперечисленных институтов) одновременное существование, их взаимодействие, или, вернее, их взаимная поддержка. ‹…›

Существенной особенностью современного общества является системность его институтов. Их совокупность может эффективно функционировать только как система, т. е. как комплекс элементов, которые взаимодействуют и взаимно поддерживают друг друга. Если, по тем или иным причинам, общество, вступившее на путь модернизации, внедряет базисные институты современности лишь частично (выборочно) или формально (т. е. когда институты как таковые создаются, но ведущие принципы их работы отрицаются), попытка модернизации обречена на провал.

К сожалению, частичное и формальное заимствование – не редкость, а скорее – закономерность, ибо пример современности соблазнителен, но принципы ее парадоксальны. Эти принципы – не «естественные», не «человеческие». Они лежат за пределами человеческого понимания и человеческих интересов, пока и поскольку под «человеческим пониманием» и «человеческими интересами» мы имеем в виду понимание и интересы индивидуального человека ‹…› они суть принципы функционирования таких социальных механизмов, которые выходят за пределы непосредственных человеческих нужд и требуют от человека «неестественных» действий. ‹…›

Что шесть базисных элементов современности: представительная демократия, академическая наука, финансовые институты, рациональная бюрократия, независимый суд и свободные средства массовой информации – так или иначе связаны друг с другом, считается само собой разумеющимся. Однако, как правило, почти не принимается во внимание то, что связь эта ‹…› далеко не столь очевидна. ‹…› Другими словами, если эта связь существует ‹…› знание о ней ‹…› не дар «демократической благодати» ‹…› и не «врожденная идея» демократического ума. Современное сознание усвоило эту идею, но оно усвоило ее из опыта, и, следовательно, нет оснований полагать, что такое знание предшествовало созданию институтов современности. ‹…›

Мы не вправе утверждать, что различные элементы современности связаны друг с другом причинно-следственной зависимостью, что рынок, например, ведет к демократии (или

наоборот). Из опыта нам известно только то, что рынок и демократия сосуществуют, но отнюдь не то, что они порождают друг друга ‹…› ‹…› сосуществование рынка и демократии (равно как и всех остальных базовых элементов современного общества) объясняется не взаимным порождением, а взаимной поддержкой. Рынок не может регулировать распределение ресурсов должным образом, если он не опирается на институты представительной демократии и академическую науку. В этом случае он оказывается просто неэффективным и уступает место иным распределительным механизмам. ‹…› Так же обстоит дело и с демократией: если она не опирается на рыночную экономику и академическую науку, то вырождается в анархию, и от нее волей-неволей приходится отказаться из соображений самосохранения. Без демократии и рынка наука не генерирует инноваций или бессильна воплотить их в практику и, значит, остается занятием для досужих любителей. ‹…› Рациональная бюрократия, выведенная из-под контроля демократических институтов, мгновенно коррумпируется. ‹…› Иными словами, изолированные элементы современности не выживают или преображаются до неузнаваемости. Именно поэтому и только поэтому мы всегда наблюдаем их вместе. Но модернизация никогда не будет осуществлена, если, «скопировав» какие-то институты современности, мы просто станем ждать, когда из них «вырастет» все остальное.

С. ХАНТИНГТОН. СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ [16]

Хантингтон Самуэль (р. 1927) – американский политолог, директор Института стратегических исследований в Гарвардском университете. Специалист в области сравнительной политологии, транзитологии (раздела политологии, изучающего переход от авторитаризма к демократии), международных отношений. В 1993 г. его статья «Столкновение цивилизаций» в журнале «Foreign Affairs» вызвала самое большое после Второй мировой войны число откликов. Идеи статьи развиты в книге «Столкновение цивилизаций».

«Гигантский скачок в науке и технике, происшедший в XIX веке, позволил человеку контролировать и преобразовывать среду своего обитания в масштабах, прежде невиданных. Модернизация предполагает индустриализацию, урбанизацию, повышение уровня грамотности, образования, благосостояния и социальной активности, а также более сложное и диверсифицированное разделение труда. Это – революционный процесс, сопоставимый по своей значимости с начавшимся примерно за пять тысячелетий до нашей эры в долинах Тигра и Евфрата, Нила и Инда переходом человечества от первобытного состояния к цивилизации. Взаимоотношения, ценности, знания и культура людей Современного общества в значительной степени отличаются от таковых в обществе традиционном ‹…›«.

«Должны ли незападные общества отбросить собственные культурные традиции и заимствовать центральные элементы западной культуры, чтобы модернизироваться? Случалось, что главы государств считали подобные меры необходимыми. Царь Петр Первый и Мустафа Кемаль Ататюрк, намеревавшиеся провести коренную модернизацию, были уверены, что для этого нужно заимствовать западную культуру полностью, вплоть до замены традиционного головного убора на западный. В результате этого возникли „внутренне противоречивые“ государства, лишенные культурного самосознания и четкого представления о своей культурной принадлежности. Не особенно полезным оказался культурный импорт с Запада и для осуществления модернизации как таковой. Однако чаще руководители незападных государств пытались модернизировать свои страны, отвергая вестернизацию. Их воззрения в самом общем виде представлены формулами *ti-yong* (китайская наука –

фундаментальная, западная – прагматическая, прикладная) и *woken, yosei* (японский дух, западная технология), созданными китайскими и японскими реформаторами столетие назад, а также высказыванием саудовского принца Бандара ибн Султана, провозгласившего в 1944 году, что «импорт хорош, когда речь идет о красивых хитроумных „вещах“. Но абстрактные социальные и политические институты, импортируемые из других стран, могут оказаться смертоносными – спросите о том иракского шаха. ‹…› Ислам для нас – не просто религия, ислам – это образ жизни. Мы, жители Саудовской Аравии, хотим модернизироваться, но это не должна быть вестернизация». Япония, Сингапур, Тайвань, Саудовская Аравия и в меньшей степени Иран стали Современными обществами, избежав вестернизации. Китай явно находится в процессе модернизации – и тоже не вестернизируется.

Взаимодействие и взаимообмен между цивилизациями происходили всегда, а при наличии современных средств транспорта и связи процессы эти приобретают все большие масштабы. Но большинство великих цивилизаций мира существовало по крайней мере тысячелетие, а иногда и в течение нескольких тысячелетий. Разумеется, они многое заимствовали у других цивилизаций, повышая таким образом свои шансы на выживание. Принятие Китаем пришедшего из Индии буддизма вовсе не привело к «индианизации» Китая, вместо этого произошла «китаизация» буддизма: китайцы приспособили буддизм к своим целям и нуждам. Ровно так же если активные попытки Запада насадить в Китае христианство, по сию пору встречающие последовательное сопротивление, когда-нибудь увенчаются успехом, то скорее всего новая религия будет переварена и переработана в соответствии с основами исконной китайской культуры.

Сходным образом в прошлые века арабы-мусульмане получили, оценили и использовали эллинистическое наследие в чисто утилитарных целях. Будучи заинтересованными главным образом в заимствовании определенных внешних форм или технических достижений, они умели не обращать внимания на те элементы греческой философии, которые противоречили «истине», утверждаемой основополагающими нормами и предписаниями Корана. Япония пошла по тому же пути. В VII веке она импортировала китайскую культуру и провела «преобразования по своей собственной инициативе, без какого бы то ни было экономического и военного давления», в результате чего возникла высокая японская цивилизация. «В последующие века периоды относительной изоляции от влияний с континента,

во время которых происходили отбор и ассимиляция полезных заимствований, перемежались с периодами усиления контактов с континентом и возобновления культурного обмена». И сегодня Япония, равно как и другие незападные страны, воспринимает отдельные элементы западной культуры и использует их для развития культуры национальной. Как утверждает Бродель, было бы наивно полагать, что «триумфальная победа одной цивилизации» может положить конец разнообразию культур, которые много веков олицетворяли собой великие цивилизации мира.

Культурную вестернизацию нельзя считать ни необходимым условием, ни неизбежным результатом модернизации и экономического развития. Напротив, модернизация способствует возрождению интереса к национальной культуре. На уровне отдельного человека перемещение в незнакомые места, смена профессий и социальных страт приводит к разрыву традиционных связей, порождает чувства отчуждения, неприкаянности и утраты корней, ведущие к кризису идентичности, с которым, как правило, может справиться только религия. На уровне общества модернизация приводит к повышению материального благосостояния и военной мощи страны в целом, что, в свою очередь, заставляет людей с большим доверием относиться к своему культурному наследию, подтверждая его ценность и истинность.

Страны Восточной Азии прошли похожий путь возвращения к своим исконным ценностям и осознания того, что их культура сильно выигрывает по сравнению с западной. В течение нескольких веков вместе с другими незападными народами они завидовали экономическому процветанию, технологическому совершенству, военной мощи и политической сплоченности западных обществ. Правители и ученые пытались найти ключ к успеху в западных традициях и обычаях, а когда им казалось, что секрет раскрыт, старались применить постигнутое к своим обществам. Теперь, однако, ситуация коренным образом изменилась. Восточноазиатские страны объясняют достигнутые ими фантастические темпы экономического развития не импортом западной культуры, но приверженностью к собственной. Они утверждают, что добились успеха не потому, что уподобились Западу, а потому, что сохранили свое своеобразие. Точно так же, когда незападные государства чувствовали свою слабость в отношениях с Западом, их лидеры нередко взывали к западным ценностям самоопределения, либерализма, демократии и свободы как к средству противодействия мировому господству Запада. Теперь же, когда

государства эти изжили свою слабость и все больше набирают силу, правители их стали отвергать как «империализм, маскирующийся под защиту прав человека» те самые ценности, к которым они обращались, когда это было в их интересах. По мере того как могущество Запада падает, его ценности и культура выглядят все менее привлекательными, и Запад встает перед необходимостью приспосабливаться к ситуации, когда он уже не способен навязывать свои ценности незападным обществам. Таким образом, значительная часть мира становится по сути более Современной и менее западной».

К. МАРКС. ВОСЕМНАДЦАТОЕ БРЮМЕРА ЛУИ БОНАПАРТА [17]

Маркс Карл (1818—1883) – немецкий ученый и революционер. Марксу принадлежит разработка материалистической концепции истории, которая подчеркивала решающее значение экономической сферы в жизни общества. Из философского и экономического учения марксизма вытекают особенности его политической теории. Стержнем марксистского понимания политики выступает учение о классовой борьбе. В работе о государственном перевороте во Франции 1851 г. Маркс применяет свой метод к анализу событий 1848—1851 гг., свидетелем которых он сам является.

ЧАСТЬ II

‹…› Новая конституция была в сущности не более как республиканизированным изданием конституционной хартии 1830 года. Высокий избирательный ценз Июльской монархии, отстранявший от политической власти даже значительную часть самой буржуазии, был несовместим с существованием буржуазной республики. Февральская революция немедленно провозгласила вместо этого ценза прямое всеобщее избирательное право. Буржуазные республиканцы не могли вычеркнуть это событие. ‹…›

Эта конституция ‹…› имела, однако, подобно Ахиллесу, одно уязвимое место, только этим местом была не пята, а голова или, лучше сказать, две ее головы, которыми увенчивалось все здание: Законодательное собрание, с одной стороны, и президент – с другой. Стоит только бегло ознакомиться с конституцией, чтобы увидеть, что лишь те статьи безусловны, носят позитивный характер, лишены противоречий, исключают всякие ложные толкования, в которых определяется отношение президента к Законодательному собранию. Тут для буржуазных республиканцев дело ведь шло о том, чтобы создать надежную позицию самим себе. Статьи 45-70 конституции так составлены, что Национальное собрание может устранить президента конституционным путем, тогда как президент может устранить Национальное собрание лишь неконституционным путем, лишь устраняя самое конституцию. Здесь, следовательно, конституция сама призывает к своему насильственному уничтожению. Конституция не только, подобно хартии 1830 г., канонизирует разделение властей, но и доводит это разделение до

невыносимого противоречия. Игра конституционных сил, как Гизо называл парламентскую грызню между законодательной и исполнительной властью, по конституции 1848 г. ведется все время ва-банк. С одной стороны – 750 народных представителей, избранных всеобщим голосованием и пользующихся правом переизбрания, образуют бесконтрольное, не подлежащее роспуску, неделимое Национальное собрание, которое облечено неограниченной законодательной властью, окончательно решает вопросы о войне, мире и торговых договорах, одно лишь обладает правом амнистии и благодаря непрерывности своих заседаний постоянно остается на авансцене. С другой стороны – президент со всеми атрибутами королевской власти, с правом назначать и смещать своих министров независимо от Национального собрания, со всеми средствами исполнительной власти в руках, раздающий все должности и тем самым распоряжающийся во Франции судьбой по меньшей мере полутора миллионов людей, так как именно такое количество лиц материально зависит от 500 тысяч чиновников и от офицеров всех рангов. Ему подчинены все вооруженные силы. Он пользуется привилегией помилования отдельных преступников, роспуска частей национальной гвардии и смещения – с согласия Государственного совета – избранных самими гражданами генеральных, кантональных и муниципальных советов. Ему же предоставлены почин и руководящая роль при заключении всех договоров с иностранными державами. В то время как Собрание, оставаясь вечно на подмостках, становится объектом повседневной публичной критики, президент ведет скрытую от взоров жизнь на Елисейских полях, имея, однако, перед глазами и в сердце статью 45 конституции, ежедневно напоминающую ему: «frere, il faut mourir!»[18]. Твоя власть кончается на четвертом году твоего избрания, во второе воскресенье прекрасного месяца мая! Тогда конец твоему величию: второго представления этой пьесы не будет, и если у тебя есть долги, постарайся выплатить их вовремя из назначенных тебе конституцией 600 тысяч франков жалованья, если, конечно, ты не предпочитаешь отправиться в Клиши[19] во второй понедельник прекрасного месяца мая!

Если конституция, таким образом, предоставляет президенту фактическую власть, она зато старается обеспечить за Национальным собранием моральную силу. Но, не говоря о том, что моральную силу невозможно создать параграфами закона, конституция в данном случае снова сама себя опровергает, предписывая, что президент избирается всеми французами прямым голосованием. В то время как голоса всей Франции разбиваются между 750 членами Национального собрания, в этом

случае они, напротив, сосредоточиваются на одной личности. В то время как каждый отдельный депутат является представителем лишь той или другой партии, того или другого города, того или другого пункта или даже просто представляет необходимость избрать одного из 750 депутатов, когда не уделяется особого внимания ни сути дела, ни самой личности избираемого, – президент является избранником нации, и его выборы – крупный козырь, пускаемый в ход суверенным народом раз в четыре года. Выборное Национальное собрание связано с нацией метафизически, выборный же президент связан с ней лично. Национальное собрание, правда, отображает в лице своих отдельных представителей многообразные стороны национального духа, зато в президенте национальный дух является во плоти. По сравнению с Национальным собранием президент является носителем своего рода божественного права: он – правитель народной милостью. ‹…›

Избрание Луи Бонапарта в президенты 10 декабря 1848 г. положило конец диктатуре Кавеньяка и Учредительному собранию. ‹…›

Период от 20 декабря 1848 г.[20] до роспуска Учредительного собрания в мае 1849 г. охватывает историю гибели буржуазных республиканцев. После того как они основали республику для буржуазии, прогнали с арены революционный пролетариат и на время заткнули рот демократической мелкой буржуазии, они сами были отстранены массой буржуазии, которая с полным правом завладела этой республикой как своей собственностью. Но эта буржуазная масса была роялистской. ‹…› Уже июньское восстание объединило их в «партию порядка». Теперь наступила пора устранить клику буржуазных республиканцев, удерживавших еще позиции в Национальном собрании. ‹…›

ЧАСТЬ III

28 мая 1849 г. Законодательное национальное собрание открыло свои заседания, 2 декабря 1851 г. оно было разогнано. Этот период охватывает время существования конституционной, или парламентарной, республики. ‹…›

Период, с которым мы имеем дело, заключает в себе самую пеструю смесь вопиющих противоречий. ‹…›

Мы видели, что министерство, составленное Бонапартом в день его вознесения, 20 декабря 1848 г., было министерством партии порядка. ‹…› Это министерство Барро – Фаллу[21], более или менее насильственно укоротившее жизнь республиканского Учредительного собрания, пережило его и находилось еще у

власти. Шангарнье[22], генерал объединенных роялистов, все еще соединял в своих руках верховное командование первой армейской дивизией и парижской национальной гвардией. Наконец, всеобщие выборы обеспечили за партией порядка огромное большинство в Законодательном собрании. Здесь сошлись депутаты и пэры Луи-Филиппа со священной фалангой легитимистов, для которых многочисленные избирательные бюллетени нации превратились во входные билеты на политическую сцену. ‹…›

Легитимисты и орлеанисты составляли, как сказано, две большие фракции партии порядка. Что же привязывало эти фракции к их претендентам и взаимно разъединяло их? Неужели только лилии и трехцветное знамя ‹…›? При Бурбонах властвовала крупная земельная собственность со своими попами и лакеями, при Орлеанах – финансовая аристократия, крупная промышленность, крупная торговля, то есть капитал со своей свитой адвокатов, профессоров и краснобаев. Легитимная монархия была лишь политическим выражением наследственной власти собственников земли, подобно тому как Июльская монархия – лишь политическим выражением узурпаторской власти буржуазных выскочек. Таким образом, эти фракции были разъединены ‹…› материальными условиями своего существования, двумя различными видами собственности, они были разъединены старой противоположностью между городом и деревней, соперничеством между капиталом и земельной собственностью. Что их вместе с тем связывали с той или другой династией старые воспоминания, личная вражда, опасения и надежды, предрассудки и иллюзии, симпатии и антипатии, убеждения, символы веры и принципы, – кто это будет отрицать? Над различными формами собственности, над социальными условиями существования возвышается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и взглядов на жизнь. Весь класс творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответственных общественных отношений. ‹…› И подобно тому как в обыденной жизни проводят различие между тем, что человек думает и говорит о себе, и тем, что он есть и что он делает на самом деле, так тем более в исторических битвах следует проводить различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной природой. ‹…› Если каждая сторона, наперекор другой, добивалась реставрации своей собственной династии, то это лишь значило, что каждая из двух крупных фракций, на которые разделяется буржуазия – земельная собственность и финансовый капитал, – добивалась реставрации собственного главенства и

подчиненного положения другой. Мы говорим о двух фракциях буржуазии, потому что крупная земельная собственность ‹…› насквозь обуржуазилась под влиянием развития современного общества. ‹…›

ЧАСТЬ VI

‹…› 28 мая начался последний год жизни Национального собрания. Ему приходилось теперь решать вопрос, оставить ли конституцию неизменной или подвергнуть ее пересмотру. Но пересмотр конституции – это означало не только выбор ‹…› между парламентарной республикой и Бонапартом: это означало также выбор между Орлеаном и Бурбоном! ‹…› Партия порядка была соединением разнородных общественных элементов. Вопрос о пересмотре конституции создал политическую температуру, при которой это соединение разложилось на свои первоначальные составные части. ‹…›

Часть партии порядка, стоявшая за пересмотр конституции, но опять-таки расходившаяся во взглядах на пределы пересмотра ‹…› сошлась с бонапартистскими депутатами на следующем неопределенном и многообъемлющем предложении: *«Нижеподписавшиеся депутаты, ставя себе целью возвратить нации возможность полного осуществления ее суверенитета, вносят предложение подвергнуть конституцию пересмотру».*

‹…› После шестидневных бурных прений 19 июля пересмотр, как и следовало ожидать, был отвергнут. За пересмотр голосовали 446, против – 278 депутатов. ‹…› Таким образом, большинство парламента высказалось против конституции, а сама конституция высказалась за меньшинство, за обязательность его решения. ‹…› в данный момент пересмотр конституции означал ‹…› продление срока президентской власти, а продление срока конституции означало ‹…› низложение Бонапарта. Парламент высказался за Бонапарта, но конституция высказалась против парламента. Стало быть, Бонапарт действовал в духе парламента, разрывая конституцию, и действовал в духе конституции, разгоняя парламент. ‹…›

Своим решением относительно пересмотра конституции партия порядка показала, что она не в состоянии ни властвовать, ни подчиняться, ни жить, ни умереть, ни примириться с республикой, ни ниспровергнуть ее, ни сохранить конституцию в неприкосновенности, ни упразднить ее, ни сотрудничать с президентом, ни пойти на разрыв с ним. ‹…›

Правда, в 1851 г. Франция пережила что-то вроде небольшого торгового кризиса. ‹…› Представим себе теперь среди этой

торговой паники французского буржуа ‹…› и тогда мы поймем, почему буржуазия, задыхаясь среди этого неописуемого оглушительного хаоса из слияния, пересмотра, продления, конституции, конспирации, коалиции, эмиграции, узурпации и революции, обезумев, кричит своей парламентарной республике: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца!».

Бонапарт понял этот крик. ‹…› Если когда-либо событие еще задолго до своего наступления отбрасывало вперед свою тень, так это был государственный переворот Бонапарта… ‹…›

ЧАСТЬ VII

‹…› И тем не менее государственная власть не висит в воздухе. Бонапарт – представитель класса, и притом самого многочисленного класса французского общества, представитель парцелльного[23] крестьянства.

Подобно тому как Бурбоны были династией крупной земельной собственности, а Орлеаны – династией денег, Бонапарты являются династией крестьян, т. е. французской народной массы. Избранником крестьян является не тот Бонапарт, который подчинялся буржуазному парламенту, а тот, который разогнал буржуазный парламент. Городам удавалось в течение трех лет извращать смысл выборов 10 декабря и обманывать крестьян в их надежде на восстановление империи. Выборы 10 декабря 1848 г. нашли свое осуществление только в перевороте 2 декабря 1851 года.

Парцелльные крестьяне составляют громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг к другу. Их способ производства изолирует их друг от друга, вместо того чтобы вызывать взаимные сношения между ними. Это изолирование еще усиливается вследствие плохих французских путей сообщения и вследствие бедности крестьян. Их поле производства, парцелла, не допускает никакого разделения труда при ее обработке, никакого применения науки, а следовательно, и никакого разнообразия развития, никакого различия талантов, никакого богатства общественных отношений. Каждая отдельная крестьянская семья почти что довлеет сама себе, производит непосредственно большую часть того, что она потребляет, приобретая таким образом свои средства к жизни более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом. Парцелла, крестьянин и семья; рядом другая парцелла, другой крестьянин и другая семья. Кучка этих единиц образует деревню, а кучка деревень – департамент. Таким образом, громадная масса французской

нации образуется простым сложением одноименных величин, вроде того как мешок картофелин образует мешок с картофелем. Поскольку миллионы семей живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов, – они образуют класс. Поскольку между парцелльными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, – они не образуют класса. Они поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или через посредство конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет. Политическое влияние парцелльного крестьянства в конечном счете выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество.

Написано в декабре 1851 – марте 1852 года

Р. ДАЛЬ. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И УТВЕРЖДЕНИЯ ПОЛИАРХИЙ [24]

Даль Роберт Алан (р. 1915) – патриарх американской политической науки, всемирно известный теоретик демократии. Широкое признание получила разработанная Далем концепция полиархии. Полиархией Даль, чтобы избежать споров о дефинициях демократии, предложил назвать современную действительность развитых стран, пусть и отличную от демократического идеала, но все же предоставляющую гражданам возможность политического участия, а группам и лидерам – возможность открытого соперничества в борьбе за власть. Термин «полиархия» получил распространение как синоним современной демократии.

Почему в одних странах складывалась устойчивая полиархия, а в других – нет? Иными словами, какие условия повышают или понижают шансы на утверждение полиархии? Исходя из опыта различных стран в течение последних полутора веков… мы можем с высокой долей уверенности назвать наиболее важные из таких условий. Конечно, ни одно из них по отдельности не в состоянии предопределить наличие или отсутствие в стране полиархии. Однако, если все те условия, о которых пойдет речь ниже, четко представлены, появление полиархии практически неизбежно, а если все они отсутствуют или крайне слабы, вероятность ее возникновения близка к нулю. ‹…›

ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ НАД СИЛОВЫМ ПРИНУЖДЕНИЕМ

‹…› Все государства, включая демократические, прибегают к принуждению ‹…›. Характерной и отличительной чертой государства является наличие у него инструментов физического принуждения – военной и полицейской организаций, призванных применять (или грозить применением) систематическое насилие для поддержания порядка и безопасности.

Но что может помешать правителям прибегнуть к силовому принуждению для установления и сохранения недемократического режима? ‹…›

Для того чтобы государство могло управляться демократическим образом, несомненно, требуются два условия. (1) Коль скоро существуют – и, по всей видимости, будут существовать и в дальнейшем – военные и полицейские

организации, они должны быть поставлены под гражданский контроль. Но такого контроля, при всей его необходимости, еще недостаточно, ведь он имеется и в ряде недемократических стран. Поэтому (2) те гражданские лица, которые контролируют армию и полицию, должны быть сами включены в демократический процесс.

Способность избираемых народом гражданских руководителей контролировать вооруженные силы и полицию в значительной степени определяется двумя факторами: состоянием военной организации и военных технологий, с одной стороны, и использованием адекватных средств гражданского контроля – с другой. Первый фактор относится к числу общеисторических условий, которые детерминируют набор возможностей, открытых перед политическими лидерами в конкретные исторические периоды, зачастую весьма протяженные. Второй охватывает совокупность доступных средств, к которым те могут прибегнуть – более или менее сознательно и намеренно – для обеспечения гражданского контроля.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ СОСТОЯНИЯ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ВОЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Исторически вероятность народного правления отчасти обусловлена текущим состоянием военной организации и военных технологий. От характера военной организации и приемов ведения боевых действий в известной мере зависит, поставлены ли вооруженные силы под гражданский контроль и вовлечены ли сами контролирующие их лица в демократический процесс. Тенденция к использованию демократического процесса в управлении государством усиливается в периоды, когда военная организация и военные технологии требуют привлечения на военную службу значительной доли населения. ‹…›

Для того чтобы понять, почему, например, демократия сложилась в Греции в начале V в. до Р. Х., а не раньше, или почему ее не было в Англии и Франции XIII столетия, следует принять во внимание, помимо всего прочего, существовавшие тогда военную организацию и военные технологии. Со времен Гомера и до VII в. до Р. Х. в греческих городах-государствах господствовала знать. Во многом это объяснялось преобладавшей в ту эпоху технологией ведения боевых действий. Важнейшие атрибуты воина – лошадь или боевую колесницу – могли позволить себе лишь аристократы. Наличие у знати более совершенных средств силового подавления в военных операциях

обеспечивало ее доминирование и в политической жизни, поскольку ей не составляло труда запугать плохо организованные группы рядовых общинников, которые были гораздо хуже вооружены – зачастую только дубинками да сельскохозяйственными орудиями.

> **Вот сейчас у нас накаляется обстановка: «Отбирают демократию. Есть угроза нашей демократии!» Отнять можно только то, что есть. Какой демократии у нас угроза? Власти народа? Так ее не было ни одной минуты. Начиная с первого горбачевского дня и дальше. Я повторял много раз: нет у нас ничего похожего на демократию. Я еще раз могу повторить: демократия – это такое общественно-государственное устройство, при котором народ сам своей массой направляет свою судьбу («Комсомольская правда», 07.06.2005).**
>
> ***Александр Солженицын***

Но в VII в. до Р. Х. военное и политическое превосходство аристократии было поколеблено в связи с появлением новой и более эффективной боевой силы: пехоты – знаменитых гоплитов, изображенных на бесчисленных греческих вазах. Снаряжение гоплита – шлем, щит, латы, наколенники и копье – могли приобрести многие состоятельные общинники. ‹…› В конечном счете демократия обязана своим появлением страте гоплитов.

В Афинах упрочению демократии способствовало еще одно военное новшество: рост афинского флота означал, что даже тот, кто был слишком беден, чтобы обзавестись экипировкой гоплита, мог теперь служить гребцом на галерах – как свободный человек, а не раб. «Тем, кто водит корабли, – писал памфлетист V в., – принадлежит власть в государстве».

Решением проблемы гражданского контроля над военными структурами стала для греков народная милиция. Она могла быть быстро мобилизована в случае войны и столь же быстро расформирована в мирное время. Более того, ею руководили генералы, избиравшиеся народным собранием. В результате на протяжении двух веков существования в Афинах данной политической системы ни один политический лидер просто не мог сколько-нибудь долго править без народной поддержки. ‹…› Когда афинская демократия в конце концов попала под власть военных, принуждение исходило не от внутренних, а от внешних сил – сперва от Македонии, а затем от Рима.

Хотя военная организация и военные технологии Римской

республики по многим параметрам отличались от греческих, решение было по существу тем же: первоначально римские легионы состояли из гражданской милиции, включавшей обычных граждан. Но когда со временем гражданская милиция превратилась в постоянное и независимое военное образование, сформированное из профессиональных солдат и даже наемников ‹…›, республика оказалась обречена. ‹…› После замены республиканского правления принципатом преторианские когорты, выполнявшие в годы республики функции личной охраны генералов, превратились в активную политическую силу. Вместе с пограничными легионами они участвовали в политических репрессиях и терроре, а иногда даже возводили на престол и смещали императоров. Тем самым было положено начало тому, что современные авторы называют «преторианством», – вмешательству военных в управление и подчинению ими исполнительной власти.

Демократия не может быть насажена сверху никаким умным законом, никакими мудрыми политиками. Демократия может только расти, как все растущее – снизу вверх. Должна быть прежде демократия малых пространств. Самоуправление местное как начало демократии. И только потом она начинает развиваться. Ведь если мы восхищаемся демократией в западных странах, то потому, что у них местное самоуправление великолепно работает. А мы строим демократию без местного самоуправления. Нам не нужно. Мы боимся народа («Комсомольская правда», 07.06.2005).

Александр Солженицын

В средние века вследствие изменений в военной организации и технике превосходство тех немногих, кто мог себе позволить иметь специально обученную лошадь и снаряжение конного рыцаря, было восстановлено. Солдат-горожанин утратил былое значение, и вместе с ним на многие века ушли в небытие исторические возможности для демократического или республиканского правления в большей части Европы. Но в швейцарских кантонах, где сохранилась всеобщая воинская повинность, гражданская милиция, вооруженная пиками и защищавшая местность, рельеф которой был крайне благоприятен для действия пехоты, сумела победить конных рыцарей. Поэтому неудивительно, что соборная демократия укоренилась в горных кантонах, которые столетия спустя

составили ядро Швейцарской Конфедерации.

В XIV и XV вв. вооруженные длинными луками английские пехотинцы, доказав уязвимость конных рыцарей, разрушили военные основания феодализма. С изобретением мушкета, а затем и ружья значение пеших солдат еще больше возросло. В XVIII в. военная организация и военные технологии начали напрямую зависеть от привлечения внушительных масс пехотинцев, чьи ряды могли быть пополнены только путем подключения к военной службе всего мужского населения. Еще через полвека или около того именно общая численность легковооруженных солдат, при условии примерно одинаковой подготовки, стала играть решающую роль в сражении. ‹…› Но преимущество абсолютных чисел можно было увеличить за счет преданности, а ту, в свою очередь, – через пробуждение чувства верности стране или нации. Однако ощущение принадлежности к нации – привилегия, за право пользоваться которой от человека ожидали определенных жертв, – могло оправдать выдвижение им широких требований, включая требование справедливой доли в управлении. Гражданин-солдат был одновременно и солдатом, и гражданином, т. е. как минимум мог претендовать на участие в голосовании. Страны, обладавшие массовыми армиями, обнаружили, что они вступили в эру демократических революций. Именно в тех исторических условиях, когда военная организация и военные технологии оказались более благоприятными для демократии, нежели это было на протяжении многих предшествовавших веков, ‹…› в одной стране за другой складывались институты полиархии.

В Соединенных Штатах возможности для управления с помощью принуждающего насилия были ниже, чем в каком-либо ином государстве мира за всю историю человечества, быть может, за исключением Швейцарии. ‹…› Америка фактически представляла собой нацию под ружьем. Без согласия управляемых здесь в известном смысле вообще была невозможна никакая система правления, поскольку никакое правительство не могло быть навязано народу Соединенных Штатов вопреки сопротивлению большинства.

Однако состояние военной организации и технологии, в целом столь благоприятное для полиархии в Северной Америке и Европе, еще раз изменилось – теперь в худшую сторону. Военное превосходство постепенно перешло от многочисленных легковооруженных армий к войскам, оснащенным новым и дорогостоящим оружием с возросшей разрушительной силой – тяжелой артиллерией, минометами, пулеметами, танками, самолетами и военными кораблями, к которым со временем

добавилось и ядерное оружие. В отличие от пик, мушкетов, длинных луков или ружей, эти виды вооружения никогда не смогут рассредоточиться по отдельным домохозяйствам. Будучи сконцентрированы в относительно немногочисленных руках, они обеспечивают гигантскими ресурсами принуждающего насилия меньшинство, желающее и способное задействовать их в политических целях. Увеличившиеся возможности для создания и использования бюрократических организаций вкупе с новыми средствами надзора еще больше подготовили почву для централизованного принуждения. Эффективность централизованной полицейской системы сегодня гораздо выше, чем когда-либо ранее в письменной истории.

Таким образом, вследствие развития военной и полицейской организации и соответствующих технологий потенциал централизованного принуждения в XX в. во много раз превосходит имевшийся в XVIII и XIX вв., а быть может – и во все другие времена. Тем не менее в этом столетии не только сохранились старые полиархии, но и возникли новые. Но если подобные явления не связаны с состоянием военной организации и военных технологий, то в чем их причина?

УКРОЩЕНИЕ СИЛОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Чтобы не допустить использования военных и полицейских структур для разрушения демократического правления, демократические государства прибегают к различным средствам, а зачастую – и к комбинации средств.

1. Демократическое государство может лишить военные и полицейские структуры их способности к принуждению или свести ее к минимуму. Иногда вооруженные силы упраздняются полностью. Япония ‹…› провозгласила в своей конституции 1947 г. (принятой главным образом под влиянием оккупации страны Соединенными Штатами), что навсегда отказывается от создания армии, а также военного флота, как морского, так и воздушного. Несмотря на то что значение этого конституционного положения было ослаблено последующим развитием национального «полицейского резерва», а затем – и «национальной службы обороны», оно предотвратило возрождение вооруженных сил как весомого политического фактора в новой полиархии. ‹…›

Хотя Соединенные Штаты ‹…› никогда формально не распускали свои вооруженные силы, на протяжении большей части национальной истории те оставались крайне маленькими. До самой второй мировой войны Великобритания и США

содержали крошечные постоянные армии, полагая свою морскую мощь достаточной для предотвращения агрессии. Но военный флот плохо приспособлен к задачам принуждения граждан собственной страны. ‹…›

2. Демократическое государство может рассредоточить контроль над военными или полицейскими структурами, распределив его между многообразными органами местного управления. Например, в большинстве англоговорящих полиархии полицейские службы, как правило, находятся под местным контролем. Исторически и в Великобритании, и в Соединенных Штатах на формирования местной милиции или милиции штатов были частично поделены даже сухопутные силы. В период утверждения в ‹…› Британии верховенства парламента местная милиция служила противовесом постоянным войскам во главе с офицерами-аристократами. Она укомплектовывалась за счет местных жителей, которые входили в ее ряды недолго и исключительно в целях защиты своей территории. ‹…› В Швейцарии конституции 1848 и 1874 гг. (вторая из них действует и поныне) запрещали Конфедерации создавать постоянную армию и предусматривали вместо этого учреждение гражданской милиции, управляемой в мирное время кантонами.

3. Вооруженные силы могут быть сформированы из индивидов, разделяющих гражданские и демократические ориентации населения в целом. Как мы видели, именно такое решение было найдено в Афинах, где гоплиты на суше и гребцы на море были обычными гражданами, которые мобилизовывались на короткий срок для защиты полиса. Аналогичным было решение в додемократической Европе XVII и XVIII вв., а также в Швейцарской Конфедерации, где, согласно конституциям 1848 и 1874 гг., действует всеобщая воинская повинность. За исключением высших офицеров и небольшого числа других штатных сотрудников, занятых на профессиональной основе, швейцарская армия по-прежнему комплектуется за счет граждан, проходящих срочную службу. В большинстве других европейских стран со времен второй мировой войны сухопутные силы состоят преимущественно из лиц, призываемых на короткий срок, т. е. из гражданских в форме.

4. Обеспечению гражданского контроля над вооруженными силами со стороны демократически избранного руководства может способствовать и воспитание профессиональных военных, особенно офицеров. ‹…›

Однако при определенных обстоятельствах гражданский контроль над профессиональными военными учреждениями оказывается под угрозой. Это происходит, например, когда

профессионализм создает глубокий социальный и психологический разрыв между кадровыми военными и гражданским населением, как это было в Бразилии в 1950-е и 1960-е годы, где военные превратились в обособленную социальную группу, своего рода касту, оторванную от сообщества гражданских лиц. Такая угроза возникает также, если профессиональные военные считают, что гражданское руководство ставит под удар их фундаментальные интересы. В подобной ситуации они скорее всего будут сопротивляться гражданскому контролю или даже попытаются полностью от него освободиться, как в Бразилии в 1964 г., в Гане в 1965 г. и в Аргентине в период с 1955 по 1983 г. ‹…›

Наконец, военачальники могут отвергнуть гражданский контроль, полагая, что политика демократически избранного руководства чревата подрывом стабильности, процветания или даже жизнеспособности той системы, которую они обязаны охранять, – будь то государство, нация, общество или конституционный строй. Во многих латиноамериканских странах конституции даже возлагают на военных определенную ответственность за обеспечение законности и порядка, а также надлежащего функционирования самой конституции. ‹…› Массовые беспорядки, гражданские конфликты, партизанская война, острая поляризация, непрерывный экономический кризис, предполагаемый или действительный приход к власти лидеров или движений, идеологически неприемлемых для армии, – все это может вызвать военный переворот, подобный имевшим место в Бразилии в 1964 г., в Чили и Уругвае в 1973 г. или в Аргентине в 1976 г.

В одни времена и в одних регионах (например, в классической Греции или в Европе и Америке XIX в.) доминирующие формы военной технологии и организации благоприятствовали народному правлению, а в другие (скажем, в Греции примерно до 650 г. до Р. Х. и в средневековой Европе) – крайне затрудняли его. Военные технологии и организации нынешнего столетия в целом не способствуют народовластию. Но несмотря на это, в мире не только сохранились старые полиархии, но и появились новые. Отсюда следует, что преобладание того или иного типа военной технологии и организации не может служить адекватным обоснованием наличия или отсутствия полиархии.

Не вызывает сомнений, что гражданский контроль над армией и полицией – необходимое условие полиархии, а его слабость – весомая причина существования недемократических режимов во многих странах. Но для появления полиархии его

недостаточно, ибо в некоторых недемократических системах тоже установлен гражданский контроль над военными и полицейскими силами. ‹…› Поэтому очевидно, что мы не можем объяснить наличие или отсутствие в стране полиархии с помощью одного только гражданского контроля.

Другими словами, хотя сосредоточение принуждающего насилия и контроль над ним составляют часть искомого объяснения, они его далеко не исчерпывают. ‹…›

СОВРЕМЕННОЕ ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКИ ОРГАНИЗОВАННОЕ ОБЩЕСТВО

Исторически полиархия прочно ассоциируется с обществом, обладающим рядом взаимосвязанных характеристик. В их числе:

– относительно высокий уровень доходов и богатства на душу населения;

– возрастание уровня доходов и богатства на душу населения на протяжении длительного времени;

– высокий уровень урбанизации;

– сравнительно маленькая или быстро сокращающаяся доля населения, занятого в сельском хозяйстве;

– многообразие сфер профессиональной деятельности;

– широкое распространение грамотности;

– сравнительно большое число лиц, посещающих высшие учебные заведения;

– экономический строй, при котором производством заняты преимущественно относительно автономные фирмы, жестко ориентирующиеся в своих решениях на национальный и международные рынки;

– сравнительно высокие значения традиционных индикаторов благосостояния, таких как количество врачей и больничных коек на тысячу жителей, ожидаемая продолжительность жизни, доля семей, которые могут позволить себе приобретение различных товаров длительного пользования, и т. д.

Взаимная корреляция подобного рода показателей настолько велика, что подтверждает правомерность квалификации их всех как признаков более или менее определенного типа социальной системы. Положение о взаимосвязи между любым из этих показателей и характеристиками полиархии, похоже, утвердилось в громадном и постоянно растущем корпусе трудов, посвященных исследованию условий демократии, гораздо прочнее, нежели какое-либо другое.

Как же нам обозначить подобного типа общество, которое, безусловно, столь благоприятно для полиархии? По отношению к

нему используются самые разные определения: либеральное, капиталистическое, буржуазное, общество среднего класса, коммерческое, современное или постсовременное, конкурентное, рыночно ориентированное, открытое. ‹…› Однако большинство приведенных определений делают чрезмерный упор на второстепенные черты или частные стороны такого общества. Некоторые его существенные параметры лучше всего передаются, наверное, идеей современности (например, исторически высокий средний уровень благосостояния, доходов, потребления и образования, многообразие сфер деятельности, преобладание городского населения, заметное уменьшение доли сельских жителей и относительной экономической значимости сельского хозяйства). Другие аспекты отражает динамическая природа общества (экономический рост, повышение уровня жизни), а некоторые – его плюралистичность (наличие множества сравнительно автономных групп и организаций, прежде всего в экономике). Поэтому я буду говорить об обществе этого типа как о современном динамичном плюралистическом обществе, а о стране, обладающей отмеченными чертами, как о современной динамичной плюралистической стране. Для простоты изложения в дальнейшем я буду пользоваться сокращением – СДП.‹…›

ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОКРАТИИ В МИРЕ

Вероятность становления и сохранения в стране институтов полиархии чрезвычайно высока:

– если средства насильственного принуждения там рассредоточены или нейтрализованы;

– если в ней существует СДП-общество;

– если она однородна в культурном отношении или, в случае культурной гетерогенности, не разделена на сильные и отчетливые субкультуры;

– если, при наличии такого рода субкультур, ее лидеры преуспели в создании консоциативных механизмов урегулирования субкультурных конфликтов;

– если политическая культура и убеждения ее граждан, особенно политических активистов, подкрепляют институты полиархии;

– если она не подвергается интервенции со стороны враждебной к полиархии иностранной державы.

Следуя той же логике, можно утверждать, что в стране, где отсутствуют перечисленные условия или сложились прямо противоположные, практически наверняка будет установлен недемократический режим. Что же касается тех стран, которые

находятся в промежуточном положении, то там полиархии чаще всего оказываются неустойчивыми (если вообще возникают) или же происходит постоянное чередование полиархических и недемократических режимов.

Нас не должно удивлять, что не более трети стран мира управляются полиархиями. Напротив, будет удивительным, если такое соотношение кардинально изменится в ближайшие 20 лет. И все же не вызывает сомнений, что демократическая идея не утратит своей привлекательности для людей в недемократических странах, и по мере того как в этих странах будут формироваться современные, динамичные и более плюралистические общества, их авторитарным правительствам станет все труднее противодействовать устремлениям к расширению демократии.

Л. РАСТОУ. ПЕРЕХОДЫ К ДЕМОКРАТИИ [25]

Растоу Дэнкварт – американский политолог, в 1970 г. своей статьей «Переходы к демократии: попытка динамической модели» заложивший основу нового направления политической науки – транзитологии.

«Отправной точкой модели служит единственное предварительное условие – наличие национального единства. Понятие „национальное единство“ не содержит в себе ничего мистического. ‹…› Оно означает лишь то, что значительное большинство граждан потенциальной демократии не должно иметь сомнений или делать мысленных оговорок относительно того, к какому политическому сообществу они принадлежат. Требование национального единства отсекает ситуации, когда в обществе наличествует латентный раскол, подобный тому, который наблюдался в габсбургской или Оттоманской империях и присутствует сегодня в ряде африканских стран, равно как и те, когда, напротив, имеется сильная тяга к объединению нескольких сообществ, как во многих странах арабского мира. Демократия – это система правления временного большинства. Чтобы состав правителей и характер политического курса могли свободно сменяться, границы государства должны быть устойчивыми, а состав граждан – постоянным. По афористичному замечанию И. Дженнингса, „народ не может решать, пока некто не решит, кто есть народ“.

Национальное единство названо предварительным условием демократизации в том смысле, что оно должно предшествовать всем другим стадиям процесса – в остальном время его образования не имеет значения. ‹…› Не имеет значения и то, каким образом достигалось национальное единство. Возможно, географическое положение страны было таким, что никакой серьезной альтернативы национальному единству просто никогда не возникало. ‹…› В контексте рассматриваемой нами сейчас проблемы имеет значение лишь результат.

Существуют по крайней мере две причины, по которым я не стал бы называть этот результат «консенсусом». Во-первых, ‹…› национальное единство – плод не столько разделяемых всеми установок и убеждений, сколько небезучастности и взаимодополненности. Во-вторых, понятие «консенсус» имеет дополнительный смысл, предполагающий осознанность убеждения и обдуманность согласия. Но предварительное условие перехода к демократии, о котором идет речь, полнее всего

реализуется тогда, когда национальное единство признается на бессознательном уровне, когда оно молчаливо принимается как нечто само собой разумеющееся. Любое громогласное провозглашение консенсуса относительно национального единства в действительности должно настораживать. ‹…›

Тезис о том, что национальное единство представляет собой единственное предварительное условие перехода к демократии, подразумевает, что для демократии не требуется какого-либо минимального уровня экономического развития и социальной дифференциации. Экономические и социальные факторы подобного рода входят в модель лишь опосредованно как возможные основы национального единства или же глубинного конфликта (см. ниже). Те социальные и экономические индикаторы, на которые исследователи так любят сослаться как на «предварительные условия» демократии, выглядят по меньшей мере сомнительными. ‹…›

Согласно моей гипотезе, динамический процесс демократизации в собственном смысле слова – при наличии указанного выше предварительного условия – запускается посредством длительной и безрезультатной политической борьбы. Чтобы политическая борьба обрела названные черты, ее основные участники должны представлять прочно укоренившиеся в обществе силы, а спорные вопросы, вокруг которых она ведется, должны иметь для сторон первостепенное значение. ‹…› При этом конкретный социальный состав противоборствующих сторон – и лидеров, и рядовых членов, – равно как и реальное содержание спорных вопросов будут разниться от страны к стране, а также от периода к периоду в жизни каждой отдельно взятой страны.

Серьезный и продолжительный характер борьбы, как правило, побуждает соперников сплотиться вокруг двух противоположных знамен. Поэтому отличительной чертой подготовительной фазы перехода к демократии является поляризация, а отнюдь не плюрализм. Тем не менее степень раскола общества имеет свои пределы, обусловленные требованием национального единства, которое, конечно же, должно не только предшествовать началу процесса демократизации, но и присутствовать на всех его стадиях. Если линия раскола точно совпадает с региональными границами, результатом скорее всего будет не демократия, а сецессия. У противоборствующих сторон, даже если их интересы имеют четко выраженную географическую направленность, должно сохраняться некое ощущение сообщности или же существовать некое региональное равновесие сил, которое исключит возможность массового изгнания соперников и геноцида. ‹…›

Р. Даль писал, что «узаконенная партийная оппозиция – недавнее и случайное изобретение» ‹…› средством продвижения к демократии является преодоление осязаемых поводов для недовольства, ‹…› переход к демократии – сложный и запутанный процесс, тянущийся многие десятилетия. Все это, однако, не исключает сознательного выдвижения в ходе подготовительной фазы таких целей, как избирательное право или свобода оппозиции. ‹…› Напротив, подготовительная фаза завершается лишь тогда, когда часть политических лидеров страны принимает сознательное решение признать наличие многообразия в единстве и институционализировать с этой целью некоторые основополагающие механизмы демократии. ‹…›

Приобретается ли демократия «оптом», как в 1907 г. в Швеции, или же «в рассрочку», как в Англии, в любом случае она – результат сознательного решения со стороны по крайней мере верхушки политического руководства. Политики – профессионалы в области власти, и коренной сдвиг в сфере организации власти, подобный переходу от олигархии к демократии, не ускользнет от их внимания.

Решение предполагает выбор, и хотя выбор в пользу демократии не может быть сделан, если отсутствуют предварительное и подготовительное условия, это – реальный выбор, который не вытекает автоматически из наличия названных предпосылок. ‹…›

Решение в пользу демократии проистекает из взаимодействия нескольких сил. Поскольку условия сделки должны быть четко оговорены и кто-то должен взять на себя риск относительно ее возможных будущих последствий, непропорционально большую роль здесь играет узкий круг политических лидеров. Среди групп, задействованных в переговорах, и их лидеров могут быть представлены бывшие соперники по подготовительной борьбе. ‹…›

Варьируются не только типы сил, обеспечивших выбор демократического решения, и не только содержание такого решения, но и мотивы, по которым оно предполагается и принимается. Охранительные силы могут уступить из опасения, что, продолжая сопротивляться, они в конечном итоге обрекут себя на гораздо большие потери. ‹…› В свою очередь, радикалы способны принять компромисс в качестве первого «взноса», будучи уверены, что время работает на них и другие «взносы» неизбежно последуют. И консерваторы, и радикалы могут устать от длительной борьбы или же испугаться, что она перерастет в гражданскую войну. Страх перед гражданской войной, как правило, приобретает гипертрофированные размеры, если

общество прошло через подобную гражданскую войну в недавнем прошлом.

Неприятное решение, будучи принятым, со временем, как правило, начинает представляться все более и более приемлемым, раз уж приходится сообразовывать с ним свою жизнь. Повседневный опыт каждого из нас дает тому немало примеров. ‹…› Кроме того, демократия, по определению, есть конкурентный процесс, а в ходе демократической конкуренции преимущества получают те, кто может рационализировать свою приверженность новой системе, и еще большие – те, кто искренне верит в нее. ‹…› Короче говоря, в ходе самого функционирования демократии идет дарвинистский отбор убежденных демократов, причем по двум направлениям – во-первых, среди партий, участвующих во всеобщих выборах, и, во-вторых, среди политиков, борющихся за лидерство в каждой из этих партий.

Но политика состоит не только из конкурентной борьбы за правительственные посты. Помимо всего прочего, это – процесс, направленный на разрешение внутригрупповых конфликтов, будь то конфликты, обусловленные столкновением интересов или связанные с неуверенностью в завтрашнем дне. Новый политический режим есть новый рецепт осуществления совместного рывка в неизведанное. И поскольку одной из характерных черт демократии является практика многосторонних обсуждений, именно этой системе в наибольшей степени присуще развитие методом проб и ошибок. ‹…› Первый великий компромисс, посредством которого устанавливается демократия, если он вообще оказывается жизнеспособным, сам по себе является свидетельством эффективности принципов примирения и взаимных уступок. Поэтому первый же успех способен побудить борющиеся политические силы и их лидеров передать на решение демократическими методами и другие важнейшие вопросы. ‹…›

Из представленной выше модели вытекают три общих вывода. Во-первых, для генезиса демократии требуется несколько обязательных компонентов. С одной стороны, должно иметься чувство национального единства. С другой – необходимо наличие устойчивого и серьезного конфликта. Кроме того, нужен сознательный выбор демократических процедур. Наконец, и политики, и электорат должны привыкнуть к новым правилам.

Во-вторых, из модели следует, что названные компоненты должны складываться по одному, в порядке очередности. Каждая задача имеет свою логику и своих естественных протагонистов. ‹…›

В-третьих, модель показывает, что при переходе к демократии последовательность процессов должна быть

следующей: от национального единства как подосновы демократизации, через борьбу, компромисс и привыкание к демократии. ‹…›

‹…› Особо следует отметить, что модель безусловно отвергает необходимость наличия тех двух факторов, которые иногда выдаются за предпосылки демократии, а именно: высокого уровня экономического и социального развития, а также изначального консенсуса – будь то по вопросам принципов или процедур.

Что касается консенсуса по вопросам фундаментальных принципов, то он вообще не может быть предпосылкой демократии. Если люди не находятся в состоянии конфликта по каким-то достаточно принципиальным вопросам, им и не нужно изобретать сложные демократические механизмы разрешения конфликтов. ‹…› Основа демократии – не максимальный консенсус, но тонкая грань между навязанным единообразием (ведущим к какого-то рода тирании) и непримиримой враждой (разрушающей сообщество посредством гражданской войны или сецессии)».

А. ПШЕВОРСКИЙ. ДЕМОКРАТИЯ И РЫНОК [26]

Пшеворский Адам – американский политолог, один из самых известных теоретиков перехода к демократии. Пшеворский, близкий к «Солидарности», эмигрировал из социалистической Польши в 1980-х гг. Был одним из основных участников международного проекта «Переходы от авторитаризма к демократии», который завершился изданием одноименного четырехтомного труда, содержащего анализ особенностей перехода от авторитаризма к демократии в Южной Европе и Латинской Америке.

‹…› Демократия прочна, когда большинство конфликтов разрешается при посредстве демократических институтов, когда никому не позволено контролировать результаты ex post (задним числом) и они не предрешены ex ante (заранее); результаты значимы в известных пределах и вынуждают политические силы им подчиниться.

Стратегическая проблема переходного периода – прийти к демократии, не допустив, чтобы тебя убили те, у кого в руках оружие, или уморили голодом те, кто контролирует производственные ресурсы.

А. Пшеворский

Заметим, что процесс распада авторитарного режима можно повернуть вспять. ‹…› Он может привести и к новой диктатуре. ‹…› И даже если не будет установлена старая или какая-нибудь новая диктатура, переход может остановиться на полдороге и вылиться в такую форму правления, которая ограничивает конкуренцию или оказывается под угрозой военного вмешательства. Но и в том случае, когда все же удается прийти к демократии, она не обязательно оказывается прочной. При определенных условиях деятельность демократических институтов может привести к тому, что в конце концов отдельные влиятельные политические силы сделают выбор в пользу авторитаризма. Следовательно, прочная демократия – это всего лишь один из возможных исходов процесса распада авторитарных режимов.

Рассмотрим весь спектр возможностей, связанных с различными ситуациями переходного периода, с теми

моментами, когда авторитарный режим распадается и на повестку дня встает вопрос о демократии. В зависимости от целей и ресурсов конкретных политических сил и структуры возникающих конфликтов вырисовываются пять возможных исходов этого процесса.

1. Структура конфликтов такова, что ни один демократический институт не может утвердиться и политические силы начинают бороться за новую диктатуру.

Конфликты, касающиеся политической роли религии, расы или языка, меньше всего поддаются разрешению с помощью институтов. Наиболее характерным примером в этом отношении является, пожалуй, Иран.

2. Структура конфликтов такова, что ни один демократический институт не может утвердиться и все же политические силы соглашаются на демократию как на временное решение.

Парадигмальный пример подобной ситуации предложил О'Доннелл в своем исследовании Аргентины 1953—1976 гг. Основными предметами экспорта в аргентинской экономике были дешевые товары, и демократия там появляется как результат коалиции городской буржуазии и городских масс (альянс «город – город»). Создаваемые на основе данного альянса правительства стремятся наладить потребление на внутреннем рынке. Через некоторое время эта политика приводит к кризису платежного баланса и побуждает городскую буржуазию вступить в союз с земельной буржуазией, в результате чего образуется коалиция «буржуазия – буржуазия». Эта коалиция стремится снизить уровень массового потребления и нуждается для этого в авторитаризме. Но по прошествии времени городская буржуазия обнаруживает, что осталась без рынка, и вновь меняет союзников, на этот раз возвращаясь к демократии.

3. Структура конфликтов такова, что если бы были введены отдельные демократические институты, они могли бы сохраниться, однако соперничающие политические силы борются за установление диктатуры.

Подобная ситуация может возникнуть, когда предпочтения политических сил различны в отношении конкретных институциональных структур; например, в отношении унитарной или же федеративной системы. Одна часть населения какой-либо страны выступает за унитарную систему, другая – за федеративную. Что произойдет при таких обстоятельствах, неясно. Возможно, что, если какая-то институциональная структура будет временно принята, это обретет силу договора и утвердится. Однако весьма вероятным является и открытый

конфликт, дегенерирующий до состояния гражданской войны и диктатуры.

4. Структура конфликтов такова, что в случае введения некоторых демократических институтов они могли бы выжить, однако соперничающие политические силы соглашаются на нежизнеспособную институциональную структуру.

Но разве это не какое-то извращение? Тем не менее существуют ситуации, при которых следует ожидать именно этого исхода. Предположим, что некий военный режим ведет переговоры о передаче власти. Силы, представляемые этим режимом, предпочитают демократию с гарантиями их диктаторских интересов, но боятся демократии без гарантий больше, чем status quo. И они в состоянии поддерживать диктаторский режим, если демократическая оппозиция не соглашается на институты, которые бы обеспечивали им такую гарантию. Оппозиция, со своей стороны, понимает, что, если она не согласится на эти институты, военные вновь закрутят гайки. В результате на свет появляется демократия «с гарантиями». Если же вновь созданные демократические институты начинают подрывать власть военных, долго им не продержаться. В подобных ситуациях проявляется и политическая близорукость, и отсутствие знаний.

Путь, ведущий к демократии, тернист. А конечный результат зависит от пути.

А. Пшеворский

5. *Наконец, структура конфликтов (дай-то Бог) такова, что некоторые демократические институты могли бы сохраниться, и когда их вводят, они действительно оказываются прочными.*

Условия, при которых появляются эти результаты, и пути, ведущие к ним, и составляют тему настоящей работы. ‹…›

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ

Всем диктатурам, каким бы ни были в них пропорции «кнута и пряника», свойственна одна общая черта: они терпеть не могут и не терпят независимых организаций. Дело в том, что, когда нет «коллективных» альтернатив, отношение отдельных лиц к существующему режиму мало сказывается на его стабильности. Авторитарным режимам угрожает не подрыв их легитимности, а организация контргегемонии: коллективные проекты альтернативного будущего. Только наличие коллективных альтернатив дает отдельной личности возможность

политического выбора. Поэтому авторитарные режимы испытывают ненависть к независимым организациям и стараются или подчинить их централизованному контролю, или же подавить с помощью силы.

Почему же в какой-то момент группа, принадлежащая к авторитарному истеблишменту, вдруг начинает проявлять терпимость к какой-нибудь независимой организации гражданского общества?

Объяснять такие решения можно двояким образом: «сверху» или «снизу». В какой-то степени эти типы объяснения отражают реальность. Венгрия, например, обычно рассматривается как почти чистый случай раскола в авторитарной власти. В Восточной Германии мы наблюдали другую крайность: во властных структурах не было и намека на раскол до тех пор, пока сотни тысяч людей не заполнили улицы Лейпцига. И все же в литературе, посвященной исследованию конкретных событий, для объяснения одного и того же события зачастую приводятся совершенно различные причины. ‹…›

Аналитические трудности возникают потому, что модель, в которой различаются только два направления, слишком груба. Не являясь подлинной революцией, массовым восстанием, ведущим к полному уничтожению репрессивного аппарата, решения о либерализации принимаются и сверху, и снизу. Ибо даже в тех случаях, когда раскол авторитарного режима становился очевидным еще до всякого массового движения, остается неясным, почему режим дал трещину именно в данный конкретный момент. Отчасти ответ всегда состоит в том, что либерализаторы увидели возможность альянса с теми силами, которые до этого времени оставались неорганизованными. Таким образом, в гражданском обществе уже есть сила, с которой можно объединиться. И наоборот, в тех случаях, когда массовое движение предшествовало расколу режима, остается неясным, почему режим решил не подавлять его силовыми методами. Отчасти ответ состоит в том, что режим был поделен между либерализаторами и сторонниками твердой линии. Либерализация – результат взаимодействия разногласий внутри авторитарного режима и независимой организации гражданского общества. Массовое движение служит для потенциальных либерализаторов сигналом о том, что возможен альянс, который мог бы изменить соотношение сил в руководстве; и наоборот, разногласия в руководстве указывают гражданскому обществу, что политическое пространство открыто для вхождения в него независимых организаций. Поэтому массовое движение и разногласия внутри руководства взаимно подпитывают друг

друга.

Независимо от того, что проявит себя первым – раскол в руководстве или массовое движение, – либерализация следует одной и той же логике. Различны лишь темпы. Массовое движение диктует темп преобразований, вынуждая режим решать: применить ли репрессии, или – кооптацию, или – передать власть. И сколько бы ни продолжалась либерализация, годы, месяцы или дни, режим и оппозиция всегда имеют дело с одним и тем же набором возможностей.

Проекты либерализации, выдвигаемые силами, принадлежащими к авторитарному истеблишменту, неизменно предполагают контролируемую «открытость» политического пространства. Обычно они возникают в результате разногласий в авторитарном блоке, порождаемых разного рода сигналами, которые возвещают о назревающем кризисе, скажем, о массовых волнениях. Проект либерализаторов обычно нацелен на снижение социальной напряженности и укрепление собственных позиций в руководстве путем расширения социальной базы режима. Он состоит в том, чтобы разрешить самостоятельную организацию гражданского общества и инкорпорировать новые группы в существующие авторитарные институты. Таким образом, либерализация оказывается зависимой от того, насколько ее результаты совместимы с интересами или ценностями авторитарного блока. Так, либерализацию называют открытостью, смягчением напряженности, обновлением или перестройкой. Эти термины недвусмысленно указывают на границы реформ.

Либерализации присуща нестабильность. Обычно происходит то, что Илья Эренбург в 1954 г. назвал оттепелью: таяние айсберга гражданского общества, приводящее к затоплению дамб авторитарного режима. Как только репрессии ослабевают, первая реакция – бурный рост независимых организаций в гражданском обществе. За короткое время возникают студенческие ассоциации, профессиональные союзы, протопартии. ‹…› В Польше за несколько недель сентября 1980 г. к «Солидарности» присоединились 10 млн. человек. ‹…›

Темпы мобилизации гражданского общества в разных режимах различны и зависят от того, что служит основой авторитарного равновесия – ложь, страх или экономическое процветание. Равновесие, в основе которого ложь, – самое неустойчивое. В режимах ритуализированной речи, где все произносят слова, в которые сами не верят и в которые верить не предполагается, новое слово считается подрывом основ. И когда объявляют, что король голый, равновесие моментально нарушается. В Румынии несколько человек стали выкрикивать

лозунги против Чаушеску во время демонстрации в честь его возвращения из Ирана, и через несколько дней режим пал. В режимах, базирующихся на страхе, где слова допускаются при условии, что они не произносятся публично, ‹…› инакомыслие может тлеть долгое время, пока не вспыхнет ярким пламенем. Решающим фактором в разрушении индивидуальной изоляции является чувство безопасности, возникающее при скоплении массы людей. Поляки обнаружили силу оппозиции во время визита в Польшу в июне 1979 г. папы Иоанна Павла II, когда на улицы вышли 2 млн. человек. ‹…› Наконец, режимы, основанные на молчаливом договоре о непротивлении в обмен на материальное процветание, уязвимы прежде всего из-за экономических кризисов. Поэтому лаг времени между началом либерализации и массовым движением не является постоянной величиной и варьирует от одного режима к другому.

В какой-то момент гражданское общество «мобилизуется», начинают формироваться организации, которые заявляют о своей независимости от режима, провозглашают собственные цели, интересы и проекты. Однако централизованные, находящиеся вне конкуренции институты режима инкорпорируют только те группы, которые его признают. ‹…› Таким образом, с одной стороны, в гражданском обществе возникают независимые организации; с другой стороны, не существует институтов, где эти организации могут отстаивать свои взгляды и интересы. Единственным местом, где вновь организованные группы могут бороться за свои ценности и интересы, оказывается улица. И борьба неизбежно приобретает массовый характер.

В этом случае либерализация более не может продолжаться. Слезоточивый газ, струящийся по улицам, ест либерализаторам глаза; взрыв массовых движений, смятение и беспорядок – все это свидетельства провала политики либерализации. Поскольку либерализация всегда предполагает контроль сверху, возникновение независимых движений доказывает, что либерализация более не является жизнеспособным проектом. Уличная демонстрация – это демонстрация того, что нарушена самая священная из авторитарных ценностей, порядок как таковой. Массовые выступления подрывают позицию либерализаторов в авторитарном блоке.

В Китае студенческие демонстрации вынудили либерализаторов отступить и стоили им ведущей роли в партии. Репрессии вновь усилились. В Южной Корее, однако, подобные демонстрации привели к расколу режима и преобразовали либерализаторов в демократизаторов. Такова альтернатива: или, инкорпорировав несколько групп и подавив все остальные,

возвратиться к авторитарному стазу, или поставить на политическую повестку дня проблему институтов, т. е. институтов демократии. Либерализация или заканчивается, приводя к мрачным периодам, которые лицемерно называют нормализацией, или продолжается и переходит в демократизацию.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ

После краха диктатуры центральной оказывается следующая проблема: согласятся ли политические силы на существование институтов, допускающих открытую, пусть даже ограниченную, конкуренцию? И способны ли такие институты обеспечить спонтанное подчинение; т. е., подчиняя свои интересы не предрешенному заранее исходу соперничества и готовые согласиться с его результатами, способны ли они привлечь политические силы в качестве участников демократического процесса?

Заметим, что конфликты, имеющие место в периоды переходов к демократии, часто происходят на двух фронтах: (1) между противниками и сторонниками авторитарного режима и (2) между самими протодемократическими деятелями за лучшие шансы в условиях будущей демократии. Образ демократии как борьбы общества против государства – полезный вымысел, лозунг, объединяющий противостоящие авторитарному режиму силы. Но общество разделено по многим основаниям, и самая суть демократии заключается в конкуренции политических сил, имеющих противоположные интересы. Эта ситуация создает дилемму: чтобы прийти к демократии, антиавторитарные силы должны объединиться в борьбе против авторитаризма, но чтобы победить в условиях демократии, они должны соперничать друг с другом. Поэтому борьба за демократию всегда ведется на два фронта: против авторитарного режима за демократию и против своих собственных союзников за лучшее положение в условиях будущей демократии.

И хотя эти два разных аспекта демократизации – высвобождение из-под авторитарного режима и конституирование демократического правления – иногда на время сливаются воедино, для целей нашего исследования полезно рассмотреть их по отдельности. Относительная значимость высвобождения и конституирования определяется тем местом, которое занимают в рамках авторитарного режима политические силы, контролирующие репрессивный аппарат и прежде всего вооруженные силы. Там, где армия остается верной

режиму, элементы высвобождения доминируют над процессом перехода. Парадигмальными примерами служат Чили и Польша, однако высвобождение доминировало над переходом также в Испании, Бразилии, Уругвае, Южной Корее и Болгарии. С другой стороны, если среди военных нет единства, например, из-за каких-то военных поражений, как это было в Греции, Португалии и Аргентине, а также если военные находятся под действенным гражданским контролем, как обстояло дело во всех остальных восточноевропейских странах, элементы высвобождения влияли на процесс конституирования нового режима в меньшей степени.

Поскольку проблема высвобождения была подробно исследована, ограничусь схематическим изложением результатов. Различим четыре политические силы: сторонников твердой линии и реформаторов (которые могут быть, а могут и не быть либерализаторами) внутри авторитарного блока, и умеренных и радикалов, находящихся в оппозиции. Сторонников твердой линии обычно можно найти в репрессивных структурах авторитарного правления: в полиции, среди юридической бюрократии, цензоров, журналистов и т. д. Реформаторы рекрутируются из политиков, функционирующих в рамках режима, и из некоторых групп, не входящих в государственный аппарат, – из представителей буржуазии при капитализме и хозяйственных руководителей при социализме. Умеренные и радикалы могут представлять (хотя и не обязательно) различные интересы. Они отличаются только по своему отношению к рискованным предприятиям. Умеренными могут быть те, кто опасается сторонников твердой линии, но это не обязательно те, кто ставит менее радикальные цели.

Высвобождение из-под авторитаризма может произойти только в результате взаимопонимания между реформаторами и умеренными. Оно возможно, если (1) реформаторы и умеренные достигают соглашения об институтах, при которых представляемые ими социальные силы имели бы заметное политическое влияние в демократической системе, (2) реформаторы в состоянии добиться согласия сторонников твердой линии или нейтрализовать их, (3) умеренные способны контролировать радикалов.

Два последних условия логически предшествуют первому, поскольку они определяют множество возможных решений для реформаторов и умеренных. Какой бы договоренности они ни достигли, она должна побудить сторонников твердой линии действовать заодно с реформаторами – и сдерживать радикалов. В каком случае эти условия выполнимы?

Если процесс высвобождения контролируют военные, они

либо должны выступать за реформы, либо их должны склонить к сотрудничеству или по крайней мере к пассивности реформаторы. Умеренные платят свою цену. Но если реформаторы являются жизнеспособным собеседником для умеренных только в том случае, когда они контролируют или имеют на своей стороне вооруженные силы, то умеренные политически незначимы, если не в состоянии сдерживать радикалов. Умеренные джентльмены в галстуках годны для цивилизованных переговоров в правительственных дворцах, но когда улицы заполняют толпы народа, а предприятия захватываются рабочими, умеренность оказывается неуместной. Поэтому умеренные должны или обеспечить терпимые условия для радикалов, или же, если они не способны добиться этого от реформаторов, оставить в руках репрессивного аппарата достаточно власти, чтобы радикалов можно было запугать. С одной стороны, умеренные нуждаются в радикалах, чтобы с их помощью оказывать давление на реформаторов; с другой стороны, умеренные боятся, что радикалы не согласятся на сделку, которую они (умеренные) заключат с реформаторами. Неудивительно, что достижимое часто оказывается нереализованным.

Когда может быть достигнуто соглашение, снимающее все эти напряжения? Реформаторы стоят перед стратегическим выбором. Им нужно решить: либо сохранить авторитарный альянс со сторонниками твердой линии, либо стремиться к демократическому союзу с умеренными. Умеренные, в свою очередь, могут или вступить в союз с радикалами и стремиться к полному разрушению политических сил, организованных при авторитарном режиме, или начать переговоры с реформаторами и стремиться к примирению.

Если реформаторы объединяются со сторонниками твердой линии, а умеренные с радикалами, то образуются две коалиции, которые вступают в схватку друг с другом. Если реформаторы заключают союз с умеренными, а умеренные с реформаторами, то в результате получается демократия с гарантиями. Если умеренные вступают в альянс с радикалами, а реформаторы с умеренными, то реформаторы принимают демократию без гарантий, которая возникает из коалиции «радикалы – умеренные». Если реформаторы объединяются со сторонниками твердой линии, а умеренные с реформаторами, умеренные принимают либерализацию. Они «присоединяются» в указанном выше смысле слова.

В таких условиях реформаторы держатся главного стратегического курса, а именно альянса со сторонниками

твердой линии. Если умеренные объединяются с радикалами, оппозиции наносится поражение и авторитарный блок сохраняется в неприкосновенности, что для реформаторов предпочтительнее, чем демократия без гарантий, результат коалиции умеренных и радикалов. Если умеренные стремятся к союзу с реформаторами, то делаются некоторые уступки – за счет сторонников твердой линии. Для реформаторов эти уступки лучше, чем демократия – пусть даже с гарантиями. Поэтому потенциальные реформаторы всегда оказываются в лучшем положении, защищая авторитарный режим в союзе со сторонниками твердой линии.

Определяющей чертой ситуации является то, что реформаторы не обладают своей собственной политической силой и поэтому не могут рассчитывать на политический успех в условиях будущей демократии. Без гарантий им при демократии придется туго, и даже при наличии таковых им все же выгоднее находиться под протекцией своих авторитарных союзников. Так случилось в Польше в 1980—1981 гг. Любое решение должно было удовлетворять двум условиям: (1) оппозиция настаивала на принципе открытого соперничества на выборах, и (2) партия хотела иметь гарантию, что одержит на выборах победу. Оппозиция не возражала против победы партии, она не требовала победы, ей нужна была возможность соперничества. Партия не возражала против выборов, но хотела сохранить хорошие шансы на победу. При закрытых опросах общественного мнения за партию высказывалось не более 3% потенциальных избирателей. Способа преодолеть это препятствие найти не удалось. Если бы партия могла рассчитывать хотя бы на 35%, то изобрести избирательную систему, которая допускала бы соперничество и в то же время обеспечивала победу, не составило бы никакого труда. Но не при 3%. Не было институтов, которые снимали бы напряжения, порожденные интересами и внешними (outside) возможностями конфликтующих политических сил. В таких условиях реформаторы не решились на демократический союз с умеренными.

Итак, оптимальная стратегия высвобождения противоречива. Силы, выступающие за демократию, должны быть благоразумными ex ante; но ex post им захочется быть решительными. Однако решения, принятые ex ante, порождают обстоятельства, которые трудно отменить ex post, поскольку они сохраняют у власти силы, связанные со старым порядком (ancien regime). Ex post демократические силы сожалеют о своем благоразумии, однако ex ante у них нет иного выбора, кроме осмотрительности.

Условия, которые порождают переходы, согласованные со старым порядком, не являются необратимыми. Существенную черту демократии составляет то, что ничто не решается окончательно. Если верховная власть принадлежит народу, народ может решить ликвидировать все гарантии, согласованные политиками за столом переговоров. Даже самые институционализированные гарантии имеют в лучшем случае более или менее высокую, но никак не стопроцентную надежность. В Чили, Южной Корее и Пакистане попытки внести изменения в конституции, доставшиеся в наследство от авторитаризма, пока что терпят неудачу, а в Уругвае референдуму не удалось отменить само-амнистию, провозглашенную военными. В Польше условия первоначального соглашения, выработанного в апреле 1989 г., были раскрыты сразу после выборов в июне 1989 г., а затем постепенно ликвидированы. Переход через высвобождение побуждает демократические силы к устранению гарантий, унаследованных от авторитаризма. Поэтому институциональное наследство по сути своей оказывается нестабильным.

Представим себе, что высвобождения не требуется: вооруженные силы распались, как это случилось в Греции и Восточной Германии, или же поддерживают переход к демократии, как это произошло в ряде восточноевропейских стран. Демократия устанавливается, если конфликтующие политические силы договариваются об институциональной структуре, которая допускает открытое, пусть и ограниченное, соперничество, и если эта структура порождает продолжительное согласие. В связи с этим возникают два вопроса: (1) каковы эти институты? и (2) будут ли они поддержаны?

Прежде всего отметим, что все переходы к демократии осуществляются путем переговоров: в одних случаях с представителями прежнего режима, в других – между самими продемократическими силами, создающими новую систему. Переговоры не обязательны при высвобождении, но они необходимы для конституирования демократических институтов. Демократию невозможно предписать: она возникает в результате сделок.

Легко построить модель таких сделок. Каждая политическая сила выбирает ту институциональную структуру, которая способствует продвижению ее ценностей, проектов или интересов. В зависимости от соотношения сил, включая способность некоторых деятелей навязывать недемократические решения, происходит следующее: либо устанавливается некоторая демократическая институциональная структура, либо

начинается борьба за диктатуру. Эта модель предполагает гипотезы, соотносящие существующие силы и объективные условия с порождаемыми институциональными результатами. В частности, возникающие институциональные структуры объясняются из условий, в которых совершаются переходы.

Прежде чем развивать эту модель, разберем вопрос об институциональном выборе. Группы, вступающие в конфликт по поводу выбора демократических институтов, сталкиваются с тремя общими проблемами: содержание versus процедура, договор versus соперничество и мажоритарная система versus конституционализм. В какой степени социальные и экономические результаты должны быть оставлены непредрешенными и в какой степени некоторые из них должны быть гарантированы и защищены независимо от исхода соперничества? Какие решения следует принимать путем договоренностей, а какие – в ходе конкретной борьбы? Должны ли некоторые институты, такие как конституционные трибуналы, вооруженные силы или главы государства, оставаться арбитрами и стоять над конкурентными процессами, или им следует периодически выносить электоральные вердикты? Наконец, в какой степени и каким образом общество должно себя ограничить, с тем чтобы предотвратить будущие преобразования? Таковы центральные вопросы, связанные с конфликтами вокруг институтов.

Договоренности проблематичны по той причине, что институты имеют распределительные функции. Если бы речь шла только об эффективности, то и в вопросе о выборе институтов не возникало бы никаких разногласий; нет оснований опасаться системы, которая создает для кого-то лучшие условия, но не ущемляет при этом интересов всех остальных. Но поскольку экономические, политические и идеологические ресурсы распределяются, институты оказывают влияние на степень и способ продвижения конкретных интересов и ценностей. Поэтому предпочтения в отношении институтов оказываются различными.

Чего же нам ожидать при различных условиях? Обратим внимание на два условия: участникам известно соотношение сил в тот момент, когда принимается институциональная структура, и это отношение может быть неравновесным или же равновесным. Соответственно этим условиям принимаются определенные типы институтов, они определяют и то, насколько эти институты окажутся стабильными. Здесь возникают три гипотезы: (1) если ex ante известно, что соотношение сил неравновесно, то институты ратифицируют это соотношение, и они устойчивы, только если сохраняются первоначальные условия; (2) если ex ante известно,

что соотношение сил равновесно, может случиться все что угодно: начнется долгая гражданская война, будет достигнута договоренность о нежизнеспособных институтах, или стороны придут к согласию относительно институциональной структуры, которая в конце концов обретает конвенциональную силу; (3) если соотношение сил ex ante не известно, институты сформируют сильную систему контроля и балансов и сохранятся, несмотря на любые условия. ‹…›

Представленный анализ не носит окончательного характера. Суммируем основные гипотезы.

Первая. Всякий раз, когда ancien regime вступает в переговоры о передаче власти, оптимальная стратегия демократизации оказывается противоречивой: она требует компромиссов ex ante и решительности ex post.

Вторая. По-видимому, выбор институтов во время недавних случаев перехода был во многом случайным и диктовался понятным желанием как можно быстрее уладить важнейшие конфликты. И есть основания полагать, что институты, принятые в качестве временных решений, таковыми и останутся. Следовательно, в новых демократиях постоянно будут возникать конфликты по поводу их главных институтов. Те политические силы, которые терпят поражение в результате взаимодействия этих институтов, будут постоянно ставить вопрос об институциональной структуре на политическую повестку дня.

Наконец, нас не должна вводить в заблуждение демократическая риторика тех сил, которые «вовремя» присоединились к оппозиции. Не все антиавторитарные движения состоят целиком из сторонников демократии: для некоторых лозунг демократии является лишь шагом к тому, чтобы пожрать как своих авторитарных оппонентов, так и союзников по борьбе с авторитарным режимом.

СОВРЕМЕННАЯ ДИСКУССИЯ
В. В. ПУТИН. ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ, 2005 год

«Но ценой развития демократических процедур не может быть ни правопорядок, ни столь трудно достигнутая стабильность, ни устойчивое проведение взятого экономического курса.

В этом вижу самостоятельный характер выбранного нами демократического пути. И потому мы будем двигаться вперед, учитывая наши собственные, внутренние обстоятельства. Но в обязательном порядке – опираясь на закон, на конституционные гарантии.

Разумеется, сама власть также не должна злоупотреблять имеющимися у нее административными рычагами. И она обязана открывать все новые возможности для укрепления в стране институтов реальной демократии.

То, что сейчас называется демократией, – виртуальная система, не связанная с реальностью. Она работает по советскому принципу: сверху поступают задания, а снизу – отчеты о проделанной работе. Такая ситуация означает, что снизу раньше или позже начинают поступать не отчеты, а приписки. Пример – выборы: результаты все чаще приписываются. Граница между управляемой демократией и авторитаризмом проходит там, где у людей формируется негативное отношение к выборам. На самом деле мы сейчас как раз на этой границе и находимся. То есть выборы дискредитируются в глазах общественности, а вместе с выборами – и те, кто получает власть с помощью избирательных процедур («Независимая газета», 24.05.2004). Дмитрий Орешкин, политолог

Демократический эксперимент в России конца 80-х и 90-х годов XX века, в деталях интересный и небесполезный, не удался (или провалился). Более того, если бы этот эксперимент удался, то уже в середине (если не в начале) 90-х годов к власти в России пришли бы коммунисты. (В скобках замечу, что вряд ли Запад пришел бы в восторг от такой победы русской демократии и простил бы нам это…)

Ни горбачевскую протодемократию, ни ельцинскую сначала охлократию, затем анархию, затем олигархию демократией считать нельзя. А демократические институты (как декорации), конечно, возникли. Да и сохранились. Короче, квазидемократию мы построили, демократию – нет («Комсомольская правда», 04.11.2004).

Виталий Третьяков, политический обозреватель

Отказывать собственному народу, самим себе в способности жить по демократическим законам – это значит не уважать себя, своих сограждан. Это значит не понимать прошлого и не видеть будущего.

Россия – это страна, которая выбрала для себя демократию волей собственного народа. Она сама встала на этот путь и, соблюдая все общепринятые демократические нормы, сама будет решать, каким образом – с учетом своей исторической, геополитической и иной специфики – можно обеспечить реализацию принципов свободы и демократии. Как суверенная страна Россия способна и будет самостоятельно определять для себя и сроки, и условия движения по этому пути.

Однако последовательное развитие демократии в России возможно лишь правовым, законным путем. А всякого рода внеправовые методы борьбы за национальные, религиозные, иные интересы противоречат самим принципам демократии. Государство будет на них законным, но жестким образом реагировать».

ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ

1. Чем отличается современное общество от традиционного?

Традиционное

_____

Современное

_____

2. Почему отказ от модернизации рано или поздно приводит любое общество в современном мире к угрозе исчезновения (если необходимо, обратитесь еще раз к отрывкам из работ Парсонса, Бирюкова и Сергеева, Хантингтона)?

_____

3. Какие предпосылки для демократии (из перечисленных Далем, Растоу, Пшеворским и другими авторами) существуют, на Ваш взгляд, в России, а какие еще предстоит создать?

Существуют

_____

Предстоит создать

_____

4. ЧТО ТАКОЕ ДЕМОКРАТИЯ?

Демократия – самое трудноусваиваемое достижение современности. При этом без демократии процесс модернизации завершиться не может – как показывает история, недемократические государства, даже совершившие на том или ином этапе впечатляющие рывки в развитии, но не создавшие демократии, затем впадают в застой или даже деградируют.

Что же такое демократия? Еще в V веке до нашей эры афинянин Перикл с гордостью говорил: «У нас городом управляет не горсть людей, а большинство народа». Основу для современных демократических теорий в XVIII веке заложил Руссо, сформулировав учение об «общей воле» народа. Наблюдения французского монархиста графа Алексиса де Токвиля во время его поездки в немонархическую Америку XIX века крайне интересны тем, что аристократ Токвиль подмечал проявления демократического правления повсюду – вплоть до бытового поведения.

Обычное определение демократии, классически сформулированное президентом США А. Линкольном как «правление народа, для народа и через народ», вызывало многочисленные споры при каждой попытке применить его к конкретной стране – в самом деле, как определить, для народа осуществляется власть в том или ином государстве или же не для народа? Йозеф Шумпетер нашел решение этого вопроса, перенеся центр тяжести в плоскость изучения процедур правления – демократией является то государственное устройство, при котором власть приобретается на состязательных выборах. Его идеи послужили основой современной теории демократии, сжатый очерк которой создан Т. Л. Карл и Ф. Шмиттером.

С позиций российского гражданина особо интересно Послание Федеральному Собранию В. Путина 2005 года. Оно несло в себе, как нам представляется, очень личностный посыл этого политика. Обратите внимание, что демократию Президент определяет как «справедливость и законность».

РЕЧЬ ПЕРИКЛА О ДОСТОИНСТВАХ АФИНЯН (Фукидид. История Пелопоннесской войны [27])

Речь Перикла – первая известная в истории апология (восхваление) демократии.

Перикл (около 490 до н.э., Афины – 429 до н.э., там же), древнегреческий политический деятель, стратег (главнокомандующий) Афин в 444/443-429 гг. до н.э. (кроме 430). Принадлежал к аристократическому роду, получил разностороннее образование. С начала политической деятельности примкнул к средним слоям рабовладельческой демократии, заинтересованным в росте морского могущества Афин, расширении их торговых связей. Перикл возглавил афинских демократов, а с 443 г. стал во главе афинского государства. С именем Перикла связаны законодательные мероприятия, приведшие к дальнейшей демократизации афинского государственного строя: фактическая отмена имущественного ценза и замена голосования жеребьевкой при избрании большинства должностных лиц, введение оплаты должностным лицам. При Перикле был создан специальный фонд для раздачи малоимущим гражданам денег на посещение театра, велось строительство общественных зданий (Парфенон, Пропилеи, Одеон), дававшее работу многим гражданам. Внешняя политика была направлена на расширение и укрепление афинской морской державы. В качестве стратега Перикл лично руководил рядом военных кампаний и экспедиций. В связи с войной со Спартой (Пелопоннесской войной 431—404 гг. до н.э.), вторжениями спартанцев в Аттику и тяжелой эпидемией в осажденных Афинах положение Перикла пошатнулось. В 430 г. он не был избран стратегом, его обвинили в финансовых злоупотреблениях и наложили крупный денежный штраф. В 429 г. он вновь стал стратегом, но в том же году умер от чумы. Эпоха Перикла – время наивысшего расцвета Афин. Афины являлись крупнейшим экономическим, политическим и культурным центром эллинистического мира.

34. Той же зимой афиняне совершили, по обычаю предков, от имени государства торжественную церемонию погребения

воинов, павших в первый год войны. ‹…› (8) Когда наступило время для произнесения речи в честь павших первыми на этой войне, оратором был выбран Перикл, сын Ксантиппа. Он выступил перед гробницей на высоко поднятом помосте, для того чтобы слова его были слышны как можно дальше в толпе, и держал следующую речь.

35. «Большинство выступавших здесь до меня ораторов воздавали уже хвалу законодателю, который к установленным погребальным обрядам в честь павших прибавил еще обычай держать надгробную речь, ибо прекрасен обычай чествовать героев, павших на поле брани. Я предпочел бы гражданам, проявившим героическую доблесть на деле, только делом и воздавать почести, именно так, как вы видите ныне при этой, совершаемой городом, погребальной церемонии: по-моему, несправедливо оценку доблести столь многих героев ставить в зависимость от дарования одного человека и от того, будет ли хороша его речь или плоха. (2) Действительно, трудно оратору найти надлежащую меру заслуг там, где вряд ли возможно утвердить в душе слушателей хотя бы доверие к истинности сказанного. Ведь афинянин, хорошо осведомленный о событиях как их сочувствующий участник, найдет речь оратора слишком слабой сравнительно с тем, что он ожидал бы услышать и что ему самому известно. С другой стороны, человек, непричастный к событиям, услышав о деяниях, превосходящих его собственные силы, пожалуй, из зависти подумает, что иные подвиги слишком преувеличены. Ведь люди верят в истинность похвал, воздаваемых другим, лишь до такой степени, в какой они считают себя способными совершить подобные подвиги. А все, что свыше их возможностей, тотчас же вызывает зависть и недоверие. (3) Но так как наши предки признали этот обычай похвальным, то и я, повинуясь закону, насколько это в моих силах, буду стараться удовлетворить желаниям и убеждениям каждого.

То и дело приходится слышать, что демократия – худший способ управления государством, но все другие способы, когда-либо испробованные человечеством, еще хуже.

У. Черчилль (из выступления в палате общин, ноябрь 1947 г.)

36. Начну прежде всего с предков. Ведь и справедливость, и пристойность велят нам в этих обстоятельствах воздать дань их памяти. Наши предки всегда неизменно обитали в этой стране и, передавая ее от поколения к поколению, своей доблестью

сохранили ее свободу до нашего времени. И если они достойны хвалы, то еще более достойны ее отцы наши, (2) которые, умножив наследие предков своими трудами, создали столь великую державу, какой мы владеем, и оставили ее нам, ныне живущему поколению. (3) И еще больше укрепили ее могущество мы сами, достигшие ныне зрелого возраста. Мы сделали наш город совершенно самостоятельным, снабдив его всем необходимым как на случай войны, так и в мирное время. (4) Военные подвиги, которые и мы и отцы совершили, завоевывая различные земли или стойко обороняясь в войнах с варварами или эллинами, общеизвестны, и я не стану о них распространяться. Но прежде чем начать хвалу павшим, которых мы здесь погребаем, хочу сказать о строе нашего города, о тех наших установлениях в образе жизни, которые и привели его к нынешнему величию. Полагаю, что и сегодня уместно вспомнить это, и всем собравшимся здесь гражданам и чужеземцам будет полезно об этом услышать.

37. Для нашего государственного устройства мы не взяли за образец никаких чужеземных установлений. Напротив, мы скорее сами являем пример другим, нежели в чем-нибудь подражаем кому-либо. И так как у нас городом управляет не горсть людей, а большинство народа, то наш государственный строй называется народоправством. В частных делах все пользуются одинаковыми правами по законам. Что же до дел государственных, то на почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-нибудь отличился не в силу принадлежности к определенному сословию, но из-за личной доблести. Бедность и темное происхождение или низкое общественное положение не мешают человеку занять почетную должность, если он способен оказать услуги государству. (2) В нашем государстве мы живем свободно и в повседневной жизни избегаем взаимных подозрений: мы не питаем неприязни к соседу, если он в своем поведении следует личным склонностям, и не выказываем ему хотя и безвредной, но тягостно воспринимаемой досады. (3) Терпимые в своих частных взаимоотношениях, в общественной жизни не нарушаем законов, главным образом из уважения к ним, и повинуемся властям и законам, в особенности установленным в защиту обижаемых, а также законам неписаным, нарушение которых все считают постыдным.

38. Мы ввели много разнообразных развлечений для отдохновения души от трудов и забот, из года в год у нас повторяются игры и празднества. Благопристойность домашней обстановки доставляет наслаждение и помогает рассеять заботы

повседневной жизни. (2) И со всего света в наш город, благодаря его величию и значению, стекается на рынок все необходимое, и мы пользуемся иноземными благами не менее свободно, чем произведениями нашей страны.

Демократия – это устройство, гарантирующее, что нами управляют ничуть не лучше того, чем мы заслуживаем.

Б. Шоу

39. В военных попечениях мы руководствуемся иными правилами, нежели наши противники. Так, например, мы всем разрешаем посещать наш город и никогда не препятствуем знакомиться и осматривать его и не высылаем чужестранцев из страха, что противник может проникнуть в наши тайны и извлечь для себя пользу. Ведь мы полагаемся главным образом не столько на военные приготовления и хитрости, как на наше личное мужество. Между тем как наши противники при их способе воспитания стремятся с раннего детства жестокой дисциплиной закалить отвагу юношей, мы живем свободно, без такой суровости, и тем не менее ведем отважную борьбу с равным нам противником. (2) И вот доказательство этому: лакедемоняне вторгаются в нашу страну не одни, а со своими союзниками, тогда как мы только сами нападаем на соседние земли и обычно без большого труда одолеваем их, хотя их воины сражаются за свое достояние. (3) Со всей нашей военной мощью враг никогда еще не имел дела, так как нам всегда одновременно приходилось заботиться и об экипаже для кораблей и на суше рассылать в разные концы наших воинов. Случись врагам в стычке с нашим отрядом где-нибудь одержать победу, они уже похваляются, что обратили в бегство целое афинское войско; так и при неудаче они всегда уверяют, что уступили лишь всей нашей военной мощи. (4) Если мы готовы встречать опасности скорее по свойственной нам живости, нежели в силу привычки к тягостным упражнениям, и полагаемся при этом не на предписание закона, а на врожденную отвагу, – то в этом наше преимущество. Нас не тревожит заранее мысль о грядущих опасностях, а испытывая их, мы проявляем не меньше мужества, чем те, кто постоянно подвергается изнурительным трудам. Этим, как и многим другим, наш город и вызывает удивление.

40. Мы развиваем нашу склонность к прекрасному без расточительности и предаемся наукам не в ущерб силе духа.

Богатство мы ценим лишь потому, что употребляем его с пользой, а не ради пустой похвальбы. Признание в бедности у нас

ни для кого не является позором, но больший позор мы видим в том, что человек сам не стремится избавиться от нее трудом. (2) Одни и те же люди у нас одновременно бывают заняты делами и частными, и общественными. Однако и остальные граждане, несмотря на то, что каждый занят своим ремеслом, также хорошо разбираются в политике. Ведь только мы одни признаем человека, не занимающегося общественной деятельностью, не благонамеренным гражданином, а бесполезным обывателем. Мы не думаем, что открытое обсуждение может повредить ходу государственных дел. Напротив, мы считаем неправильным принимать нужное решение без предварительной подготовки при помощи выступлений с речами за и против. (3) В отличие от других, мы, обладая отвагой, предпочитаем вместе с тем сначала основательно обдумывать наши планы, а потом уже рисковать, тогда как у других невежественная ограниченность порождает дерзкую отвагу, а трезвый расчет – нерешительность. Истинно доблестными с полным правом следует признать лишь тех, кто имеет полное представление как о горестном, так и о радостном и именно в силу этого-то и не избегает опасностей. (4) Добросердечность мы понимаем иначе, чем большинство других людей: друзей мы приобретаем не тем, что получаем от них, а тем, что оказываем им проявления дружбы. Ведь оказавший услугу другому – более надежный друг, так как старается заслуженную благодарность поддержать и дальнейшими услугами. Напротив, человек облагодетельствованный менее ревностен: ведь он понимает, что совершает добрый поступок не из приязни, а по обязанности. (5) Мы – единственные, кто не по расчету на собственную выгоду, а доверяясь свободному влечению, оказываем помощь другим.

Еще раз повторю – моральное большинство формируется медленно. Но оно формируется. Наша молодая демократия докажет свою жизнеспособность и эффективность. Модернизация и солидарность крупнейших общественных корпораций – профессиональных объединений и религиозных конфессий, государственной бюрократии и политических партий, правозащитных организаций и судебно-правоохранительной системы – обязательно приведут Россию к победе («Комсомольская правда», 29.09.2004).

Владислав Сурков, зам. главы Администрации Президента РФ

41. Одним словом, я утверждаю, что город наш – школа всей Эллады, и полагаю, что каждый из нас сам по себе может с легкостью и изяществом проявить свою личность в самых различных жизненных условиях. (2) И то, что мое утверждение – не пустая похвальба в сегодняшней обстановке, а подлинная правда, доказывается самим могуществом нашего города, достигнутым благодаря нашему жизненному укладу.

(3) Из всех современных городов лишь наш город еще более могуществен, чем идет о нем слава, и только он один не заставит врага негодовать, что он терпит бедствие от такого противника, как мы, а подвластных нам – жаловаться на ничтожество правителей. (4) Столь великими деяниями мы засвидетельствовали могущество нашего города на удивление современникам и потомкам. Чтобы прославить нас, не нужно ни Гомера, ни какого-либо другого певца, который доставит своей поэзией преходящее наслаждение, но не найдет подтверждения в самой истине. Все моря и земли открыла перед нами наша отвага и повсюду воздвигла вечные памятники наших бедствий и побед. И вот за подобный город отдали доблестно свою жизнь эти воины, считая для себя невозможным лишиться родины, и среди оставшихся в живых каждый, несомненно, с радостью пострадает за него.

42. Поэтому-то я так распространился о славе нашего города. Я желал и показать, что в нашей борьбе мы защищаем нечто большее, чем люди, лишенные подобного достояния; и, воздавая в этой речи хвалу деяниям павших, привести наглядные подтверждения их героизма. (2) Итак, самое главное в моей хвалебной речи уже сказано. Ведь всем тем, что я прославил здесь, наш город обязан доблестным подвигам этих людей и героев, подобных им. Во всей Элладе, пожалуй, немного найдется людей, слава которых в такой же мере соответствовала бы их деяниям. Полагаю, что постигшая этих воинов участь является первым признаком и последним утверждением доблести человека, как славное завершение его жизни. (3) Ведь даже тем людям, кто ранее не выполнял своего долга, по справедливости можно найти оправдание в их доблестной борьбе за родину. Действительно, загладив зло добром, они принесли этим больше пользы городу, чем причинили вреда ранее своим образом жизни. (4) А эти герои не утратили мужества, презрели наслаждение богатством или надежду разбогатеть когда-либо и не отступили и перед опасностью. Отмщение врагу они поставили выше всего, считая величайшим благом положить жизнь за родину. (5) Перед лицом величайшей опасности они пожелали дать отпор врагам, пренебрегая всем остальным, и в чаянии победы положиться на

свои собственные силы. Признав более благородным вступить в борьбу на смерть, чем уступить, спасая жизнь, они избежали упреков в трусости, и решающий момент расставания с жизнью был для них и концом страха, и началом посмертной славы.

Я – дитя нашего парламентаризма. В отчем доме во мне воспитывали уважение к демократии. «Доверяй людям», – вот чему меня учил мой отец… Всем тем, чего мне удалось достигнуть в жизни, я обязан нашей палате общин, чьим преданным слугой я являюсь. В нашей стране, как и в вашей, общественные деятели гордятся тем, что могут быть слугами государства, и считали бы для себя постыдным претендовать на роль ее хозяев.

У. Черчилль (из речи на совместном заседании обеих палат Конгресса США 26 декабря 1941 г.)

43. Эти воины честно исполнили свой долг перед родным городом, положив за него жизнь. А всем оставшимся в живых надлежит молить богов о более счастливой участи, а в отношении врагов вести себя не менее доблестно, чем усопшие. Пусть все граждане не только со слов оратора оценят, сколь прекрасно для города отражать врага, о чем можно было бы долго распространяться (хотя вы и сами это не хуже знаете). Напротив, пусть вашим взорам повседневно предстает мощь и краса нашего города и его достижения и успехи, и вы станете его восторженными почитателями. И, радуясь величию нашего города, не забывайте, что его создали доблестные, вдохновленные чувством чести люди, которые знали, что такое долг, и выполняли его. При неудаче в каком-либо испытании они все же не могли допустить, чтобы город из-за этого лишился их доблести, и добровольно принесли в жертву родине прекраснейший дар – собственную жизнь. (2) Действительно, отдавая жизнь за родину, они обрели себе непреходящую славу и самую почетную гробницу не только здесь, мне думается, где они погребены, но и повсюду, где есть повод вечно прославлять их хвалебным словом или славными подвигами. (3) «Ведь гробница доблестных – вся земля», и не только в родной земле надписями на надгробных стелах запечатлена память об их славе, но и на чужбине также сохраняются в живой памяти людей если не сами подвиги, то их мужество. (4) Подобных людей примите ныне за образец, считайте за счастье свободу, а за свободу – мужество и смотрите в лицо военным опасностям. (5) Ведь людям

несчастным, влачащим жалкое существование, без надежды на лучшее будущее, нет основания рисковать жизнью, но тем подобает жертвовать жизнью за родину, кому в жизни грозит перемена к худшему, для кого неудачная война может стать роковой. (6) Благородному же человеку страдания от унижения мучительнее смерти, которая для него становится безболезненной, если только он погибает в сознании своей силы и с надеждой на общее благо.

44. Вот почему я не буду скорбеть ныне вместе с вами, присутствующими здесь родителями этих героев, а обращусь к вам с утешением. Ведь, как вы знаете сами, пережив все это, из личного опыта, человеческая судьба исполнена превратностей. Счастлив тот, кому, подобно этим воинам, уготован столь прекрасный конец или выпадет на долю столь благородная печаль, как вам, и тот, кому в меру счастливой жизни была суждена и счастливая кончина. (2) Я понимаю, конечно, как трудно мне утешать вас в утрате детей, о чем вы снова и снова будете вспоминать при виде счастья других, которым и вы некогда наслаждались. Счастье неизведанное не приносит скорби, но – горе потерять счастье, к которому привыкнешь. (3) Те из вас, кому возраст еще позволяет иметь других детей, пусть утешатся этой надеждой. Новые дети станут родителям утешением, а город наш получит от этого двойную пользу: не оскудеет число граждан, и сохранится безопасность. Ведь кто не заботится о будущности детей, тот не может принимать справедливые и правильные решения на пользу своих сограждан. Вы же, престарелые, радуйтесь, что большую часть своей жизни вы были счастливы и скоро ваши дни окончатся: да послужит вам утешением впредь слава ваших сынов. Лишь жажда славы не иссякает; даже в возрасте, когда люди уже бесполезны обществу, и их радует не стяжание, как утверждают иные, а почет.

45. Вам же, присутствующим здесь сыновьям и братьям героев, будет, конечно, трудно состязаться с ними в доблести (ведь усопших принято обычно восхвалять), и даже при наивысшем проявлении доблестей вы с трудом добьетесь не равного с ними, но хотя бы близкого к этому признания. Действительно, при жизни доблестные люди возбуждают зависть, мертвым же (они ведь не являются уже соперниками) воздают почет без зависти. (2) И наконец, если мне надо вспомнить о доблести женщин, которые теперь станут вдовами, то я подведу итог, ограничившись кратким советом. Наивысшей похвалой для вас будет, если вы не потеряете присущей вам женственной природы как супруги и гражданки, и та женщина заслуживает величайшего уважения, о которой меньше всего говорят среди

мужчин, в порицание или в похвалу.

46. Итак, подобно своим предшественникам, я, по обычаю, высказал в своей речи то, что считал необходимым сказать в честь погибших героев. Отчасти мы уже воздали павшим почести погребения, а наш город возьмет на себя содержание их детей до поры возмужалости – это высокая награда, подобная венку, пожалованному осиротевшим детям героев за столь великие подвиги. Ведь в городе, где за военную доблесть положена величайшая награда, там и граждане самые доблестные. (2) А теперь, оплакав должным образом своих близких, расходитесь».

Ж. Ж. РУССО. ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ДОГОВОРЕ, ИЛИ ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРАВА [28]

Руссо Жан Жак (1712, Женева – 1778, Эрменонвиль, близ Парижа), французский философ-просветитель, писатель, композитор. Сын часовщика. Служил лакеем, писцом, гувернером, учителем музыки и др. До 1741 г. жиле Швейцарии, затем у ехал в Париж:. В 1743—1744 гг. секретарь французского посольства в Венеции. В Париже сблизился с Д. Дидро и другими просветителями, сотрудничал в энциклопедии, куда писал статьи главным образом по вопросам музыки. В 1762 г., после выхода в свет педагогического романа «Эмиль» и политического трактата «Об общественном договоре», опасаясь ареста, покинул Францию. Его преследовали не только французские католики, но и швейцарские протестанты. В 1770 г. он возвратился в Париж:, занимался перепиской нот. Последние месяцы жизни провел в Эрменонвиле, имении маркиза Р. Л. Жирардена. Во время Великой французской революции останки Руссо были перенесены в Пантеон.

В трактате «Об общественном договоре» (1762) Руссо рисует картину идеального общества, максимально приближенного к природе. В общественном состоянии суверенной свободой обладает не личность, а государство, возникшее на основе добровольного соглашения, договора, а люди пользуются свободой лишь как полноправные члены государства. Условием свободы является равенство, и не только политическое, но и имущественное; его обязано охранять государство, не допуская поляризации богатства и нищеты. Мелкую собственность, основанную на личном труде, считает незыблемой основой общества, не менее священной, чем свобода. Руссо критикует систему английского парламентаризма, отстаивает идею народного суверенитета, народовластия и, опираясь на опыт античности и швейцарских кантонов, выступает за принцип прямой демократии, где законы непосредственно принимаются собранием всех граждан.

КНИГА ПЕРВАЯ
ГЛАВА VIII
О ГРАЖДАНСКОМ СОСТОЯНИИ

‹…› По Общественному договору, человек теряет свою естественную свободу и неограниченное право на то, что его

прельщает и чем он может завладеть; приобретает же он свободу гражданскую и право собственности на все то, чем обладает. Чтобы не ошибиться в определении этого возмещения, надо точно различать естественную свободу, границами которой является лишь физическая сила индивидуума, и свободу гражданскую, которая ограничена общей волей, а также различать обладание, представляющее собой лишь результат применения силы или право того, кто пришел первым, и собственность, которая может основываться лишь на законном документе. К тому, что уже сказано о приобретениях человека в гражданском состоянии, можно было бы добавить моральную свободу, которая одна делает человека действительным хозяином самому себе; ибо поступать лишь под воздействием своего желания есть рабство, а подчиняться закону, который ты сам для себя установил, есть свобода. ‹…›

КНИГА ВТОРАЯ
ГЛАВА IV
О ГРАНИЦАХ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ СУВЕРЕНА

Если Государство, или Гражданская община, – это не что иное, как условная личность, жизнь которой заключается в союзе ее членов, и если самой важной из забот ее является забота о самосохранении, то ей нужна сила всеобщая и побудительная, дабы двигать и управлять каждою частью наиболее удобным для целого способом. Подобно тому, как природа наделяет каждого человека неограниченной властью над всеми членами его тела, общественное соглашение дает Политическому организму неограниченную власть над всеми его членами, и вот эта власть, направляемая общею волей, носит, как я сказал, имя суверенитета.

От демократии бывает и вред. Например, демократия несовместима с переходной экономикой. При переходе к новому типу экономической системы этот процесс задерживается именно из-за демократии. С чем мы и столкнулись. Демократию надо приветствовать, развивать ее, но она не должна наносить ущерб безопасности или мешать гражданам хорошо жить. Сегодня демократия у нас есть, но такая демократия мешает развитию экономики, поэтому надо думать о каком-то новом политическом режиме, который был бы направлен на экономическое укрепление страны. Тогда мы

быстрее выйдем из кризиса («Российская Федерация – Сегодня», 07.03.2005).

Владимир Жириновский, депутат Государственной Думы

Но, кроме общества как лица юридического, мы должны принимать в соображение и составляющих его частных лиц, чья жизнь и свобода, естественно, от него независимы. ‹…› Все то, чем гражданин может служить Государству, он должен сделать тотчас же, как только суверен этого потребует, но суверен со своей стороны не может налагать на подданных узы, бесполезные для общины; он не может даже желать этого, ибо как в силу закона разума, так и в силу закона естественного ничто не совершается без причины.

Обязательства, связывающие нас с Общественным организмом, непреложны лишь потому, что они взаимны, и природа их такова, что, выполняя их, нельзя действовать на пользу другим, не действуя также на пользу себе. Почему общая воля всегда направлена прямо к одной цели и почему все люди постоянно желают счастья каждого из них, если не потому, что нет никого, кто не относил бы этого слова «каждый» на свой счет и кто не думал бы о себе, голосуя в интересах всех? Это доказывает, что равенство в правах и порождаемое им представление о справедливости вытекает из предпочтения, которое каждый оказывает самому себе и, следовательно, из самой природы человека; что общая воля для того, чтобы она была поистине таковой, должна быть общей как по своей цели, так и по своей сущности; что она должна исходить от всех, чтобы относиться ко всем, и что она теряет присущее ей от природы верное направление, если устремлена к какой-либо индивидуальной и строго ограниченной цели, ибо тогда, поскольку мы выносим решение о том, что является для нас посторонним, нами уже не руководит никакой истинный принцип равенства. ‹…›

Исходя из этого, надо признать, что волю делает общею не столько число голосов, сколько общий интерес, объединяющий голосующих, при такого рода устроении каждый по необходимости подчиняется условиям, которые он делает обязательными для других: тут замечательно согласуются выгода и справедливость, что придает решениям по делам, касающимся всех, черты равенства, которое тотчас же исчезает при разбирательстве любого частного дела ввиду отсутствия здесь того общего интереса, который объединял и отождествлял бы правила судьи с правилами тяжущейся стороны.

С какой бы стороны мы ни восходили к основному принципу, мы всегда придем к одному и тому же заключению, именно: общественное соглашение устанавливает между гражданами такого рода равенство, при котором все они принимают на себя обязательства на одних и тех же условиях и все должны пользоваться одинаковыми правами. Таким образом, по самой природе этого соглашения, всякий акт суверенитета, т. е. всякий подлинный акт общей воли, налагает обязательства на всех граждан или дает преимущества всем в равной мере; так что суверен знает лишь Нацию как целое и не различает ни одного из тех, кто ее составляет. Что же, собственно, такое акт суверенитета? Это не соглашение высшего с низшим, но соглашение Целого с каждым из его членов; соглашение законное, ибо оно имеет основою Общественный договор; справедливое, ибо оно общее для всех; полезное, так как оно не может иметь иной цели, кроме общего блага; и прочное, так как поручителем за него выступает вся сила общества и высшая власть. До тех пор пока подданные подчиняются только такого рода соглашениям, они не подчиняются никому, кроме своей собственной воли; и спрашивать, каковы пределы прав соответственно суверена и граждан, это значит спрашивать, до какого предела простираются обязательства, которые эти последние могут брать по отношению к самим себе – каждый в отношении всех и все в отношении каждого из них.

‹…› Раз мы допустили эти различия, в высшей степени неверно было бы утверждать, что Общественный договор требует в действительности от частных лиц отказа от чего-либо; положение последних в результате действия этого договора становится на деле более предпочтительным, чем то, в котором они находились ранее, так как они не отчуждают что-либо, но совершают лишь выгодный для них обмен образа жизни неопределенного и подверженного случайностям на другой – лучший и более надежный; естественной независимости – на свободу; возможности вредить другим – на собственную безопасность; и своей силы, которую другие могли бы превзойти, – на право, которое объединение в обществе делает неодолимым. Сама их жизнь, которую они доверили Государству, постоянно им защищается, и если они рискуют ею во имя его защиты, то разве делают они этим что-либо иное, как не отдают ему то, что от него получили? Что же они делают такого, чего не делали еще чаще и притом с большей опасностью, в естественном состоянии, если, вступая в неизбежные схватки, будут защищать с опасностью для своей жизни то, что служит им для ее сохранения? Верно, что все должны сражаться, если это

необходимо, за отечество, но зато никто не должен никогда сражаться за самого себя. И разве мы не выигрываем, подвергаясь ради того, что обеспечивает нам безопасность, части того риска, которому нам обязательно пришлось бы подвергнуться ради нас самих, как только мы лишились бы этой безопасности?

КНИГА ТРЕТЬЯ
ГЛАВА I
О ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ВООБЩЕ

Я предупреждаю читателя, что эту главу должно читать не торопясь, со вниманием и что я не владею искусством быть ясным для того, кто не хочет быть внимательным.

Всякое свободное действие имеет две причины, которые сообща его производят: одна из них – моральная, именно: воля, определяющая акт, другая – физическая, именно: сила, его исполняющая. Когда я иду но направлению к какому-нибудь предмету, то нужно, во-первых, чтобы я хотел туда пойти, во-вторых, чтобы ноги мои меня туда доставили. Пусть паралитик захочет бежать, пусть не захочет того человек проворный – оба они останутся на месте. У Политического организма – те же движители; в нем также различают силу и волю: эту последнюю – под названием законодательной власти, первую – под названием власти исполнительной. Ничто в нем не делается или не должно делаться без их участия.

Мы видели, что законодательная власть принадлежит народу и может принадлежать только ему. Легко можно увидеть, исходя из принципов, установленных выше, что исполнительная власть, напротив, не может принадлежать всей массе народа как законодательнице или суверену, так как эта власть выражается лишь в актах частного характера, которые вообще не относятся к области Закона, ни, следовательно, к компетенции суверена, все акты которого только и могут быть, что законами. ‹…›

Итак, чем менее сходны изъявления воли отдельных лиц и общая воля, т. е. нравы и законы, тем более должна возрастать сила сдерживающая. Следовательно, Правительство, чтобы отвечать своему назначению, должно быть относительно сильнее, когда народ более многочислен.

С другой стороны, поскольку увеличение Государства представляет блюстителям публичной власти больше соблазнов и средств злоупотреблять своей властью, то тем большею силою должно обладать Правительство, чтобы сдерживать народ, тем больше силы должен иметь в свою очередь и суверен, чтобы сдерживать Правительство. Я говорю здесь не о силе абсолютной,

но об относительной силе разных частей Государства.

Из этого двойного отношения следует, что непрерывная пропорция между сувереном, государем и народом не есть вовсе произвольное представление, но необходимое следствие, вытекающее из самой природы Политического организма. Из этого следует еще, что, поскольку один из крайних членов, а именно народ, как подданный, неизменен и представлен в виде единицы, то всякий раз, как удвоенное отношение увеличивается или уменьшается, простое отношение увеличивается или уменьшается подобным же образом, и что, следовательно, средний член изменяется. Это показывает, что не может быть такого устройства Управления, которое было бы единственным и безотносительно лучшим, но что может существовать столько видов Правления, различных по своей природе, сколько есть Государств, различных по величине.

Для того чтобы выставить эту систему в смешном виде, скажут, пожалуй, что, по-моему, дабы найти это среднее пропорциональное и образовать Организм правительственный, нужно лишь извлечь квадратный корень из численности народа; я отвечу, что беру здесь это число только для примера; что отношения, о которых я говорю, измеряются не только числом людей, но вообще количеством действия, складывающимся из множества причин; во всяком случае, если для того, чтобы высказать свою мысль покороче, я временно и прибегну к геометрическим понятиям, то я прекрасно знаю, что точность, свойственная геометрии, никак не может иметь места в приложении к величинам из области отношений между людьми.

Правительство есть в малом то, что представляет собой заключающий его Политический организм – в большом. Это – условная личность, наделенная известными способностями, активная как суверен, пассивная как Государство; в Правительстве можно выделить некоторые другие сходные отношения, откуда возникает, следовательно, новая пропорция; в этой – еще одна, в зависимости от порядка ступеней власти, и так до тех пор, пока мы не достигнем среднего неделимого члена, т. е. единственного главы или высшего магистрата, который можно представить себе находящимся в середине этой прогрессии, как единицу между рядом дробей и рядом целых чисел.

Чтобы не запутаться в этом обилии членов, удовольствуемся тем, что будем рассматривать Правительство как новый организм в Государстве, отличный от народа и от суверена и посредствующий между тем и другим.

Между этими двумя организмами есть то существенное

различие, что Государство существует само по себе, а Правительство – только благодаря суверену. Таким образом, господствующая воля государя является или должна быть общей волей или законом; его сила – лишь сконцентрированная в нем сила всего народа. Как только он пожелает осуществить какой-нибудь акт самовластный и произвольный, связь всего Целого начинает ослабевать. Если бы, наконец, случилось, что государь возымел свою личную волю, более деятельную, чем воля суверена, и если бы он, чтобы следовать этой воле, использовал публичную силу, находящуюся в его руках, таким образом, что оказалось бы, так сказать, два суверена – один по праву, а другой фактически, то сразу же исчезло бы единство общества и Политический организм распался бы.

Между тем, для того, чтобы Правительственный организм получил собственное существование, жил действительной жизнью, отличающей его от организма Государства, чтобы все его члены могли действовать согласно и в соответствии с той целью, для которой он был учрежден, он должен обладать отдельным я, чувствительностью, общей его членам, силой, собственной волей, направленной к его сохранению. Это отдельное существование предполагает Ассамблеи, Советы, право обсуждать дела и принимать решения, всякого рода права, звания, привилегии, принадлежащие исключительно государю и делающие положение магистрата тем почетнее, чем оно тягостнее. Трудности заключаются в способе дать в целом такое устройство этому подчиненному целому, чтобы оно не повредило общему устройству, укрепляя свое собственное; чтобы оно всегда отличало свою особую силу, предназначенную для собственного сохранения, от силы публичной, предназначенной для сохранения Государства; чтобы, одним словом, оно всегда было готово жертвовать Правительством для народа, а не народом для Правительства.

Впрочем, хотя искусственный организм Правительства есть творение другого искусственного организма и хотя оно обладает, в некотором роде, лишь жизнью заимствованною и подчиненною, это не мешает ему действовать с большею или меньшею силою или быстротою, пользоваться, так сказать, более или менее крепким здоровьем. Наконец, не удаляясь прямо от цели, для которой он был установлен, он может отклоняться от нее в большей или меньшей мере в зависимости от того способа, коим он образован.

Из всех этих различий и возникают те соотношения, которые должны иметь место между Правительством и Государством, сообразно случайным и частным отношениям, которые

видоизменяют само это Государство. Ибо часто Правительство, наилучшее само по себе, станет самым порочным, если эти отношения не изменятся сообразно недостаткам Политического организма, которому они принадлежат.

ГЛАВА IX
О ПРИЗНАКАХ ХОРОШЕГО ПРАВЛЕНИЯ

Когда, стало быть, спрашивают в общей форме, которое из Правлений наилучшее, то задают вопрос неразрешимый, ибо сие есть вопрос неопределенный, или, если угодно, он имеет столько же верных решений, сколько есть возможных комбинаций в абсолютных и относительных положениях народов.

Но если бы спросили, по какому признаку можно узнать, хорошо или дурно управляется данный народ, то это было бы другое дело, и такой вопрос действительно может быть разрешен. ‹…›

Что до меня, то я всегда удивляюсь тому, что не обращают внимания на следующий столь простой признак или по недобросовестности не хотят его признавать. Какова цель политической ассоциации? Бережение и благоденствие ее членов. А каков наиболее верный признак, что они убережены и благоденствуют? Это их численность и ее рост. Не ищите же окрест сей признак – предмет столь многих споров. При прочих равных условиях такое Правление, когда без сторонних средств, без предоставления права гражданства, без колоний граждане плодятся и множатся, есть, несомненно, лучшее. Правление, при котором народ уменьшается в числе и оскудевает, есть худшее. ‹…›

А. де ТОКВИЛЬ. ДЕМОКРАТИЯ В АМЕРИКЕ [29]

Токвилъ Алексис де (1805—1859), французский социолог, историк и политический деятель. Родился в аристократической семье. В 1831—1832 гг. в США изучал пенитенциарную (тюремно-исправительную) систему. Неоднократно посещая Великобританию, установил личные связи с английскими либералами. В 1835 г. опубликовал книгу «О демократии в Америке», принесшую ему широкую известность. С 1838 г. член Академии моральных и политических наук, с 1841 г. – Французской академии. В 1839 г. член Палаты депутатов. В 1848 г. избран в Учредительное, в 1849 – в Законодательное собрания. Министр иностранных дел Франции (1849), вицепредседатель Законодательного собрания (1849—1851). Один из лидеров консервативной Партии порядка. В 1851 г. за подпись под петицией о предании суду Луи Бонапарта заключен в Венсенский замок. После освобождения отошел от политической деятельности. В книге «О демократии в Америке» Токвилъ рассматривает соотношение свободы и равенства, взаимодействие политической власти и общества в целом. Подчеркивая негативные элементы равенства, Токвилъ называет его источником деспотизма. По его мнению, политическая централизация как оружие равенства в борьбе с привилегиями феодальной аристократии, соединяясь с административной централизацией и бюрократизацией, резко усиливает власть государства. С другой стороны, равенство рождает индивидуализм, который замыкает людей в рамках частной жизни и создает тем самым благоприятную почву для деспотизма. «Извращенная склонность» к равенству низводит всех до уровня массы и приводит к «равенству в рабстве». Вопрос об осуществлении тенденций деспотизма, по Токвилю, во многом зависит от прочности общинных учреждений и организаций, находящихся между государством и индивидом. Противостоять этим тенденциям могут некоторые институты, например, существующие в США федеративная форма государства, региональное разнообразие, свобода политических и гражданских ассоциаций и т. д.

КНИГА ВТОРАЯ.
ЧАСТЬ IV. О ТОМ ВЛИЯНИИ, КОТОРОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ЧУВСТВА ОКАЗЫВАЮТ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ГЛАВА I
РАВЕНСТВО ВЫЗЫВАЕТ В ГРАЖДАНАХ ЕСТЕСТВЕННУЮ СКЛОННОСТЬ К СВОБОДНЫМ ИНСТИТУТАМ

Равенство, делающее людей независимыми друг от друга, вырабатывает в них привычку и склонность руководствоваться в частной жизни лишь собственными желаниями и волей. Та полная независимость, которой они постоянно пользуются как в отношениях с равными себе, так и в личной жизни, вызывает в них недовольство любой властью и вскоре формирует у них понятие политической свободы и приверженность ей. Люди, живущие в такое время, следовательно, самым естественным образом предрасположены к восприятию идеи свободных институтов. Возьмите любого из них, и, если вы сможете добраться до инстинктивных чувств, вы обнаружите, что из разных форм правления он более всего признает и уважает то, главу которого он избрал сам и действия которого находятся под его контролем.

Из всех политических последствий, порождаемых социальным равенством, именно это стремление к независимости прежде всего бросается в глаза, устрашая малодушных, и не без оснований, ибо в демократиях анархия обретает более ужасные качества, чем в любом другом обществе. Ведь если граждане лишены возможности воздействовать друг на друга, то в случаях, когда сдерживающая их государственная власть ослабляется, быстро наступает политический хаос и, поскольку каждый отдельный гражданин предпочитает держаться от всего в стороне, здание социального устройства мгновенно рассыпается в прах.

Тем не менее я убежден, что анархия – это не основное, а наименьшее из зол, которых нужно опасаться в век демократии.

На самом деле равенство порождает две тенденции: первая ведет людей к независимости и может внезапно подтолкнуть их к анархии; вторая тенденция проявляется не столь быстро и не столь наглядно, но она значительно более целенаправленно ведет людей к закрепощению. ‹…›

ГЛАВА II
О ТОМ, ЧТО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГРАЖДАН ОБ УПРАВЛЕНИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ ЕСТЕСТВЕННЫМ ОБРАЗОМ СПОСОБСТВУЮТ КОНЦЕНТРАЦИИ ВЛАСТИ

Идея промежуточных институтов власти, находящихся между монархом и его подданными, представлялась вполне естественной в аристократическом обществе, где эта власть

оказывалась в руках отдельных лиц или семейств, которые в силу своего происхождения, образования и богатства не имели себе равных и были как бы призваны управлять другими. В век равенства эта идея, естественно, отсутствует в умах людей по причинам обратного свойства; внедрить ее в сознание можно лишь искусственно и удерживать в нем – лишь с большим трудом. Вместе с тем граждане, практически не раздумывая, принимают идею единой и централизованной власти, которая сама управляет ими.

Впрочем, в политике, так же как в философии и религии, демократический народ с радостью воспринимает простые и общие идеи. Сложные концепции не воспринимаются разумом, и людям нравится чувствовать себя великой нацией, все граждане которой соответствуют одной модели и управляемы единой властью.

Вслед за идеей единой и централизованной власти в эпоху равенства в умах людей почти непроизвольно зарождается идея единого законодательства. Поскольку каждый человек мало чем отличается от своих соседей, он не понимает, почему закон, применимый к одному из них, не может быть распространен на всех остальных. Самые незначительные привилегии вызывают у него отвращение. Малейшие различия в политических институтах одного и того же общества порождают недовольство его граждан. Поэтому единообразие законов представляется людям важнейшим условием хорошего правления.

Заговорили о чекизме. Это, знаете, изобретение чисто российское. Надо идти нормальным путем: свободы, демократии, уважения, открытости страны, свободы прессы и мнений… Не репрессиями сталинскими, а – демократией. Сегодня многие думают, что людям не до демократии. Да и в мире появился большой спрос на политиков авторитарного типа. Но у нас всегда крайности. Или левое радикальное крыло берет власть, или правое – тоже радикальное. Сумасшедшие. Я часто подчеркиваю – надо не впасть в новый застой и в новый суперконтроль. И в суперцентрализацию. А еще надо освобождать людей от страха перед государством – без этого не может быть демократии. Этот страх еще не успел уйти и вот теперь снова появляется («Независимая газета», 18.02.2005).

Михаил Горбачев, Президент СССР

Я уверен, что то же понятие единого закона, равным образом распространенного на все социальные группы, было чуждо человеческому сознанию в века аристократии. В то время оно не могло прийти к этой идее или же отвергало ее.

Эти противоположные устремления разума в конце концов превращаются в такие слепые инстинкты и столь прочные привычки, что они начинают руководить поступками людей вне зависимости от особенностей личности. Несмотря на бесконечное разнообразие средневековой жизни, и тогда встречались совершенно похожие индивидуумы, однако это не мешало законодателю наделять каждого из них различными обязанностями и разными правами. И напротив, в наше время правительства изнуряют себя в попытках навязать одни и те же обычаи и законы группам населения, которые еще имеют между собой мало общего.

По мере уравнивания у того или иного народа условий существования отдельные индивидуумы мельчают, в то время как общество в целом представляется более великим, или, точнее, каждый гражданин, став похожим на всех других, теряется в толпе, и тогда перед нами возникает великолепный в своем единстве образ самого народа.

Все это, естественно, порождает у людей эпохи демократии очень высокие представления об общественных прерогативах и чрезмерно скромные – о правах личности. Они легко соглашаются с тем, что выгода первого из них – это все, а интересы личности – ничто. Они охотно мирятся с тем, что власть, олицетворяющая собой все общество, несет в себе больше мудрости и знания, чем любой из людей, составляющих это общество, и что вести каждого гражданина за руку есть не только право, но и обязанность власти.

Если бы мы захотели лучше изучить наших современников и добраться до истоков их политических воззрений, мы увидели бы там многие из тех идей, которые я только что воспроизвел, и, вероятно, удивились бы, обнаружив так много общего у народов, столь часто воевавших между собой.

Американцы полагают, что в каждом штате верховная власть должна устанавливаться самим народом. Однако, как только органы власти сформированы, американцы не помышляют их в чем-либо ограничивать, охотно соглашаясь с тем, что власть имеет право делать все.

Американцы не могут себе представить, чтобы отдельные города, семьи либо отдельные граждане пользовались особыми привилегиями. Они твердо убеждены в том, что любой закон должен одинаково применяться в разных частях одного и того же

штата по отношению ко всем гражданам, живущим в нем.

Эти взгляды все шире и шире распространяются сейчас и в Европе, проникая даже в сознание тех наций, которые наиболее яростно отвергают догмат народовластия. Эти нации исповедуют иные убеждения относительно природы власти, чем американцы, однако они рассматривают ее под тем же углом зрения: у тех и у других стирается и исчезает представление о необходимости промежуточной власти. Из сознания людей быстро выветривается идея права как неотъемлемой принадлежности лишь ограниченного круга индивидуумов, ее место занимают представления о всемогущем и едином для всего общества законе. Эти представления укореняются и усиливаются в сознании по мере того, как люди уравниваются в своих правах и условиях существования. Идеи эти порождаются равенством и в свою очередь ускоряют процесс установления равенства.

Во Франции, где данные революционные преобразования носили более решительный характер, чем в любой другой европейской стране, эти воззрения полностью овладели сознанием граждан. Если внимательно прислушаться к тому, что говорят лидеры наших различных партий, мы убедимся, что нет никого, кто не разделял бы этих воззрений. Большинство считает, что правительство действует неудовлетворительно, но все сходятся во мнении, что оно должно действовать еще активнее и все брать в свои руки. Даже те, кто ведет между собой настоящую войну, по этому вопросу придерживаются единых взглядов. Централизация, вездесущность, всемогущество общественной власти, единообразие ее законов – вот наиболее характерные черты всех зарождающихся сегодня политических систем. Эти черты мы обнаруживаем в основе самых причудливых утопий. Они преследуют человека в его мечтах.

Если подобные представления непроизвольно возникают в умах простых смертных, они тем более легко овладевают сознанием сильных мира сего.

В то время как старое общественное устройство Европы приходит в упадок и разваливается, монархи приходят к новым убеждениям относительно своей власти и своих обязанностей. Они наконец-то поняли, что центральная власть, которую они воплощают, может и должна лично в соответствии с единым планом управлять всеми делами и всеми гражданами в государстве. Эти воззрения, которые, смею утверждать, никогда ранее не разделялись монархами Европы, сегодня все глубже проникают в их сознание и не желают уступать место иным концепциям.

Таким образом, сегодня люди менее разделены, чем это

можно было себе представить; они постоянно спорят друг с другом по вопросу о том, в чьи руки будет передана верховная власть, но легко подчиняются правам и обязанностям этой власти над собой. Все воспринимают правительство как олицетворение единой и естественной власти, которая все предвидит и все может.

Любые другие политические идеи кажутся второстепенными и преходящими, и лишь эта остается незыблемой, нерушимой, ни с чем не сравнимой истиной. Публицисты и государственные деятели безоговорочно ее принимают, толпа с жадностью хватается за нее; управляемые и власть имущие с одинаковым жаром следуют ей; она вездесуща, кажется, что она существовала всегда.

Следовательно, эта идея предстает не случайным порождением человеческого разумения, а выступает естественной предпосылкой современного состояния человеческого общества.

ГЛАВА III
О ТОМ, ЧТО ЧУВСТВА ЛЮДЕЙ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ СООТВЕТСТВУЮТ ИХ ИДЕЯМ О КОНЦЕНТРАЦИИ ВЛАСТИ

Если в эпоху равенства люди легко воспринимают идею сильной центральной власти, то лишь потому, что признавать и поддерживать эту власть людей заставляют их обычаи и чувства. Постараюсь пояснить это несколькими словами, так как основные соображения на этот счет уже были высказаны ранее.

Люди, живущие в демократическом обществе и не видящие вокруг ни начальников, ни подчиненных, лишенные привычных и обязательных социальных связей, охотно замыкаются в себе и полагают себя свободными от общества. Мне уже пришлось довольно много рассуждать на эту тему, когда речь шла об индивидуализме. Люди почти всегда с трудом отрывают себя от личных дел, чтобы заняться делами общественными, поэтому естественно их стремление переложить эти заботы на того единственного очевидного и постоянного выразителя коллективных интересов, каким является государство. Они не просто теряют вкус к общественной деятельности, но часто у них просто не хватает на нее времени. В демократическом обществе частная жизнь принимает столь активные формы, становится столь беспокойной, заполненной желаниями и работой, что на политическую жизнь у человека не остается ни сил, ни досуга.

Мне бы не хотелось думать, что упадок интереса к общественной деятельности непреодолим; борьба с ним и

является главной целью моей книги. Просто я утверждаю, что сегодня эта апатия неустанно заполняет души под воздействием каких-то таинственных сил и, если ее не остановить, она охватит людей полностью.

У меня уже была возможность показать, что крепнущая тяга людей к благосостоянию и неустойчивый характер собственности заставляют демократические народы опасаться социальных неурядиц. Склонность к стабильности общественной жизни становится у них единственной политической страстью, возрастающей по мере отмирания других политических устремлений; это естественным образом располагает граждан к тому, чтобы постоянно передавать центральной власти все новые и новые права, ибо они считают, что только она одна, предохраняя самое себя, заинтересована и располагает необходимыми возможностями защитить их от анархии. Поскольку в эпоху равенства никто не обязан рассчитывать на значительную поддержку со стороны, каждый индивидуум является одновременно и независимым, и беззащитным.

Эти два состояния, которые не следует ни смешивать, ни разделять, вырабатывают у человека демократического общества весьма двойственные инстинкты. Независимость придает ему уверенность и чувство собственного достоинства среди равных, а бессилие дает ему время от времени почувствовать необходимость посторонней поддержки, которую ему не от кого ждать, поскольку все, окружающие его, одинаково слабы и равнодушны. В своем отчаянии он невольно устремляет взоры к той громаде, которая в одиночестве возвышается посреди всеобщего упадка. Именно к ней обращается он постоянно со своими нуждами и чаяниями, именно ее он в конце концов начинает воспринимать как единственную опору, необходимую ему в собственном бессилии[30].

Все это позволяет нам понять, что нередко происходит в демократических обществах, где люди, столь болезненно относящиеся к любым начальникам, спокойно воспринимают власть хозяина и могут быть одновременно и гордыми, и рабски угодливыми.

Ненависть людей к привилегиям возрастает по мере того, как сами привилегии становятся более редкими и менее значительными. Можно оказать, что костер демократических страстей разгорается как раз тогда, когда для него остается все меньше горючего материала. Я уже указывал на причины этого феномена. Неравенство не кажется столь вопиющим, когда условия человеческого существования различны; при всеобщем единообразии любое отклонение от него уже вызывает протест

тем больший, чем выше степень этого единообразия. Поэтому вполне нормально, что стремление к равенству усиливается с утверждением самого равенства: удовлетворяя его требования, люди развивают его.

Постоянная и всевозрастающая ненависть, которую испытывают демократические народы к малейшим привилегиям, странным образом способствует постепенной концентрации всех политических прав в руках того, кто выступает единственным правителем государства. Государь, возвышающийся обязательно и безусловно над всеми гражданами, не вызывает ничьей зависти, при этом каждый еще считает своим долгом отобрать у себя подобных все прерогативы и передать их ему.

> **Нужна ли России демократия? Без сомнения. Без нее не пустят в Европу. Без нее не наладить цивилизованный рынок, не остановить экономическое отставание, не обеспечить нормальное будущее для наших детей. Но как ее строить, из чего, с кем? Кое-какой строительный материал у нас, конечно, есть: неплохая Конституция, избирательное право, судебная система… Но все это очень похоже на витрину ювелирного магазина: глаза разбегаются, а… денег нет. Кое-кто, конечно, уже сегодня может купить немного демократии лично для себя: олигархи, крупные бизнесмены, большие чиновники. А для нас – для обычных людей? («Аргументы и факты», 12.01.2005).**
>
> ***Вячеслав Костиков, журналист***

Человек времен демократии с крайним отвращением подчиняется своему соседу, которого считает равным себе; он отказывается признавать его более просвещенным, чем он сам; он не верит в его справедливость и ревниво относится к его власти; он его опасается и презирает; ему нравится постоянно напоминать своему соседу об их общей подчиненности одному и тому же хозяину.

Любая центральная власть, следуя этим естественным инстинктам, проявляет склонность к равенству и поощряет его, поскольку равенство в значительной мере облегчает действия самой этой власти, расширяет и укрепляет ее.

Можно также утверждать, что любое центральное правительство обожает единообразие. Единообразие избавляет его от необходимости издавать бесконечное количество законов:

вместо того чтобы создавать законы для всех людей, правительство подгоняет всех людей без разбора под единый закон. Таким образом, правительство любит то же, что любят граждане, и ненавидит то же самое, что и они. Это единство чувств, которое у демократических народов выражается в сходстве помыслов каждого индивидуума и правителя, устанавливает между ними скрытую, но постоянную симпатию. Правительству за присущие ему склонности прощают его ошибки; доверия народа оно лишается лишь в периоды эксцессов и заблуждений, однако это доверие быстро восстанавливается при очередном обращении к народу. Граждане в демократическом обществе часто испытывают ненависть к конкретным представителям центральной власти, но они всегда любят саму эту власть. ‹…›

А. ЛИНКОЛЬН. ГЕТТИСБЕРГСКАЯ РЕЧЬ [31]

Линкольн Авраам (1809—1865) – американский политик и государственный деятель. Родился в семье фермера, работал поденщиком, лесорубом, плотогоном, землемером. Занимаясь самообразованием, в 1836 г. сдал экзамен и стал адвокатом в Спрингфилде, а затем депутатом законодательного собрания штата Иллинойс, в 1846—1848 гг. и 1854—1856 гг. член конгресса США. В 1854 г. – один из организаторов Республиканской партии. Противник рабства, Линкольн в 1860 г. был избран президентом республики, что еще до его вступления в исполнение обязанностей вызвало отпадение рабовладельческих южных штатов; с 1861 г. во время войны обнаружил громадную энергию и административный талант. В 1862 г. он издал вступившую в силу с 1 января 1863 г. Декларацию, которой провозгласил всех рабов на территории США свободными. В 1864 г. переизбран на второй срок. 14 апреля 1865 г. убит в театре террористом.

Речь, произнесенная президентом А. Линкольном по случаю открытия мемориального кладбища жертв сражения Гражданской войны в США под Геттисбергом 19 ноября 1863 г., – выдающийся памятник политического красноречия. Найденное Линкольном определение демократии – «правление народа посредством народа и для народа» – стало классическим.

«Восемьдесят семь лет тому назад наши отцы произвели на свет на этом континенте новую нацию, зачатую в свободе и приверженную идее, что „все люди сотворены равными“. Сегодня мы вовлечены в великую гражданскую войну, испытывающую, способна ли эта нация или любая другая нация, подобным образом зачатая и таким принципам приверженная, продолжить свое существование. Мы сошлись на великом поле сражения этой войны. Мы собрались, чтобы сделать его часть последним местом успокоения для тех, кто отдал здесь свои жизни, чтобы жизнь нации могла продолжаться. Наши чувства вполне понятны и естественны. И вместе с тем, смотря шире и глубже, мы не смеем превозносить, мы не смеем почитать, мы не смеем освящать это место. Те отважные люди, живые и мертвые, кто сражался здесь, уже освятили его, и не в наших силах к этому что-либо прибавить или отнять. Мир едва ли уделит много внимания или станет долго помнить произнесенные здесь слова, но он никогда не забудет того, что они здесь совершили. Это скорее нам, живущим, следует поклясться здесь в верности той неоконченной работе, которой те, кто сражался здесь, посвятили свои жизни. Это нам

надо присягнуть здесь своей приверженности великой задаче, стоящей перед нами, – что мы сделаем все от нас зависящее, чтобы жертвы, которые принесли те, от кого мы приняли эстафету верности делу, которому они отдали себя полностью, без остатка, что эти жертвы не были напрасны, что эта нация под Богом еще даст начало новому рождению свободы и что правление народа, посредством народа и для народа никогда не исчезнет с лица земли».

И. ШУМПЕТЕР КАПИТАЛИЗМ, СОЦИАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ [32]

Шумпетер Йозеф (1883, Моравия – 1950, США), экономист, социолог и политический мыслитель. Образование получил в Венском университете. В 1919—1920 гг. министр финансов Австрийской республики. В 1925—1932 гг. профессор Боннского университета (Германия). С 1932 г. и до конца жизни профессор Гарвардского университета (США). Известен концепциями экономической динамики, центральное место в которой отводится предпринимательской функции и эффективной конкуренции.

Главный труд Шумпетера – «Капитализм, социализм и демократия» – опубликован в 1943 г. По Шумпетеру, судьбу капитализма нельзя понять, исходя только из логики экономических процессов, решающее значение для нее имеют социальные, политические и культурные факторы. Рассматривая их, ученый приходит к формулировке теории демократии, противопоставленной классической ее теории, базировавшейся на идеях народного суверенитета, общей воли и общего блага, представительства, политической рациональности избирателя. Шумпетер поставил в центр рассмотрение процедур, которыми осуществляется власть.

ГЛАВА XXII
ДРУГАЯ ТЕОРИЯ ДЕМОКРАТИИ

Думаю, что большинство изучающих политику к настоящему времени уже согласились с критикой классической доктрины демократии. ‹…› Будем помнить, что основной проблемой классической теории было утверждение, что у «народа» есть определенное и рациональное мнение по каждому отдельному вопросу и что мнение это реализуется в условиях демократии путем выбора «представителей», которые следят за тем, чтобы это мнение последовательно претворялось в жизнь. Таким образом, выбор представителей вторичен по отношению к первичной цели демократического устройства, а именно: наделить избирателей властью принимать политические решения. Предположим, мы поменяем роли этих двух элементов и сделаем решение проблем избирателями вторичным по отношению к избранию тех, кто будет принимать решения. Другими словами, будем считать, что роль народа состоит в создании правительства или посреднического органа, который в свою очередь формирует

национальный исполнительный орган или правительство. Итак, определим: демократический метод – это такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей.

Прежде всего, у нас есть достаточно эффективный критерий, при помощи которого демократические правительства можно отличить от прочих. Мы видели, что классическая теория сталкивается с трудностями в подобном разграничении, поскольку воле и благу народа могут служить, и во многих исторических ситуациях служили, правительства, которые нельзя назвать демократическими в соответствии с любым из общепринятых смыслов этого слова. Теперь мы в несколько лучшем положении, поскольку решили делать акцент на modus (процедуре), наличие или отсутствие которого в большинстве случаев легко проверить.

Например, при парламентарной монархии типа английской наш критерий демократии выполняется, поскольку монарх может назначить членами кабинета лишь тех людей, которых выберет парламент. ‹…›

‹…› следует учитывать, что, считая формирование правительства первичной функцией избирателей (прямо или через посреднический орган), я предполагал включить в эту фразу также и функцию его роспуска. Первая означает просто согласие принять лидера или группу лидеров, вторая – отказ от этого согласия. Это обращает внимание на один элемент, которого читатель, возможно, не заметил. Он мог подумать, что избиратели контролируют правительство точно так же, как и приводят его к власти. Но поскольку избиратели, как правило, могут контролировать своих политических лидеров лишь через отказ переизбирать их ‹…› это, по-видимому, ограничивает возможность контроля до уровня, зафиксированного в нашем определении. Время от времени происходят внезапные резкие изменения, приводящие к падению правительства или отдельного министра либо вынуждающие предпринять определенные действия. Но подобные случаи не только исключены, они, как мы видим, противоречат духу демократического метода.

В условиях демократии, как я уже говорил, первичная функция голосования избирателей – формирование правительства. Это может означать выборы всех представителей администрации. Подобная практика, однако, свойственна главным образом выборам местного правительства, и впредь мы будем ее игнорировать. Рассматривая только национальное правительство, мы можем сказать, что формирование

правительства практически сводится к решению, кто будет лидером. Как и раньше, мы будем называть его премьер-министром.

Есть только одна демократическая система, в которой этот выбор является прямым результатом голосования избирателей – Соединенные Штаты. Во всех остальных случаях голосование избирателей формирует не непосредственно правительство, но посреднический орган – впредь будем называть его парламентом, которому передастся функция формирования правительства. Может показаться, что принятие или, скорее, эволюцию такого рода, а также различные формы, которые он принимает в различных моделях общества, легко объяснить как исторически, так и с точки зрения целесообразности. Но это не логическое построение: это естественное развитие, едва различимые оттенки и результаты которого совершенно ускользают из официальных доктрин, не говоря уже о правовых.

Каким образом парламент формирует правительство? Самый очевидный способ – избрать его или, что более реалистично, избрать премьер-министра и затем голосовать за список министров, который он представляет. Этот способ используется редко. Но он раскрывает природу данной процедуры лучше, чем любой другой. Более того, все остальные способы можно свести к нему, поскольку премьер-министром обычно становится тот человек, которого избрал бы парламент. То, как он в действительности назначается на должность – монархом, как в Англии, президентом, как во Франции, или специальным органом или комитетом, как в свободном прусском государстве веймарского периода, – просто вопрос формы.

‹…› Говоря о парламенте, я выделил то, что, на мой взгляд, является его первичной функцией, и упрочил эту дефиницию. Можно возразить, что мое определение неверно по отношению к другим его функциям. Очевидно, парламент делает многое другое кроме формирования и роспуска правительства. Он издает законы. Он даже управляет. Хотя любой парламентский акт, кроме резолюции и политических деклараций, является «законом» в формальном смысле, существует много актов, которые можно рассматривать как административные меры. Бюджет – наиболее важный пример. Формирование бюджета – управленческая функция. Однако в США его разрабатывает конгресс. Даже там, где его составляет министр финансов и одобряет кабинет, как в Англии, парламент должен утвердить его, и в результате этого голосования он становится Актом парламента. Не опровергает ли это нашу теорию?

Когда две армии воюют друг с другом, их отдельные боевые

действия всегда сосредоточены на конкретных объектах, которые определяются в зависимости от их стратегического или тактического положения. Они могут сражаться за конкретную полоску земли или конкретный холм. Но желательность завоевания этой полосы или холма должна определяться стратегической или тактической задачей, а именно – победить врага. Очевидно, абсурдно было бы пытаться вывести эти действия из особых качеств, которые могут быть у этой полосы или холма. Точно так же первая и главная цель любой политической партии – подавить других, чтобы получить власть или остаться у власти. Как и завоевание полоски земли или холма, решение политических вопросов, с точки зрения политика, не цель, но лишь материал парламентской деятельности. Поскольку политики стреляют словами, а не пулями и поскольку эти слова неизбежно связаны с обсуждаемыми проблемами, ситуация не всегда бывает такой же ясной, как на войне. Но победа над противником тем не менее является сутью обеих игр.

Таким образом, по сути дела текущее производство парламентских решений по острым вопросам жизни страны и есть тот метод, путем которого парламент оставляет или отказывается оставлять правительство у власти, принимает или отказывается принимать руководство премьер-министра. ‹…›

Мы можем подвести итоги следующим образом. Рассматривая человеческие общества, мы, как правило, без труда выделяем, по крайней мере на уровне здравого смысла, различные цели, которых изучаемые общества хотят достигнуть. ‹…› Но отсюда не следует, что общественный смысл данного типа деятельности обязательно обеспечит мотивацию деятельности и, следовательно, объяснение последней. ‹…› Например, причина существования такого явления, как экономическая деятельность, безусловно, состоит в том, что люди хотят есть, одеваться и т. д. Обеспечить средства удовлетворения этих нужд – это общественная цель или смысл производства. Тем не менее мы все согласны, что этот тезис был бы самым нереалистичным исходным моментом для теории экономической деятельности в коммерческом обществе и что у нас гораздо лучше получится, если мы начнем с прибылей. Аналогично социальное значение или функция парламентской деятельности, без сомнения, состоит в производстве законов и частично в административных мерах. Но для того, чтобы понять, как демократическая политика служит этой социальной цели, мы должны начать с конкурентной борьбы за власть и посты и осознать, что социальная функция выполняется, как мы видели, «случайно» – в том смысле, в котором производство является случайным по отношению к

получению прибыли.

Наконец, что касается роли избирателей, следует дополнительно упомянуть еще об одной вещи. Мы видели, что желания членов парламента – не единственный фактор в процессе формирования правительства. То же самое можно сказать и об избирателях. Их выбор – идеологически возданный в ранг «воли народа» – не вытекает из их инициативы, но формируется, и его формирование – важнейшая часть демократического процесса. Избиратели не принимают политических решений. Но нельзя сказать, что они непредвзято выбирают членов парламента из числа людей, имеющих право быть избранными. Во всех нормальных случаях инициатива принадлежит кандидату, который борется за пост. ‹…› Избиратели ограничиваются тем, что поддерживают эту попытку, отдавая ему предпочтение, или отказываются ее поддержать.

Т. Л. КАРЛ, Ф. ШМИТТЕР. ЧТО ЕСТЬ ДЕМОКРАТИЯ? [33]

Карл Терри Линн – американский политолог, профессор Стенфордского университета.

Шмиттер Филипп – американский политолог, профессор Европейского университета во Флоренции.

Очерк «Что есть демократия, и что – нет» был написан специально для распространения в странах Восточной Европы, после падения коммунистических режимов приступавших к строительству демократических институтов.

«Начнем с широкого определения демократии, с общих принципов, отличающих эту систему отношений между управляющими и управляемыми. ‹…›

Современная политическая демократия есть система управления, при которой власти отвечают перед гражданами за свои действия в общественной сфере, а граждане реализуют свои интересы через конкуренцию и взаимодействие своих выборных представителей.

Как и любая другая система, демократия зависит от носителей власти – людей, играющих особую роль в управлении и наделенных по закону распорядительной функцией. Нормы, определяющие легитимные способы прихода к власти и ответственность управляющих за свои решения, отличают демократическую систему от недемократической.

Ключевой элемент демократии – полноправие граждан. Истории известны жесткие ограничения в правах, вводившиеся ‹…› по признакам возраста, пола, общественного статуса, расы, грамотности, владения собственностью, уплаты налогов и т. д. Право избирать и быть избранным распространялось на небольшую часть населения. Лишь некоторые социальные группы могли объединяться в общественные организации. Продолжительная борьба, доходившая порой до гражданских или межгосударственных войн, покончила с большинством этих ограничений. ‹…›

Расхожее определение демократии сводит ее к регулярным выборам, проводимым на честной основе при строгом подсчете голосов. Это заблуждение называют «электорализмом» – верой в то, что выборы сами по себе способны направить политическую активность в русло мирного соревнования между элитами и легитимно наделить победителей законодательной властью от

имени общества. ‹…› Несмотря на то что периодические выборы очень важны для демократической системы, они всего лишь позволяют гражданам отдать предпочтение одной из стратегий, предлагаемых политическими партиями. В период же между выборами граждане могут воздействовать на государственную политику посредством иных институтов: объединений по интересам, общественных движений, местных группировок, профессиональных союзов и т. д. Все эти формы являются составными частями демократической практики.

Другой общепризнанный показатель демократии – власть большинства. Всякий орган управления, принимающий решения большинством голосов, демократичен – идет ли речь об избирательном округе, парламенте, комитете, городском совете или партийном собрании. ‹…› Однако и здесь возникает проблема. Что если законно избранное большинство (особенно стабильное и самовоспроизводящееся) регулярно ущемляет своими решениями некое меньшинство (например, культурную или этническую группу)? В подобных случаях успешно действующие демократии обычно сочетают принцип власти большинства с защитой прав меньшинств. Это может реализовываться в форме конституционных оговорок, выводящих отдельные вопросы за пределы компетенции большинства (Билль о правах); в виде требований, предъявляемых в отдельных округах к доминирующему большинству (конфедерализм); в гарантиях автономии местных властей от центрального управления (федерализм); в коалиционных правительствах, включающих представителей всех партий (консенсуализм); или же путем переговоров между основными социальными группами и достижением общественных соглашений. ‹…› Самую же эффективную защиту меньшинств осуществляют многочисленные объединения по интересам и общественные движения. Эти структуры отражают – а иногда и порождают – различные гражданские ориентации, тем самым воздействуя на демократически избранных представителей власти. Носители разнообразных социальных статусов и интересов, оставаясь независимыми от государства, а может быть, и от партий, не только ограничивают произвол власти, но и формируют то, что именуется «гражданским обществом». ‹…› В идеале гражданское общество создает промежуточный уровень управления между индивидуумом и государством. Оно способно разрешать конфликты и контролировать поведение граждан, не обращаясь к механизмам общественного принуждения.

Прямо или опосредованно избираемые представители выполняют в современных демократических обществах большую

часть реальной политической работы. Большинство из них – профессиональные политики, настроенные на занятие видных государственных постов. Сомнительно, чтобы какая-либо из демократий могла действовать без таких профессионалов. Вопрос заключается не в том, будет ли существовать политическая элита – или даже класс профессиональных политиков, – а в том, как избираются эти представители граждан и как они отвечают за свои действия.

Принципы демократии абстрактны и могут давать начало разнообразным институтам и подтипам. Однако для демократического развития необходимо соблюдение определенных процедурных норм и уважение гражданских прав. ‹…› Роберт Даль назвал следующие условия, необходимые для существования современной политической демократии:

– Контроль за решениями правительства конституция возлагает на выборных официальных лиц.

– Эти официальные лица периодически избираются в ходе честно проводимых выборов, исключающих по возможности всякое принуждение.

– Практически все взрослое население имеет право выбирать официальных лиц.

– Практически все взрослое население имеет право претендовать на выборные должности.

– Граждане имеют право выражать свое мнение, не опасаясь серьезного преследования по политическим мотивам.

– Граждане имеют право получать информацию из альтернативных источников. Альтернативные источники информации находятся под защитой закона.

– Граждане имеют право создавать относительно независимые ассоциации и организации, включая политические партии и группировки по интересам.

Для большинства теоретиков эти семь условий исчерпывают всю сущность демократии, однако мы предлагаем добавить еще два.

Избранные народом официальные лица должны иметь возможность осуществлять свои конституционные полномочия, не подвергаясь противодействию (даже неформальному) со стороны невыборных официальных лиц. Демократия оказывается в опасности, если военные либо сотрудники государственных учреждений или предприятий имеют возможность действовать независимо от выборных руководителей и тем более накладывать вето на решения народных избранников.

Государство должно быть суверенным и действовать независимо от политических систем более высокого уровня. Даль

и другие современные теоретики, очевидно, считали это условие само собой разумеющимся, поскольку вели речь о формально независимых национальных государствах. Однако после раздела сфер влияния, заключения множества неоколониальных соглашений, возникновения союзов и блоков проблема автономии стала достаточно серьезной. По-настоящему ли демократична система, если выборные руководители не способны принять обязательные для всех решения без утверждения их извне? Этот вопрос весьма существен, даже если внешнее воздействие исходит от государства с демократической конституцией, а внутренние власти способны в той или иной мере противостоять ему (как в случае с Пуэрто-Рико). В противоположном же случае, как, например, в республиках Прибалтики, он оказывается принципиальным.

Перечисление условий и процедурных норм позволяет определить, что такое демократия. Но оно ничего не говорит о том, как реально функционирует демократическая система правления. ‹…›

В демократическом обществе представительная власть должна хотя бы неформально постановить, что группа, победившая на выборах или добившаяся большего политического влияния, не станет использовать свое временное превосходство для того, чтобы в будущем отстранять проигравших от выборных постов и блокировать их влияние. Проигравшие же, сохраняя возможность конкурировать, будут уважать право победителей выносить обязательные решения. Граждане подчиняются решениям, вырабатываемым в ходе соперничества, если результат соответствует их коллективной воле, периодически выражаемой на честных выборах либо на открытых и регулярных переговорах.

Проблема заключается не столько в определении целей, которые обеспечили бы широкое единство в обществе, сколько в выработке правил, устраивающих всех.

Любой демократический режим предполагает некоторую непредсказуемость: неизвестно, кто победит на следующих выборах и чья политика будет реализовываться. ‹…› Эта характерная для всех демократических систем неопределенность существует лишь в определенных пределах. Включиться в политическое соревнование может не каждый: есть правила, которые необходимо уважать. Не всякая политика может проводиться – должны соблюдаться необходимые условия. Допустимый при этом разброс в разных странах неодинаков. Частично он определяется конституционными гарантиями. ‹…› Однако по большей части эти ограничения выявляются в ходе соперничества между группами и партиями и в процессе

гражданского взаимодействия. ‹…› Заметим, что предложенные нами принципы основаны на здравом смысле, а не на терпимости, умеренности, взаимоуважении, «честной игре». ‹…› Мы уверены, что коллективная воля и ограниченная неопределенность могут возникнуть из взаимодействия антагонистичных и относящихся друг к другу с подозрением общественных субъектов. ‹…›

Мы попытались передать общий смысл современной демократии без упоминания конкретных правил и организационных структур, не сводя ее к определенной культуре или уровню развития. ‹…› В то же время мы мало сказали о том, чем демократия не является, на что она не способна.

Очень соблазнительно представить себе быстрое решение на демократическом пути всех политических, социальных, экономических, административных и культурных проблем. Желание это вполне объяснимо. Но увы, – как говорится, хорошего понемногу.

Во-первых, экономически демократия не всегда эффективнее других форм правления. Темпы роста экономики в целом, сбережений и капиталовложений в демократических странах не обязательно будут выше, чем в недемократических. Особенно вероятно это в переходный период, когда собственники и административная элита могут реагировать на реальную или воображаемую авторитарную угрозу, вывозя или омертвляя капитал, устраивая саботаж. ‹…›

Во-вторых, демократические режимы не обязательно эффективны в административном плане. Решения могут приниматься и менее оперативно, чем при других режимах, приходится считаться с большим числом участников общественной жизни. Стоимость реального результата возрастает уже потому, что необходимо «стимулировать» большее число изобретательных чиновников (хотя не следует приуменьшать масштабы коррупции в автократиях). Народ не всегда поддерживает новое демократическое правительство, поскольку неизбежные компромиссы полностью не удовлетворяют никого, а проигравшие свободны в выражении своего недовольства.

В-третьих, демократические режимы навряд ли окажутся более упорядоченными, едиными, стабильными и управляемыми, чем их автократические предшественники. Отчасти это плата за демократические свободы, с другой стороны – отражение недовольства новыми правилами и государственными структурами. ‹…› Проблема управляемости стоит не только перед демократическими, но и перед всеми режимами ‹…› по опыту известно, что демократии также могут утрачивать управленческую дееспособность. Широкая общественность,

бывает, разочаровывается в демократическом руководстве. ‹…›

Демократизация не обязательно принесет с собой экономический рост, социальный мир, эффективное управление, политическую гармонию, свободный рынок. ‹…› Но мы должны рассчитывать на зарождение политических структур, мирно конкурирующих, формирующих правительства и воздействующих на публичную политику; способных решать социальные и экономические конфликты посредством установленных процедур ‹…› демократии способны изменять свои законы и организационные структуры под воздействием меняющихся обстоятельств. Возможно, они не сразу добиваются всего перечисленного выше, но на этом пути у них гораздо больше шансов на успех, чем у автократических режимов».

СОВРЕМЕННАЯ ДИСКУССИЯ
В. В. ПУТИН. ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ, 2005 год

«Главной политико-идеологической задачей считаю развитие России как свободного, демократического государства. Мы довольно часто произносим эти слова, однако глубинный смысл ценностей свободы и демократии, справедливости и законности – в их практическом преломлении в нашей жизни – раскрываем достаточно редко.

Между тем потребность в таком анализе есть. Идущие в России объективно непростые процессы все больше и больше становятся предметом активных идеологических дискуссий. И они связываются именно с разговорами о свободе и демократии. Порой можно слышать, что поскольку российский народ веками безмолвствовал, то и свобода для него якобы непривычна и не нужна. И будто бы поэтому наши граждане нуждаются в постоянном начальственном присмотре.

Хотел бы вернуть тех, кто так считает, к реальности. К тому, что есть на самом деле. Для этого еще раз напомню, как зарождалась новейшая российская история.

Прежде всего следует признать, что крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века. ‹…› Эпидемия распада к тому же перекинулась на саму Россию.

Накопления граждан были обесценены, старые идеалы разрушены. Многие учреждения распущены или реформировались на скорую руку. Целостность страны оказалась нарушена террористической интервенцией и последовавшей хасавюртовской капитуляцией. Олигархические группировки, обладая неограниченным контролем над информационными потоками, обслуживали исключительно собственные корпоративные интересы. Массовая бедность стала восприниматься как норма. И все это происходило на фоне тяжелейшего экономического спада, нестабильных финансов, паралича социальной сферы.

В нашем обществе вырабатывалась не только энергия самосохранения, но и воля к новой, свободной жизни. В те непростые годы народу России предстояло одновременно отстоять государственный суверенитет и безошибочно выбрать новый вектор в развитии своей тысячелетней истории. Надо было решить труднейшую задачу: как сохранить собственные ценности, не растерять безусловных достижений и подтвердить

жизнеспособность российской демократии. Мы должны были найти собственную дорогу к строительству демократического, свободного и справедливого общества и государства.

Говоря о справедливости, имею в виду, конечно же, не печально известную формулу «все отнять и поделить», а открытие широких и равных возможностей развития для всех. Успеха – для всех. Лучшей жизни – для всех.

> **России нужна не авторитарная демократия, а либеральный авторитаризм, из которого в будущем и вырастет либеральная демократия западного типа. Став состоятельными, привыкнув к достатку, люди сами, без подсказки сверху, поймут, что им нужна свобода, и потребуют ее. На свободу, если так можно выразиться, «возникнет общественный спрос». А пока, увы, у большинства населения России от слова «демократия» возникает только изжога. Как это ни парадоксально звучит, но сегодня в России было бы полезнее недемократическое, но решительное правительство, которое смогло бы обеспечить свободу предпринимательства, приструнить чиновников и расчистить путь к реформам («Аргументы и факты», 02.02.2005).**
>
> ***Владимир Иноземцев, доктор экономических наук***

В конечном счете на базе утверждения именно таких принципов мы и должны стать свободным обществом свободных людей. И в этой связи нелишне вспомнить, как исторически в российском обществе формировалось стремление к свободе и справедливости, как оно вызревало в общественном сознании.

Прежде всего Россия была, есть и, конечно, будет крупнейшей европейской нацией. Выстраданные и завоеванные европейской культурой идеалы свободы, прав человека, справедливости и демократии в течение многих веков являлись для нашего общества определяющим ценностным ориентиром.

В течение трех столетий мы – вместе с другими европейскими народами – рука об руку прошли через реформы просвещения, трудности становления парламентаризма, муниципальной и судебной власти, формирование схожих правовых систем. Шаг за шагом вместе продвигались к признанию и расширению прав человека, к равному и всеобщему избирательному праву, к пониманию необходимости заботы о малоимущих и слабых, к эмансипации женщин, к другим

социальным завоеваниям.

Повторю, все это мы делали вместе, в чем-то отставая, а в чем-то иногда опережая европейские стандарты.

Убежден, для современной России ценности демократии не менее важны, чем стремление к экономическому успеху или социальному благополучию людей.

Во-первых, только в свободном и справедливом обществе каждый законопослушный гражданин вправе требовать для себя надежных правовых гарантий и государственной защиты. И без сомнения, обеспечение прав и свобод человека является критически важным как для развития экономики, так и для общественно-политической жизни России.

Право быть избранным или назначенным на государственные должности, как и возможность получать публичные услуги, публичную информацию должны быть доступны в равной степени всем гражданам страны. При этом любой преступивший закон должен знать, что наказание неотвратимо.

Во-вторых, только в свободном обществе каждый трудоспособный гражданин имеет право на равных участвовать в конкурентной борьбе и свободно выбирать себе партнеров. А соответственно этому и зарабатывать. Достаток каждого должен определяться его трудом и способностями, квалификацией и затраченными усилиями. А он сам вправе распорядиться заработанным по своему усмотрению, в том числе и передать по наследству детям.

Таким образом, соблюдение принципов справедливости прямо связано с равенством возможностей. И это, в свою очередь, должно быть обеспечено не кем иным, как государством.

В-третьих, российское государство, если хочет быть справедливым, обязано помогать нетрудоспособным и малоимущим гражданам – инвалидам, пенсионерам, сиротам. С тем чтобы жизнь таких людей была достойной, а основные блага были бы для них доступными.

Все эти функции и обязанности прямо поручены государству обществом.

И, наконец, свободное и справедливое общество не имеет внутренних границ, ограничений на передвижение, а оно само открыто для остального мира. Это дает гражданам нашей страны возможность в полной мере пользоваться богатствами всей человеческой цивилизации, включая достижения образования, науки, мировой истории и культуры.

Именно наши ценности определяют и наше стремление к росту государственной самостоятельности России, укреплению ее суверенитета. Мы – свободная нация. И наше место в

современном мире, хочу это особо подчеркнуть, будет определяться лишь тем, насколько сильными и успешными мы будем».

ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ

1. Сравните тексты Перикла и Даля, какие общие признаки демократии перечислены в обоих текстах?

_____

2. Согласны ли Вы с идеей, что успешное социально-экономическое развитие в современном мире может быть обеспечено только демократическими политическими системами?

_____

3. Можно ли согласиться с мыслью, что сильное государство – препятствие на пути демократии?

_____

5. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

Демократия, как мы видели выше, предполагает существование конкурирующих друг с другом партий – для ее существования необходимы как минимум две политические партии: правящая и оппозиционная. Поэтому в демократическом обществе, в котором партии являются необходимым посредником между гражданами и государством, политическая жизнь и политическая борьба предстает перед нами как партийная борьба.

Основы специальной дисциплины – теории политических партий были заложены на рубеже XIX – XX веков. Выдающийся вклад в создание науки «партологии» внес российский ученый и политик (депутат первой Государственной Думы дореволюционной России) М. Я. Острогорский. Его анализ партий «изнутри» был критически заострен против «партийных машин», «боссов» и «партийного формализма». Разоблачая подавление «партийным формализмом» партийных масс, М. Острогорский подчеркивал: **«Группировки граждан во имя политических целей, которые называют партиями, необходимы везде, где граждане имеют право и обязаны выражать свои мнения и действовать; но нужно, чтобы партия перестала быть орудием тирании и коррупции».**

Ученик М. Вебера Роберт Михельс, имевший опыт работы функционером Социал-демократической партии Германии, развил концепцию Острогорского. Михельс сформулировал «железный закон олигархии», согласно которому в любом организованном сообществе людей неизбежно складывается олигархическая правящая группа. Сама необходимость организации, по мнению Михельса, приводит к складыванию в политических партиях, профсоюзах и парламентах олигархий.

Современное состояние этой дисциплины во многом связано с идеями французского социолога М. Дюверже. В отличие от Острогорского и Михельса, он не разоблачает политические партии и не вскрывает их тайные пружины —

он анализирует природу партий, их функционирование. Крупнейшим вкладом М. Дюверже является формулирование понятия типа партийной системы (однопартийность, двухпартийность, многопартийность) и установление связи между избирательными системами и типами партийных систем.

Уровень развития российских политических партий соответствует уровню развития демократии в России. Как подчеркивают и действующие политики, и эксперты, российским партиям еще предстоит доказать гражданам свою

состоятельность.

М. Я. ОСТРОГОРСКИЙ ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ [34]

Острогорский Моисей Яковлевич (1854—1919) – русский юрист, историк, социолог и политический деятель. Депутат I Государственной Думы (1906). Один из основателей современных политологии и социологии. Труд М. Острогорского «Демократия и политические партии», в котором анализировались европейские политические партии, впервые был опубликован на французском и английском языках в 1898 г. в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. В 1910 г. автор выпустил второй том исследования, посвященный политическим партиям США. На русском языке первое издание труда М. Острогорского появилось только в 1930 г.

КНИГА ШЕСТАЯ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

‹…› Партия по своей природе является свободным объединением граждан, которое, как и всякое другое объединение, не поддается внешнему воздействию, поскольку оно противоречит общему закону. Государство, уважающее основные права граждан, игнорирует партии как таковые. Оно не имеет права спрашивать у членов какой-либо группировки, каковы их политические идеи и каково их политическое прошлое. Государство не имеет права ни штемпелевать политических убеждений, ни устанавливать условий, при которых этот штемпель может быть наложен. Ни в одной свободной стране не было попыток подобного вмешательства. ‹…›

III

‹…› Принципы или программа партии являлась верой, облеченной, подобно церковной вере, санкцией правомерности и иноверия. Присоединение к партии должно было быть полным, нельзя расходиться с партией ни в одном из пунктов ее символа веры, так же как нельзя принимать по выбору отдельные догматы религии. ‹…› «Соответствие» (conformity) с кредо партии являлось единственным правилом политического поведения; подобно религиозной вере, оно распространяло должную милость на всех настоящих и будущих ее членов. Ни одно действие партии, ни одно преступление, совершенное ею, не могло ни разрушить или подорвать ее действительной благости, ни предать ее

противоположной партии: она управлялась теологическим принципом наследственного достоинства или недостоинства.

Основываясь на этих взглядах, столь противоположных современным понятиям, система партий с момента появления демократии не имела уже рационального оправдания в фактах. ‹…› Новые проблемы не могли разделять умы целых поколений и создавать на стороне каждой из борющихся партий такие же постоянные связи, как раньше. В то же время проблемы сделались бесконечно более многочисленными и разнородными: эмансипация индивидуума и дифференциация социальных условий более сложной цивилизации вызвали всюду, в идеях, интересах и стремлениях, разнообразие в единстве и своего рода беспрерывное движение по сравнению с застоем былых времен. ‹…›

Плохо человеку, когда он один.
Горе одному, один не воин —
каждый дюжий ему господин,
и даже слабые, если двое.
А если в партию сгрудились
малые —
сдавайся враг, замри и ляг!
Партия – рука миллионнопалая,
сжатая в один громящий кулак.

В. В. Маяковский

Приемы, которыми была введена система постоянных партий, настолько же искусственная, как и иррациональная и устарелая в своем принципе, неизбежно должны были носить такой же характер. Так как проблемы, занимавшие общественное мнение, были многочисленны и разнообразны, было необходимо приспособлять проблемы к определенным группировкам людей, вместо того чтобы группировать людей в соответствии с проблемами. Для этой цели противоречивые вопросы были подняты на уровень системы, собраны в универсальные программы и наложены друг на друга; их тасовали, как карты, вынимая то те, то другие, и, в случае надобности, выкидывали те из них, которые вызывали непреодолимые расхождения во взглядах. ‹…›

Проникновение в партийную систему современных форм народного голосования и свободной ассоциации далеко не ослабило недостатков метода, а лишь их усилило. Прежде всего они замаскировали реакционные тенденции этой системы.

Партийная система, облеченная в формы народного голосования и ассоциации, появилась в ослепительном блеске демократических принципов. Во-вторых, распространение выборов и ассоциаций на внелегальные политические отношения потребовало от граждан новых усилий: кроме многочисленных выборов, предписанных законом, которых было совершенно достаточно, чтобы сбить с толку граждан, появились выборы для намечения уполномоченных партии; кроме наблюдения за действиями конституционных представителей народа избиратели должны были еще обсуждать действия большого числа партийных представителей. Граждане не могли справиться с этой задачей, и слишком натянутая пружина выборного управления еще больше ослабла, вновь и еще более убедительно доказывая, что значение выборного принципа ограничено. ‹…›

‹…› Ассоциация, положенная в основу системы партий, не имела также определенных границ, она являлась как бы «интегральной» ассоциацией, похожей на ту, при посредстве которой некоторые социальные реформаторы пытались и теперь еще пытаются организовать экономическую жизнь с целью уничтожения нищеты. Я не буду здесь спорить о том, возможна ли универсальная ассоциация, в которую человек войдет со всей своей экономической индивидуальностью для того, чтобы осуществить цели своего материального существования; но в политической жизни, основанной на свободе, аналогичная ассоциация не сможет функционировать с пользой. Ассоциация с целью политических действий, которые являются комбинацией усилий, преследующих материальную цель, предполагает всегда наличие добровольного и сознательного сотрудничества ее членов. ‹…›

IV

Демократизированная лишь с виду, партийная система свела политические отношения к чисто внешнему единообразию. Этот формализм дал возможность усилиться слабостям, присущим демократическому управлению, и уменьшил его силу.

Первым признаком демократического управления является участие в нем большой массы граждан. Однако большая масса, естественно, пассивна. ‹…› Общественное сознание должно быть деятельным, т. е. воинствующим: гражданин должен быть всегда на страже, со взглядом, устремленным на общественное дело, и готовым отдать ему без всякой заинтересованности свое время и свои усилия. ‹…›

Можно было бы даже сказать, что из всех недеспотических

режимов демократический режим менее всего способен к пробуждению народного сознания в условиях современной цивилизации. Последняя, все более и более усложняя жизнь, сделала частные интересы, заботы и развлечения как материального, так и нематериального порядка более многочисленными и напряженными. Точно так же и гражданин, который является прежде всего человеком, естественно побуждается своим эгоистическим инстинктом приносить в жертву поглощающим его заботам о своем собственном существовании и другим личным потребностям интересы государства, которые представляются ему более отдаленными и менее необходимыми, если только вообще эти заботы не являются для него совершенно безразличными. ‹…›

V

Если говорят, что народ не способен к самоуправлению и что, следовательно, поэтому всеобщее избирательное право и парламентаризм являются абсурдом, то я готов согласиться с первым пунктом, но нахожу, что вывод, который из него делается, совершенно ошибочен: политическая функция масс в демократии не заключается в том, чтобы ею управлять; они вероятно никогда не будут на это способны. Если даже облечь их всеми правами народной инициативы, непосредственного законодательства и непосредственного управления, фактически управлять будет всегда небольшое меньшинство, при демократии так же, как при самодержавии. Естественным свойством всякой власти является концентрация, это как бы закон тяготения социального порядка. Но нужно, чтобы правящее меньшинство всегда находилось под угрозой. Функция масс в демократии заключается не в том, чтобы управлять, а в том, чтобы запугивать управителей. Действительным вопросом в данном случае является вопрос о том, способны ли они запугивать и в какой мере они на это способны. Что массы в большинстве современных демократий способны серьезно запугивать управителей, это вне всякого сомнения. И именно благодаря этому мог быть осуществлен серьезный прогресс в обществе; плохо ли, хорошо ли, но управители вынуждены считаться с народными нуждами и стремлениями. Большим затруднением теперешнего политического положения является то, что еще малообразованные и недостаточно сознательные массы недостаточно запугивают политиков. Таким образом, широко распространенное массовое образование и способность масс к высказыванию своего мнения имеют в политической жизни в

меньшей степени непосредственное значение, – исключая, разумеется, их значения для более сознательного выбора своих уполномоченных, – и в большей степени необходимы для лучшего запугивания тех, кто управляет от имени народа и спекулирует на недостатке его проницательности. Эти управители будут вести себя иначе, если им придется иметь дело с более образованными избирателями; они их будут больше запугивать. Вот почему вдвойне важно в демократии поднимать интеллектуальный и моральный уровень масс: вместе с ним автоматически поднимается моральный уровень тех, которые призваны стоять выше масс. ‹…›

Однако эта власть социального запугивания была подорвана со всех сторон политическим формализмом, введенным партийной системой, и этот формализм мешает ей укорениться со всей силой. ‹…›

И когда власть социального запугивания сводится только к репрессии, к народному гневу, которого надо бояться, власть социального запугивания оказывается ослабленной не только, так сказать, количественно, но также и качественно, и с ней вместе уменьшается также могущество демократического режима. И действительно, различные политические режимы отличаются друг от друга по характеру того страха, который внушает эта власть. ‹…›

VI

‹…› Из всех граждан демократии наиболее боязливыми являются те, которые обладают политической властью. Они зависят от первого встречного; их судьба находится в руках человека с улицы. Они стараются ему нравиться, унижаясь до него; но так как они совсем не знают его чувств, то из боязни просчитаться они их расценивают возможно ниже и приспосабливаются к этому. Всякий, кто облечен частицей государственной власти, или тот, кто к ней стремится, этим самым уже лишается человеческого достоинства. Человеческое достоинство понимается лишь как верноподданническая покорность, которая падает ниц перед самодержавной толпой. ‹…›

Партия вопреки классической доктрине – это не группа людей, которая намеревается заботиться о благосостоянии народа, «исходя из некоторого принципа, по которому все ее члены пришли к согласию». Партия – это такая группа, члены которой предполагают действовать сообща в конкурентной

борьбе за политическую власть. Если бы это было не так, то различные партии не могли бы иметь почти совершенно одинаковые программы. Тем не менее, как всем известно, такое случается.

Йозеф Шумпетер

Условное понятие партии лишь поддерживает и развивает такое положение. Ритуальный культ, которым это условное понятие окружает «большинство», «партию», придает квазиконкретную форму тому неопределенному могуществу множества, которое потрясает воображение индивидуума и овладевает его волей. Оно устанавливает внешний критерий его политического поведения. Он может быть застигнут на месте преступления первым встречным; все взоры устремлены на него, чтобы следить за тем, идет ли он в указанном направлении; ну как же ему не идти по указанному пути? Партийная жизнь, следовательно, представляет собой лишь длительную школу рабского подчинения. Все уроки, получаемые в ней гражданином, являются лишь уроками трусости; она прежде всего учит гражданина, что для него нет спасения вне постоянной партии, и подготовляет его ко всякого рода отречениям и смирению. ‹…›

IX

‹…› Связанная с партией, постоянная организация из средства превращается в цель, которой в конечном счете подчиняется все: принципы, личные убеждения, веления общественной и даже частной морали. Чем более совершенна организация, тем более она деморализует партию и принижает общественную жизнь. Но с другой стороны, чтобы поддержать себя, партии все более и более нуждаются в сильной организации, которая одна может замаскировать пустоту той условности, на которую они опираются. Таким образом, создается порочный круг. Как из него выйти? Не следует ли отказаться от организации партий? Ни в коем случае.

X

Возрастающая сложность социальной жизни сделала больше чем когда бы то ни было необходимым объединение индивидуальных усилий. Развитие политической жизни, призывая каждого гражданина к участию в управлении, заставляет его, для выполнения своего гражданского долга,

входить в соглашение со своими согражданами. Одним словом, осуществление каждым своих собственных целей в обществе и в государстве предполагает кооперацию, которая невозможна без организации. Группировки граждан во имя политических целей, которые называют партиями, необходимы везде, где граждане имеют право и обязаны выражать свои мнения и действовать; но нужно, чтобы партия перестала быть орудием тирании и коррупции. ‹…›

XI

Не достаточно ли ясно теперь то разрешение, которого требует проблема партий? Не состоит ли оно в том, чтобы отказаться от практики косных партий, постоянных партий, имеющих своей конечной целью власть, и в том, чтобы восстановить и сохранить истинный характер партий как группировок граждан, специально организованных в целях осуществления определенных политических требований? Такое разрешение вопроса освободило бы партии от целей, имеющих лишь временное и случайное политическое значение, и восстановило бы ту их функцию, которая является постоянным смыслом их существования. Партия как универсальный предприниматель, занимающийся разрешением многих и разнообразных проблем, настоящих и будущих, уступила бы место специальным организациям, ограничивающимся какими-либо частными объектами. Она перестала бы являться амальгамой групп и индивидуумов, объединенных мнимым согласием, и превратилась бы в ассоциацию, однородность которой была бы обеспечена ее единой целью. Партия, держащая своих членов как бы в тисках, поскольку они в нее вошли, уступила бы место группировкам, которые бы свободно организовывались и реорганизовывались в зависимости от изменяющихся проблем жизни и вызываемых этим изменений в общественном мнении. Граждане, разойдясь по одному вопросу, шли бы вместе в другом вопросе.

Изменение метода политического действия, которое произошло бы на этой основе, коренным образом обновило бы функционирование демократического управления. Применение нового метода началось бы с выявления первопричины коррупции и тирании, порождаемых нынешним партийным режимом. Временный характер группировок не допустил бы больше содержания этих регулярных армий, с помощью которых завоевывают и эксплуатируют власть. ‹…›

Р. МИХЕЛЬС. СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИИ [35]

Михельс Роберт (1876—1936) – ученик М. Вебера, немецкий социолог и политолог, один из пионеров изучения политических партий.

Большинство социалистических школ считают в будущем возможным достижение демократии, а большинство людей аристократических взглядов признают ее хотя и общественно вредной, но осуществимой. Вместе с тем есть и консервативное течение в ученом мире, которое эту возможность исключает полностью и на все времена. Это течение ‹…› проповедует необходимость в условиях любого человеческого сообщества «классовой политики», т. е. политики господствующего класса – класса меньшинства.

Неверующие в Бога демократии не перестают называть ее детской сказкой, утверждая, что все слова языка, включающие в себя господство массы – «государство», «народное представительство», «нация» и т. д., – выражают только принцип, но не действительное состояние. Им принадлежит и теория о том, что вечная борьба между аристократией и демократией на деле, как свидетельствует история, является лишь борьбой между прежним меньшинством, защищающим свое господство, и новым честолюбивым меньшинством, стремящимся к завоеванию власти, желающим слиться с прежним или низвергнуть его. Результат любой классовой борьбы, по их мнению, состоит лишь в замене – одно меньшинство сменяет другое в своем господстве над массами. ‹…›

Вильфредо Парето ‹…› предложил рассматривать социализм как особенно удобное средство для производства новой элиты из среды рабочего класса, усмотрев симптом внутренней силы – этот первый реквизит молодого «политического класса» – в способности его вождей противостоять преследованиям и надругательствам и выходить из них победителями. Впрочем ‹…› фактически совершается не замена, а скорее переплетение новых элементов элиты со старыми.

Этот феномен был, пожалуй, уже известен. Такая циркуляция элит совершалась, правда, только в пределах одного и того же большого социального класса и на почве политики. ‹…› Все силы оппозиционной партии направлены на вытеснение правящей

партии, чтобы занять ее место, другими словами, заменить одну группировку господствующего класса другой. Но рано или поздно конкурентная борьба между отдельными группировками господствующих классов заканчивается примирением, неосознанный мотив которого – сохранение таким образом господства над массами или же его разделение. ‹…›

Школа Сен-Симона не представляла себе будущее совсем без классов, хотя и ставила перед собой задачу освобождать понятие «класс» от всякого экономического содержания. Она предполагала создать новую иерархию, хотя и без всяких привилегий от рождения, но с огромными приобретенными привилегиями – «из людей наиболее дружелюбных, умных, сильных создать живое олицетворение ускоренного прогресса общества», способных к управлению в широком смысле слова. ‹…›

Позднейшие социальные революционеры отвергали правление большинства не только в теории, но и на практике. Бакунин выступал против всякого участия рабочих во всеобщих выборах, ибо был убежден в том, что и само свободное избирательное право в обществе, где народ, массы наемных рабочих в экономическом отношении зависят от имущего меньшинства, станет по необходимости иллюзорным.

Создание оппозиции – задача, которая, как ни странно, ляжет на плечи союзников Путина, а не противников. Стране нужны партии, связанные с населением. Оппозиции, готовой работать по предложенной повестке, у нас нет. Продолжается обсуждение не проблем, а персоналий. Между тем, президент дал ясно понять, что намерен работать с партийной системой, а не с одной партией. Многие нынешние оппозиционные партии, в том числе причисляющие себя к «патриотам», ставят целью внесистемную смену власти по сценарию «цветных революций», проведенных при поддержке США. Такая оппозиция никому не нужна. Цель – построение в России мошной двухпартийной системы, которая гарантировала бы преемственность и стабильность в стране, вне зависимости от того, которая из партий является правящей. Двухпартийный парламент уже может сложиться на выборах 2007 года, причем одна партия уже известна – «Единая Россия» (РИА «Новости», 25.05.2005).

Глеб Павловский

Из всех буржуазных порядков демократия представляет собой самый наихудший. Республика, в которой мы видим все же наивысшую форму буржуазной демократии, отличается, по Прудону, самым мелочным, фанатичным духом правления. Это правление исходит из того, что может все совершать безнаказанно по единственной причине – ‹…› деспотизм всегда можно оправдать необходимостью действовать во имя республики и общего интереса. Даже политическая революция означает не более чем смену авторитета.

Единственной научной теорией, которая может претендовать на серьезный спор со всеми теориями, старыми или новыми, выдвигающими тезис о неизбежной необходимости длительного существования «политического» класса, является марксистская. Она отождествляет государство с господствующим классом. ‹…›

Марксистское учение о сущности государства, связанное с верой в революционную силу рабочих масс и демократическое воздействие обобществления средств производства, логически ведет к социалистическому строю. С точки зрения марксистов, капиталистический способ производства приводит к превращению подавляющего большинства населения в пролетариев и порождает, таким образом, сам по себе собственных могильщиков. После того как пролетариат мужает и становится зрелым, он овладевает политической властью и объявляет частную собственность государственной. Этим актом он устраняет самого себя, поскольку вместе с ней исчезают все классовые различия, а тем самым – и все классовые антагонизмы, другими словами, он упраздняет государство в качестве такового. Капиталистическое общество, разделенное на классы, нуждалось в государстве для организации господствующих классов с целью сохранения их способа производства и эксплуатации пролетариата. Прекращение существования государства равнозначно, таким образом, прекращению существования господствующего класса.

Но новое, бесклассовое, коллективистское общество будущего, которое установится на развалинах старого государства, нуждается в элите, если даже речь идет о всех предупредительных мерах, сформулированных в Общественном договоре Руссо, а затем включенных в Декларацию прав человека и гражданина Великой французской революции (особенно о сменяемости на всех должностях).

Удовлетворительно управлять общественным богатством можно, только создав широкий слой чиновничества. Но в этом вопросе вновь возникают сомнения, последовательное осмысление которых ведет к полному отрицанию возможности

бесклассового государства. Управление гигантским капиталом, особенно если речь идет о средствах, принадлежащих коллективному собственнику, предоставляет управляющим по меньшей мере столько власти, что и обладание собственным капиталом, частное владение. Не заключена ли в этом возможность того, спрашивали ранние критики марксистского общественного строя, что тот же самый инстинкт, побуждающий частных владельцев передавать накопленные ими богатства в качестве наследства своим детям, побудит распорядителей общественных средств и благ в социалистическом государстве использовать свою огромную власть для передачи должностей по наследству своим сыновьям?!

А кроме того, формирование нового господствующего меньшинства в результате того особого типа социализации, который вытекает из марксистской концепции революции, будет опираться на мощный фундамент. По Марксу, между капиталистическим и коммунистическим обществом находится период революционного превращения первого во второе, экономический период, которому соответствует переходный период, государство которого может быть не чем иным, как революционной диктатурой пролетариата. А если отказаться от употребления эвфемизмов, это революционная диктатура тех вождей социалистов, у которых от имени социализма хватит сил и умения взять из рук умирающей буржуазии скипетр господства. ‹…›

Диктатура одного лица существенно не отличается по своим последствиям от диктатуры группы олигархов. Но понятие «диктатура» противоположно понятию «демократия». Использовать первое во имя второго было бы равнозначно использованию войны в качестве самого надежного оружия мира, а алкоголя – как лекарства от алкоголизма. Можно предположить, что группа, однажды овладевшая коллективными средствами власти, будет стремиться эту власть удержать. ‹…› Есть поэтому угроза, что социальную революцию, ощутимую и зримую, сегодняшний господствующий класс ‹…› поменяет на тайную, выступающую под покровом равенства демагогическую олигархию. ‹…›

Проблема социализма – это не только экономическая проблема, состоящая в том, насколько осуществимо справедливое и экономически более эффективное распределение богатства, но и проблема управления, проблема демократии, причем как в смысле техническом, так и психологическом. ‹…›

Социологические явления, отмеченные нами в общих чертах в предыдущих главах, предоставляют, таким образом, научным

противникам демократии предостаточное число аргументов. Они, кажется, ясно указывают на невозможность существования цивилизованного человечества без «господствующего», или политического, класса, обнаруживая признаки, свидетельствующие, что ‹…› господствующий класс, если даже по своему составу и подвержен частым частичным переменам, представляет собой единственный фактор, имеющий непреходящее значение во всемирной истории. Правительство, или в ином случае государство, может быть, таким образом, всегда лишь организацией меньшинства, стремящегося навязать остальной части общества «правовой порядок», порожденный отношениями господства и эксплуатации ‹…› и никогда не может быть порождением большинства, не говоря уж о том, чтобы быть его представителем. Большинство человечества никогда, видимо, не будет способно к самоуправлению. Даже в том случае, если когда-либо недовольным массам удастся лишить господствующий класс его власти, то ‹…› в среде самих масс с необходимостью появится новое организованное меньшинство, которое возьмет на себя функции господствующего класса. Большинство человечества, обреченное жестоким фатализмом истории на вечное «несовершеннолетие», будет вынуждено признать господство вышедшего из собственной среды ничтожного меньшинства и смириться с ролью пьедестала для величия олигархии.

Формула о необходимости смены одного господствующего слоя другим и вытекающий отсюда закон олигархии как предустановленной формы человеческого общежития в больших союзах ни в коей мере не опровергают материалистическое понимание истории, не подменяют его, а только дополняют. Не существует противоречия между учением, согласно которому история состоит из непрерывного ряда классовых битв, и тем учением, по которому классовая борьба приводит к созданию новой олигархии, переплетающейся со старой. Марксистское понимание политического класса неуязвимо. Последний всегда является результатом соотношения сил, борющихся в обществе за свое самовыражение. ‹…›

Могут победить социалисты, но не социализм, гибнущий в момент победы своих приверженцев. Возникает соблазн назвать это трагикомедией. Массы удовлетворяются тем, что, не щадя своих сил, меняют своих господ. Рабочим лишь выпадает честь быть участниками формирования правительства. Весьма скромный результат, если иметь в виду психологический феномен, когда самый что ни на есть благонамеренный идеалист за короткий период пребывания на посту вождя вырабатывает в

себе качества, характерные для вождизма. В среде французских рабочих возникла поговорка: «Если выбрали, значит, пропал». ‹…›

Партия не является ни социальным, ни экономическим образованием. Основой ее деятельности является программа. Теоретически выразить интересы определенного класса она, конечно, может. Но практически вступление в партию никому не заказано, независимо от того, совпадают ли его личные интересы с положениями программы или нет. Так, например, социалдемократия является идейной представительницей пролетариата, но из-за этого вовсе не классовым организмом, а, напротив, в социальном отношении скорее классовой смесью. Ибо состоит она из элементов, выполняющих в экономическом процессе вовсе не одинаковые функции. Классовое происхождение программы обусловливает между тем мнимое классовое единство. При этом все исходят из допущения (правда, не произносимого вслух), будто элементы в партии, не принадлежащие классу, приносят в жертву свои собственные интересы, противоречащие интересам тех, кто к классу принадлежит. Будто они подчиняются «идее» чуждого им класса по принципиальным мотивам. Будто все социалисты теоретически без всяких различий, невзирая на их экономическое положение в частной жизни, признают абсолютное превосходство позиции определенного большого класса. Будто пролетарские и не чисто пролетарские элементы, находящиеся в нем, «учитывают историческую точку зрения рабочего класса, признают его в качестве ведущего класса». Так обстоит дело в теории.

На практике же большое несовпадение в интересах между трудом и капиталом не может быть устранено принятием какой-либо программы. Некоторые из немногочисленных представителей высших слоев общества, перешедших на сторону политической организации рабочего класса, будут ему преданы, но они «деклассируются». Большинство из них экономически по-прежнему будет иметь противоположные интересы, независимо от внешней идейной общности с пролетариатом. Иными словами, налицо противостояние интересов. Но в балансе интересов решающим является отношение, в котором представители непролетарских слоев находятся к наипервейшим потребностям жизни. В итоге между буржуазными и пролетарскими членами партии вполне может сложиться экономическая противоположность, перерастающая в политическую. Через идеологическую надстройку экономический антагонизм становится явным. В этом случае программа является мертвой буквой, а под «социалистическим» флагом то там, то здесь в партийном доме вспыхивает настоящая классовая борьба. ‹…›

Там, где вожди (все равно, вышли ли они из буржуазии или рабочего класса) сами включены в партийный организм в качестве чиновников, их экономический интерес, как правило, совпадает с интересом партии как таковой. Но тем самым устраняется только одна из опасностей. Другая, более серьезная ‹…› заключается в появлении вместе с развитием партии противоположности между членами партии и ее вождями. Партия как внешнее образование, механизм, машина вовсе не тождественна с партийными массами и уж тем более классом. Партия – это только средство достижения цели. Если же партия становится самоцелью, с собственными, особыми целями и интересами, то она целенаправленно отделяется от класса, который представляет. ‹…›

Неизменный социальный закон состоит в том, что в любом органе сообщества, возникшем под влиянием разделения труда, возникает по мере его консолидации собственный интерес, интерес сам по себе и для себя. Но существование собственного интереса в общем союзе включает в себя существование трений и противоположность интересов по отношению к общему интересу. Более того, в результате выполняемых ими общественных функций различные социальные слои объединяются и образуют органы, представляющие их интересы. Так надолго они превращаются в явные классы.

‹…› Высший слой вождей в политически организованном международном рабочем движении в большинстве состоит из парламентариев. ‹…›

То, что современными социал-демократическими партиями руководят парламентарии, – свидетельство их преимущественно парламентского характера. Партии делегируют самых авторитетных своих представителей на самую авторитетную должность, на которой, по их разумению, можно принести самую большую пользу. Авторитет парламентария возрастает еще по двум причинам. С одной стороны, в результате того, что, чем дольше он находится на посту, которого его никто не может лишить в период полномочий, тем более независим он от партийной массы и в конечном счете – от партийного руководства. ‹…› В момент избрания его зависимость от партии лишь опосредованна. Непосредственно же он зависит от избирателей и поэтому обязан в конечном счете своим положением неорганизованной массе. ‹…›

Сегодня партийные массы настолько привыкли считать парламент главным местом сражения за их интересы, что прилагают все усилия, чтобы облегчить дело своих стратегов, находящихся там. Это убеждение определяет отношение масс к

своим парламентариям. Положение фракции в рейхстаге становится решающим моментом, высшим законом во многих вопросах.

Массы старательно избегают любой резкой критики, способной каким-то образом ослабить позиции парламентской фракции, даже если эта критика носит принципиальный характер. Если же ее не удается избежать, то она из-за тех же опасений опровергается и решительно осуждается вождями. ‹…›

Опираясь на более высокую компетенцию по отдельным вопросам, депутаты фракции социалистов считают, что они стоят выше съездов, судов своей партии и могут претендовать на право принятия решения. Так, многие члены социал-демократической фракции в Германии хотели решить так называемый вопрос о вице-президенте или кайзерстве в самой фракции, т. е. в обход партийного съезда. ‹…›

Создание механизма сдерживаний и противовесов, полноценного парламента невозможно без сильной партийной системы. Реализовать проект суверенной демократии, предложенный в послании, невозможно без сильных партий, к созданию которых подталкивает и новая системы выборов в Госдуму по партийным спискам. Партии создаются быстро только тогда, когда есть большой приз. Таким большим призом станет губернаторское кресло, что подтолкнет партийную активность в регионах (РИА «Новости», 25.05.2005).

Большое количество политических партий характерно для незрелых политических систем. На самом деле в парламенте должно быть представлено больше, чем одна партия. Есть страны с эффективно функционирующей двухпартийной системой, трехпартийной, четырехпартийной системой. Как правило, вот та система, к которой мы идем, создает достаточно компактные, больше чем двухпартийные системы достаточно эффективных и значимых политических партий («Первый канал», 23.12.2004).

Вячеслав Никонов, политолог

Вожди парламента – как социалистические, так и буржуазные – присваивают права и приобретают черты закрытой корпорации и в отношении оставшейся части партии. Германская социал-демократическая фракция в рейхстаге неоднократно дезавуировала по своей воле отдельные важные составные части

политики своей партии. ‹…›

Еще более резко, чем в политической партии, господствующий характер вождей и их стремление управлять демократическими организациями по олигархическому принципу проявляются в профсоюзном движении.

Зарождение любого профсоюзного движения показывает, к какому широкому отрыву от демократии приводит первоначально демократическое рабочее движение централизованная бюрократия. В профсоюзах чиновникам еще легче осуществлять и продолжать практику, которая не устраивает большинство представляемых ими членов. ‹…› Уже в течение многих лет центральные правления профсоюзных объединений отняли у своих членов и оставили только себе право определять подъемы и спады движений за повышение заработной платы. ‹…› а также решать вопросы о том, является ли та или иная забастовка «оправданной» или нет. Поскольку руководители союзов обладают значительными суммами, то и дело спор идет вокруг того, чтобы выяснить, кому принимать решение об «оправданной поддержке» забастовки. Здесь перед нами встает вопрос, затрагивающий жизненный нерв демократического самоуправления и самоопределения профсоюзных коллективов. Если на решение этого ключевого вопроса претендуют вожди и, более того, уже захватили его в свои руки, то это означает только одно: они исключают принцип элементарнейшей демократии и сами открыто провозглашают себя олигархами, в то время как массы, оплачивая расходы на содержание олигархов, должны с этим мириться. Конечно, это стремление вождей можно оправдать, исходя из соображений тактики и компетенции. Но здесь речь о другом. Для нас важно лишь обратить внимание, сколь незначительны различия между тенденциями развития государственных олигархий (правительство, двор и т. д.) и олигархий пролетарских.

Характерно, что социал-демократические вожди в Германии признают существование явно выраженной олигархии в профсоюзном движении, а профсоюзные вожди – существование олигархии в социалистической партии. Но о себе каждая заявляет, что она-то обладает иммунитетом против всех бацилл олигархии. ‹…›

Вожди, как правило, невысоко ставят массы (хотя среди них находятся и такие, кто восторгается массами и платит им за оказанное себе уважение сторицей). Но все-таки в большинстве случаев эта любовь не взаимна, и прежде всего потому, что в течение срока своего правления у вождя была возможность в непосредственной близости познакомиться с нищетой масс. ‹…›

Фактически различия в уровне образования и компетенции, существующие среди членов партии, проявляются и при распределении обязанностей. Вожди делают ставку на безмолвие масс, когда устраняют их отдел. У них складывается мнение: партия не может быть заинтересована в том, чтобы меньшинство ее членов, наблюдающих за развитием ее жизни и размышляющих, зависело от большинства тех, у которых еще нет собственного мнения по определенным вопросам. Поэтому вожди выступают противниками референдума или не применяют его в партийной жизни. Чтобы выбрать подходящий момент для действий, надо иметь кругозор, которым обладают всего лишь немногие представители массы, в то время как большинство подчиняется сиюминутным впечатлениям и эмоциям. Ограниченный корпус чиновников и доверенных лиц, совещающихся на закрытом заседании (где они не испытывают влияния пристрастных газетных отчетов и где каждый может говорить без опасения внести сумятицу в лагерь противника), являясь коллегиальным, может рассчитывать на объективное суждение о себе. Для замены прямых выборов в партии косвенными кроме политических причин ссылаются и на сложное строение партийной организации.

В отношении же гораздо более сложного государственного устройства в качестве программного пункта выдвигается требование прямого законодательства народа на основе права внесения предложений и наложения вето.

Противоречие, заключенное в столь различном понимании сходных сторон партийной и государственной политики, пронизывает всю партийную жизнь.

Фактическое превосходство рабочих вождей над руководимыми ими массами и твердая воля не идти у них на поводу, а даже, наоборот, иногда отказывать им в послушании, признаются порой самими вождями с откровенностью, граничащей с цинизмом. ‹…›

Итак, представители социалистов в парламенте служат пролетариату, но при непременном условии, что он не требует от них совершать глупости. В случае допущения последних вожди отказываются выполнять волю руководимых ими масс и выступают против них. Это понятие «не совершать глупости» каждый раз, разумеется, истолковывают сами представители, чем обеспечивается их единоличное право решения по всем вопросам.

Концентрация власти в руках относительно немногих, как это имеет место в рабочем движении, с естественной необходимостью приводит к частому злоупотреблению ею. «Представитель», ощущающий полную свою независимость, превращается из слуги

народа в господина над ним. Вожди, являясь первоначально творением масс, постепенно становятся их властелинами – это истина, которую познал еще Гете, вложивший в уста Мефистофеля слова о том, что человек всегда позволяет властвовать над собой своему творению. Крайности конституированной партийной власти воспринимаются партией, выступающей против государственной власти, как естественная необходимость. По отношению к своим вождям масса проявляет гораздо больше послушания, чем к правительствам. Она терпит от них даже многие несправедливости, которые не потерпела бы от правительства. ‹…›

Одновременно с образованием вождизма, обусловленного длительными сроками занятия постов, начинается его оформление в касту. Где ему не препятствуют явно выраженный индивидуализм и фанатичный политический догматизм, как во Франции, там старые вожди противостоят массам компактными группами, по крайней мере до тех пор, пока массы не доходят до серьезного протеста и не угрожают их господству. Процедура делегирования регулируется вождями порой путем особых соглашений, в результате которых массы фактически отстраняются от всяких форм соучастия в принятии решений. ‹…›

Нет никаких признаков того, что эта обнаруживаемая на практике власть олигархии в партийной жизни в ближайшей перспективе будет подорвана. Независимость вождей усиливается по мере их незаменимости. Влияние, которое они оказывают, и экономическая безопасность их положения все более привлекательно действуют на массы и возбуждают честолюбие самых одаренных для вступления в привилегированную бюрократию рабочего движения. А она из-за этого становится все более неспособной к тому, чтобы направить возможную скрытую оппозицию против старых вождей, опираясь на новые силы. ‹…›

Массы время от времени могут выступить и с сознательным протестом, но их энергия всегда укрощается вождями. Только политика господствующих классов, хватающих во внезапном ослеплении через край, способна выдвинуть партийные массы на сцену истории в качестве активных действователей, свергающих власть партийной олигархии, поскольку прямое вмешательство масс всегда происходит вопреки воле вождей. Если не считать этих эпизодических нарушений, то естественное и нормальное развитие организации по-прежнему накладывает и на революционно-социалистические партии печать устойчивости и покоя.

‹…› Демократия очень хорошо уживается с определенной степенью тирании и по другим психологическим и историческим

причинам: масса легче переносит господство, когда каждый ее индивид имеет возможность приблизиться к нему или даже включиться в него. ‹…›

Избранный вождь в силу демократичности своего избрания склонен в большей степени считать себя представителем общей воли и требовать в качестве такового послушания и подчинения себе, чем прирожденный вождь аристократии. ‹…›

Сами вожди, когда их упрекают в недемократическом поведении, ссылаются на волю масс, которая терпит их, т. е. на качества своих избирателей и себя как избранных. До тех пор пока массы выбирают и переизбирают нас вождями, утверждают они, мы остаемся законными представителями массовой воли и образуем с ней единое целое. При старых аристократических порядках несогласие с требованиями правителя означало прегрешение против Бога. В условиях современной демократии действует правило: никто не может уклоняться от требований олигархов, ибо в этом случае он грешит против самого себя, своей собственной воли, добровольно переданной представителю. ‹…›

В условиях демократии вожди основывают свое право командования на фикции демократического всевластия масс. Каждый партийный чиновник получает свое место от массы и зависит от ее благоволения во всем, что касается его существования и действия. Ведь в условиях демократии каждый, по меньшей мере косвенно, отдает себе приказ выполнять поступающие ему сверху указания в высшей степени самостоятельно.

С точки зрения теории защита вождями принципа «требовать подчинения масс» абсолютно очевидна и безупречна. Но на практике если и не выборы, то перевыборы вождей массами совершаются всегда при такой сильной обработке сознания и различных способах навязывания идей, что свобода принятия решения оказывается при этом в значительной степени подорванной. Нет никакого сомнения в том, что в процессе развития партии демократическая система сжимается в конечном счете до прав масс самим выбирать себе в данный период времени господ, которым они после их избрания обязаны оказывать послушание. ‹…›

М. ДЮВЕРЖЕ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ [36]

Дюверже Морис (р. 1917), французский ученый, государствовед, профессор политической социологии Парижского университета (с 1955 г.), политический обозреватель газет «Монд» и «Нувелъ обсервер». Окончил факультет права в Бордо. Известен трудами в области политической науки. Работы Дюверже характеризуются социологическим подходом к политическим институтам и процессам. Книга «Политические партии», принесшая автору мировую известность, впервые издана в 1951 г.

ВВЕДЕНИЕ
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАРТИЙ

Нас не должна вводить в заблуждение словесная аналогия. Партиями одинаково называют как большие народные организации, которые выражают общественное мнение в современных демократиях, так и враждующие группировки античных республик или кланы, которые складывались вокруг какого-нибудь кондотьера в Италии эпохи Ренессанса. ‹…› Отчасти это оправдано, ибо отражает некоторое глубокое их родство: разве эти институты не играют одну и ту же роль, сущность которой – борьба за политическую власть и ее отправление? И тем не менее очевидно, что речь идет о разных вещах. На самом деле история подлинных партий едва ли насчитывает век. Еще в 1850 г. ни одна страна мира (за исключением Соединенных Штатов) не знает политических партий в современном значении этого термина: мы обнаруживаем течения общественного мнения, народные клубы, философские общества, но отнюдь не партии в собственном смысле слова. В 1950 г. они функционируют в большинстве цивилизованных стран, все прочие стремятся им подражать. Как же всего за сто лет совершился этот переход? ‹…› В целом развитие партий оказывается связанным с развитием демократии, то есть с расширением народного волеизъявления и прав парламентов. Чем больше возрастают функции и независимость политических ассамблей, тем настоятельнее их члены ощущают потребность в объединении по признаку родства, чтобы слаженно действовать. Чем более расширяется право голоса и множится число голосующих, тем более необходимым становится организовывать избирателей с помощью комитетов, способных познакомить с кандидатами и привлечь голоса в их пользу. Итак, возникновение

партий связано с возникновением парламентских объединений и избирательных комитетов. ‹…›

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ И ПАРЛАМЕНТСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАРТИЙ

Общий механизм генезиса прост: сперва создаются парламентские объединения, затем возникают избирательные комитеты; наконец, устанавливается постоянная связь этих двух образований. Разумеется, на практике чистота этой теоретической схемы оказывается нарушенной самыми различными способами. Парламентские группы обычно появлялись раньше избирательных комитетов: ведь политические ассамблеи существовали еще до всяких выборов. Парламентские же объединения с равным успехом зарождаются в лоне как автократических, так и выборных палат: действительно, борьба «группировок» обычно обнаруживается во всех наследственных или кооптируемых ассамблеях, идет ли речь о Сенате античного Рима или Сейме Речи Посполитой. ‹…›

A priori кажется, что главной движущей силой формирования политических объединений выступает общность политических доктрин. Однако факты не всегда подтверждают это предположение. Зачастую оказывается, что первый импульс дает географическое соседство, желание защитить профессиональные интересы; только потом появляется доктрина. ‹…› Возникновение парламентских групп в недрах французского Учредительного собрания 1789 года являет хороший пример такого пути. В апреле 1789 г. депутаты Генеральных Штатов от провинций начинают прибывать в Версаль, где они чувствуют себя как бы вырванными из родной почвы. ‹…› Посланцы одной и той же провинции стараются держаться вместе. ‹…› Инициатива принадлежала депутатам-бретонцам, которые снимают кафе и организуют там свои регулярные встречи. Тогда-то они и обнаруживают, что общность их взглядов распространяется не только на региональные вопросы. ‹…› Они ищут контактов с депутатами других провинций, которые разделяют их воззрения, – так «бретонский клуб» принимает форму идеологического объединения. Когда собрание перевели из Версаля в Париж, клуб вынужден был ‹…› вновь подыскивать место. На этот раз ‹…› его инициаторы арендовали монастырскую трапезную. Именно с названием этого монастыря им и предстояло войти в историю: почти все забыли бретонский клуб, но кто же не знает якобинцев? ‹…›

Наряду с факторами локальными и идеологическими не

меньшее место нужно отвести также интересам: так, некоторые объединения носят характер своего рода профсоюзов по защите парламентариев. ‹…› Озабоченность переизбранием, естественно, играет огромную роль: она никогда полностью не покидает даже достигшие зрелости парламентские группы. ‹…›

Стремление получить министерский пост также выступает значительным фактором концентрации энергии парламентариев. ‹…› И, наконец, если верить Острогорскому, в развитии парламентских групп, например, британских, довольно большую роль играет коррупция. В течение длительного времени английские министры обеспечивали себе прочное большинство, покупая голоса. ‹…› Это явление получило чуть ли не официальный статус: в Палате даже существовало окошечко, где парламентарии могли узнать цену своего голоса. ‹…› В 1714 г. был учрежден пост политического секретаря казначейства, ответственного за эти финансовые операции. ‹…› Распределяя таким образом правительственную манну среди депутатов большинства, секретарь-покровитель неусыпно контролировал их голоса и речи. ‹…› Таким образом в партии большинства постепенно устанавливается строгая дисциплина. По логике вещей меньшинство приходит к необходимости ввести в целях самообороны аналогичную, хотя и основанную на других методах дисциплину. ‹…›

Появление избирательных комитетов в стране прямо связано с расширением народного волеизъявления, поскольку последнее ставит перед необходимостью привлечения новых избирателей ‹…›. Возьмем политический режим с ограниченным правом голоса, как, допустим, во Франции периода Реставрации или в Англии до 1832 года. Здесь нет нужды в комитетах, чтобы привлечь избирателей, которые социально достаточно развиты и немногочисленны, чтобы сделать прямой выбор между кандидатами вне всякого партийного представительства: выбор происходит между состоятельными людьми, лицами одного и того же социального круга, где все или почти все знакомы между собой. ‹…› Представим теперь, что количество голосующих неожиданно увеличилось; если одновременно не созданы или не расширены избирательные комитеты, способные анализировать симпатии новых избирателей, голоса этих последних будут неизбежно отданы тем, кого они хотя бы немного знают, то есть традиционным социальным элитам. Так и случилось на выборах 1871 г. в Национальное собрание во Франции, где свободное голосование неожиданно было восстановлено после почти двадцатилетнего засилья официальных кандидатур; между тем партий как таковых не существовало, и масса голосующих в

сельских округах отдала голоса владельцам окрестных замков. Это была «Республика герцогов». ‹…› Создание избирательных комитетов чаще всего – инициатива левых. ‹…› Речь идет о том, чтобы с помощью этих комитетов создать известность новым элитам, способным затмить престиж прежних в сознании избирателей. Правая же партия неизбежно вынуждена следовать этому примеру, чтобы попытаться сохранить свое влияние; указанный феномен подражания левым партиям нередко обнаруживается в ходе анализа партийных структур.

Трудно доподлинно описать общие принципы механизма создания избирательных комитетов – решающую роль здесь играют местные особенности. ‹…›

В Соединенных Штатах избирательные комитеты также обязаны своим происхождением особым обстоятельствам. ‹…› Продолжавшийся приток эмигрантов постоянно вводил в избирательный корпус массу вновь прибывших, абсолютно не сведущих в американской политике, и нужно было привлечь их голоса к кандидатам, которых они совсем не знали – кроме тех, что были рекомендованы комитетом. Наконец, утверждение ‹…› системы, которая отдавала партии-победительнице все чиновничьи места, предоставило в распоряжение комитетов огромные материальные средства; подобно тому как коррупция в Англии укрепила структуру парламентских групп, в Америке она усилила структуру избирательных комитетов.

Достаточно было постоянной координации и регулярных связей двух этих однажды возникших материнских клеток – парламентских объединений и избирательных комитетов, чтобы появилась настоящая партия.

ВНЕШНЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАРТИЙ

‹…› Разграничение партий «внешнего происхождения» и партий, возникших на основе электоральных и парламентских структур, не является жестким: оно характеризует скорее общие тенденции, нежели резко очерченные типы, так что на практике провести его подчас оказывается нелегко. Но тем не менее нередко бывает, что весь строй партии сложился в основном посредством действия предшествующих ей институтов, собственная деятельность которых протекает за пределами парламента и выборов. ‹…›

Таким путем политическую партию могут породить весьма многочисленные и разнообразные объединения. Дело не в том, чтобы составить их исчерпывающий список: ограничимся лишь несколькими примерами. Наиболее известны профсоюзы: многие

из социалистических партий непосредственно были созданы ими и к тому же более или менее долго сохраняли характер «светской руки» профсоюзов в парламентской и электоральной сферах. В этом смысле наиболее типична британская лейбористская партия: она родилась в осуществление принятого Конгрессом тред-юнионов в 1899 г. решения. ‹…›

Но каковы бы ни были истоки партий внешнего происхождения, они обладают целым комплексом признаков, которые достаточно четко отличают их от партий, сложившихся в электоральном и парламентском процессе. Прежде всего им обычно свойственна большая централизация. В самом деле: первые начинают с вершины, тогда как вторые – с фундамента. У одних комитеты и местные секции учреждаются по инициативе центра, который возник раньше и потому волен ограничить свободу их действия. А у других, напротив, именно уже возникшие местные организации создают центральный орган, чтобы координировать свою деятельность, и, следовательно, ограничивают его полномочия, с тем чтобы сохранить себе максимум автономии. ‹…› По аналогичным мотивам партии внешнего происхождения обычно отличаются большей сплоченностью и дисциплинированностью, чем их собратья электорального и парламентского происхождения. ‹…›

Роль самих парламентских групп в партиях этих двух типов также различна. Парламентские партии испытывают глубокое их воздействие; депутаты играют здесь первую скрипку. ‹…› Такое преобладание легко объясняется происхождением партии, в котором депутаты сыграли решающую роль. И, напротив, в партиях внешнего происхождения ‹…› всегда обнаруживаются более или менее выраженное недоверие к парламентской группе и более или менее явное стремление подчинить ее власти независимого от нее руководящего партийного органа. ‹…›

Среди факторов, которые определяют влиятельность депутатов в партии, решающим остается ее генезис. Нужно сказать больше: вся жизнь партии несет на себе родовую печать ее происхождения, и положение депутатов в партии служит частным проявлением общего соотношения электоральной и парламентской активности с другими формами ее деятельности. ‹…›

Порой представляется, будто электоральный и парламентский путь соответствуют традиционному, а внешнее происхождение – современному типу. До 1900 г. большая часть политических партий зарождалась первым способом ‹…› до появления социалистических партий в начале XX века вмешательство внешних сил в политические процессы

обнаруживается очень редко. Но с этого момента именно внешнее происхождение становится правилом, а парламентское – исключением. ‹…› Нужно, однако, сделать исключение для молодых (с точки зрения демократии) стран, то есть государств, где политические ассамблеи и всеобщие выборы реально только еще начинают функционировать: здесь развитие партий в основном соответствует первому из описанных типов. Это не противоречит предшествующему утверждению, но, напротив, подтверждает его истинность, показывая, что электоральный и парламентский путь создания партий характерен для определенной фазы эволюции демократии, а именно стадии постепенного становления всеобщего избирательного права (на практике, а не только в юридических документах ‹…›). ‹…› Но как только эта первая фаза закончилась и партии вполне конституировались, возникновение новых наталкивается на барьер уже существующих: чтобы его преодолеть, разрозненных местных инициатив совершенно недостаточно, они глохнут там же, где зарождаются, и неспособны создать настоящую национальную партию. Иначе говоря, первый путь соответствует созданию политических партий в стране, где еще не существует системы организованных партий. С тех пор как такая система функционирует, настойчиво заявляет о себе второй путь.

КНИГА ВТОРАЯ. ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ

ГЛАВА I
КОЛИЧЕСТВО ПАРТИЙ

Противоположность плюрализма и однопартийности в обществе очевидна. ‹…› По отношению к этой антитезе противоположность двухпартийности и многопартийности выглядит очевидно менее значительной, и понятно, почему на нее довольно долго не обращали достаточного внимания, так что она оказалась менее изученной. А между тем ее фундаментальный характер неоспорим. ‹…›

I. Двухпартийность

Двухпартийность и избирательный режим

Если признать естественный характер двухпартийности, то необходимо объяснить, почему же естество столь свободно

расцвело в англосаксонских странах и у их немногочисленных последователей, но потерпело неудачу в странах континентальной Европы. ‹…›

Традиция двухпартийности в Америке и Англии – важный фактор их современной мощи. Но остается еще понять, почему же она укоренилась здесь столь прочно: иначе проблема лишь отодвигается во времени. ‹…› Роль национального фактора, разумеется, весьма значительна, но не следует в его пользу преуменьшать ‹…› влияние одного общего фактора технического порядка, а именно – избирательной системы. Это влияние можно выразить в следующей формуле: мажоритарное голосование в один тур ведет к дуализму партий. ‹…› Обнаруживается почти полное совпадение между мажоритарным голосованием в один тур и двухпартийностью: в странах с дуалистическим режимом всегда принята мажоритарная избирательная система, а все страны с этой избирательной системой неизменно оказываются дуалистическими. Исключения крайне редки и обычно могут быть объяснены какими-либо особыми обстоятельствами.

Несколько уточнений по поводу общего взаимодействия между мажоритарной системой и двухпартийностью. Приведем прежде всего пример Англии и ее доминионов: общеизвестен их мажоритарный избирательный режим с единственным туром; общеизвестен и дуализм партий, противостояние консерваторов – лейбористов, заменившее противостояние консерваторов – либералов. ‹…› В Соединенных Штатах традиционная двухпартийность точно так же совпадает с мажоритарным голосованием в один тур. ‹…›

Механизм действия дуализма предельно прост. Возьмем британский округ, где консерваторы имеют 35.000 голосов, лейбористы – 40.000 и либералы – 15.000. ‹…›

Само вытеснение ‹…› выступает как результат двух взаимодействующих факторов – механического и психологического. Первый заключается в занижении представительства третьей (то есть наиболее слабой) партии, так как процент полученных ею мест оказывается ниже процента поданных за нее голосов. Разумеется, при мажоритарном режиме с двумя партиями побежденный всегда имеет заниженное представительство в парламенте по отношению к победителю, как мы это далее увидим: но при варианте с третьей партией оно занижено гораздо сильнее, чем представительство менее успешной из двух остальных. ‹…› Третья партия автоматически – в силу особенностей избирательной системы – оказывается в худших условиях. Поскольку новая партия, пытающаяся конкурировать с двумя прежними, еще очень слаба, система

играет против нее и воздвигает преграду на пути ее проникновения в парламент. Но если ей удастся обогнать одну из своих предшественниц, то эта последняя отодвигается тогда на третью позицию, и процесс вытеснения оборачивается уже против нее.

> **России необходимо создать систему политической конкуренции. На сегодняшний день самая большая проблема «Единой России» – отсутствие достойного конкурента. Это может привести к застою и разрушению партии. Главным сигналом президента были слова о неэффективном бюрократическом аппарате, и именно мощные партии могут стать недостающим противовесом в проекте модернизации России. Новый проект развития демократии в России, сформулированный Путиным в послании, упирается в неразвитость партийной системы в условиях доминирования одной партии. России нужна открытая конкурентная среда на выборах (РИА «Новости», 25.05.2005).**
>
> ***Андрей Буренин, депутат Государственной Думы (фракция «Единая Россия»)***

Такой же двойственный характер носит и психологический фактор. При трехпартийности, функционирующей при мажоритарном режиме в один тур, избиратели быстро понимают, что их голоса будут попросту потеряны, если они продолжат отдавать их третьей партии: отсюда естественная тенденция передать их не самому худшему из соперников, с тем чтобы предотвратить успех наиболее нежелательного. Этот феномен поляризации, как и феномен заниженного представительства, играет на разрушение новой партии, пока та остается наиболее слабой, но обращается против менее удачливой из прежних, как только новая ее обгоняет. ‹…›

Можно ли пойти еще дальше и утверждать, что мажоритарная система способна создать двухпартийность в стране, где ее никогда ранее не существовало? Если дуалистическая тенденция вырисовывается там уже довольно явно, утвердительный ответ не вызывает сомнений. ‹…›

II. Многопартийность

Многопартийность нередко смешивают с отсутствием партий.

Страна, где общественное мнение расколото на многочисленные, но недолговечные, эфемерные и быстро меняющиеся группы, не соответствует подлинному понятию многопартийности: она переживает еще предысторию партий и находится в той фазе общей эволюции, к которой различие двухпартийности и многопартийности совершенно неприменимо, поскольку нет еще настоящих партий. ‹…›

Многопартийность достаточно точно характеризует Западную Европу, исключая Великобританию (но включая Ирландию). Разумеется, те или иные из этих государств в некоторые периоды своей истории знали и двухпартийность. ‹…›

Пути формирования многопартийности

Типологию многопартийности дать нелегко: от трех партий – и до бесконечности, включая бесчисленное множество разновидностей: а сколько еще форм и оттенков в каждой из них! ‹…› Тем не менее, если проанализировать пути формирования многопартийности, то вполне возможно выявить определенные общие черты и даже построить теоретическую схему. ‹…›

‹…› В любой партии есть свои «твердолобые» и «умеренные», соглашатели и непримиримые, дипломаты и доктринеры, терпимые и «бешеные». ‹…› Пока различие экстремистов и умеренных ограничивается существованием соперничающих группировок внутри партий, естественный дуализм сохраняется. Но если эти группировки ожесточились и не приемлют больше сосуществования, двухпартийность обречена на поражение и уступает место многопартийности. ‹…›

> **Не секрет, что российские партии несамостоятельны. Как правило, они зависят либо от Кремля, либо от тех финансовых структур, которые их спонсируют… («Родная газета», 20.05.2005)**
>
> ***Валерий Хомяков, генеральный директор Совета по национальной стратегии***

Но еще больше, чем дробление дуалистических делений, распространено, по-видимому, их напластование. Это связано с несовпадением различных видов дуалистических противоположностей, и таким образом их взаимное перекрещивание приводит к многопартийности. ‹…›

‹…› Всякое противоречие дуалистично по своей природе ‹…›; но так как различные пары противоположностей обладают

значительной независимостью друг от друга, принятие какой-то точки зрения в одной области оставляет относительную свободу выбора в другой. Многопартийность как раз и порождается этой относительной взаимной независимостью противоположностей. ‹…›

Многопартийность и голосование в два тура

За многими специфическими факторами, порождающими многопартийность, стоит один общий, который с ними взаимодействует: этот фактор – избирательный режим. Мы уже убедились, что мажоритарная система в один тур ведет к двухпартийности. И наоборот: мажоритарное голосование в два тура и система пропорционального представительства приводят к многопартийности. ‹…›

‹…› Тенденция второго тура к порождению многопартийности сомнений не вызывает. Механизм ее достаточно прост: при этой системе различие близких партий не мешает их совместному представительству, потому что во втором туре они всегда могут перегруппироваться, феномены поляризации и заниженного представительства не играют здесь большой роли или играют ее лишь во втором туре: каждая партия полностью сохраняет свои шансы в первом. ‹…›

Многопартийность и система пропорционального представительства

Вопрос о том, обладает ли система пропорционального представительства тенденцией к умножению партий, выступал предметом многочисленных научных дискуссий. Общепринятый в расхожих представлениях утвердительный ответ на этот вопрос убедительно критиковался некоторыми исследователями. ‹…›

‹…› И все же установлено, что пропорциональная система обычно совпадает с многопартийностью: еще ни в одной стране мира она не порождала двухпартийного режима и не способствовала его поддержанию. Конечно, поляризация на базе двух партий сегодня действительно вырисовывается в Германии и Италии: христианским демократам и социалистам с коммунистами ‹…› в итальянской Палате принадлежит 488 мест из 574, а социалдемократами ХДС в Бундестаге – 270 из 371. И тем не менее в Германии насчитывается 6, а в Италии – 8 партий, и число их имеет скорее тенденцию к росту, нежели к

сокращению. ‹…›

Первый результат пропорциональной системы – это, следовательно, приостановка всякого движения к двухпартийности: ее можно рассматривать как мощный тормоз в этом отношении. Ничто не побуждает здесь родственные партии к слиянию, ибо их самостоятельное выступление на выборах не наносит им никакого урона, а если и наносит – то самый минимальный. Ничто не мешает внутрипартийным расколам. ‹…› Единственное ограничение ‹…› связано с коллективным характером пропорциональной системы: она требует организации, дисциплины, развитой партийной инфраструктуры. Пропорциональная система, стало быть, противостоит индивидуалистическим и анархическим тенденциям, которые порой порождает голосование в два тура. ‹…› В этом смысле пропорционалистский порядок иногда умеряет многопартийность, но никогда не устраняет ее полностью и никогда не приводит к двухпартийности.

ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ

1. Может ли существовать современная демократия без института партий? Обоснуйте свою позицию.

_____

2. Почему даже в самых массовых и демократических партиях реальные решения принимает меньшинство их членов (партийное руководство)? Хорошо это или плохо с точки зрения функционирования институтов демократии?

_____

3. В российской избирательной системе в последнее время прошли существенные изменения. Государственная Дума полностью стала формироваться по партийным спискам, наполовину по такой системе стали формироваться законодательные органы субъектов РФ. Оцените, как эти изменения в избирательном законодательстве могут сказаться на партийной системе. Способствуют ли они развитию демократии в нашей стране?

_____

6. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ

Термин «идеология» появился почти двести лет тому назад. Наполеон Бонапарт назвал круг молодых теоретиков, группировавшихся в парижском салоне мадам де Сталь, «идеологами». В его устах слово это звучало пренебрежительно. Впервые ввел его в научный оборот один из «идеологов», философ Дестю де Траси, в своем труде «Элементы идеологии».

Ныне идеологиями называют системы взглядов, идей, убеждений, ценностей и установок, выражающих интересы различных социальных групп, классов, обществ, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты; а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение существующих общественных отношений. В идеологиях происходит тесное переплетение знания об обществе с социальными интересами. Современное общество отличается сложной дифференциацией и стратификацией. И пока люди делятся на социальные слои с различными, подчас несовпадающими интересами, возникают и устойчивые представления о жизни, ценностях, социальном идеале, путях его достижения. На этой основе и возникает идеология – мыслительная «призма», через которую смотрят на мир социальные слои.

Существуют три крупнейшие современные политические идеологии: консерватизм, либерализм и социализм (коммунизм). Все они возникли в первой половине XIX века и связаны с осмыслением событий Французской революции. Разумеется, список политических идеологий не исчерпывается этими тремя; можно назвать такие влиятельные доктрины, как гуманизм, национализм, интернационализм, панисламизм, негритюд и т. д. Однако консерватизм, либерализм и социализм наиболее универсальны и наиболее влиятельны.

Идеология консерватизма ведет свою родословную от брошюры Э. Бёрка «Размышления о революции во Франции», написанной в 1790 г. Бёрк выдвинул метафору, ставшую центральной для консервативной идеи, – общество он сравнил с деревом, растущим веками. Изображая государство как результат органического развития и многовековой созидательной деятельности, Бёрк утверждал, что ни одно поколение не имеет права подвергать насильственной ломке учреждения, созданные усилиями предшествующих поколений. Мы приводим здесь фрагменты из классического труда консерватора середины XIX

столетия Токвиля, работы крупнейшего русского консервативного мыслителя Ивана Ильина и инаугурационной речи американского консерватора Дж. Буша-мл.

Либерализм сложился как переосмысление опыта Великой французской революции в начале XIX века, хотя его идейные корни восходят к рассуждениям Дж. Локка. Либерализм исходит из того, что общество может быть устроено на началах разума (отвергая тем самым «органическую» метафору). Краеугольным камнем такого устройства либерализм считает личную свободу человека. Мы приводим фрагменты из классических либеральных трактатов – Д. Милля и Л. фон Мизеса, а также инаугурационную речь американского либерала Y Клинтона.

Социализм (коммунизм), как и либерализм, имел своих идейных предшественников до эпохи революции, однако как идейное течение заявил о себе несколько позже либерализма – в 1820—1830 годах. Долгое время слова «коммунизм» и «социализм» употреблялись как синонимы; резкое различение между ними возникло после прихода к власти в России партии большевиков, в 1918 году взявших наименование «Российская коммунистическая партия (большевиков)». Мы приводим в данном разделе фрагменты «Коммунистического манифеста» и программную речь выдающегося лидера германской социал-демократии В. Брандта, в которой он обосновывает идею «демократического социализма» – в отличие от диктаторского коммунизма.

Идеологические доктрины служат для своих последователей руководством к действию. Политики стремятся претворить идеологические принципы в жизнь. В зависимости оттого, чему они придают большее значение – идеологиям или реалиям жизни, они могут быть разделены на радикалов и умеренных.

Радикализмом (от лат. radix – корень) называется стремление доводить идеологическое учение до его конечных логических выводов и претворять в практику, не мирясь ни на каких компромиссах и действуя, в том числе, и насильственными средствами. Возможены, таким образом, как радикальный консерватизм, так и радикальный либерализм, равно как и радикальный социализм. Яркими представителями радикального социализма как раз и были российские большевики, переименовавшиеся в коммунистов. Умеренные социалисты именовались (и по сей день именуются) социал-демократами. Но и РКП(б) через несколько лет разделилась на умеренных и радикальных коммунистов – последних по имени их вождя называют троцкистами.

Радикальные течения и партии существуют во многих

странах, в том числе и в России. Как правило, радикалы находятся на обочине политического процесса. Лишь в условиях исключительных, в ситуациях кризисов и потрясений, радикалы могут превратиться в политическую силу и даже прийти к власти (Ленин в 1917-м, Муссолини в 1921-м, Гитлер в 1933-м).

КОНСЕРВАТИЗМ

Э. БЁРК РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ [37]

Бёрк Эдмунд (1729—1797), английский политический деятель и публицист. По образованию юрист. С 1766 г. член парламента. Книга «Размышления о Французской революции» (1790) отразила реакцию на революционные события во Франции.

ИСТИННАЯ СУТЬ ПРАВЛЕНИЯ

Правительство не создано посредством естественных прав, которые могут существовать и существуют независимо от него: причем их совершенство достаточно, но их абстрактное совершенство есть их же практическая ошибка. Имея право на все, они хотят всего. Правительство – изобретение человеческого разума, призванное удовлетворять человеческие желания. Люди имеют право на их удовлетворение. Среди этих желаний можно выделить одно, которое выходит за рамки цивилизованного общества и за рамки ограниченных страстей. Общество требует не только подвергать тщательному изучению страсти отдельных личностей, но в общей их массе и по отдельности контролировать свою волю и в итоге смирять и укрощать страсти. Это может быть сделано только властью, стоящей над всеми и не подчиненной этой воле и этим страстям, обузданию и покорению которых она служит. В этом смысле наказания людей, так же как и их свободы, должны быть выделены как их права. Но так как свобода и ограничение ее изменяются во времени и обстоятельствах и допускают какие угодно модификации, то они не могут быть установлены согласно какому-либо абстрактному правилу; и нет ничего глупее, как обсуждать эту проблему отвлеченно.

С того момента, как Вы сократили список полных прав человека и позволили искусственно ограничивать эти права, с того момента правительство занимается лишь рассмотрением выгод и удобств. Это то, что делает конституцию государства и соответствующее распределение власти вопросом чрезвычайно деликатным и высокопрофессиональным. Здесь требуется глубокое знание человеческой натуры и всего того, что облегчает или затрудняет достижение различных целей с помощью механизма гражданских институтов. Государство должно располагать поборниками усиления его мощи и борьбы с

беспорядками и волнениями. Что такое абстрактное право человека на еду и лекарства на практике? Вопрос заключается в способе доставки и снабжении ими. С этой проблемой я всегда советую обращаться за помощью к фермеру и врачу, а не к профессору метафизики.

Наука созидания благосостояния или его обновления, или его переустройства, как любая другая экспериментальная наука, не должна преподаваться a priori. Краткосрочный опыт не окажет нам помощи в овладении этой практической наукой, так как последствия моральных причин не всегда проявляются незамедлительно; то, что в первый момент казалось пагубным, в дальнейшем может стать идеальным и прекрасным, и высокое качество может возникнуть даже на основе отрицательного эффекта в начале своего действия. Случается и обратное, и очень правдоподобные проекты, с весьма многообещающими начинаниями, зачастую выливаются в позорные и прискорбные акты. В государстве всегда существуют незаметные, почти скрытые причины, вещи, которые кажутся на первый взгляд мимолетными, но от которых могут зависеть в большой степени процветание или упадок. Наука управления, практически уже сама по себе и предназначенная для решения таких же практических проблем – проблем, которые требуют опыта, причем такого, который ни один человек не смог бы приобрести за всю жизнь, каким бы прозорливым и наблюдательным ни был, – эта наука с необычайной осторожностью подходит к вопросу разрушения системы взглядов, сносно отвечавшей в течение веков общим целям человечества, не имея перед собой моделей, одобренных общественностью.

Законы природы неприменимы к сложному обществу.

Эти законы метафизики, вступая в обычную жизнь, как лучи света, проникающие в плотную среду, по законам природы преломляются по прямой линии. Действительно: в большой и сложной массе человеческих страстей и тревог простые права человека претерпевают такое разнообразие преломлений и отражений, что становится абсурдным говорить о них, как если бы они продолжались в своей изначальной простоте. Природа человека сложна и противоречива, цели общества тоже чрезвычайно сложны, поэтому примитивная диспозиция и примитивная власть не могут соответствовать ни человеческой душе, ни делам человека. Когда я слышу о простоте изобретения, нацеленного на новые политические построения и потешающегося над ними, я прихожу к выводу, что ремесленники в большинстве своем невежественны в торговле или невнимательны к своим обязанностям. Примитивные

правительства порочны уже в своей основе, если не сказать более. Если Вам было бы достаточно решать проблемы общества только под одним углом зрения, то все эти простые формы государственного устройства были бы чрезвычайно привлекательны. То есть каждая отдельная форма соответствовала бы своей единой цели в совершенстве, сложной же форме будет гораздо труднее достигать решения всего комплекса непростых задач. Но все же лучше, что сложная форма не соответствует своим задачам, отдельные проблемы решаются с большей точностью, другими же нужно полностью пренебречь или материально ущемить сверхзаботой о любимчиках.

Фальшивые права этих теоретиков чрезвычайны, и пропорционально тому, насколько они верны с точки зрения метафизики, настолько же они фальшивы с точки зрения морали и политики. Права человека где-то посередине, их невозможно определить, но невозможно и не различить. Права человека для правительства (в их преимуществе) очень выгодны, они зачастую сбалансированы между многочисленными оттенками добра и должны согласовываться друг с другом, а иногда – между добром и злом, иногда между злом и злом. Политический резон основывается на простом арифметическом подсчете: складываются, отнимаются, умножаются и делятся не метафизические или математические, а настоящие моральные величины.

Эти теоретики почти всегда софисты и путают право народа с его властью. Общественный орган, когда бы он ни возник, может и не натолкнуться на эффективное сопротивление, но до тех пор, пока власть и право есть одно и то же, этот орган не обладает правом, не совместимым с добродетелью, и прежде всего благоразумием. У людей нет права на неблагоразумие и на то, что не способствует их благоразумию, хотя кто-то из писателей произнес: «Lieat perire poetis»[38], когда один из них в трезвом уме, говорят, прыгнул в жерло вулкана. «Ardentem frigidus Etnam insiluit»[39], я смотрю на такую шалость скорее как на не имеющую оправдания поэтическую вольность, а не как на одну из привилегий Парнаса; и был ли он поэтом, божеством или политиком, выбравшим путь проповеди этого вида права, я считаю, что более умно, т. е. более милосердно, по здравому рассуждению, – спасти человека, а не хранить его бронзовые домашние тапочки как памятник его глупости.

А. де ТОКВИЛЬ. СТАРЫЙ ПОРЯДОК И РЕВОЛЮЦИЯ [40]

Токвилъ Алексис де (см. с. 129). В 1856 г. опубликовал

исторический трактат «Старый порядок и революция». В нем Токвиль показывал, что явления, считающиеся плодами Великой французской революции, возникли еще при монархии и, следовательно, не революция создала их. Революция же в изображении Токвиля выглядела лишь разрушительной, хотя и закономерной.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1789 году французы совершили деяние, на которое не решился никакой другой народ; тем самым они разделили надвое свою судьбу, создав пропасть между тем, чем они были до сих пор, и тем, чем они желают быть отныне. Имея перед собою эту цель, они предприняли всякого рода предосторожности, дабы ничего не перенести из прошлого в новые условия своей жизни. Они всячески понуждали себя жить иначе, чем жили их отцы. Они ничего не упустили из виду, чтобы обрести неузнаваемый облик.

По мере углубления в мое исследование я поражался, постоянно подмечая в жизни Франции тех времен черты, удивляющие нас в жизни сегодняшней. Я находил там во множестве чувствования, которые, как я думал, порождены Революцией; я находил там во множестве идеи, которые, как я до сих пор считал, также происходят из эпохи Революции; я находил там тысячи привычек, полагая, что и они также привнесены Революцией. Повсюду находил я корни современного общества, глубоко вросшие в ту старую почву. Чем ближе приближался я к 1789 г., тем отчетливее понимал, как формировался, рождался и креп дух Революции. Мало-помалу моему взору открылась вся физиономия Революции. Возникшие очертания уже предвещали ее бурный темперамент, гениальность; да это и была самая Революция. Я обнаруживал не только причины первых ее усилий и порывов, но в большей степени даже предвестники отдаленных ее действий, поскольку Революция имела в своем развитии две отчетливо разнящиеся фазы. Первая из них – когда французы, казалось, стремились полностью уничтожить свое прошлое; вторая же – когда они попытаются частично заимствовать из этого прошлого. Таким образом, имеется множество свойственных Старому режиму законов и политических привычек, которые в 1789 г. разом исчезли, а несколькими годами позже появились вновь подобно некоторым рекам, уходящим под землю, чтобы немного далее вновь вырваться из-под земли, блистая прежней гладью вод меж новых берегов.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА VIII
О ТОМ, КАКИМ ОБРАЗОМ ИЗ ВЫШЕОЗНАЧЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ САМА СОБОЙ ВОЗНИКЛА РЕВОЛЮЦИЯ

В заключение я хотел бы обобщить некоторые из намеченных мною черт Революции и показать, каким образом из Старого порядка, образ которого я только что представил, Революция возникла как бы сама собой.

Если учесть, что именно у нас феодальная система, сохранив все, что в ней могло раздражать и вредить, утратила стороны, еще способные приносить пользу и служить во благо общества, то неудивительно, что Революция, призванная насильственно изменить прежнее политическое устройство Европы, разразилась во Франции, а не в какой-либо иной стране.

Дворянство у нас как ни в одной из прочих стран феодальной Европы, перестав управлять и руководить жителями, не только сохранило, но во многом умножило денежные привилегии и преимущества, коими пользовался каждый из членов этого сословия. Заняв в обществе подчиненное место, дворянство как класс оставалось привилегированным и замкнутым и, как я уже говорил выше, все более утрачивало характер аристократии и приобретало черты касты. Приняв во внимание данные обстоятельства, можно не удивляться более тому, что дворянские привилегии казались французам необъяснимыми и ненавистными, вследствие чего сердца их горели демократической завистью, продолжающей сжигать их и поныне. ‹…›

Я показал, как королевское правительство, уничтожив вольности провинций и заменив собою все местные власти на 3/4 территории Франции, сосредоточило в своих руках все дела – как самые мелкие, так и наиболее важные. С другой стороны, я показал, как вследствие этого Париж стал хозяином всей страны, хотя до этого был всего лишь ее столицею; точнее, он подменил собою всю страну. Только этих двух фактов, составлявших характерную особенность Франции, было бы достаточно для объяснения, почему восстание смогло до основания разрушить монархию, выдерживавшую в течение стольких столетий жестокие удары и даже накануне своего падения казавшуюся непоколебимой тем, кому предстояло ее низвергнуть.

Франция принадлежала к числу европейских стран, в которых политическая жизнь уже давно полностью угасла и где обыватели в наибольшей степени утратили деловой навык, привычку понимать смысл событий, опыт народных движений, да и само понятие народа. Поэтому несложно понять, каким образом все

французы, не замечая того, были вовлечены в страшную Революцию, причем впереди шли те, для кого она представляла наибольшую угрозу, они приняли на себя труд открывать и расширять ведущий к ней путь.

Поскольку в стране более не существовало свободных институтов и, следовательно, жизнеспособных политических корпораций и организованных партий и поскольку в отсутствие всех этих упорядоченных сил руководство зарождающимся общественным мнением выпало на долю одних только философов, то вполне можно было ожидать, что Революция будет руководствоваться не столько известными фактами, сколько отвлеченными и очень общими теориями. Можно было заранее предсказать, что нападкам подвергнутся не отдельные дурные законы, но все законы вообще и что старое государственное устройство Франции будет заменено совершенно новой системой управления, выдуманной литераторами.

Поскольку Церковь всем своим существом была связана со старыми институтами власти, которые предстояло разрушить, то можно было не сомневаться, что, опрокидывая гражданскую власть, Революция расшатает и устои религии. А раз так, то невозможно было представить себе, до каких неслыханных дерзостей дойдет разум новаторов, освободившихся от пут, налагаемых на воображение человека религией, обычаями и законами.

Человек, тщательно изучивший состояние страны, с легкостью мог предвидеть, что нет такой неслыханной дерзости, на которую нельзя будет отважиться, ни такого насилия, которое нельзя будет стерпеть. ‹…›

Религиозная терпимость, мягкость во властвовании, человеколюбие и даже доброжелательность никогда не проповедовались так широко и, казалось, не пользовались таким признанием, как в XVIII веке, даже военное право, бывшее как бы последним прибежищем насилия, в тот период носило ограниченный и уравновешенный характер. И тем не менее в среде столь кротких нравов суждено было зародиться самой бесчеловечной Революции. ‹…›

Контраст между благодушием теорий и жестокостью действий, составлявший одну из наиболее странных особенностей французской Революции, не вызовет ни у кого удивления, если принять во внимание, что Революция эта готовилась наиболее цивилизованными классами нации, а свершалась – самыми необразованными и грубыми. ‹…› И если вспомнить, какой была жизнь народа при Старом порядке, то нетрудно представить себе, каковым должно было стать это правительство.

‹…› Народ, привыкший к труду, был безразличен к утонченной жизни, покорно переносил самые тяжелые бедствия и демонстрировал твердость в минуты опасности. ‹…› Поскольку на протяжении многих столетий он один нес на себе все бремя злоупотреблений и жил, отвергнутый всеми и предоставленный своим предрассудкам, своей зависти и ненависти, он был закален превратностями судьбы и обрел способность как вынести все сам, так и заставить страдать других.

‹…› в народных душах зародились и развились две преобладающие страсти. Они возникли не одновременно и не всегда были направлены на одни и те же цели.

Первая из них, наиболее давняя и глубокая, – это жестокая и неискоренимая ненависть к неравенству. Она была поощряема и вскормлена самим неравенством и давно уже внушала французам упорное и непреодолимое желание разрушить самые основы средневековых институтов и построить на очистившемся месте новое общество, в котором бы и люди, и условия их существования были настолько однообразны, насколько это допускает человеческая природа.

Другая же страсть – более позднего происхождения и менее прочно укоренившаяся – вызывала в людях стремление жить не только равными, но и свободными. На закате Старого порядка обе страсти кажутся в равной степени искренними и сильными. К началу Революции они объединяются и смешиваются на некоторое время, сливаются, обостряют друг друга и одновременно воспламеняют сердца всех французов. ‹…›

‹…› Размышляя об этом народе как таковом, я нахожу его еще более необыкновенным, чем какое-либо из событий его истории. Существовал ли когда-либо еще народ, чьи действия до такой степени были исполнены противоречий и крайностей, народ, более руководствующийся чувствами, чем принципами, и в силу этого всегда поступающий вопреки ожиданиям, то опускаясь ниже среднего уровня, достигнутого человечеством, то возносясь высоко над ним. Существовал ли когда-либо народ, основные инстинкты которого столь неизменны, что его можно узнать по изображениям, оставленным два или три тысячелетия тому назад, и в то же время народ, настолько переменчивый в своих повседневных мыслях и наклонностях, что сам создает неожиданные положения, а порой, подобно иностранцам, впадает в изумление при виде содеянного им же? Существовал ли народ, по преимуществу склонный к неподвижности и рутине, будучи предоставлен самому себе, а с другой стороны – готовый идти до конца и отважиться на все, будучи вырванным из привычного образа жизни; народ, строптивый по природе и все же скорее

приспосабливающийся к произволу властей или даже к насилию со стороны государя, чем к сообразному с законами и свободному правительству правящих граждан? Доводилось ли вам иметь дело с народом, который сегодня выступает в качестве ярого противника всякого повиновения, а назавтра выказывает послушание, какого нельзя ожидать даже от наций, самою природою предназначенных для рабства? Существует ли еще народ, покорный как дитя, покуда ничто не выказывает ему сопротивления, и совершенно неуправляемый при виде хоть какого-либо сопротивления; народ, вечно обманывающий своих господ, которые либо слишком боятся его, либо не боятся вовсе; народ, никогда не свободный настолько, чтобы не было возможности его поработить, но и не настолько порабощенный, чтобы утратить возможность сбросить с себя иго; народ, способный ко всему, но со всею силою проявляющий себя только в войнах? ‹…›

И. ИЛЬИН. НАШИ ЗАДАЧИ [41]

Ильин Иван Александрович (1882—1954), религиозный философ, профессор Московского университета (1918). Монархист, противник большевизма, идеолог Белого движения. В 1922 г. выслан из России, жил и работал в Германии, издатель журнала «Русский колокол». С 1938 г. – в Швейцарии. Автор свыше 30 книг. Его главный труд и завещание – «Наши задачи» впервые издан посмертно в 1956 г.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ БЫЛА КАТАСТРОФОЙ

После всего, что произошло с Россией за последние 32 года (1917—1949), нужно быть совсем слепым или неправдивым, чтобы отрицать катастрофический характер происшедшего. Революция есть катастрофа в истории России, величайшее государственно-политическое и национально-духовное крушение, по сравнению с которым Смута бледнеет и меркнет.

Смута была брожением; народ перебродил и опомнился. Революция использовала новую смуту и брожение и не дала народу ни опомниться, ни восстановить свое органическое развитие.

Смута была хаотическим бунтом и дезорганизованным разбоем. Революция оседлала бунт и государственно организовала всеобщее ограбление.

Смуту никто не замышлял: она была эксцессом отчаяния, всенародным грехопадением и социальным распадом. Революция

готовилась планомерно, в течение десятилетий; в известных слоях интеллигенции она стала традицией, передававшейся из поколения в поколение; с 1917 года она стала систематически проводиться по заветам Шигалева и чудовищным образом закрепляться: она ломала русскому человеку и народу его нравственный и государственный «костяк» и нарочно неверно и уродливо сращивала переломы.

Смута длилась 9 лет (1604 – появление самозванца, 1616 – избрание на царство Михаила Федоровича). Революция тянется уже 32 года, и конца ей не видно. Подрастают новые поколения, живущие в России, но не знающие ни ее истории, ни ее священных традиций, ни ее международного положения.

Смута разразилась в сравнительно первобытной России, расшатанной и оскудевшей от террора Иоанна Грозного. Революция была подготовлена и произведена в России, которая культурно цвела, хозяйственно богатела и прогрессивно реформировалась. Россия начала 20 века имела две опасности: войну и революцию. Войну ей сознательно навязала Германия, чтобы остановить ее рост; революцию в ней сознательно раздули революционные партии, чтобы захватить в ней власть.

После Смуты Россия была разорена (засевалась всего одна двадцать третья часть прежней площади), но она сохранила свой национальный лик. Революция разоряет и вымаривает ее систематически и стимулирует ее мнимое «богатение»; она исказила ее национальный лик, отменила даже ее имя и превратила ее в мировую язву, грозящую всем народам.

Поэтому русская революция есть величайшая катастрофа – не только в истории России, но и в истории всего человечества, которое теперь слишком поздно начинает понимать, что советский коммунизм имеет европейское происхождение и что он теперь ломится назад – на свою «родину». Ибо он готовился в Европе сто лет в качестве социальной реакции на мировой капитализм; он был задуман европейскими социалистами и атеистами и осуществлен международным сообществом людей, сознательно политизировавших уголовщину и криминализировавших государственное правление.

В мире встал аморальный властолюбец, сделавший науку и государственность орудием всеобщего ограбления и порабощения, – жестокий и безбожный, величайший лжец и пошляк мировой истории, научившийся у европейцев клясться именем «пролетариата» и оправдывать своими целями самые гнусные средства.

Итак, русская революция подготовлялась на протяжении десятилетий (с семидесятых годов) – людьми сильной воли, но

скудного политического разумения и доктринерской близорукости. Эти люди, по слову Достоевского, ничего не понимали в России, не видели ее своеобразия и ее национальных задач. Они решили политически изнасиловать ее по схемам Западной Европы, «идеями» которой они как голодные дети объелись и подавились. Они не знали своего отечества; и это незнание стало для русских западников гибельной традицией со времен главного поносителя России – католика Чаадаева…

Идеалы подобны звездам в небе: мы никогда не можем их достичь, но, как мореходы в плавании, ориентируемся по ним в жизни.

Неизвестный автор

Русские революционеры не понимали величайших государственных трудностей, создаваемых русским пространством, русским климатом и ничтожной плотностью русского населения. Они совершенно не разумели того, что русский народ является носителем порядка, христианства, культуры и государственности среди своих многонациональных и многоязычных сограждан. Они не желали считаться с суровостью русского исторического бремени (на три года жизни – два года оборонительной войны!) и хотели только использовать для своих целей накопившиеся в народе утомление, горечь и протест. Они не понимали того, что государственность строится и держится живым народным правосознанием и что русское национальное правосознание держится на двух основах – на Православии и на вере в Царя. Как «просвещенные» неверы, они совершенно не видели драгоценного своеобразия русского Православия, не понимали его мирового смысла и его творческого значения для всей русской культуры. Они не видели тех опасностей, которые заложены для России – в неуравновешенности русского темперамента, в незрелости русского добродушного, по-детски увлекающегося и шаткого характера и в его многосотлетней непривычке активно и ответственно строить свое государство. Они не понимали, что западные демократии держатся на многочисленном и организованном «среднем сословии» и на собственническом крестьянстве и что в России нет еще ни того, ни другого.

Они видели только сравнительную бедность и нравственную удобособлазнимость русского народа – и десятилетиями демагогировали его. И никому из них и в голову не приходило, что народ, не привыкший к политической свободе, не поймет ее и не оценит; что он злоупотребит ею для дезертирства, грабежа и

резни, а потом продаст ее тиранам за личный и классовый прибыток… Подпиливали столбы и воображали себя титанами Атлантами, способными принять государственное здание на свои плечи. Закладывали динамит и воображали, что удастся снести одну крышу, которая немедленно сама вырастет вновь из «нерухнувшего» здания. Сеяли ветер на все четыре стороны и, пожиная бурю, удивлялись, что их парусную лодчонку опрокинуло волною…

На этой политической близорукости, на этом доктринерстве, на этой безответственности – была построена вся программа и тактика русских революционных партий. Они наивно и глупо верили в политический произвол и не видели иррациональной органичности русской истории и жизни. И слишком поздно поняли свои ошибки. Благороднейшие из них признали свои недоразумения и промахи уже в эмиграции (Плеханов, Церетели, Фундаминский), тогда как другие и доселе восхищаются своим «февральским» безумием.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ БЫЛА БЕЗУМИЕМ

Она была безумием, и притом разрушительным безумием. Достаточно установить, что она сделала с русской религиозностью всех исповеданий, в особенности с православной церковью; что она учинила с русским образованием, в особенности с высшим и средним образованием, с русским искусством, с русским правом и правосознанием, с русской семьею, с чувством чести и собственного достоинства, с русской добротой и патриотизмом…

Она была безумием со стороны самих умеренно революционных и полуреволюционных партий, кои вскоре были уничтожены со всеми их планами, программами, кадрами, газетами и традициями.

Один верящий стоит девяносто девяти интересующихся.

Дж. С. Милль

Но она же обнаружила и безумную беспечность и близорукость правых – охранительных партий, которые не имели ни творческих идей, ни социальных программ, ни верных кадров в стране. Их хватило только на то, чтобы затруднить великую реформу Столыпина… А «крайне правые» только и умели обманно уверять Государя в «многомиллионное™» своего «союза»

и в его «верноподданничестве», с тем чтобы в грозный час опасности предать Царя и его семью на арест, увоз и убиение…

Революция была безумием и для русского крестьянства. Русское крестьянство стояло перед исполнением всех своих желаний; оно нуждалось только в лояльности и терпении. Равноправие и полноправие давалось ему от Государственной Думы (законопроект, выработанный В. А. Маклаковым). Земля переходила в его руки столь стремительно, что по подсчету экономистов к 1932 году в России не осталось бы ни одного помещика: все было бы продано и куплено по закону и нотариально закреплено. Земля отдавалась ему в частную собственность (реформа П. А. Столыпина, 1906). К началу этой реформы Россия насчитывала 12 миллионов крестьянских дворов. Из них 4 миллиона дворов уже владело землею на праве частной собственности, а 8 миллионов числилось в общинном владении. За 10 лет (1906—1916) на выдел из общины записалось 6 миллионов дворов из восьми. Реформа шла полным ходом в связи с прекрасно организованным переселением; она была бы закончена к 1924 году. Но революционные партии позвали к «черному переделу», осуществление которого было сущим безумием, ибо только «тело земли» переходило к захватчикам, а «право на землю» становилось спорным, шатким, непрочным и прекарным (т. е. срочным до востребования); оно обеспечивалось лишь обманно – будущими экспроприаторами, коммунистами. Итак, историческая эволюция давала крестьянам землю, право на нее, мирный порядок, культуру хозяйства и духа, свободу и богатство; революция лишила их всего. Подготовительный нажим большевиков начался немедленно вслед за «черным переделом» и длился 12 лет. Вслед за тем (1929—1935) коммунисты приступили к коллективизации и, погубив казнями и ссылками не менее 600 000 дворов и семей, ограбили и пролетаризировали крестьян и ввели государственное крепостное право.

Революция была безумием и для русского промышленного пролетариата. Война 1914—1917 гг. поставила его непосредственно перед легализацией свободных рабочих союзов. Революция дала ему – гибель его лучших технически обученных кадров; долгие годы безработицы, голода и холода; порабощение в тоталитарных тред-юнионах; снижение уровня жизни на целые поколения; падение реальной зарплаты; государственную «потогонную систему» (стахановщина); систему взаимного политического сыска, доносительства и концлагеря.

Революция была проявлением безумия и со стороны русского промышленно-торгового класса, который в лице Саввы Морозова, Ивана Сытина и других финансировал революционеров до тех

пор, пока не был истреблен ими. А когда гибель стояла уже у порога, этот же самый класс не захотел или не сумел своевременно изыскать средства для борьбы с большевиками. Во время гражданской войны на юге, когда города переходили из рук в руки, – промышленники по уходе белых считали свои «убытки» и «протори» и роптали, а по уходе красных – подсчитывали свои «остатки» и благодарили судьбу за спасение.

Но наибольшим безумием революция была для русской интеллигенции, уверовавшей в пригодность и даже спасительность западноевропейских государственных форм для России и не сумевшей выдвинуть и провести необходимую новую русскую форму участия народа в осуществлении государственной власти. Русские интеллигенты мыслили «отвлеченно», формально, уравнительно: идеализировали чужое, не понимая его; «мечтали» вместо того, чтобы изучать жизнь и характер своего народа, наблюдать трезво и держаться за реальное; предавались политическому и хозяйственному «максимализму», требуя во всем немедленно наилучшего и наибольшего; и все хотели политически сравняться с Европой или прямо превзойти ее.

И теперь еще люди этого сентиментально-мечтательного поколения покидают земную жизнь, не передумав и вменяя себе это самодовольное упрямство в заслугу «стойкости» и «верности»… Они так и не поймут, что глупо глотать все лекарства, полезные другим; что пальмы и баобабы не всюду растут на воле; что страусы не могли жить в тундре; что республика и федерация требуют особого правосознания, которого многие народы не имеют и коего нет и в России. Не поймут, что народы, веками проходившие через культуру римского права, средневекового города, цеха и через школу римско-католического террора (инквизиция! религиозные войны! крестовые походы против еретиков! грозная исповедальня!), – нам не указ и не образец… Ибо мы, волею судьбы, проходили совсем другую школу – сурового климата, татарского ига, вечных оборонительных войн и сословно-крепостного строя. Что «немцу здорово», то русского может погубить…

Так безумие русской революции возникло не просто из военных неудач и брожения, но из отсутствия политического опыта, чувства реальности, чувства меры, патриотизма и чувства чести у народных масс и у революционеров. Люди утратили органическую национальную традицию и социально-политическое трезвение. В труднейший час исторической войны, когда монарх и указанный им наследник двукратным отречением погасили в народе присягу на верность, – все это вызвало развал

правосознания, безумную толкотню и давку из-за эфемерного полноравно-правия и столь же мнимого обогащения захватом. Все это брожение возникло отнюдь не из «нищеты», «гнета» или «разрухи». Брожение шло от нежелания отстаивать Россию и держать фронт и от жажды революционного грабежа. По прозорливому слову Достоевского, русский простой народ понял революционные призывы (Приказ № 1) и освобождение от присяги – как данное ему «право на бесчестие» и поспешил бесчестно развалить фронт, удовлетвориться «похабным миром» и приступить к бесчестному имущественному переделу. Это бесчестье выдвинуло наверх демагогов-интернационалистов.

Русские летописи пишут о Смуте, что она была послана нам за грехи, – «безумного молчания нашего ради», т. е. за отсутствие гражданского мужества, за малодушное «хоронячество» и непротивление злодеям. Несомненно, что эти слабости и недостатки сыграли свою роль и в нынешней революции. Но были и иные грехи, важнейшие: утрата русских органических и священных традиций, шаткость нравственного характера, безмерное политическое дерзание и отсутствие творческих идей.

ЛИБЕРАЛИЗМ

ДЖ. С. МИЛЛЬ. О СВОБОДЕ [42]

Милль Джон Стюарт (1806—1873), английский философ-позитивист, экономист и общественный деятель. Сын экономиста Джеймса Милля, под руководством которого получил всестороннее образование. С 1823 по 1858 г. служил в Ост-Индской компании. В 1865—1868 гг. член Палаты общин, где поддерживал либеральные и демократические реформы. Автор философских трактатов, в том числе «О свободе» и «О представительном правлении», в которых сформулирована либеральная доктрина.

ГЛАВА I
ВВЕДЕНИЕ

Борьба между свободой и властью есть наиболее резкая черта в тех частях истории, с которыми мы всего ранее знакомимся, а в особенности в истории Рима, Греции и Англии. В древние времена борьба эта происходила между подданными или некоторыми классами подданных и правительством. Тогда под свободой разумели охрану против тирании политических правителей, думая (за исключением некоторых греческих демократий), что правители по самому положению своему необходимо должны иметь свои особые интересы, противоположные интересам управляемых. Политическая власть в те времена принадлежала обыкновенно одному лицу, или целому племени, или касте, которые получали ее или по наследству, или вследствие завоевания, а не вследствие желания управляемых, – и управляемые обыкновенно не осмеливались, а может быть, и не желали оспаривать у них этой власти, хотя и старались оградить себя всевозможными мерами против их притеснительных действий, – они смотрели на власть своих правителей, как на нечто необходимое, но и в то же время в высшей степени опасное, как на орудие, которое могло быть одинаково употреблено и против них, как и против внешних врагов. Тогда признавалось необходимым существование в обществе такого хищника, который был бы довольно силен, чтобы сдерживать других хищников и охранять от них слабых членов общества; но так как и этот царь хищников был также не прочь попользоваться на счет охраняемого им стада, то вследствие этого каждый член общины чувствовал себя в необходимости

быть вечно настороже против его клюва и когтей. Поэтому в те времена главная цель, к которой направлялись все усилия патриотов, состояла в том, чтобы ограничить власть политических правителей. Такое ограничение и называлось свободой. Эта свобода достигалась двумя различными способами: или, во-первых, через признание правителем таких льгот, называвшихся политическою свободой или политическим правом, нарушение которых со стороны правителя считалось нарушением обязанности и признавалось законным основанием к сопротивлению и общему восстанию; – или же, во-вторых, через установление конституционных преград. Этот второй способ явился позднее первого; он состоял в том, что для некоторых наиболее важных действий власти требовалось согласие общества или же какого-нибудь учреждения, которое считалось представителем общественных интересов. В большей части европейских государств политическая власть должна была более или менее подчиниться первому из этих способов ограничения. Но не так было со вторым способом, и установление конституционных преград, – или же, там, где они существовали, улучшение их, – стало повсюду главною целью поклонников свободы. Вообще либеральные стремления не шли далее конституционных ограничений, пока человечество довольствовалось тем, что противопоставляло одного врага другому и соглашалось признавать над собой господина, с условием только иметь более или менее действительные гарантии против злоупотребления им своей властью.

Либерал может сделаться министром, но из этого еще не следует, что он будет либеральным министром.

В. Гумбольдт

Но с течением времени в развитии человечества наступила наконец такая эпоха, когда люди перестали видеть неизбежную необходимость в том, чтобы правительство было властию, независимою от обществ, имеющею свои интересы, различные от интересов управляемых. Признано было за лучшее, чтобы правители государства избирались управляемыми и сменялись по их усмотрению. Установилось мнение, что только этим путем и можно предохранить себя от злоупотреблений власти. Таким образом, прежнее стремление к установлению конституционных преград заменилось мало-помалу стремлением к установлению таких правительств, где бы власть была в руках выборных и временных правителей, – и к этой цели направились все усилия

народной партии повсюду, где только такая партия существовала. Так как вследствие этого борьба за свободу утратила прежнее свое значение борьбы управляемых против правителей и стала борьбой за установление таких правительств, которые бы избирались на определенное время самими управляемыми, то при этом возникла мысль, что ограничение власти вовсе не имеет того значения, какое ему приписывают, – что оно необходимо только при существовании таких правительств, которых интересы противоположны интересам управляемых, – что для свободы нужно не ограничение власти, а установление таких правителей, которые бы не могли иметь других интересов и другой воли, кроме интересов и воли народа, а при таких правителях народу не будет никакой надобности в ограничении власти, потому что ограничение власти было бы в таком случае охранением себя от своей собственной воли: не будет же народ тиранить сам себя. Полагали, что, имея правителей, которые перед ним ответственны и которых он может сменять по своему усмотрению, он может доверить им власть без всякого ограничения, так как эта власть будет в таком случае не что иное, как его же собственная власть, только известным образом концентрированная ради удобства. ‹…›

‹…› Мнение, что будто народ не имеет никакой надобности ограничивать свою собственную власть над самим собой, – такое мнение могло казаться аксиомой, пока народное правление существовало только как мечта или как предание давно минувших дней. ‹…› Но когда образовалась обширная демократическая республика и заняла место в международной семье как один из самых могущественных ее членов, тогда избирательное и ответственное правительство стало предметом наблюдения и критики, как это бывает со всяким великим фактом. Тогда заметили, что подобные фразы, как «самоуправление» и «власть народа над самим собой», не совсем точны. Народ, облеченный властию, не всегда представляет тождество с народом, подчиненным этой власти, и так называемое самоуправление не есть такое правление, где бы каждый управлял сам собою, а такое, где каждый управляется всеми остальными. Кроме того, воля народа на самом деле есть не что иное, как воля наиболее многочисленной или наиболее деятельной части народа, т. е. воля большинства или тех, кто успевает заставить себя признать за большинство, – следовательно, народная власть может иметь побуждения угнетать часть народа, и поэтому против ее злоупотреблений также необходимы меры, как и против злоупотреблений всякой другой власти. Стало быть, ограничение правительственной

власти над индивидуумом не утрачивает своего значения и в том случае, когда облеченные властию ответственны перед народом, т. е. перед большинством народа. ‹…›

Но мыслящие люди сознают, что когда само общество, т. е. общество коллективное, становится тираном по отношению к отдельным индивидуумам, его составляющим, то средства его к тирании не ограничиваются теми только средствами, какие может иметь правительственная власть. Общество может приводить и приводит само в исполнение свои собственные постановления, и если оно делает постановление неправильное или такое, посредством которого вмешивается в то, во что не должно вмешиваться, тогда в этом случае тирания его страшнее всевозможных политических тираний, потому что хотя она и не опирается на какие-нибудь крайние уголовные меры, но спастись от нее гораздо труднее, – она глубже проникает во все подробности частной жизни и кабалит самую душу.

Вот почему недостаточно иметь охрану только от правительственной тирании, но необходимо иметь охрану и от тирании господствующего в обществе мнения или чувства, – от свойственного обществу тяготения хотя и не уголовными мерами насильно навязывать свои идеи и свои правила тем индивидуумам, которые с ним расходятся в своих понятиях, – от его наклонности не только прекращать всякое развитие таких индивидуальностей, которые не гармонируют с господствующим направлением, но если возможно, то и предупреждать их образование и вообще сглаживать все индивидуальные особенности, вынуждая индивидуумов сообразовать их характеры с известными образцами. Есть граница, далее которой общественное мнение не может законно вмешиваться в индивидуальную независимость; надо установить эту границу, надо охранить ее от нарушений, – это так же необходимо, как необходима охрана от политического деспотизма. ‹…›

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы установить тот принцип, на котором должны основываться отношения общества к индивидууму. ‹…› Никто не имеет права принуждать индивидуума что-либо делать или что-либо не делать на том основании, что от этого ему самому было бы лучше или что от этого он сделался бы счастливее, или, наконец, на том основании, что, по мнению других людей, поступить известным образом было бы благороднее и даже похвальнее. Все это может служить достаточным основанием для того, чтобы поучать индивидуума, уговаривать, усовещивать, убеждать его, но никак не для того, чтобы принуждать его или делать ему какое-нибудь возмездие за то, что он поступил не так, как того желали. Только

в том случае дозволительно подобное вмешательство, если действия индивидуума причиняют вред кому-либо. Власть общества над индивидуумом не должна простираться далее того, насколько действия индивидуума касаются других людей; в тех же своих действиях, которые касаются только его самого, индивидуум должен быть абсолютно независимым над самим собою, – над своим телом и духом он неограниченный господин.

Едва ли есть надобность оговаривать, что под индивидуумом я разумею в этом случае человека, который находится в полном обладании своих способностей, и что высказанный мною принцип не применим, конечно, к детям и малолетним и вообще к таким людям, которые по своему положению требуют, чтобы о них заботились другие люди и охраняли их не только от того зла, какое могут им сделать другие, но и от того, какое они могут сделать сами себе. По тем же причинам мы должны считать этот принцип равно неприменимым и к обществам, находящимся в таком состоянии, которое справедливо может быть названо состоянием младенческим. В этом младенческом состоянии обществ обыкновенно встречаются столь великие препятствия для прогресса, что едва ли и может быть речь о предпочтении тех или других средств к их преодолению, и в этом случае достижение прогресса может оправдывать со стороны правителя такие действия, которые не согласны с требованиями свободы, потому что в противном случае всякий прогресс, может быть, был бы совершенно недостижим. Деспотизм может быть оправдан, когда идет дело о народах варварских и когда при этом его действия имеют целью прогресс и на самом деле приводят к прогрессу. Свобода неприменима как принцип при таком порядке вещей, когда люди еще не способны к саморазвитию путем свободы. ‹…› Но как скоро люди достигают такого состояния, что становятся способны развиваться через свободу (а такого состояния давно уже достигли все народы, которых может касаться наше исследование), тогда всякое принуждение, прямое или косвенное, посредством преследования или кары, может быть оправдано только как необходимое средство, чтобы оградить других людей от вредных действий индивидуума, но не как средство сделать добро самому тому индивидууму, которого свобода нарушается этим принуждением.

‹…› Индивидуум может быть справедливо принуждаем совершать некоторые положительные действия ради пользы других людей, так, например, – свидетельствовать в суде, принимать известную долю участия в общей защите или в каком-либо общем деле, необходимом для интересов того общества, покровительством которого он пользуется, совершать некоторые

добрые дела, например, в некоторых случаях спасти жизнь своего ближнего или оказать покровительство беззащитному против злоупотреблений сильного – все это такого рода действия, которые индивидуум обязан совершать и за несовершение которых он может быть совершенно правильно подвергнут ответственности перед обществом. Человек может вредить другим не только своими действиями, но также и своим бездействием: в обоих случаях он ответствен в причиненном зле, но только привлечение к ответу в последнем случае требует большей осмотрительности, чем в первом. Делать человека ответственным за то, что он причинил зло, – это есть общее правило; делать же его ответственным за то, что он не устранил зла, это уже не правило, а, говоря сравнительно, только исключение. Но много таких случаев, которые по своей очевидности и по своей важности совершенно оправдывают подобное исключение. Во всем, что так или иначе касается других людей, индивидуум de jure ответствен или прямо перед теми, чьи интересы затронуты, или же перед обществом, как их охранителем. ‹…›

Но в жизни человека есть такая сфера, которая не имеет никакого отношения к интересам общества или, по крайней мере, не имеет никакого непосредственного к ним отношения: сюда принадлежит вся та сторона человеческой жизни и деятельности, которая касается только самого индивидуума, а если и касается других людей, то не иначе как вследствие их совершенно сознательного на то согласия или желания. ‹…› та сфера человеческой жизни, которая имеет непосредственное отношение только к самому индивидууму, и есть сфера индивидуальной свободы. Сюда принадлежит, во-первых, свобода совести в самом обширном смысле этого слова, абсолютная свобода мысли, чувства, мнения касательно всех возможных предметов, и практических, и спекулятивных, и научных, и нравственных, и теологических. С первого взгляда может показаться, что свобода выражать и опубликовывать свои мысли должна подлежать совершенно иным условиям, так как она принадлежит к той сфере индивидуальной деятельности, которая касается других людей; но на самом деле она имеет для индивидуума почти совершенно такое же значение, как и свобода мысли, и в действительности неразрывно с нею связана. Во-вторых, сюда принадлежит свобода выбора и преследования той или другой цели, свобода устраивать свою жизнь сообразно со своим личным характером, по своему личному усмотрению, к каким бы это ни вело последствиям для меня лично, и если я не делаю вреда другим людям, то люди не имеют основания вмешиваться в то, что я делаю, как бы мои действия ни казались им глупыми,

предосудительными, безрассудными. Отсюда вытекает третий вид индивидуальной свободы, подлежащий тому же ограничению, – свобода действовать сообща с другими индивидуумами, соединяться с ними для достижения какой-либо цели, которая не вредна другим людям; при этом предполагается, конечно, что к действию сообща привлекаются люди совершеннолетние, и притом не обманом и не насилием.

Не свободно то общество, бы ни была его форма правления, в котором индивидуум не имеет свободы мысли и слова, свободы жить как хочет, свободы ассоциаций, – и только то общество свободно, в котором все эти виды индивидуальной свободы существуют абсолютно и безразлично одинаково для всех его членов. ‹…› Каждый индивидуум есть лучший сам для себя охранитель своего здоровья, как физического, так и умственного и духовного. Предоставляя каждому жить так, как он признает за лучшее, человечество вообще гораздо более выигрывает, чем принуждая каждого жить так, как признают за лучшее другие.

То, что я высказал, не заключает в себе ничего нового и может даже показаться совершенным трюизмом, а между тем едва ли какая другая доктрина представляет более резкое противоречие с тем общим направлением, какое мы вообще встречаем как во мнениях, так и в практике. Общества обыкновенно с неменьшим рвением заботились (сообразно степени своего развития) о подчинении индивидуумов своим понятиям о личном благе, как и о благе общественном. ‹…›

Не только в доктринах мыслящих индивидуумов, но и вообще в людях заметна возрастающая склонность к расширению господства общества над индивидуумом как через общественное мнение, так и через посредство закона далее должных пределов; и так как все изменения, совершающиеся в существующих порядках, обнаруживают тяготение к усилению общества и к ослаблению индивидуума, то чрезмерное увеличение власти общества над индивидуумом представляется нам не таким злом, которое обещало бы со временем прекратиться само собою, а, напротив, это такое зло, которое все более и более растет. Та наклонность, которую мы замечаем и не только в правителях по отношению к управляемым, но и вообще в гражданах по отношению к их согражданам, наклонность навязывать другим свои мнения и вкусы, находит себе столь энергическую поддержку как в некоторых самых лучших, так и в некоторых самых худших чувствах, свойственных человеческой природе, что едва ли ее что-либо сдерживает, кроме недостатка средств. А так как средства к порабощению индивидуума не только не уменьшаются, но, напротив, все более и более растут, то мы

должны ожидать, что при таких условиях господство общества над индивидуумом будет все более и более увеличиваться, если только это зло не встретит для себя сильной преграды в твердом нравственном убеждении.

Л. ФОН МИЗЕС ЛИБЕРАЛИЗМ В КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ [43]

Мизес Людвиг фон (1881—1973), австрийский и американский экономист. Родился во Львове (принадлежавшем тогда Австро-Венгрии). Окончил Венский университет (1906), профессор того же университета (1913—1938). После аншлюса Австрии гитлеровской Германией Мизес (по расистским законам рейха – еврей) бежал в Швейцарию. В 1938—1940 гг. жил и работал в Швейцарии. В 1940 г. переехал в США, с 1945 г. профессор Нью-Йоркского университета.

Книга «Либерализм в классической традиции» впервые была издана в 1927 г. Она стала первым и, как оказалось, весьма удачным опытом систематического изложения либеральной доктрины. Именно в этом качестве книга Мизеса переиздается по сей день.

ВВЕДЕНИЕ

1. ЛИБЕРАЛИЗМ

Философы, социологи и экономисты XVIII и начала XIX столетий сформулировали политическую программу, которая легла в основу социальной политики сначала в Англии и Соединенных Штатах, затем на европейском континенте и, наконец, в других частях населенного мира. Полностью эта программа не была осуществлена нигде. Даже в Англии, которую называли родиной и образцом либерализма, сторонники либеральной политики так и не смогли осуществить всех своих требований. В одних странах принимались лишь отдельные части либеральной программы, тогда как в других – не менее важные части либо изначально отвергались, либо были отброшены через непродолжительное время.

Лишь с большим преувеличением можно сказать, что мир когда-либо жил в эпоху либерализма. Либерализму нигде не позволили воплотиться полностью. Тем не менее каким бы кратким и одновременно ограниченным ни было преобладание либеральных идей, его хватило на то, чтобы изменить облик

мира. Произошло впечатляющее экономическое развитие. Освобождение производительных сил человека умножило средства существования. В канун первой мировой войны (сама эта война была результатом долгой и острой борьбы против либерального духа, и разразилась она в период еще более жестоких нападок на принципы либерализма) мир был несравнимо более густо населен, чем когда-либо ранее, но каждый человек мог жить несравнимо лучше, чем это было возможно в прежние века.

Процветание, созданное либерализмом, значительно сократило детскую смертность – страшное бедствие ранних эпох – и в результате улучшения условий жизни увеличило среднюю продолжительность самой жизни. Не только избранный класс привилегированных людей наслаждался процветанием. В канун первой мировой войны рабочий в промышленных странах Европы, в Соединенных Штатах и в английских заокеанских владениях жил лучше и разнообразнее, чем незадолго до этого – дворянин. Он не только мог есть и пить в соответствии со своими желаниями – он мог дать своим детям лучшее образование.

Рабочий мог, если хотел, участвовать в интеллектуальной и культурной жизни своей страны; и, если он обладал достаточным талантом и энергией, то без особых трудностей мог повысить свое социальное положение. Именно в тех странах, которые пошли дальше других в реализации либеральной программы, вершину социальной пирамиды составляли в основном не те, кто с рождения наслаждался привилегированным положением благодаря богатству или высокому титулу своих родителей, а те, кто при благоприятных условиях выбрался из стесненных обстоятельств, прокладывая дорогу собственным трудом. Барьеры, в прежние века отделявшие господ от рабов, рухнули. Существовали только граждане с равными правами. Никому не препятствовали и никого не преследовали за национальность, взгляды, веру. Прекратились внутренние политические и религиозные гонения, и войны между народами стали происходить реже. Оптимисты уже провозглашали начало эры вечного мира.

Но события развернулись иначе. В XIX веке появились сильные и яростные противники либерализма. Им удалось разрушить огромную часть либеральных завоеваний. Сегодня мир не хочет больше слышать о либерализме. ‹…› Сегодня политическая власть повсеместно находится в руках антилиберальных партий. Программа антилиберализма развязала силы, которые начали великую мировую войну, и, потребовав импортных и экспортных квот, тарифов, миграционных барьеров

и других подобных мер, эти силы подвели народы мира к взаимной изоляции. Внутри каждой нации программа повлекла за собой социалистические эксперименты, результатом которых стало снижение производительности труда и сопутствующий рост бедности и нищеты. ‹…›

Тот, кто хочет знать, что представляет собой либерализм и каковы его цели, не может просто обратиться к истории за фактами и выяснить, за что выступали либеральные политики и чего они реально добились. Либерализму нигде не удалось выполнить свою программу так, как она была задумана. ‹…›

2. МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

Либерализм – система взглядов на поведение людей в этом мире. В конечном счете либерализм не имеет никакой иной цели, кроме как повышение материального благосостояния людей, и не касается их внутренних, духовных и метафизических потребностей. Он не обещает людям счастья и умиротворения, а лишь максимально полное удовлетворение тех желаний, которые могут быть осуществлены за счет взаимодействия с предметами материального мира.

Либерализм часто упрекали в чисто внешнем и материалистическом отношении к земному и преходящему. Жизнь человека, как говорится, состоит не только из еды и питья. Существуют более высокие и важные потребности, чем пища и вода, кров и одежда. Даже величайшие земные богатства не могут дать человеку счастья: они не затрагивают его внутреннего «я», оставляя душу неудовлетворенной и пустой. Самая серьезная ошибка либерализма состояла в том, что он ничего не мог предложить более глубоким и благородным чаяниям человека.

> **Народу нужны не отвлеченные идеи, а прописные истины.**
>
> ***Антуан де Ривароль***

Но критики, высказывающиеся в таком духе, лишь демонстрируют свое неправильное и материалистическое понимание этих высших и благородных потребностей. Имеющимися средствами социальной политики можно сделать людей богатыми или бедными, но нельзя сделать их счастливыми или ответить их сокровенным стремлениям. И никакие внешние средства не приносят здесь успеха. Единственное, что может сделать социальная политика, так это уничтожить внешние

причины боли и страдания. Она может развивать систему, которая дает пищу голодным, одежду – раздетым и жилье – бездомным. Счастье и удовлетворение зависят не от еды, одежды и жилья, а, помимо всего прочего, от того, что человек лелеет внутри себя. Не от пренебрежения к духовным благам либерализм занят исключительно материальным благополучием человека, а от убеждения, что самое высокое и глубокое в человеке не может быть затронуто никаким внешним регулированием. Он пытается обеспечить только внешнее благополучие, потому что знает, что внутренние, духовные богатства могут прийти к человеку не извне, а лишь из глубины его собственного сердца. Он не имеет целью создать что-либо иное, кроме внешних предпосылок развития внутренней жизни. И нет никакого сомнения в том, что относительно процветающий человек XX столетия может скорее удовлетворить свои духовные потребности, чем, скажем, живший в X веке и пребывавший в постоянной тревоге о хлебе насущном – чтобы просто не умереть с голоду, и за жизнь – из-за постоянно угрожавших опасностей и врагов.

Конечно, тем, кто, подобно последователям многих азиатских и средневековых христианских сект, принимает доктрину полного аскетизма и считает идеалом человеческой жизни нищету и свободу птиц в лесу и рыб в море, мы ничего не сможем ответить, когда они упрекают либерализм в сугубо материалистическом подходе. Мы можем только попросить их дать нам возможность спокойно идти своей дорогой, так же как мы не мешаем им попадать на небеса своим путем. Пусть себе мирно пребывают в кельях, вдали от людей и мира.

Подавляющее большинство наших современников не может даже воспринять аскетического идеала. Но если уж отрицать принцип аскетического образа жизни, то нельзя упрекать либерализм за его нацеленность на благополучие внешнее.

3. РАЦИОНАЛИЗМ

Либерализм, кроме того, обычно упрекают в рационализме. Он стремится регулировать все с помощью разума и, следовательно, не может смириться с тем, что в делах человека огромное место есть и должно быть занято чувствами и вообще иррациональным – т. е. тем, что разумным не является. Либерализм никоим образом не отрицает того, что люди порой поступают неразумно. Если бы человек всегда действовал разумно, не было бы нужды призывать его руководствоваться

разумом. Либерализм не утверждает, что люди всегда поступают разумно, скорее что им следовало бы в своих собственных правильно понятых интересах всегда поступать обдуманно. Суть либерализма состоит в стремлении к тому, чтобы в сфере социальной политики так же признавался здравый смысл, как он без всяких возражений признается в других сферах человеческой деятельности. Если кто-то, услышав от доктора рекомендацию вести разумный – т. е. здоровый – образ жизни, ответил бы: «Я знаю, что Ваш совет разумен, однако мои чувства запрещают мне ему последовать. Я хочу делать то, что вредно для моего здоровья, несмотря на неразумность этих действий», то вряд ли его поведение будет нуждаться в комментариях. Что бы мы ни предпринимали для достижения поставленных самим себе целей, мы стараемся делать это разумно. Человек, который хочет перейти железнодорожные пути, не выберет для этого момент, когда мимо проходит поезд. Человек, который хочет пришить пуговицу, будет стараться не уколоть палец иголкой. В каждой сфере практической деятельности человек развил такие приемы или технологию, которые предписывают, как следует поступать, если вы хотите вести себя разумно. Совершенно ясно, что человеку желательно овладеть приемами, которыми он может пользоваться в жизни. А тот, кто забирается в сферы, где он не владеет приемами, тот плохой работник и заслуживает порицания. Только в сфере социальной политики считается, что должно быть иначе. Здесь должен решать не разум, а чувства и импульсы. Вопрос, как устроить так, чтобы в темное время суток было хорошее освещение, обычно обсуждается только с помощью разумных доводов. Однако как только обсуждение доходит до того пункта, когда предстоит решить, должен ли завод, производящий освещение, управляться частными лицами или муниципалитетом, разумные доводы в расчет уже не принимаются. Здесь чувство, общественное мнение – короче, не разум – должны определять результат. Мы тщетно спрашиваем: почему?

Организация человеческого общества по образцу, наиболее подходящему для достижения предполагаемых результатов, является делом весьма прозаичным и скучным, как, скажем, постройка железной дороги или производство одежды или мебели. Национальные и правительственные дела действительно более важны, чем все остальные практические вопросы человеческой деятельности, поскольку общественный строй представляет фундамент всего остального и для каждого человека успех в достижении собственных целей возможен только в обществе, благоприятствующем их осуществлению. Но как ни

возвышенна может быть сфера, в которой находятся политические и социальные вопросы, она все же охватывает проблемы, подлежащие контролю, и, следовательно, эти проблемы следует рассматривать в соответствии с канонами разумного. В таких проблемах, не меньше чем во всех наших мирских делах, мистицизм является только злом. Возможности нашего понимания весьма ограниченны. Мы не можем надеяться когда-либо постичь тайны Вселенной. Но факт того, что мы никогда не сможем понять смысла и цели нашего существования, не мешает принимать меры предосторожности, чтобы избежать инфекционных заболеваний или использовать подходящие средства лечения, прокормить и одеть себя. Точно так же он не должен удерживать нас от организации общества таким образом, чтобы те земные цели, за которые мы боремся, могли быть достигнуты наиболее эффективным способом. Даже государство и судебная система, правительство и его администрация не настолько возвышенны, хороши и грандиозны, чтобы мы не включили их в область рационального размышления. Проблемы социальной политики – это проблемы социальной технологии, и их решение следует искать теми же путями и теми же средствами, которые мы используем при решении других технических проблем: с помощью рационального размышления и исследования конкретных условий. Всем, что есть человек, и всем, что возвышает его над животными, он обязан своему разуму. Почему он должен отказываться от разума именно в сфере социальной политики и доверяться неопределенным и смутным чувствам и импульсам?

4. ЦЕЛЬ ЛИБЕРАЛИЗМА

Существует распространенное мнение, будто либерализм отличается от других политических движений тем, что он ставит интересы части общества – имущих классов, капиталистов и предпринимателей – выше интересов других классов. Это утверждение абсолютно ошибочно. Либерализм всегда исходил из блага для всех людей, а не для какой-либо особой группы. Именно это пытались выразить английские утилитаристы – хотя, по правде говоря, не совсем точно – в известной формуле: «Величайшее счастье для величайшего числа».

Исторически либерализм был первым политическим движением, которое нацелено на рост благополучия всех людей, а не особых групп. Либерализм отличается от социализма – который также призывает к борьбе за лучшую участь для всех – не

целью, а средствами достижения этой цели. Утверждение, что следствием либеральной политики является или должно считаться покровительство особым интересам определенного слоя общества, вызывает также вопрос, подлежащий обсуждению. Одна из задач настоящей работы – показать, что такой упрек ни в коей мере не оправдан. Но того, кто его выдвигает, нельзя изначально обвинять в несправедливости. И хотя мы считаем его мнение неправильным, оно вполне может быть вызвано лучшими побуждениями. В любом случае тот, кто нападает на либерализм таким образом, считает, что его намерения бескорыстны и он желает именно того, о чем говорит. Совершенно иначе поступают те критики либерализма, которые упрекают его в желании содействовать не общему благополучию, а только особым интересам определенных классов. Такие критики и несправедливы, и невежественны. Выбирая такой способ нападения, они показывают, что прекрасно знают слабость своей позиции. Они пользуются отравленным оружием, потому что иначе не могут рассчитывать на успех. Если доктор убеждает пациента, который просит пищу, вредную для здоровья, в порочности его желания, ни у кого не хватит глупости сказать: «Доктор не заботится о благе пациента. Тот, кто желает пациенту добра, не должен лишать его удовольствия насладиться такой изысканной пищей». Каждый поймет, что доктор советует пациенту отказаться от удовольствия, которое приносит вкусная, но вредная пища, единственно с целью избежать ущерба здоровью. Но как только дело касается социальной политики, все склонны относиться к этому совершенно иначе. Когда либерал предостерегает против определенных популистских мер, так как знает об их вредных последствиях, его считают врагом народа, а похвала достается демагогу, который, невзирая на будущий вред, рекомендует то, что кажется на данный момент целесообразным. Разумное действие отличается от неразумного тем, что оно предусматривает временные жертвы. На самом деле эти жертвы кажущиеся, так как с лихвой компенсируются благоприятными результатами, которые будут получены позже. Человек, избегающий вкусной, но нездоровой пищи, несет лишь временную и кажущуюся жертву. Результат – отсутствие вреда здоровью – показывает, что он не потерял, а выиграл. Такое поведение, однако, требует предвидения последствий. Демагог извлекает выгоду из этого факта. Он выступает против либерала, который требует временных и всего лишь кажущихся жертв, и объявляет его жестокосердным врагом народа, провозглашая между тем себя другом человечества. Поддерживая меры, которые он считает правильными, он прекрасно знает, как тронуть сердца

слушателей и вызвать слезы рассказами о бедности и нищете.

Антилиберальная политика – это политика «проедания» капитала. Она рекомендует изобилие в настоящем обеспечить за счет будущего. Это в точности тот же случай, что и с нашим пациентом. В обоих примерах относительно тяжелые невзгоды в будущем являются неизбежной платой за относительно полное моментное наслаждение. Говорить в данном случае, что это вопрос жестокосердия или филантропии, просто нечестно и неверно. И не только обычные действия политиков и прессы антилиберальных партий заслуживают такого упрека. Почти все авторы школы Sozialpolitik (социальной политики) извлекли пользу из этого закулисного метода ведения борьбы. То, что в мире существуют бедность и нищета, не является, как склонен верить по своей бестолковости средний читатель газет, аргументом против либерализма. Как раз бедность и нищету либерализм и стремится уничто-жить, считая предлагаемые им для этого меры единственно подходящими. Пусть тот, кто знает лучшие или просто иные средства для достижения этой цели, приведет этому доказательство. Утверждение, что либералы не борются за благо для всех членов общества, а лишь для особых групп, никоим образом не заменяет такого доказательства. Тот факт, что существуют бедность и нищета, не стал бы аргументом против либерализма, даже если бы мир сегодня следовал либеральной политике. Всегда оставался бы открытым вопрос, не было бы еще большей бедности и нищеты, если бы доминирующей была другая политика. Наблюдая все те способы, которыми сегодня в каждой части света с помощью антилиберальной политики создаются ограничения и препятствия институту частной собственности, очевидно, совершенно абсурдно пытаться делать какие-либо выводы относительно неправильности либеральных принципов лишь на том основании, что экономические условия в настоящем не совсем такие, как хотелось бы. Для того чтобы оценить, чего достигли либерализм и капитализм, следует сравнить условия, какие мы имеем сейчас, с теми, какие были в средние века и в первые столетия современной эры. То, чего могли бы достичь либерализм и капитализм, если бы их не ограничивали, можно вывести только из теоретических рассуждений.

СОЦИАЛИЗМ (СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ)

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС. МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ [44]

Маркс Карл (1818—1883) – немецкий ученый и революционер. Марксу принадлежит разработка материалистической концепции истории, которая подчеркивала решающее значение экономической сферы в жизни общества. Из философского и экономического учения марксизма вытекают особенности его политической теории. Стержнем марксистского понимания политики выступает учение о классовой борьбе.

Энгельс Фридрих (1820—1895) – немецкий ученый и революционер, друг и соратник К. Маркса.

«Манифест Коммунистической партии» написан Марксом и Энгельсом по поручению Союза коммунистов и впервые опубликован (под названием «Коммунистический манифест») в 1847 г.

Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские… ‹…› Два вывода вытекают из этого факта. ‹…› Коммунизм признается уже силой всеми европейскими силами. ‹…› Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии.

I. БУРЖУА И ПРОЛЕТАРИИ [45]

История всех до сих пор существовавших обществ[46] была историей борьбы классов.

Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер[47] и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов.

В предшествующие исторические эпохи мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, – целую лестницу различных общественных положений. В Древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев, рабов;

в средние века – феодальных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных, и к тому же почти в каждом из этих классов – еще особые градации.

Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых.

Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса – буржуазию и пролетариат.

Из крепостных средневековья вышло свободное население первых городов; из этого сословия горожан развились первые элементы буржуазии.

Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало для подымающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента.

Прежняя феодальная, или цеховая, организация промышленности более не могла удовлетворить спроса, возраставшего вместе с новыми рынками. Место ее заняла мануфактура. Цеховые мастера были вытеснены промышленным средним сословием; разделение труда между различными корпорациями исчезло, уступив место разделению труда внутри отдельной мастерской.

Но рынки все росли, спрос все увеличивался. Удовлетворить его не могла уже и мануфактура. Тогда пар и машина произвели революцию в промышленности. Место мануфактуры заняла современная крупная промышленность, место промышленного среднего сословия заняли миллионеры-промышленники, предводители целых промышленных армий, современные буржуа.

Крупная промышленность создала всемирный рынок, подготовленный открытием Америки. Всемирный рынок вызвал колоссальное развитие торговли, мореплавания и средств сухопутного сообщения. Это в свою очередь оказало воздействие на расширение промышленности, и в той же мере, в какой росли промышленность, торговля, мореплавание, железные дороги, развивалась буржуазия, она увеличивала свои капиталы и оттесняла на задний план все классы, унаследованные от

средневековья.

Мы видим, таким образом, что современная буржуазия сама является продуктом длительного процесса развития, ряда переворотов в способе производства и обмена.

Каждая из этих ступеней развития буржуазии сопровождалась соответствующим политическим успехом. Угнетенное сословие при господстве феодалов, вооруженная и самоуправляющаяся ассоциация в коммуне[48], тут – независимая городская республика, там – третье, податное сословие монархии[49], затем, в период мануфактуры, – противовес дворянству в сословной или в абсолютной монархии и главная основа крупных монархий вообще, наконец, со времени установления крупной промышленности и всемирного рынка, она завоевала себе исключительное политическое господство в современном представительном государстве. Современная государственная власть – это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии.

Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль.

Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой.

Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников.

Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям.

Буржуазия показала, что грубое проявление силы в средние века, вызывающее такое восхищение у реакционеров, находило

себе естественное дополнение в лени и неподвижности. Она впервые показала, чего может достигнуть человеческая деятельность. Она создала чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы; она совершила совсем иные походы, чем переселение народов и крестовые походы.

Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было сохранение старого способа производства в неизменном виде. Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения.

Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи.

Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций, – отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. Вместо старых потребностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и самых различных климатов. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству.

Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература.

Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации. Дешевые цены ее товаров – вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т. е. становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию.

Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни. Так же, как деревню она сделала зависимой от города, так варварские и полуварварские страны она поставила в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы – от буржуазных народов, Восток – от Запада.

Буржуазия все более и более уничтожает раздробленность средств производства, собственности и населения. Она сгустила население, централизовала средства производства, концентрировала собственность в руках немногих. Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами, оказались сплоченными в *одну* нацию, с одним правительством, с *одним,* законодательством, с *одним* национальным классовым интересом, с *одной* таможенной границей.

Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, – какое из прежних столетий могло подозревать, что

такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!

Итак, мы видели, что средства производства и обмена, на основе которых сложилась буржуазия, были созданы в феодальном обществе. На известной ступени развития этих средств производства и обмена отношения, в которых происходили производство и обмен феодального общества, феодальная организация земледелия и промышленности, одним словом, феодальные отношения собственности, уже перестали соответствовать развившимся производительным силам. Они тормозили производство, вместо того чтобы его развивать. Они превратились в его оковы. Их необходимо было разбить, и они были разбиты.

Место их заняла свободная конкуренция, с соответствующим ей общественным и политическим строем, с экономическим и политическим господством класса буржуазии.

Подобное же движение совершается на наших глазах. Современное буржуазное общество, с его буржуазными отношениями производства и обмена, буржуазными отношениями собственности, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями. Вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собой лишь историю возмущения современных производительных сил против современных производственных отношений, против тех отношений собственности, которые являются условием существования буржуазии и ее господства. Достаточно указать на торговые кризисы, которые, возвращаясь периодически, все более и более грозно ставят под вопрос существование всего буржуазного общества. Во время торговых кризисов каждый раз уничтожается значительная часть не только изготовленных продуктов, но даже созданных уже производительных сил. Во время кризисов разражается общественная эпидемия, которая всем предшествующим эпохам показалась бы нелепостью, – эпидемия перепроизводства. Общество оказывается вдруг отброшенным назад к состоянию внезапно наступившего варварства, как будто голод, всеобщая опустошительная война лишили его всех жизненных средств; кажется, что промышленность, торговля уничтожены, – и почему? Потому, что общество обладает слишком большой цивилизацией, имеет слишком много жизненных средств, располагает слишком большой промышленностью и торговлей. Производительные силы, находящиеся в его распоряжении, не служат более

развитию буржуазных отношений собственности; напротив, они стали непомерно велики для этих отношений, буржуазные отношения задерживают их развитие; и когда производительные силы начинают преодолевать эти преграды, они приводят в расстройство все буржуазное общество, ставят под угрозу существование буржуазной собственности. Буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство. Каким путем преодолевает буржуазия кризисы? С одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил, с другой стороны, путем завоевания новых рынков и более основательной эксплуатации старых. Чем же, следовательно? Тем, что она подготовляет более всесторонние и более сокрушительные кризисы и уменьшает средства противодействия им.

Оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии.

Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, – современных рабочих, пролетариев.

В той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т. е. капитал, развивается и пролетариат, класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят ее лишь до тех пор, пока их труд увеличивает капитал. Эти рабочие, вынужденные продавать себя поштучно, представляют собой такой же товар, как и всякий другой предмет торговли, а потому в равной мере подвержены всем случайностям конкуренции, всем колебаниям рынка.

Вследствие возрастающего применения машин и разделения труда, труд пролетариев утратил всякий самостоятельный характер, а вместе с тем и всякую привлекательность для рабочего. Рабочий становится простым придатком машины, от него требуются только самые простые, самые однообразные, легче всего усваиваемые приемы. Издержки на рабочего сводятся поэтому почти исключительно к жизненным средствам, необходимым для его содержания и продолжения его рода. Но цена всякого товара, а следовательно и труда, равна издержкам его производства. Поэтому в той же самой мере, в какой растет непривлекательность труда, уменьшается заработная плата. Больше того: в той же мере, в какой возрастает применение машин и разделение труда, возрастает и количество труда, за счет ли увеличения числа рабочих часов, или же вследствие увеличения количества труда, требуемого в каждый данный промежуток времени, ускорения хода машин и т. д.

Современная промышленность превратила маленькую

мастерскую патриархального мастера в крупную фабрику промышленного капиталиста. Массы рабочих, скученные на фабрике, организуются по-солдатски. Как рядовые промышленной армии, они ставятся под надзор целой иерархии унтер-офицеров и офицеров. Они – рабы не только класса буржуазии, буржуазного государства, ежедневно и ежечасно порабощает их машина, надсмотрщик и прежде всего сам отдельный буржуа-фабрикант. Эта деспотия тем мелочнее, ненавистнее, она тем больше ожесточает, чем откровеннее ее целью провозглашается нажива.

Чем менее искусства и силы требует ручной труд, т. е. чем более развивается современная промышленность, тем более мужской труд вытесняется женским и детским. По отношению к рабочему классу различия пола и возраста утрачивают всякое общественное значение. Существуют лишь рабочие инструменты, требующие различных издержек в зависимости от возраста и пола.

Когда заканчивается эксплуатация рабочего фабрикантом и рабочий получает, наконец, наличными свою заработную плату, на него набрасываются другие части буржуазии – домовладелец, лавочник, ростовщик и т. п.

Низшие слои среднего сословия: мелкие промышленники, мелкие торговцы и рантье, ремесленники и крестьяне – все эти классы опускаются в ряды пролетариата, частью оттого, что их маленького капитала недостаточно для ведения крупных промышленных предприятий и он не выдерживает конкуренции с более крупными капиталистами, частью потому, что их профессиональное мастерство обесценивается в результате введения новых методов производства. Так рекрутируется пролетариат из всех классов населения.

Пролетариат проходит различные ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается вместе с его существованием. Сначала борьбу ведут отдельные рабочие, потом рабочие одной фабрики, затем рабочие одной отрасли труда в одной местности против отдельного буржуа, который их непосредственно эксплуатирует. Рабочие направляют свои удары не только против буржуазных производственных отношений, но и против самих орудий производства; они уничтожают конкурирующие иностранные товары, разбивают машины, поджигают фабрики, силой пытаются восстановить потерянное положение средневекового рабочего.

На этой ступени рабочие образуют рассеянную по всей стране и раздробленную конкуренцией массу. Сплочение рабочих масс пока является еще не следствием их собственного объединения, а

лишь следствием объединения буржуазии, которая для достижения своих собственных политических целей должна, и пока еще может, приводить в движение весь пролетариат. На этой ступени пролетарии борются, следовательно, не со своими врагами, а с врагами своих врагов – с остатками абсолютной монархии, землевладельцами, непромышленными буржуа, мелкими буржуа. Все историческое движение сосредоточивается, таким образом, в руках буржуазии; каждая одержанная в таких условиях победа является победой буржуазии.

Но с развитием промышленности пролетариат не только возрастает численно; он скопляется в большие массы, сила его растет, и он все более ее ощущает. Интересы и условия жизни пролетариата все более и более уравниваются по мере того, как машины все более стирают различия между отдельными видами труда и почти всюду низводят заработную плату до одинаково низкого уровня. Возрастающая конкуренция буржуа между собою и вызываемые ею торговые кризисы ведут к тому, что заработная плата рабочих становится все неустойчивее; все быстрее развивающееся, непрерывное совершенствование машин делает жизненное положение пролетариев все менее обеспеченным; столкновения между отдельным рабочим и отдельным буржуа все более принимают характер столкновений между двумя классами. Рабочие начинают с того, что образуют коалиции против буржуа; они выступают сообща для защиты своей заработной платы. Они основывают даже постоянные ассоциации для того, чтобы обеспечить себя средствами на случай возможных столкновений. Местами борьба переходит в открытые восстания.

Рабочие время от времени побеждают, но эти победы лишь преходящи. Действительным результатом их борьбы является не непосредственный успех, а все шире распространяющееся объединение рабочих. Ему способствуют все растущие средства сообщения, создаваемые крупной промышленностью и устанавливающие связь между рабочими различных местностей. Лишь эта связь и требуется для того, чтобы централизовать многие местные очаги борьбы, носящей повсюду одинаковый характер, и слить их в одну национальную, классовую борьбу. А всякая классовая борьба есть борьба политическая. И объединение, для которого средневековым горожанам с их проселочными дорогами требовались столетия, достигается современными пролетариями, благодаря железным дорогам, в течение немногих лет.

Эта организация пролетариев в класс, и тем самым – в политическую партию, ежеминутно вновь разрушается конкуренцией между самими рабочими. Но она возникает снова и

снова, становясь каждый раз сильнее, крепче, могущественнее. Она заставляет признать отдельные интересы рабочих в законодательном порядке, используя для этого раздоры между отдельными слоями буржуазии. Например, закон о десятичасовом рабочем дне в Англии.

Вообще столкновения внутри старого общества во многих отношениях способствуют процессу развития пролетариата. Буржуазия ведет непрерывную борьбу: сначала против аристократии, позднее против тех частей самой же буржуазии, интересы которых приходят в противоречие с прогрессом промышленности, и постоянно – против буржуазии всех зарубежных стран. Во всех этих битвах она вынуждена обращаться к пролетариату, призывать его на помощь и вовлекать его таким образом в политическое движение. Она, следовательно, сама передает пролетариату элементы своего собственного образования, т. е. оружие против самой себя.

Далее, как мы видели, прогресс промышленности сталкивает в ряды пролетариата целые слои господствующего класса или, по крайней мере, ставит под угрозу условия их жизни. Они также приносят пролетариату большое количество элементов образования.

Наконец, в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри господствующего класса, внутри всего старого общества принимает такой бурный, такой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее. Вот почему, как прежде часть дворянства переходила к буржуазии, так теперь часть буржуазии переходит к пролетариату, именно – часть буржуаидеологов, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения.

Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт.

Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин – все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие

интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата.

Люмпен-пролетариат, этот пассивный продукт гниения самых низших слоев старого общества, местами вовлекается пролетарской революцией в движение, но в силу всего своего жизненного положения он гораздо более склонен продавать себя для реакционных козней.

Жизненные условия старого общества уже уничтожены в жизненных условиях пролетариата. У пролетария нет собственности; его отношение к жене и детям не имеет более ничего общего с буржуазными семейными отношениями; современный промышленный труд, современное иго капитала, одинаковое как в Англии, так и во Франции, как в Америке, так и в Германии, стерли с него всякий национальный характер. Законы, мораль, религия – все это для него не более как буржуазные предрассудки, за которыми скрываются буржуазные интересы.

Все прежние классы, завоевав себе господство, стремились упрочить уже приобретенное ими положение в жизни, подчиняя все общество условиям, обеспечивающим их способ присвоения. Пролетарии же могут завоевать общественные производительные силы, лишь уничтожив свой собственный нынешний способ присвоения, а тем самым и весь существовавший до сих пор способ присвоения в целом. У пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять, они должны разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность.

Все до сих пор происходившие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев, образующих официальное общество.

Если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной. Пролетариат каждой страны, конечно, должен сперва покончить со своей собственной буржуазией.

Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата, мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии.

Все доныне существовавшие общества основывались, как мы видели, на антагонизме между классами угнетающими и угнетенными. Но, чтобы возможно было угнетать какой-либо класс, необходимо обеспечить условия, при которых он мог бы влачить, по крайней мере, свое рабское существование. Крепостной в крепостном состоянии выбился до положения члена коммуны так же, как мелкий буржуа под ярмом феодального абсолютизма выбился до положения буржуа. Наоборот, современный рабочий с прогрессом промышленности не поднимается, а все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится паупером, и пауперизм растет еще быстрее, чем население и богатство. Это ясно показывает, что буржуазия неспособна оставаться долее господствующим классом общества и навязывать всему обществу условия существования своего класса в качестве регулирующего закона. Она неспособна господствовать, потому что неспособна обеспечить своему рабу даже рабского уровня существования, потому что вынуждена дать ему опуститься до такого положения, когда она сама должна его кормить, вместо того чтобы кормиться за его счет. Общество не может более жить под ее властью, т. е. ее жизнь несовместима более с обществом.

Основным условием существования и господства класса буржуазии является накопление богатства в руках частных лиц, образование и увеличение капитала. Условием существования капитала является наемный труд. Наемный труд держится исключительно на конкуренции рабочих между собой. Прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации. Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны.

В. БРАНДТ. ПРОГРАММНЫЕ ОСНОВЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА

Речь на 6-м земельном съезде берлинской организации СЛПГ 8 мая 1949 г.[50]

Брандт Вилли (настоящие имя и фамилия Герберт Карл Фрам)

(1913—1992), государственный деятель ФРГ, лидер международного социалистического движения. После окончания гимназии был сотрудником газеты в Любеке. В юношеские годы участвовал в социал-демократическом молодежном движении. В 1930 г. вступил в Социал-демократическую партию Германии. В 1933 г. эмигрировал в Норвегию, затем в Швецию (1940), где занимался журналистской деятельностью. В 1945 г. вернулся в Западную Германию. В 1948 г. правление Социал-демократической партии Западной Германии назначило его своим представителем в Западном Берлине. В 1958—1962 гг. председатель правления Социал-демократической партии Западного Берлина; в 1957—1966 гг. правящий бургомистр Западного Берлина. С 1964 г. председатель правления Социал-демократической партии. В декабре 1966 – октябре 1969 г. вице-канцлер и министр иностранных дел коалиционного правительства (ХДС – СДПГ), с октября 1969 по 1972 г. – федеральный канцлер коалиционного правительства (СДПГ – Св. ДП) ФРГ.

Программная речь В. Брандта, произнесенная в 1949 г., содержит решительное размежевание с коммунизмом и провозглашение целью воссоздаваемой СДПГ «демократического социализма».

Сквозь всю историю человечества красной нитью проходит освободительная борьба. Борьба за свободу в наше время ведется под знаком отстаивания человека перед лицом концентрации политической и экономической власти, которая ставит под вопрос существование нашей цивилизации. В центре системы представлений о переустройстве общественных, национальных и международных отношений, которое мы называем демократическим социализмом, находится человек. Ради человека стремимся мы найти ответы на центральные вопросы этой эпохи. Вот они: как заставить служить прогрессу, культуре, благосостоянию громадные достижения науки и техники? Каким образом добиться здоровой самостоятельной жизни для народов, приведя ее в новое соотношение с потребностями континентального и межконтинентального масштабов? И прежде всего: как найти синтез свободы и порядка, равновесие между неотъемлемыми ценностями личности и тенденцией к коллективизму, которая может быть ослаблена, но вряд ли устранима? ‹…›

Выяснение принципиальных вопросов возможно лишь путем определения содержания понятий. Иначе получается разговор глухих. Кажется, ничего нельзя поделать с тем, что некоторые люди находят удовольствие в том, чтобы мастерить пугала, навешивая на них табличку «Социализм». Они идут по стопам

тех, кто в прежние времена приписывал социал-демократам намерение коллективизировать жен и отобрать у крестьянина последнюю корову. Однако мы не хотим тратить время на полемику с очевидной злонамеренностью и сознательными апелляциями к людской глупости.

Нам пора также преодолеть ту стадию, когда определенные представления считались правильными уже потому, что их кто-то где-то написал. Пусть тот, кто хочет понять проблемы нашего времени, оставит дома сборники цитат и вместо этого погрузится в книгу живой жизни. ‹…›

‹…› без демократии и человечности нет социализма. ‹…› Мы знаем, что в прошлом существовали умозрительные социалистические системы, авторитарные и антиавторитарные, которые не были демократическими. Мы знаем также, что в наше время есть режимы, хотя и называющие себя социалистическими, но недостойные того, чтобы наше имя стояло в одном ряду с ними, не говоря уже об установлении с ними тождества. Поэтому мы говорим не просто о социализме, а о демократическом социализме. В нем соединяются идеи свободы, справедливости и равноправия. ‹…›

Программа представляет собой выражение целей в концентрированном виде. Речь может идти о ближайших целях, которые политическая партия намечает на период в несколько лет. В таком случае мы говорим о программе действий, которая может быть также представлена в качестве предвыборной программы. ‹…› Там, где речь идет не просто о представительстве интересов, устанавливается связь между краткосрочными и долгосрочными целями. Концентрированное изложение целей, выходящих за рамки ближайших лет, и их идейное обоснование мы называем Программой принципов, Основной программой.

Кстати, мы говорим о принципах, а не о догмах, не о положениях религиозного вероучения. Как правило, принципы основываются на этических представлениях и на данных науки. Последние меняются, так как сумма добытых знаний непрерывно возрастает. По этой причине бессмысленно пытаться составлять программу с претензией на научное совершенство. Уже на стадии разработки такая программа подвергалась бы опасности отстать от жизни. Под этим я вовсе не подразумеваю, что нам следовало бы отказаться от точной формулировки наших целей и принципов. ‹…›

Программная дискуссия, первую фазу которой мы переживаем, не даст быстрого результата и никогда не будет завершена окончательно. Независимо от этого наше движение располагает солидной базой совместных убеждений. В то же

время мы помним высказывание, которое вчера было девизом нашего заседания. Оно гласит: каждый шаг действительного движения дороже дюжины программ. ‹…› Нам нужны сформулированные принципы, с помощью которых мы можем ориентировать нашу текущую политику и вести идейную дискуссию в собственных рядах, которая, надеюсь, никогда не иссякнет. ‹…› Скажу в этой связи несколько слов привета в адрес всех молодых и новых членов в наших рядах: как бы ни изменились условия, каким бы чужим ни казался иногда язык, вы не должны отказываться от критического прочтения Коммунистического манифеста. ‹…›

‹…› в первой половине прошлого столетия у колыбели социалистического движения витали уничижительно называвшиеся «утопическими» (не всегда, правда, справедливо) представления о преодолении социальной несправедливости призывами к разуму и морали. Одновременно с этим развернулось первое стихийное рабочее движение против эксцессов промышленной революции. В ряде стран, в том числе в нашей, теории Маркса и Энгельса дали этому рабочему движению известную опору. Эти теории не открывали собой первую фазу социалистической мысли, не могли они быть и последней, но они стали играть роль решающего, постоянно действующего фактора. ‹…›

На первом плане в то время находились факт эксплуатации наемного рабочего, тенденция к поляризации общества, обостряющаяся классовая противоположность. Но абсолютным вздором являются бесцеремонные утверждения, будто Карл Маркс классовую борьбу изобрел. Напротив, он пытался указать пути к ее преодолению. Бессмысленны также попытки при помощи ссылок на ранний период рабочего движения сконструировать противоположность между социализмом и свободой. Уже в то время человек занимал центральное место в социалистической теории. Свобода личности и все остальное, что сегодня тоталитаристы попирают ногами, относится, так сказать, к социалистическому наследственному имуществу. ‹…›

Начиная с первых программ Маркса, Лассаля и Бебеля, мы имеем требование об устранении классовых привилегий и вообще всяческих привилегий. Продолжая эту линию, Гейдельбергская программа констатировала, что социал-демократия борется не только против угнетения наемных рабочих, но и против «эксплуатации и угнетения, направлены ли они против народа, класса, партии, пола или расы». ‹…›

Поэтому мы можем с гордостью ссылаться на исходные начала социалистического движения и меньше всего будем

поддаваться на попытки сбить нас с этого пути, которые предпринимаются теми, чьи дела и поступки находятся в вопиющем противоречии с учением и заповедями тех, на кого они бесцеремонным образом продолжают ссылаться. ‹…›

‹…› в политике закону изменения подвержены не только карта местности, но и до некоторой степени сам компас. Ничего нельзя выиграть, заменив один «изм» на другой. Дело не в левых или правых уклонах, а в движении вперед.

Гейдельбергская программа избрала в качестве исходного факт существования крупного капиталистического предприятия. И сейчас нам приходится заниматься им ‹…›, по-прежнему рассматривая его как решающую категорию. Но в свете опыта последних десятилетий еще важнее мне представляется политическая борьба с новейшими проявлениями государственного всевластия. Даже на экономическом уровне борьба между капиталом и трудом все больше испытывает на себе влияние новых форм государственного регулирования. Противоположность между различными классами этим не снимается. После войны именно в Германии мы пережили массированную классовую борьбу, исходящую сверху. Но мы должны отдавать себе отчет в том, что сопротивления на чисто классовой основе сегодня недостаточно. ‹…›

‹…› мы имеем дело с сильным, все возрастающим влиянием бюрократии в самом широком смысле этого слова. ‹…› все большую роль играет не только государственная, но и экономическая бюрократия – «менеджеры». Это результат все возрастающего расширения управленческих функций государства и все более усложняющихся процессов в сфере экономики. Пессимисты сделали из этого вывод, что нам осталось только выбирать между разномастными рабовладельческими государствами. Мы не согласны с таким выводом, но сознаем, что он выражает тенденцию, к которой нам придется отнестись серьезно. Простая борьба против бюрократии столь же бесполезна, что и движение луддитов. Управленческие и контрольные функции общественно необходимы. Нам надо следить за тем, чтобы они не превращались в функции господства. ‹…›

Развитие классов протекало по-иному, чем можно было предполагать сто лет назад. ‹…› Уже давно стало фактом, что вследствие технического развития собственно рабочий класс численно не увеличивается, а в процентном отношении даже уменьшается.

Столь же важное значение имеет и другое явление, а именно появление внутри рабочего класса различных категорий. Каждый

опытный профсоюзный деятель знает, что единство пролетарских интересов – это миф. ‹…› Но это ничего не меняет в том, что промышленный рабочий класс по-прежнему сохраняет центральное место в социальных процессах вследствие своего положения в процессе производства. В особой степени это относится к тем наиболее подготовленным и образованным слоям, которые отнюдь не считают, что им нечего терять, кроме своих цепей. Конечно, мы все еще хорошо помним, как быстро можно потерять моторную лодку и сберкнижку, но мы знаем также, что причиной их утраты явилась национальная катастрофа, которая не выбирала своих жертв по классовой принадлежности. ‹…›

Городские средние слои, несмотря на периодически повторяющиеся сокращения определенных групп, удивительным образом упрочили свое положение. ‹…›

Ни по отношению к старым средним слоям, ни по отношению к новым, к которым в первую очередь нужно будет причислять растущие в численном отношении и приобретающие все большее значение профессиональные группы работников умственного труда, социалистическое движение не может проявлять равнодушие. ‹…› Демократический социализм должен быть программой рабочих, служащих и чиновников, представителей умственного труда, средних слоев и крестьянства, а также тех, кто, несмотря на свое происхождение и имущественное положение, способен противопоставить тоталитарной опасности позитивную альтернативу. ‹…›

‹…› нет ничего нового в констатации того, что демократический социализм выдвигает не только классовую, но и общечеловеческую цель. ‹…› Мы исходим из общности интересов преобладающего большинства по крупным вопросам, поэтому было бы противоестественным наклеивать на демократический социализм ярлык узкого классового движения. Уже давно он перерос классовые рамки, и у него есть будущее лишь в том случае, если он станет народным движением.

Партия демократического социализма будет оставаться партией трудящегося народа. Она не может быть «народной партией» в смысле расплывчатых интересов и неясных целеустановок. Но она должна будет действовать в духе народных интересов как истинно национальная партия общественного спасения через преобразования. ‹…›

Насколько изменилась действительность, с которой нам приходится иметь дело, мы видим прежде всего в области экономики. В ряде стран капиталистическое общество в результате развития пришло к тому, что 100 или 50 лет назад

никто не назвал бы капитализмом. ‹…›

Благодаря политике государственной борьбы с кризисами, которая проводится с начала 30-х годов в Соединенных Штатах, Скандинавии и других странах, накоплен ценный опыт. В конце концов война также показала, а именно в Англии и в Америке, где не было ограничения демократии, на что способна экономика, когда на нее распространяется общее планирование. ‹…›

Помимо структурных изменений существуют изменившиеся представления о смысле и сущности экономики. Вера в автоматизм функционирования была поколеблена кризисом и войной. ‹…› Международная экономическая дискуссия пошла в ином русле. Ставилась цель достижения полной занятости и обеспечения всем минимального жизненного уровня. Было выяснено, что мы можем потребить то, что мы в состоянии произвести, и что при нынешнем состоянии техники вопрос повышения жизненного уровня является вопросом организационным. ‹…›

Нам нужно также отрешиться от слепой веры в технику. ‹…› Должно быть совершенно ясно, что фактор «человек» для нас выше фактора «машина», что человеческое достоинство выше рентабельности. Эффективность значит много, но она не является высшей ценностью. Технические достижения лишь тогда становятся благом, когда они служат социальному прогрессу. ‹…›

Прежде всего наша задача состоит в том, чтобы не дать государству будущего превратиться в каторгу.

Свобода для нас превыше всего.

Ее политические формы с течением времени претерпели изменения. Но это не касается самой идеи. ‹…›

Мы не считаем, что цель оправдывает средства. Демократия в нашем понимании – это вопрос не целесообразности, а нравственности.

Свобода и жизнь едины. Необеспеченность индивидуальных прав, духовной свободы, отсутствие моральных норм в сфере личных, коллективных и гуманистических ценностей грозят возвратом к варварству. Только через спасение незаменимых ценностей западной культуры мы можем питать надежду на восхождение к новым высотам человеческой совместной жизни. Из безоговорочной приверженности демократии рождается требование взломать все барьеры, лишающие человека его права в качестве части целого участвовать в определении форм совместной жизни и совместного труда. Это возможно лишь при условии, что все больше граждан будут обретать не только права, но и способность с чувством ответственности участвовать в решении общественных дел.

И наоборот, каждый индивидуум должен пользоваться неограниченной свободой устраивать свою жизнь в обществе по собственному желанию при условии, что это не будет происходить за счет других. ‹…›

Пролетарская демократия коммунистов, которую они после второй мировой войны переименовали в «народную демократию», то есть демо-демократию, представляет собой не что иное, как стыдливый камуфляж бессовестной диктатуры. ‹…› Их путь – это путь от так называемой диктатуры пролетариата к диктатуре над рабочим классом, равно как и над другими классами, это путь от диктатуры партии к господству террористической, коррумпированной, изолгавшейся клики. Отсюда следует, что демократический социализм отличается от диктаторского коммунизма не только выбором путей и средств, но и противоположных целей. ‹…›

Мы знаем также по собственному горькому опыту, что демократии постоянно угрожает опасность со стороны капитализма и бюрократии. Мы являемся социалистическими демократами не потому, что считаем необходимым защищать демократию лишь в тех условиях, которые сочтем подходящими, а потому, что хотим подкрепить политическую свободу экономически и социально. Мы хотим застраховать демократию в собственном и переносном смысле слова от кризисов. ‹…›

Мы действуем в согласии с добрыми социалистическими традициями и с главным направлением международной дискуссии, развивая свои политические требования в экономической области под знаком программы дальнейшего развития демократии. Политически власть меньшинства сломлена – там, где демократия стала формой правления. Но в области экономики продолжает действовать власть меньшинства, напоминающая собой феодальные привилегии. Скрытое под толстым покровом анонимности, это меньшинство оказывает на судьбы целого народа или даже многих народов решающее и нередко роковое влияние. ‹…›

Мы не верим в упорядочивающую силу свободного рынка. ‹…› Мы очень хорошо помним, что великая депрессия была преодолена не методами свободного рыночного хозяйства. В такие периоды к государству обращается призыв о помощи, с тем чтобы оно взяло на себя риск, а получающие субсидии предприятия по возможности сохранили свои прибыли. ‹…›

‹…› принципы демократии не должны более вводиться по частям, их нужно внедрять во всех областях общественной жизни, чтобы добиться экономической стабильности и социальной справедливости. Политические свободы подлежат ограничению

там, где они используются в ущерб другим. Злоупотребления властью являются пороком, где бы они ни проявлялись. Мы стремимся к возможно более широкому рассредоточению власти, как в экономической, так и политической сфере, к демократизации и гуманизации экономики. Поэтому нами не ставится вопрос: свобода или социализм. Вопрос должен ставиться так: какими экономическими мерами мы можем укрепить и расширить сферу свободы? ‹…›

Без долгих размышлений следует признать, что обещание автоматически увеличить степень свободы и сделать людей более счастливыми путем перевода средств производства в общественную собственность было следствием простого недомыслия. ‹…›

К современному обществу мы предъявляем следующие требования: все должны иметь работу, достаточное питание, одежду, достойное человека жилище, свободное время, доступ к школьному образованию и профессиональному обучению, страхование на случай болезни, бедности и потери трудоспособности. Для достижения этих целей и повышения благосостояния путем подъема нижних границ необходимо планомерное использование рабочей силы, науки и природных ресурсов. ‹…›

Как бы то ни было, но факт есть факт: в нашей стране мы просто не можем позволить себе роскошь иметь ориентированную на прибыль экономику, которая хотела бы быть более американской, чем сами американцы.

Мы не можем также позволить себе безумие новой миллионной безработицы. В нашей стране более чем достаточно работы для всех, кто хочет работать. В нашей стране необходимо еще более быстрое наращивание производства и более справедливое распределение созданной товарной массы. ‹…›

В вопросах международного сотрудничества демократические социалисты стоят на твердой почве. Мир через взаимопонимание между народами, солидарность и верховенство права с самого начала были записаны в их программе. ‹…›

Среди международных проблем, которым мы уделяем первоочередное внимание, находится идея европейского единства. Уже в 1866 г. в программе Всеобщего немецкого рабочего союза было выдвинуто требование «солидарного европейского государства». В Гейдельбергской программе, на которую мы могли опираться в процессе воссоздания нашей партии, говорится: социал-демократия выступает «за ставшее настоятельно необходимым по экономическим причинам создание европейского экономического единства, за образование

Соединенных Штатов Европы, чтобы таким путем добиться солидарного согласования интересов всех континентов». С того времени, с 1925 г., ход событий убедительно показал, что раскол нашего континента угрожает миру и препятствует рациональному использованию производственных возможностей. Цепляние за давно устаревшее понятие национально-государственного суверенитета превратилось в тормоз прогресса. ‹…› уже на практике появляются первые очертания того, что демократические социалисты пропагандировали не одно десятилетие. Первым шагом явилось образование Совета Европы. Следующие шаги могут последовать лишь при наличии воли к общеевропейскому суверенитету. Но новая Европа будет оставаться иллюзией до тех пор, пока у нее не будет достаточной основы для экономического объединения и сотрудничества. ‹…› Демократический социализм в Европе – это единственная устойчивая позитивная альтернатива коммунистическому тоталитаризму. Соединенные Штаты Европы должны быть наполнены социалистическим духом. ‹…›

Политическое объединение на основе прав человека пока еще не может охватывать все страны. Тем не менее европейская политика должна означать политику для всей Европы. ‹…›

Строительство Европы в значительной степени зависит от американской поддержки. Но европейская политика утратила бы свой смысл, если бы она не стремилась также к достижению политической и экономической независимости от США. ‹…›

В нашей собственной стране Европа стала надеждой миллионов, после того как мы дорого заплатили за безумие национализма. Эта надежда не должна быть обманута. Опираясь на почву фактов, мы должны указать выход из послевоенного кризиса прежде всего молодому поколению. Он заключается в переходе от узколобого национализма к европейскому патриотизму. ‹…›

Демократический социализм имеет дело с реальностями. Но он не ограничивается вопросами насыщения желудка или политической текучкой.

Прав писатель, который на днях писал, что социализм – это больше, чем страховое общество. Он должен оставаться целью, ради которой стоит отдать все, видением, достойным мечтаний.

Социалистическое движение должно обеими ногами стоять на почве реальной действительности. Но оно стало бы регрессивным, перестав быть идейным движением.

Демократический социализм представляет собой внутренне незавершенную систему представлений о преобразовании общественных условий. Его сформулированная программа всегда

будет лишь суммой общих принципиальных убеждений в определенный период, отвечающих тому или иному уровню научного знания. Но в основе этих постоянно развивающихся принципиальных убеждений – общие воззрения на жизнь. Они опираются на приверженность свободе и гуманизму, правовому государству и социальной справедливости. ‹…›

ПРАВЫЙ И ЛЕВЫЙ РАДИКАЛИЗМ

С. НЕЧАЕВ. КАТЕХИЗИС РЕВОЛЮЦИОНЕРА (1869 г.) [51]

Нечаев Сергей Геннадиевич (1847—1882), деятель русского революционного движения. Вольнослушателем Петербургского университета участвовал в студенческих волнениях 1868—1869 гг., возглавляя радикальное меньшинство. В «Программе революционных действий», составленной при его участии, конечной целью студенческого движения провозглашалась социальная революция и излагался план создания и деятельности тайной революционной организации. Иезуитским лозунгом «цель оправдывает средства», положенным в основу «Катехизиса», Нечаев руководствовался с первых шагов революционной деятельности. В сентябре 1869 г. Нечаев создал отдел тайного общества «Народная расправа». Столкнувшись с недоверием и противодействием члена организации студента ИМ. Иванова, обвинил его в предательстве и 21 ноября 1869 г. убил при участии четырех других членов. 14 августа 1872 г. арестован в Цюрихе и выдан русскому правительству как уголовный преступник. 8 января 1873 г. в Москве приговорен за убийство Иванова к 20 годам каторжных работ. Был заключен и умер в Алексеевском равелине Петропавловской крепости.

ОТНОШЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА К САМОМУ СЕБЕ

§1. Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией.

§2. Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него – враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтоб его вернее разрушить.

§3. Революционер презирает всякое доктринерство и отказался от мирной науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку, науку разрушения. Для этого, и только для этого, он изучает теперь механику, физику,

химию, пожалуй, медицину. Для этого изучает он денно и нощно живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоящего общественного строя, во всех возможных слоях. Цель же одна – наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганого строя.

§4. Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех ее побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции.

Безнравственно и преступно все, что мешает ему.

§5. Революционер – человек обреченный. Беспощадный для государства и вообще для всего сословно-образованного общества, он и от них не должен ждать для себя никакой пощады. Между ними и им существует тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война не на жизнь, а на смерть. Он каждый день должен быть готов к смерти. Он должен приучить себя выдерживать пытки.

§6. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благородства и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела. Для него существует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение – успех революции. Денно и нощно должна быть у него одна мысль, одна цель – беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неутомимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть, и погубить своими руками все, что мешает ее достижению.

§7. Природа настоящего революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение. Она исключает даже личную ненависть и мщение. Революционная страсть, став в нем обыденностью, ежеминутностью, должна соединиться с холодным расчетом. Всегда и везде он должен быть не то, к чему его побуждают влечения личные, а то, что предписывает ему общий интерес революции.

ОТНОШЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА К ТОВАРИЩАМ ПО РЕВОЛЮЦИИ

§8. Другом и милым человеком для революционера может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционным делом, как и он сам. Мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к такому товарищу определяется единственно степенью полезности в деле

всеразрушительной практической революции.

§9. О солидарности революционеров и говорить нечего. В ней вся сила революционного дела. Товарищи-революционеры, стоящие на одинаковой степени революционного понимания и страсти, должны, по возможности, обсуждать все крупные дела вместе и решать их единодушно. В исполнении таким образом решенного плана каждый должен рассчитывать, по возможности, на себя. В выполнении ряда разрушительных действий каждый должен делать сам и прибегать к совету и помощи товарищей только тогда, когда это для успеха необходимо.

§10. У каждого товарища должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя смотрит, как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела. Только как на такой капитал, которым он сам и один, без согласия всего товарищества вполне посвященных, распоряжаться не может.

§11. Когда товарищ попадает в беду, решая вопрос, спасать его или нет, революционер должен соображаться не с какими-нибудь личными чувствами, но только с пользою революционного дела. Поэтому он должен взвесить пользу, приносимую товарищем – с одной стороны, а с другой – трату революционных сил, потребных на его избавление, и на которую сторону перетянет, так и должен решать.

ОТНОШЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА К ОБЩЕСТВУ

§12. Принятие нового члена, заявившего себя не на словах, а на деле, в товарищество не может быть решено иначе как единодушно.

§13. Революционер вступает в государственный, сословный и так называемый образованный мир и живет в нем только с волею его полнейшего, скорейшего разрушения. Он не революционер, если ему его жаль в этом мире. Если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру, в котором – все и все должны быть ему равно ненавистны.

Тем хуже для него, если у него есть в нем родственные, дружеские или любовные отношения; он не революционер, если могут остановить его руку.

§14. С целью беспощадного разрушения революционер может,

и даже часто должен, жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть. Революционеры должны проникнуть всюду, во все слои высшие и средние, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военный, в литературу, в третье отделение и даже в Зимний дворец.

§15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория – неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной зловредности для успеха революционного дела, так чтобы предыдущие номера убрались прежде последующих.

§16. При составлении такого списка и для установления вышереченного порядка должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, не даже ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе.

Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти и кроме того полезными, способствуя к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерою пользы, которая должна произойти от его смерти для революционного дела. Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергичных деятелей, потрясти его силу.

§17. Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым даруют только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта.

§18. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особенным умом и энергиею, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силою. Надо их эксплуатировать всевозможными манерами и путями; опутать их, сбить их с толку, и, овладев, по возможности, их грязными тайнами, сделать их своими рабами. Их власть, влияние, связи, богатство и сила сделаются таким образом неистощимой сокровищницей и сильною помощью для разных революционных предприятий.

§19. Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибрать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их донельзя, так чтоб возврат был для них невозможен, и их руками и мутить государство.

§20. Пятая категория – доктринеры, конспираторы и

революционеры в праздноглаголющих кружках и на бумаге. Их надо беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практичные головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих.

§21. Шестая и важная категория – женщины, которых должно разделить на три главные разряда.

Одни – пустые, обессмысленные и бездушные, которыми можно пользоваться, как третьею и четвертою категорией мужчин.

Другие – горячие, преданные, способные, но не наши, потому что не доработались еще до настоящего безфразного и фактического революционного понимания. Их должно употреблять, как мужчин пятой категории.

Наконец, женщины совсем наши, то есть вполне посвященные и принявшие всецело нашу программу. Они нам товарищи. Мы должны смотреть на них, как на драгоценнейшее сокровище наше, без помощи которых нам обойтись невозможно.

ОТНОШЕНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА К НАРОДУ

§22. У товарищества ведь нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, то есть чернорабочего люда. Но, убежденные в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всесокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать развитию и разобщению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию.

§23. Под революцией народной товарищество разумеет не регламентированное движение по западному классическому образу – движение, которое, всегда останавливаясь с уважением перед собственностью и перед традициями общественных порядков так называемой цивилизации и нравственности, до сих пор ограничивалось везде низвержением одной политической формы для замещения ее другою и стремилось создать так называемое революционное государство. Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы в России.

§24. Товарищество поэтому не намерено навязывать народу какую бы то ни было организацию сверху. Будущая организация без сомнения вырабатывается из народного движения и жизни. Но это – дело будущих поколений.

Наше дело – страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.

§25. Поэтому, сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством: против дворянства, против чиновничества, против попов, против гилдейского мира и против кулака-мироеда. Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России.

§26. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всесокрушающую силу – вот вся наша организация, конспирация, задача.

М. А. БАКУНИН. ФЕДЕРАЛИЗМ, СОЦИАЛИЗМ И АНТИТЕОЛОГИЗМ (1867 г.) [52]

Бакунин Михаил Александрович – род. в 1824 г. в Тверской губ. в семье родовитого дворянина, умер 13 июля 1876 г. в Швейцарии; воспитанник артиллерийского училища, он выпущен, не кончив курса, в прапорщики; в 1840 г. оставил отечество и попал сначала в Швейцарии, а потом во Франции в кружки революционеров-социалистов. Речью своей, произнесенной 29 ноября 1847 г., Бакунин закрыл себе возврат в отечество.

Знаменитая фраза «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть» из его статьи «Реакция в Германии» приобрела для него значение девиза практической деятельности.

В чреде крушений революционных замыслов и предприятий, из которых состояла жизнь Бакунина, наиболее катастрофическим было изгнание с позором из Интернационала в сентябре 1872 г.

Опытнейший конспиратор и политик, он оказался жертвой мистификации со стороны авантюриста, революционного фанатика без чести и совести Сергея Нечаева.

Ярый анархист, он горячо приветствовал Парижскую коммуну в качестве «революции рабочих» и «ярко выраженного отрицания государства». В 1873 и 1874 гг. его адепты попытались спровоцировать революционные мятежи в Испании и Италии. Ф. Энгельс в этой связи справедливо замечал: «… бакунисты дали нам в Испании неподражаемый образчик того, как НЕ следует делать революцию».

Критикуя сторонников Маркса, Бакунин предупреждал, что «ученые коммунисты», «доктринальные революционеры», заполучив государственную власть, попытаются уложить жизнь будущих

поколений в прокрустово ложе своего социального идеала. «Дайте им полную волю, они станут делать над человеческим обществом те же опыты, какие ради пользы науки делают теперь над кроликами, кошками и собаками». Бакунин пророчествовал о том, что реализация идеи диктатуры пролетариата как представительной демократии на основе всеобщего избирательного права неизбежно выльется в деспотическое управление массами со стороны «незначительной горсти привилегированных избранных или даже не избранных».

Государство – это самое вопиющее, самое циничное и самое полное отрицание человечности. Оно называет всеобщую солидарность людей на земле и объединяет только часть их с целью уничтожения, завоевания и порабощения всех остальных. Оно берет под свое покровительство лишь своих собственных граждан, признает человеческое право, человечность и цивилизацию лишь внутри своих собственных границ; не признавая вне себя никакого права, оно логически присваивает себе право самой жестокой бесчеловечности по отношению ко всем другим народам, которых оно может по своему произволу грабить, уничтожать или порабощать. Если оно и выказывает по отношению к ним великодушие и человечность, то никак не из чувства долга; ибо оно имеет обязанности лишь по отношению к самому себе, а также по отношению к тем своим членам, которые его свободно образовали, которые продолжают его свободно составлять или даже, как это всегда в конце концов случается, сделались его подданными. Так как международное право не существует, так как оно никак не может существовать серьезным и действительным образом, не подрывая саму основу принципа суверенности государства, то государство не может иметь никаких обязанностей по отношению к наследию других государств. Следовательно, гуманно ли оно обращается с покоренным народом, грабит ли оно его и уничтожает лишь наполовину, не низводит до последней степени рабства, – оно поступает так из политических целей и, быть может, из осторожности или из чистого великодушия, но никогда из чувства долга, ибо оно имеет абсолютное право располагать покоренным народом по своему произволу.

Это вопиющее отрицание человечности, составляющее сущность Государства, является, с точки зрения Государства, высшим долгом и самой большой добродетелью: оно называется патриотизмом и составляет всю трансцендентную мораль Государства. Мы называем ее трансцендентной моралью, потому что она обычно превосходит уровень человеческой морали и

справедливости, частной или общественной, и тем самым чаще всего вступает в противоречие с ними. Например, оскорблять, угнетать, грабить, обирать, убивать или порабощать своего ближнего считается, с точки зрения обыкновенной человеческой морали, преступлением. В общественной жизни, напротив, с точки зрения патриотизма, если это делается для большей славы государства, для сохранения или увеличения его могущества, то становится долгом и добродетелью. И эта добродетель, этот долг обязательны для каждого гражданина-патриота; каждый должен их выполнять – и не только по отношению к иностранцам, но и по отношению к своим соотечественникам, подобным ему членам и подданным государства, – всякий раз, как того требует благо государства.

Это объясняет нам, почему с самого начала истории, то есть с рождения государств, мир политики всегда был и продолжает быть ареной наивысшего мошенничества и разбоя – разбоя и мошенничества, к тому же высоко почитаемых, ибо они предписаны патриотизмом, трансцендентной моралью и высшим государственным интересом. Это объясняет нам, почему вся история древних и современных государств является лишь рядом возмутительных преступлений; почему короли и министры в прошлом и настоящем, во все времена и во всех странах, государственные деятели, дипломаты, бюрократы и военные, если их судить с точки зрения простой морали и человеческой справедливости, сто раз, тысячу раз заслужили виселицы или каторги; ибо нет ужаса, жестокости, святотатства, клятвопреступления, обмана, низкой сделки, циничного воровства, бесстыдного грабежа и подлой измены, которые бы не были совершены, которые бы не продолжали совершаться ежедневно представителями государств без другого извинения, кроме столь удобного и вместе с тем столь страшного слова: государственный интерес!

Поистине ужасное слово! Оно развратило и обесчестило большее число лиц в официальных кругах и правящих классах общества, чем христианство. Как только это слово произнесено, все замолкает, все исчезает: честность, честь, справедливость, право, исчезает само сострадание, а вместе с ним логика и здравый смысл; черное становится белым, а белое – черным, отвратительное – человеческим, а самые подлые предательства, самые ужасные преступления становятся достойными поступками!

И так как теперь уже доказано, что никакое государство не может существовать, не совершая преступлений или, по крайней мере, не мечтая о них, не обдумывая, как их исполнить, когда оно

бессильно их совершить, мы в настоящее время приходим к выводу о безусловной необходимости уничто-жения государств. Или, если хотите, их полного и коренного переустройства в том смысле, чтобы они перестали быть централизованными и организованными сверху вниз державами, основанными на насилии или на авторитете какого-нибудь принципа, и, напротив, реорганизовались бы снизу вверх, с абсолютной свободой для всех частей объединяться или не объединяться и с постоянным сохранением для каждой части свободы выхода из этого объединения, даже если бы она вошла в него по доброй воле, реорганизовались бы согласно действительным потребностям и естественным стремлениям всех частей, через свободную федерацию индивидов и ассоциаций, коммун, округов, провинций и наций в единое человечество.

В. И. ЛЕНИН. ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924) – организатор, теоретик и вождь коммунистической (большевистской) партии в России и международного коммунистического движения, основатель Советского государства, председатель Совета народных комиссаров (октябрь 1917 – январь 1924 г.).

Ленин рассматривал политику как область взаимоотношений между классами, преследующими свои интересы. Высшим интересом рабочего класса он считал освобождение от капитализма путем пролетарской революции. По его мнению, для ускорения ее начала необходимо активное действие передовой революционной организации (партии). Цель партии – «просветить» и «организовать» рабочий класс и другие эксплуатируемые классы для борьбы с буржуазией, установить диктатуру пролетариата и обеспечить переход сначала к социализму, а потом к коммунизму – бесклассовому обществу.

Работа «Государство и революция» была написана в июле – августе 1917 г., то есть за считанные недели до взятия власти большевиками. Ленин развивает тезисы Маркса и Энгельса о государстве, сводя их в чеканную формулу «государство – аппарат насилия». Задача социалистической революции – разбить эту машину подавления и установить диктатуру пролетариата – государство, «устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать». Ленин неоднократно повторяет эту мысль: «… пролетарское государство сейчас же после его победы начнет отмирать, ибо в обществе без классовых противоречий государство не нужно и невозможно». Разумеется, окончательное отмирание государства Ленин увязывает с

построением коммунизма. На практике, как известно, отмирания государства не последовало.

УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА О ГОСУДАРСТВЕ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА В РЕВОЛЮЦИИ
ГЛАВА I. КЛАССОВОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

1. Государство – продукт непримиримости классовых противоречий

С учением Маркса происходит теперь то, что не раз бывало в истории с учениями революционных мыслителей и вождей угнетенных классов в их борьбе за освобождение. ‹…› После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, ‹…› выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его. На такой «обработке» марксизма сходятся сейчас буржуазия и оппортунисты внутри рабочего движения. Забывают, оттирают, искажают революционную сторону учения, его революционную душу. Выдвигают на первый план, прославляют то, что приемлемо или что кажется приемлемым для буржуазии. ‹…›

> **Всякая власть исходит от народа. И никогда уже к нему не возвращается.**
>
> ***Габриэль Лауб***

При таком положении дела, при неслыханной распространенности искажений марксизма, наша задача состоит прежде всего в восстановлении истинного учения Маркса о государстве. Для этого необходимо приведение целого ряда длинных цитат из собственных сочинений Маркса и Энгельса. Конечно, длинные цитаты сделают изложение тяжеловесным и нисколько не посодействуют его популярности. Но обойтись без них совершенно невозможно. ‹…›

Начнем с самого распространенного сочинения Фр. Энгельса: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которое в 1894 году вышло в Штутгарте уже 6-м изданием. ‹…›

> *«Государство, – говорит Энгельс, подводя итоги своему историческому анализу, – никоим образом не представляет из себя силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также „действительность*

нравственной идеи“, „образ и действительность разума“, как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общества в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах „порядка“. И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство» (стр. 177—178 шестого немецкого издания).

Здесь с полной ясностью выражена основная идея марксизма по вопросу об исторической роли и о значении государства. Государство есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы.

Именно по этому важнейшему и коренному пункту начинается искажение марксизма, идущее по двум главным линиям.

С одной стороны, буржуазные и особенно мелкобуржуазные идеологи, – вынужденные под давлением бесспорных исторических фактов признать, что государство есть только там, где есть классовые противоречия и классовая борьба, – «подправляют» Маркса таким образом, что государство выходит органом примирения классов. По Марксу, государство не могло бы ни возникнуть, ни держаться, если бы возможно было *примирение* классов. ‹…› По Марксу, государство есть орган классового *господства,* орган *угнетения* одного класса другим, есть создание «порядка», который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов. ‹…›

Например, все эсеры (социалисты-революционеры) и меньшевики в революции 1917 года, когда вопрос о значении и роли государства как раз встал во всем своем величии, встал практически, как вопрос немедленного действия и притом действия в массовом масштабе, – все скатились сразу и целиком к

мелкобуржуазной теории «примирения» классов «государством». Бесчисленные резолюции и статьи политиков обеих этих партий насквозь пропитаны этой мещанской и филистерской теорией «примирения». Что государство есть орган господства определенного класса, который *не может* быть примирен со своим антиподом (с противоположным ему классом), этого мелкобуржуазная демократия никогда не в состоянии понять. ‹…›

2. Особые отряды вооруженных людей, тюрьмы и пр.

> *‹…› «По сравнению со старой гентильной (родовой или клановой) организацией, – продолжает Энгельс, – государство отличается, во-первых, разделением подданных государства по территориальным делениям». ‹…›*

Нам это деление кажется «естественным», но оно стоило долгой борьбы со старой организацией по коленам или по родам.

> *‹…› «Вторая отличительная черта – учреждение общественной власти, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим самое „себя, как вооруженная сила. Эта особая общественная власть необходима потому, что самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы ‹…›. Эта общественная власть существует в каждом государстве. Она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода, которые были неизвестны родовому (клановому) устройству общества“. ‹…›*

Энгельс развертывает понятие той «силы», которая называется государством, силы, происшедшей из общества, но ставящей себя над ним и все более и более отчуждающей себя от него. В чем состоит, главным образом, эта сила? В особых отрядах вооруженных людей, имеющих в своем распоряжении тюрьмы и прочее.

Мы имеем право говорить об особых отрядах вооруженных людей, потому что свойственная всякому государству общественная власть «не совпадает непосредственно» с вооруженным населением, с его «самодействующей вооруженной организацией».

Как все великие революционные мыслители, Энгельс

старается обратить внимание сознательных рабочих именно на то, что господствующей обывательщине представляется наименее стоящим внимания, наиболее привычным, освященным предрассудками не только прочными, но, можно сказать, окаменевшими. Постоянное войско и полиция суть главные орудия силы государственной власти, но – разве может это быть иначе?

С точки зрения громадного большинства европейцев конца XIX века, к которым обращался Энгельс и которые не переживали и не наблюдали близко ни одной великой революции, это не может быть иначе. Им совершенно непонятно, что это такое за «самодействующая вооруженная организация населения»? На вопрос о том, почему явилась надобность в особых, над обществом поставленных, отчуждающих себя от общества, отрядах вооруженных людей (полиция, постоянная армия), западноевропейский и русский филистер склонен отвечать парой фраз, заимствованных у Спенсера или у Михайловского, ссылкой на усложнение общественной жизни, на дифференциацию функций и т. п.

Такая ссылка кажется «научной» и прекрасно усыпляет обывателя, затемняя главное и основное: раскол общества на непримиримо враждебные классы.

Не будь этого раскола, «самодействующая вооруженная организация населения» отличалась бы своей сложностью, высотой своей техники и пр. от примитивной организации ‹…› людей, объединенных в клановые общества, но такая организация была бы возможна.

Она невозможна потому, что общество цивилизации расколото на враждебные и притом непримиримо враждебные классы, «самодействующее» вооружение которых привело бы к вооруженной борьбе между ними. Складывается государство, создается особая сила, особые отряды вооруженных людей, и каждая революция, разрушая государственный аппарат, показывает нам воочию, как господствующий класс стремится возобновить служащие ему особые отряды вооруженных людей, как угнетенный класс стремится создать новую организацию этого рода, способную служить не эксплуататорам, а эксплуатируемым.

Энгельс ставит в приведенном рассуждении теоретически тот самый вопрос, который практически, наглядно и притом в масштабе массового действия ставит перед нами каждая великая революция, именно вопрос о взаимоотношении «особых» отрядов вооруженных людей и «самодействующей вооруженной организации населения».

3. Государство – орудие эксплуатации угнетенного класса

Для содержания особой, стоящей над обществом, общественной власти нужны налоги и государственные долги.

> *«Обладая общественной властью и правом взыскания налогов, чиновники, – пишет Энгельс, – становятся, как органы общества, над обществом. Свободное, добровольное уважение, с которым относились к органам родового (кланового) общества, им уже недостаточно – даже если бы они могли завоевать его» ‹…›. Создаются особые законы о святости и неприкосновенности чиновников. «Самый жалкий полицейский служитель» имеет больше «авторитета», чем представители клана, но даже глава военной власти цивилизованного государства мог бы позавидовать старшине клана, пользующемуся «не из-под палки приобретенным уважением» общества.*

Вопрос о привилегированном положении чиновников как органов государственной власти здесь поставлен. Намечено как основное: что ставит их над обществом? ‹…›.

> *‹…› «Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самых столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса» ‹…›. Не только древнее и феодальное государства были органами эксплуатации рабов и крепостных, но и «современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом. В виде исключения встречаются однако периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними» ‹…›. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, бонапартизм первой и второй империи во Франции, Бисмарк в Германии.*

Таково – добавим от себя – правительство Керенского в республиканской России после перехода к преследованиям революционного пролетариата, в такой момент, когда Советы благодаря руководству мелкобуржуазных демократов уже бессильны, а буржуазия еще недостаточно сильна, чтобы прямо разогнать их.

> *В демократической республике, – продолжает Энгельс, – «богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее», именно, во-первых, посредством «прямого подкупа чиновников» (Америка), во-вторых, посредством «союза между правительством и биржей» (Франция и Америка).*

В настоящее время империализм и господство банков «развили» оба эти способа отстаивать и проводить в жизнь всевластие богатства в каких угодно демократических республиках до необыкновенного искусства. ‹…›

Всевластие «богатства» потому вернее при демократической республике, что оно не зависит от плохой политической оболочки капитализма. Демократическая республика есть наилучшая возможная политическая оболочка капитализма и потому капитал, овладев ‹…› этой наилучшей оболочкой, обосновывает свою власть настолько надежно, настолько верно, что никакая смена ни лиц, ни учреждений, ни партий в буржуазно-демократической республике не колеблет этой власти. ‹…›

Общий итог своим взглядам Энгельс дает в своем наиболее популярном сочинении в следующих словах:

> *«Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда*

настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором».

Не часто случается встречать эту цитату в пропагандистской и агитационной литературе современной социал-демократии. Но даже тогда, когда эта цитата встречается, ее приводят большей частью, как будто бы совершали поклон перед иконой, то есть для официального выражения почтения к Энгельсу, без всякой попытки вдуматься в то, насколько широкий и глубокий размах революции предполагается этой «отправкой всей государственной машины в музей древностей». Не видно даже большей частью понимания того, что называет Энгельс государственной машиной.

Б. МУССОЛИНИ. ДОКТРИНА ФАШИЗМА (1932 г.) [53]

Муссолини Бенито (1883—1945), основоположник итальянского фашизма, глава итальянской фашистской партии и правительства Италии в 1922—1943 гг. и марионеточного правительства т. н. республики Сало в 1943—1945 гг.

Занимался журналистикой и литературой, работал учителем. В 1908 г. оннаписал статью о Ницше «Философия силы», которая, наряду с его ораторскими способностями, принесла ему известность.

В марте 1919 г. образовал «Союз борьбы», главной целью которого он провозгласил борьбу за интересы нации. «Я всегда был уверен в том, – заявлял Муссолини, – что для спасения Италии надо расстрелять несколько десятков депутатов. Я уверен, что парламент – бубонная чума, отравляющая кровь нации. Ее нужно истребить».

2 октября 1922 г. Муссолини со своими сторонниками осуществил поход на Рим. Парламент Италии большинством голосов передал ему власть. В 1926 г. он уничтожил остатки оппозиции в стране. Им были изданы чрезвычайные законы, по которым все политические партии, кроме фашистской, запрещались и распускались, а их депутаты изгонялись из парламента. Тогда же Муссолини создал фашистский трибунал, осудивший с 1927 по 1937 г. около 3 тыс. антифашистов. Была запрещена деятельность свободных профсоюзов, всех демократических организаций, начал осуществляться открытый террор.

В сентябре 1938 г. Муссолини явился одним из организаторов Мюнхенского сговора, предопределившего захват Германией Чехословакии и способствовавшего развязыванию Второй мировой войны. Правил страной вплоть до начала военных действий

Англией и США на территории Италии.

После поражения гитлеровской Германии в войне был расстрелян, а после смерти в знак позора был повешен вверх ногами.

Как и все здоровые политические концепции, фашизм является и действием, и мышлением; действием, которому присуще учение, – учение, возникающее из данной системы исторических сил, в которых оно находится; и он действует на них изнутри. Следовательно, он имеет форму, соответствующую случайностям времени и пространства; но он имеет также и духовное содержание, которое делает его выражением истины в более высокой области истории мысли. Не существует иного способа проверить духовное влияние в мире той человеческой воли, которая доминирует над волей других, кроме как иметь концепцию временной, специфической реальности, на которой должно быть проверено это действие, а также и непрерывной, универсальной реальности, в которой пребывает и существует временное. чтобы знать людей, надо знать человека, а чтобы знать человека, необходимо ознакомиться с реальностью и ее законами.

… Многие из практических выражений фашизма – такие, как партийная организация, система образования, дисциплина, – могут быть поняты только в связи с его общим отношением к жизни, с его духовной позицией… Индивиды и поколения соединяются моральным законом с общими традициями, миссия которого – подавить инстинкт к жизни, замкнутой в узком круге удовольствий, построить высшую жизнь, основанную на долге, свободную от ограничений времени и пространства, в которой индивид через самопожертвование, отказ от частных интересов и даже через смерть может достичь того идеального духовного существования, в котором состоит его ценность как человека. ‹…›

Фашизм сейчас совершенно оригинален не только как режим, но и как учение. И это означает, что сегодня фашизм, применяя свое практическое чутье не только к себе, но и к другим, сформулировал собственную индивидуальность и особую точку зрения, на которую он может ссылаться и, следовательно, на основе которой он может действовать, сталкиваясь с любыми возникающими в мире проблемами – практическими или интеллектуальными.

И в конце концов чем больше фашизм рассматривает и анализирует будущее и развитие человечества, отвлекаясь от политических сиюминутных моментов, тем не верит он ни в возможность, ни в полезность вечного мира. Тем самым он

отрекается от доктрины пацифизма – поддерживать отказ от борьбы и трусить перед лицом жертвы. Война – единственное, что поднимает на высшую ступень всю человеческую энергию и отмечает печатью благородства людей, имеющих мужество встретить ее. Все остальные испытания лишь суррогаты, которые никогда реально не ставят людей в такую ситуацию, когда они вынуждены принимать великое решение – альтернативу жизни или смерти. Поэтому учение, основанное на этом вредном постулате мира, враждебно фашизму. И, следовательно, враждебны духу фашизма, хотя и приемлемы с точки зрения пользы, которую могут они принести в конкретных политических ситуациях, все международные лиги и общества, которые, как покажет история, могут быть развеяны по ветру с появлением сильного национального чувства на любой основе – эмоциональной, духовной или практической. ‹…›

После социализма фашизм обрушивается на всю систему демократической идеологии и отвергает как ее теоретические предпосылки, так и практическое применение. Фашизм отрицает, что большинство может направлять человеческое общество лишь одним фактом своего большинства; он отрицает, что множество может управлять путем периодических консультаций, и утверждает неизменно полезное и плодотворное неравенство людей, которое не может быть до конца выравнено путем такой простой механической операции, как всеобщее избирательное право…

Основание фашизма – концепция Государства, его характер, его долг, его цель. Фашизм рассматривает Государство как абсолют, в сравнении с которым все индивиды или группы относительны и должны рассматриваться только по отношению к Государству. Концепция либерального Государства не является концепцией ведущей силы, направляющей игру и развитие (как материальное, так и духовное) коллективного тела, а лишь силы, ограниченной функцией фиксирования результатов. Фашистское Государство, напротив, обладает своим сознанием и имеет свою волю и индивидуальность – это может быть названо этикой Государства…

Фашистское Государство является воплощенной волей к власти и управлению. Римская традиция здесь – идеал силы в действии. Согласно учению фашизма, правительство представляет собой не столько то, что выражено в территориальных и военных терминах, сколько то, что выражается в терминах моральности и духовности. О нем надо думать как об империи, т. е. как о нации, которая прямо или косвенно правит другими нациями, не имея желания завладеть ни

единым квадратным ярдом территории. Для фашизма подъем империи, то есть расширение нации, является сущностным проявлением жизнеспособности и противоположностью признакам упадка. Люди, которые возвышаются или поднимаются вновь после периода упадка, – всегда империалисты; любое отступление есть признак упадка и смерти. Фашизм – это учение, наилучшим образом приспособленное представлять стремления и надежды народа, такого, как народ Италии, который поднимается вновь после многовекового унижения и внешнего порабощения. Но империя требует дисциплины, координации всех сил и глубоко осознанного чувства долга и жертвенности… Учение должно быть живым, и это доказывается тем фактом, что фашизм создал живую веру, и то, что эта вера весьма сильна в умах людей, доказывается теми, кто страдает и умирает за нее.

ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ

1. Проанализировав тексты классиков трех базовых идеологий XIX-XX веков, выпишите и сравните между собой основные идеи консерватизма, либерализма, социализма, правого и левого радикализма.

Консерватизм

_____

Либерализм

_____

Социализм

_____

Правый и левый радикализм

_____

2. Выделите, какие идеи из перечисленных выше идей вызывают наибольшее согласие лично у Вас.

3. Какие политические партии и общественные организации в России можно считать, на Ваш взгляд, либеральными, консервативными, социалистическими, радикальными (экстремистскими)?

Либеральные

_____

Консервативные

_____

Социалистические

_____

Радикальные (экстремистские)

_____

7. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ГОСУДАРСТВА

Политической системой называется совокупность государственных и общественных органов и организаций (прежде всего политических партий), через которые и с помощью которых осуществляется политическая власть.

Как правило, основные конструкции политической системы закрепляются в конституции государства. Ниже мы приводим фрагмент из «Федералиста», в котором был сформулирован принцип сдержек и противовесов, в соответствии с которым начиная с XVIII века пишутся конституции. Этот принцип представляет собой конкретизацию и практическое применение известной идеи разделения властей.

Всякий народ, учреждая демократию, должен сделать выбор между многими возможными демократическими формами устройства власти и государства. Наиболее важными являются три выбора:

– формы организации общенациональной власти – между президентским и парламентским режимами;

– формы территориального устройства – между унитарным или федеративным государством;

– выбор избирательной системы, по которой формируется общенациональный парламент.

Выбор в пользу того или иного варианта далеко не очевиден. До недавнего времени оптимальной формой государственного устройства для демократии считался парламентаризм. Как мы видели, Й. Шумпетер всякого главу демократической исполнительной власти именовал «премьер-министром», обосновывая это тем, что президентский режим демократичен только в США, все же прочие президенты в мире – диктаторы. В начале 1940-х годов, когда Шумпетер писал свою книгу, дело обстояло именно так. Демократические президентские режимы появились лишь в 1950—1960-е годы, в связи с переходом Франции к президентскому правлению и демократизацией Латинской Америки.

На основе опыта функционирования президентских демократий, прежде всего латиноамериканских, в 1990-е годы вспыхнула дискуссия о достоинствах и недостатках президенциализма и парламентаризма. Мы приводим фрагменты глав из книги М. Шугарта и Д. Кэри, защищающих достоинства президенциализма от апологетов парламентаризма.

Выбор, сделанный Россией, закреплен в Конституции РФ, принятой на референдуме 12 декабря 1993 года. В России в процессе демократизации произошел переход от формально парламентской (советской) системы к президентско-парламентской.

Однако выбор избирательной системы не был закреплен Конституцией, равно как и порядок формирования власти в субъектах Федерации – эти вопросы Конституция оставила открытыми.

«ФЕДЕРАЛИСТ», ПИСЬМО № 51 [54]

«Федералист» – политические эссе, которые в период ратификации Конституции США законодательным собранием штата Нью-Йорк под псевдонимом «Публий» писали будущий президент США и один из авторов Конституции Д. Мэдисон, будущий министр финансов А. Гамильтон и будущий председатель Верховного суда США Д. Джей. В цитируемом письме обоснован принцип «сдержек и противовесов», являющийся основополагающим для конституционного права.

Что же нам все-таки придумать, чтобы на практике обеспечить необходимое разделение законодательной, исполнительной и судебной власти, записанное в конституции? Единственный ответ, который можно на это дать: пусть, раз уж все внешние меры оказываются недостаточными, восполним изъян, создав такую внутреннюю структуру правления, чтобы составляющие ее части сами стали средством удерживать каждую на отведенном ей месте. Не берусь полностью развить эту важнейшую мысль, но осмелюсь высказать несколько общих соображений, которые, возможно, прольют на нее достаточный свет и помогут нам составить более правильное суждение о принципах и структуре правления, какими они намечены в проекте конвента.

Чтобы заложить прочный фундамент под институт раздельных и автономных ветвей власти, что в определенной степени повсеместно полагают важнейшим условием для сохранения свободы, очевидно, требуется, чтобы каждая власть обладала собственной волей и, следственно, строилась на такой основе, когда представляющие ее должностные лица имеют как можно меньше касательства к назначению должностных лиц на службе другой.

При строгом соблюдении данного принципа необходимо, чтобы все назначения на высшие должности в исполнительных, законодательных и судебных органах исходили из первоисточника власти – от народа и шли по не сообщающимся друг с другом каналам. Возможно, такой план построения отдельных органов на практике окажется менее сложным, чем это представляется в уме. Хотя некоторые сложности, равно как и дополнительные расходы, тут неизбежны. Придется поэтому пойти на некоторые отклонения от этого принципа. В особенности нецелесообразно настаивать на строгом его соблюдении применительно к судебному ведомству: во-первых,

поскольку судье потребны особые качества, первейшим условием при предоставлении сей должности должна быть такая форма отбора, которая наилучшим образом эти качества обеспечит; во-вторых, поскольку назначение на должность в судебном ведомстве является бессрочным, что, несомненно, быстро искоренит чувство зависимости от тех, кем она пожалована.

Конституция государства должна быть такой, чтобы не нарушать конституцию гражданина.

Станислав Ежи Лец

В равной степени очевидно, что лица на службе каждого из ведомств должны как можно меньше зависеть от лиц на службе других по части выгод, предоставляемых их служебным положением. Если бы глава исполнительной власти или судьи находились в этом отношении в зависимости от законодателей, ни о какой свободе действий не могло быть и речи: их независимость была бы чисто номинальной.

Но главная гарантия против постепенного сосредоточения разных родов власти в одном из ее ведомств в том, чтобы у лиц, ведающих тем или иным органом власти, были необходимые конституционные средства и личные мотивы противостоять вторжениям со стороны других. В этом, как и в других, случае должны быть предусмотрены меры защиты, способные отвести угрозу посягательств. Честолюбию должно противостоять честолюбие. Интересы главы ведомства должны быть связаны с его конституционными правами, действующими в данном органе власти. Пожалуй, подобные маневры, к которым приходится прибегать, дабы помешать злоупотреблениям властью, не красят человеческую природу. Но разве сама необходимость в правлении красит человеческую природу? Будь люди ангелами, ни в каком правлении не было бы нужды. Если бы людьми правили ангелы, ни в каком надзоре над правительством – внешнем или внутреннем – не было бы нужды. Но при создании правления, в котором люди будут ведать людьми, главная трудность состоит в том, что в первую очередь надо обеспечить правящим возможность надзирать над управляемыми; а вот вслед за этим необходимо обязать правящих надзирать за самими собой. Зависимость от народа, безусловно, прежде всего обеспечивает надзор над правительством, но опыт учит человечество: дополнительные предосторожности тут отнюдь не лишни.

Эту игру на противоположных и соперничающих интересах, за недостатком лучших побуждений, можно проследить на всей системе человеческих взаимоотношений, частных, равно как и

общественных. Особенно отчетливо она видна на всех ступенях иерархической лестницы власти, где постоянной целью является разделять и расставлять должности таким образом, чтобы каждое занимающее их лицо могло надзирать над другим, чтобы личный интерес каждого чиновника служил охраной общественных прав. При распределении высших постов в государстве эти изобретенные благоразумием ухищрения не менее необходимы.

Однако невозможно дать каждому ведомству равные средства для самозащиты. При республиканской форме правления законодательная власть неизбежно оказывается господствующей. Но от этого зла есть лекарство: разделить ее на разные ветви и, избрав туда представителей различными способами, положить в основу деятельности каждой разные принципы, настолько мало связанные друг с другом, насколько это допустимо при общих обязанностях и общей зависимости от народа. Не исключено, что окажется необходимым принять и дальнейшие предосторожности против опасных поползновений. Если солидный вес законодательной власти требует ее разделить, слабость исполнительной, напротив, требует ее укрепить. На первый взгляд, естественной защитой от законодателей может служить для главы исполнительной власти право вето. Однако это, пожалуй, оружие не вполне безопасное и само по себе еще недостаточное. В обыкновенных случаях его, возможно, не станут употреблять с должной твердостью, а в чрезвычайных – оно может быть вероломно изъято. Но нельзя ли восполнить этот изъян, которым страдает право вето, установив какую-нибудь заранее оговоренную связь между более слабым ведомством и более слабой ветвью в более сильном, благодаря чему эта более слабая ветвь станет поддерживать конституционные права исполнительной власти, не слишком ущемляя при этом права собственного ведомства?

Вряд ли можно сказать, что в России ситуация настолько хороша, что мы можем менять конституцию. Я думаю, что Россия не должна специально под выборы менять свое государственное устройство (пресс-конференция в РИА «Новости», 28.03.2005).

Глеб Павловский

Если принципы, на которых основаны эти суждения, верны – а я полагаю, что так оно и есть, – то, применив их как критерий к конституциям нескольких штатов и к федеральной конституции, мы обнаружим, что, если последняя не полностью с ними

согласуется, первые тем паче и вовсе не способны выдержать подобное испытание.

Сверх того, к федеральной системе Америки в особенности относятся два соображения, в свете которых эта система оказывается крайне интересной для рассмотрения.

Первое. В одной отдельной республике вся власть, отчуждаемая от себя народом, передается одному отдельному правительству, а разделение его на автономные и раздельные ведомства служит защитой от узурпации. В объединенной республике, каковой являются Соединенные Штаты, власть, отчуждаемая от себя народом, сначала распределяется между двумя автономными правительствами, а затем та ее часть, которая поступает в распоряжение каждого из них, повторно распределяется между автономными и раздельными ведомствами. Таким образом безопасность прав народа гарантируется вдвойне. Правительства будут надзирать друг за другом, и вместе с тем каждое – надзирать за собой.

Второе. Для республики очень важно не только охранять общество от притеснений со стороны правителей, но и охранять одну его часть от несправедливости со стороны другой. У различных классов граждан неизбежно существуют различные интересы. Если общий интерес объединит большинство, права меньшинства могут оказаться под угрозой. Против этого зла есть только два средства: первое – создать силу, независимую от большинства, то есть от самого общества, второе – разбить общество на такое большое число отдельных групп граждан, какое сделает любое объединение ради несправедливых целей маловероятным и, пожалуй, даже неосуществимым. Первое средство чаще в ходу у правителей, получивших власть по наследству или самих ее взявших. Защита эта не слишком надежна: сила, не зависящая от общества, может равно поддержать как несправедливые взгляды большинства, так и законные интересы меньшинства, а то и ополчиться против обоих. Второе средство будет воплощено в федеральной республике Соединенные Штаты. Пока вся власть в ней исходит и зависит от общества, само общество разделится на столько частей, интересов и групп, что правам отдельных граждан или меньшинства вряд ли сможет угрожать объединившееся заинтересованное большинство. При свободном правлении гражданские права должны быть в такой же безопасности, как и права религиозные. В первом случае их безопасность обеспечивается множеством интересов, во втором – множеством сект. В обоих случаях степень безопасности будет зависеть от числа различных интересов и числа сект, а это в свою очередь зависит от размеров территории

страны и численности населения, подчиняющегося одному и тому же правительству. С этой точки зрения подлинная федеральная система может быть особенно рекомендована всем искренним и верным друзьям республиканского правления. Ибо ясно, что по мере того, как территория Союза будет слагаться из вступающих в него небольших конфедераций или штатов, деспотическому большинству будет все легче и легче объединяться, а возможность республиканского правления обезопасить права каждого гражданина – уменьшаться, и, следственно, необходимо пропорционально укреплять положение и независимость членов правительства, которым одним дано обеспечить эту безопасность. Целью правления является справедливость. Справедливость – цель гражданского общества. И к этой цели оно всегда стремилось и будет стремиться, пока ее не достигнет или пока в стремлении к ней не утратит самой свободы. В обществе, устроенном так, что более сильной партии ничего не стоит сплотиться и утеснить более слабую, вполне может, по правде говоря, воцариться анархия – точно так же, как в природе, где более слабое существо не защищено от насилия со стороны более сильного. И так же как в последнем случае даже более сильным их положение постоянной неуверенности подсказывает выход в том, чтобы подчиниться власти, которая будет защищать и слабых и их самих, так же и в гражданском обществе более мощные клики или партии постепенно, движимые тем же мотивом, придут к желанию иметь правительство, которое возьмет под свою охрану все партии, более слабые, равно как и более сильные. Нет сомнения, что, если штат Род-Айленд, выйдя из конфедерации, окажется предоставленным самому себе, шаткость прав, не обеспеченных при народном правлении на такой небольшой территории, приведет к постоянному произволу со стороны крамольного большинства, и очень скоро править штатом призовут власть, полностью независимую от народа, – призовет то самое большинство, чье неумелое правление доказало ее необходимость. В огромной по территории республике Соединенные Штаты, при обилии в ней различных интересов, партий и религиозных сект, вряд ли возможно объединение большинства, взятого от всего общества в целом, с какой-либо иной целью, кроме утверждения справедливости и достижения всеобщего блага. Таким образом, почти отпадает опасность для малой партии оказаться под пятой большой, а раз так, то почти отпадает и повод обеспечивать безопасность малой партии, вводя в правительство силы, независимые от большой партии или, иными словами, независимые от самого общества. Столь же безусловно, как, впрочем, и важно, хотя высказывались и

противоположные мнения, следующее: чем больше общество – при условии, что оно существует в реальной среде, – тем оно способнее к самоуправлению. А к счастью, для дела республики эта реальная сфера может быть расширена до огромных размеров, если не бояться разумных преобразований и некоторого отклонения от федерального принципа.

СОВРЕМЕННАЯ ДИСКУССИЯ

М. ШУГАРТ, Л. КЭРИ. ПРЕЗИДЕНТЫ И АССАМБЛЕИ [55]

Шугарт Мэтью Соберг, профессор политологии Калифорнийского университета (г. Сан-Диего).

Кэри Джон, профессор политических наук Калифорнийского университета (г. Сан-Диего).

Главы из книги «Президенты и ассамблеи», посвященные полемике с известными политологами Хуаном Хосе Линцем и Арендтом Лейпхартом, выступившими с критикой президентских систем и апологией парламентаризма.

‹…› Используемое в настоящей работе определение президентской формы правления (или «чисто» президентской системы) включает в себя следующие положения:

1) всенародное избрание носителя верховной исполнительной власти;

2) сроки полномочий носителя верховной исполнительной власти и законодательного органа – фиксированы и не зависят от доверия сторон друг к другу;

3) выборная исполнительная власть назначает правительство и определяет его состав.

Данная трехчленная дефиниция, наряду с констатацией того, что президент должен избираться либо непосредственно гражданами, либо избираемой гражданами специальной коллегией выборщиков, указывает на раздельность источников формирования и поддержания правительства (исполнительной власти) и законодательной ассамблеи. Можно выделить также четвертый критерий, логически вытекающий из предыдущих:

4) президент имеет известные, определенные конституцией права в законодательной сфере.

Четвертый критерий не затрагивает способы формирования и раздельного функционирования властей. Но если бы президенты не имели законодательных полномочий (вроде права вето), то им пришлось бы довольствоваться ролью «исполнительной власти» в самом буквальном смысле слова – просто исполнять решения законодателей, на которых они никак не могли бы повлиять. Предоставление президенту законодательных полномочий – это гарантия того, что программа, получившая народное одобрение на президентских выборах, будет переведена в практическую политику.

Как подсказывает само название, премьер-президентский режим – это режим, предполагающий наличие и премьера (премьер-министра), как при парламентской системе, и всенародно избранного президента. ‹…›

Премьер-президентская система характеризуется тем, что:

1) президент избирается всенародно;

2) президент наделен существенными полномочиями;

3) одновременно с президентом существуют и выполняют функции исполнительной власти премьер-министр и кабинет, ответственные перед законодательным собранием.

Первый критерий предполагает наличие всенародно избранного носителя исполнительной власти, но, в отличие от президентской системы, президент не является обязательно «верховным» носителем этой власти, а должен сосуществовать с премьером – главой правительства. Относительные объемы полномочий сторон могут существенным образом варьировать в зависимости от страны, а также от конкретных обстоятельств в рамках одной и той же страны.

Второй критерий – наличие у президента неких политических полномочий. Отличие от президентской системы состоит в данном случае в том, что в условиях премьер-президентского режима эти полномочия не обязательно должны быть законодательными. Они могут включать, к примеру, возможность вынести законопроект на референдум или оспорить его в судебном порядке. Предоставление президенту иных законодательных полномочий, таких как право вето или право издавать указы, легко может привести к конфликту между ним и другой частью исполнительной власти, зависящей от доверия законодательного собрания. Однако в некоторых премьерпрезидентских системах президент наделялся и наделяется подобными полномочиями. Более типичны – и более соответствуют характеру рассматриваемого режима – полномочия, связанные с формированием правительства: например, право выдвигать кандидатуры министров и делать назначения на неправительственные должности. В премьер-президентских системах президенты обычно располагают также правом распускать парламент. Важно отметить, что данная система не обеспечивает президенту возможность контролировать правительство или ассамблею законодательными средствами. Чертой, при пересечении которой режим перестает быть премьер-президентским, является предоставление президенту права единолично решать вопрос о смещении министров.

Мы определили два идеальных типа режимов с всенародно избранными президентами. Реально существующие режимы

представляют собой различные вариации и оттенки описанных типов. Было бы бессмысленно рассматривать каждый из имеющихся оттенков в качестве отдельного типа, ибо невозможно зафиксировать в классификации все многообразие способов разделения властей и объемов президентских полномочий. И все же есть случаи существенных отклонений от выделенных выше критериев. Наиболее распространенное из них – закрепление полномочий по формированию кабинета как за президентом, так и за парламентом. Если президент имеет право назначать и смещать министров, но при этом министры зависят от доверия законодательного собрания, можно говорить об особом режиме. Такие режимы, представленные в мировой практике несколькими примерами, мы будем называть президентско-парламентскими. Подобно тому как термины «президентская» и «парламентская система» указывают на то, какой выборный институт уполномочен определять состав правительства, а термин «премьер-президентская система» фиксирует ведущую роль премьер-министра при наличии президента, наделенного существенными полномочиями, предложенный нами термин схватывает сущностную характеристику президентско-парламентских систем – главенство президента в сочетании с зависимостью кабинета от парламента. Отсюда вытекает определение режима:

1) наличие всенародно избранного президента;

2) президент назначает и смещает членов кабинета;

3) члены кабинета должны пользоваться доверием парламента;

4) президент имеет право распустить парламент (законодательную ветвь власти в целом).

‹…› все описанные в современной литературе недостатки президентской формы правления распадаются на три основные категории в следующем:

1) отсутствие временной гибкости;

2) мажоритарные тенденции;

3) двойная демократическая легитимность.

Отсутствие временной гибкости. Проблемы первой группы, имеющие отношение к временной негибкости, возникают в связи с продолжительностью полномочий президентов и законодательных собраний. Хотя конституции президентских систем обычно допускают импичмент, реализация этой нормы всегда сопряжена с крайне сложной процедурой, требующей принятия соответствующего решения квалифицированным парламентским большинством на основе установленных злоупотреблений или превышения полномочий со стороны

носителя верховной исполнительной власти. Вообще говоря, президенты избираются на фиксированный срок от четырех до шести лет и не могут быть смещены по политическим соображениям. Хотя творцы президентских конституций рассматривали эту практику как гарантию стабильности исполнительной власти, критики нередко указывают на ее сомнительность с политической точки зрения – и отнюдь не без оснований.

Основная проблема, которой чреват фиксированный срок президентских полномочий, состоит в том, что носитель верховной исполнительной власти может лишиться всякой популярности в народе или отчасти сохранить такую популярность, но вызвать стойкую оппозицию парламентского большинства. Такой президент едва ли способен начать и практически осуществить какую бы то ни было программу, нуждающуюся в законодательном закреплении, пребывая в состоянии постоянной конфронтации с парламентским большинством, стремящимся к реализации альтернативной программы. Но даже когда президент не встречает никакой поддержки со стороны граждан, он остается главой правительства (и государства), пока не истечет фиксированный срок его полномочий. ‹…›

С другим проявлением той же самой проблемы мы сталкиваемся тогда, когда по истечении срока полномочий власти лишается весьма популярный и компетентный президент. Там, где конституция запрещает переизбрание на второй срок (по крайней мере сразу же по истечении первого), – а именно так обстоит дело в большинстве латиноамериканских стран, – возникает парадоксальная ситуация, когда надо пожертвовать либо эффективным правительством, либо конституцией. В большинстве президентских систем страна в целом и, более того, каждая из крупнейших партий сталкивается с необходимостью выдвигать видного лидера общенационального масштаба раз в четыре или пять лет. Критики отмечают, что для системы это оказывается не только тяжким, но и излишним бременем.

Проблема временной негибкости не сводится к срокам полномочий исполнительной власти. Законодательные собрания тоже избираются на фиксированный срок, который не может быть сокращен по политическим соображениям.

Отсутствие у законодательного собрания права смещать президента, а у президента – права распускать парламент делает кризисы, обусловленные глубинными противоречиями между двумя ветвями власти, практически неразрешимыми. ‹…› / ‹…› оказывается в крайне уязвимом положении чуть ли не с первого

дня своих полномочий. Всем известно, когда ему предстоит оставить должность. Одного этого знания достаточно, чтобы склонить упрямых парламентариев, не склонных к взаимоприемлемым решениям по вопросам законодательства, к полной бескомпромиссности.

Мажоритарные тенденции. Вторая группа проблем, связанных с президентской формой правления, обусловлена мажоритарными тенденциями, присущими большинству президентских систем.

‹…› каким бы большинством не побеждал лидирующий кандидат, ни одни президентские выборы не достигают даже грубого приближения к пропорциональному представительству предпочтений электората. Поскольку победитель на выборах, где оспаривается всего одно место, по определению получает 100% мест, отклонение от пропорциональности неизбежно оказывается равным разнице между 100% и долей голосов, полученных победителем. Если же в выборах участвуют несколько кандидатов, отклонение может достигать 60% и более. ‹…› глава государства и правительства фактически представляет лишь меньшинство избирателей.

Соотношение избирательских предпочтений искажается уже при выборах президента, когда же происходит формирование правительства, это искажение не ослабевает, а еще больше усиливается. В отличие от парламентской и премьер-президентской систем, президентский режим не способствует достижению межпартийных компромиссов с целью формирования правительственных коалиций. ‹…› Даже в тех немногих случаях, когда для утверждения министров требуется санкция законодательного собрания, сместить их может лишь президент. Чаще всего посты получают члены президентской партии или беспартийные эксперты и лишь крайне редко – сторонники оппозиции. В большинстве президентских систем министры не имеют права совмещать правительственную должность с членством в парламенте, вследствие чего возможности парламентской оппозиции влиять на действия исполнительной власти еще более сокращаются.

Ввиду исключительного и единоличного характера президентских полномочий завоевание этой должности становится самодовлеющей целью и заслоняет собой все остальные задачи, стоящие перед партиями в условиях президентской системы. В этом и состоит качество, которое Х. Линц определяет как «победитель получает все». Высота ставок в сочетании с уверенностью, что контроль над исполнительной властью уже нельзя будет оспорить законным путем до истечения

известного срока, определяет особо напряженный характер электоральной борьбы во время президентских выборов. После выборов победители тоже не имеют стимулов договариваться с побежденными соперниками. Главный приз уже получен, и только те, кто внес свой вклад в победу, могут претендовать на вознаграждение, будь то покровительство властей или правительственные должности. Более того, и у побежденных нет причин сотрудничать с победителями. Принимая по внимание исключительность президентских полномочий, такое сотрудничество сулит им мало выгод.

Двойная демократическая легитимность. Последняя группа аргументов против президентской системы основана на том, что такого рода система дает основания для отдельных друг от друга и соперничающих между собой претензий на демократическую легитимность со стороны законодательного собрания и исполнительной власти. Эти претензии вытекают из первых двух элементов определения президентской системы. Поскольку и парламент, и президент являются всенародно избранными, каждый из органов может претендовать на уникальный всенародный мандат. Кроме того, поскольку сроки полномочий президента и законодательного собрания не зависят от отношений между ними, потребность в сотрудничестве не очень настоятельна. Важность подобных аргументов тем более велика, что в контексте институтов, в которые не встроены стимулы к сотрудничеству, рассмотренные выше проблемы временной негибкости и мажоритарности становятся практически неразрешимыми.

‹…› президенты стран с мультипартийными системами, не пользующиеся поддержкой большинства членов законодательного собрания, не имеют столь сильных стимулов к созданию и поддержанию коалиций, как носители исполнительной власти в условиях парламентаризма. Принятие того или иного закона зависит от успешного создания коалиций. Но для выживания самой исполнительной власти никаких коалиций не требуется. Поэтому во многих президентских режимах в коалиции вступают не партии, а отдельные члены парламента, и предложения о сотрудничестве делаются парламентариям как частным лицам. Поскольку же президенты, в отличие от премьер-министров, не нуждаются в постоянной поддержке парламентского большинства, у них отсутствуют и стимулы принимать во внимание недовольство парламентариев. В результате возрастает вероятность возникновения политических кризисов.

Принятие новой Конституции сейчас

маловероятно. Это и не нужно. Первоначально этот документ достаточно резко критиковался. Но после того как были приняты кодексы, отраслевые законодательные акты, стало ясно, что Конституция у нас достаточно четкая, современная и вполне рабочая. А вообще, любые поправки в Конституцию, если их вносить, повлекут за собой изменения в отраслевых законодательных актах. Чисто теоретически Конституцию могут поменять, если в стране что-то произойдет. Как, например, переворот в 1993 году. Но я надеюсь, что ничего подобного больше не случится и мы проработаем с нынешней Конституцией еще несколько десятков лет («Собеседник», 22.02.2005).

Павел Крашенинников, председатель Комитета Государственной Думы по законодательству

‹…› особенности электорального процесса в условиях президентской системы способствуют избранию на высшую должность в государстве «политических аутсайдеров». ‹…› Прямые выборы носителей исполнительной власти требуют, чтобы кандидат прежде всего нравился избирателям, пусть даже у него не будет политического опыта. Более того, кандидаты, чья личная популярность не связана с какими-либо партийными или правительственными должностями, могут выходить на президентские выборы при поддержке партий, создаваемых исключительно с целью победы на этих конкретных выборах.

‹…› двойная демократическая легитимность, присущая президентским системам, не только выдвигает на первый план лидеров, не желающих или не способных сотрудничать с законодательными собраниями, но и лишает парламентариев стимулов к сближению с исполнительной властью. Для представителей всех партий, кроме президентской, логика такого подхода ясна и подобна логике оппозиционеров в условиях парламентаризма: сотрудничать с исполнительной властью просто невыгодно. Но даже члены президентской партии в условиях разделения властей могут постепенно утратить стимулы к сотрудничеству с президентом и перейти в оппозицию.

Особенно отчетливо данная тенденция прослеживается там, где президент не может быть избран ‹…› сильного стимула поддерживать уходящего президента нет. В то же время отсутствие электоральных перспектив у президента не исключает наличия таковых у парламентариев. В этих условиях любое

падение популярности президента может побудить парламентариев к тому, чтобы как можно дальше дистанцироваться от носителя верховной исполнительной власти. Результатом ‹…› является поляризация ассамблеи, затрагивающая как межпартийные отношения (оппозиционные парламентарии атакуют президента), так и внутрипартийные отношения (члены президентской партии пытаются отделить собственные политические перспективы от перспектив уходящего президента).

‹…› президентские системы порождают слабую – или, по меньшей мере, уязвимую – исполнительную власть. Подобная постановка вопроса не противоречит лейпхартовской критике мажоритарных тенденций президентского режима. Парадокс системы в том и состоит, что в то время как мажоритарные тенденции ведут к завышенной оценке потенциальной силы президентской власти, противоречащие друг другу стимулы внутри системы не обеспечивают реализации этого потенциала.

‹…› критики президентской формы правления правы, когда указывают на то, что трудность создания и поддержания пропрезидентских коалиций в ассамблеях серьезно ограничивает эффективность президентских систем. Принцип разделения законодательной и исполнительной властей, призванный препятствовать злоупотреблениям каждой из них, приносит нежелательные плоды, когда ни одна из властей не способна к эффективному управлению.

Утверждается, что хронические конфликты между исполнительной и законодательной властями чреваты гораздо большей опасностью, чем сам тупик – ведь выход из тупика может быть найден на путях подмены законов президентскими декретами или, хуже того, военного переворота.

Утверждение, что приостановка законодательного процесса ведет к управлению посредством декретов, достаточно ясно. ‹…› Конгресс страны был раздроблен на многочисленные фракции, что, в сочетании с отсутствием парламентской законодательной инициативы, практически исключало создание коалиций (хотя формально обе основные партии страны поддерживали на президентских выборах единого кандидата от Национального фронта). А поскольку президенты не располагали парламентской поддержкой, необходимой для принятия нужного им законодательства, они и правили посредством декретов в течение всего периода чрезвычайного положения в 1960-х и 1970-х гг.

‹…› некоторые авторы прямо утверждают, что бездействие президентов, связанное с их неспособностью опереться на устойчивое парламентское большинство, может привести к нестабильности режима и вызвать военные перевороты.

‹…› по уровню коллегиальности парламентские кабинеты неизбежно превосходят президентские. Даже премьер-министры, явно доминирующие над другими членами правительства (как Маргарет Тэтчер в Великобритании), в конечном счете несут ответственность перед своими партиями. Хорошей иллюстрацией служит как раз то, что Тэтчер была смещена со своего поста в ноябре 1990 г. Консервативной партией после публичной критики в ее адрес со стороны других членов правительства. В то же время при президентской системе правительство, и в особенности его глава, не подотчетны другим выборным органам.

Даже в условиях авторитаризма формально парламентская конституция может оставить за партией немалую долю власти над главой правительства. Поэтому везде, где партийная организация имеет реальное значение, следует ожидать возникновения парламентских систем. И действительно, коммунистические режимы Восточной Европы и Советского Союза до 1990 г. были в основном парламентскими по форме. О том, что это не было чистой фикцией, свидетельствуют смещения таких лидеров, как Никита Хрущев и Эдвард Терек, их собственными партиями.

Показательно, что когда Михаил Горбачев захотел отстоять свои властные полномочия от той части партии, которая, как он опасался, могла стремиться к его смещению, он пошел на принятие президентской конституции.

… Критика президентского режима во многом связана с оценкой вероятности создания на его основе устойчивого демократического порядка. Утверждается, что парламентская система, не имеющая проблем вроде отсутствия временной гибкости и двойной демократической легитимности и разрешающая конфликты между ветвями власти путем вотума недоверия, более благоприятна для устойчивого демократического развития. При президентской же системе конфликты между ветвями власти ведут к переворотам и другим недемократическим акциям.

‹…› мы обращаем внимание на несколько идеал-типических преимуществ президентской системы. Подобная система в большей мере, чем парламентаризм, обеспечивает:

а) подотчетность;

б) идентифицируемость;

в) взаимные сдержки;

г) арбитраж.

Подотчетность. Понятие подотчетности характеризует степень и средства обеспечения ответственности выборных руководителей перед гражданами. Чем более прямой является

связь между сделанным электоратом выбором и его ожиданиями относительно руководства, тем выше уровень подотчетности. ‹…›… избирателям не обязательно подвергать оценке политические программы, для претворения которых они избирают руководителей. На практике избирателю нужно лишь одно – возможность применить эффективную санкцию против правительства на следующих выборах. Должностные лица должны предвидеть вероятность применения таких санкций, если они будут действовать слишком уж несообразно желаниям избирателей.

С точки зрения максимизации прямой подотчетности руководителей избирателям, президентская система имеет явное преимущество перед парламентской, ибо избиратель отдает свой голос носителю исполнительной власти, который не может быть смещен вследствие изменения соотношения сил в парламенте. ‹…› Не вдаваясь в обсуждение вопроса о том, способен ли какой бы то ни было конкретный электорат на деле реализовать свое право на гражданский контроль в описанной выше форме, заметим, что максимизация подотчетности отвечает фундаментальным принципам представительной демократии. ‹…› Поэтому прямые выборы исполнительной власти и обусловленную ими подотчетность президента обществу следует рассматривать как преимущества президентской системы.

Идентифицируемость. К подотчетности близок и другой аспект взаимосвязи между избирателями и исходами выборов – способность избирателя еще до завершения избирательной кампании предвидеть вероятные составы потенциальных правительств. Понятие идентифицируемости тесно коррелирует с принципом теории демократии, согласно которому избиратели должны иметь возможность вручить свой мандат избранным ими представителям. В отличие от подотчетности, которая предполагает четкую правительственную ответственность, дабы избиратель мог наказать или вознаградить избранных им представителей ретроспективно, максимизация идентифицируемости требует предоставления ему возможности сделать ясный выбор на перспективу. ‹…› В президентских системах индекс идентифицируемости почти неизбежно приближаетсся к 1,00. Даже при наличии мультипартийности прямое избрание президента ведет к тому, что выделяются два «серьезных» кандидата, которые и оспаривают пост главы исполнительной власти. Таким образом, если мы ценим способность избирателя предвидеть состав потенциальных правительств, которые могут быть сформированы после выборов, президентскую систему надо предпочесть большинству

разновидностей парламентаризма.

Взаимные сдержки. Проясняя взаимоотношения между избирателями и их представителями, президентская система аналогичным образом проясняет и ставки в законодательных играх между парламентом и исполнительной властью. Повинуясь логике, о которой говорилось выше, не опасающиеся последствий вынесения вотума недоверия законодатели могут поддержать или отвергнуть любую законодательную инициативу исполнительной власти, исходя из ее собственных достоинств, а не соображений, связанных с выживанием правительства. ‹…› когда президент не пользуется поддержкой парламентского большинства, достижение консенсуса, – если соотношение полномочий сторон благоприятствует поиску компромиссов, – может оказаться предпочтительным выходом.

Если же президентская партия или поддерживающая президента устойчивая коалиция имеет парламентское большинство, то независимость ассамблеи становится явным преимуществом.

Снижая элемент принудительности в отношениях между исполнительной властью и парламентским большинством, президентский режим позволяет оппозиции играть свою роль, не угрожая при этом правительственной стабильности, – если, конечно, часть оппозиционеров выступает на стороне исполнительной власти при голосованиях по отдельным вопросам. ‹…› В то же время, не лишена оснований и позиция Мэйнвэринга. Президентская система без президентского большинства чревата проблемами. Отсюда вытекает вопрос: можно ли сохранить сдерживающую роль законодательного собрания в условиях президентского большинства, в то же время имея в запасе механизм выхода из тупиковых ситуаций в тех случаях, когда большинство оппозиционно?

Арбитраж. Переворачивая с ног на голову критику президентской системы за ее неспособность обеспечить парламентскую дисциплину, некоторые авторы утверждают, что президент мог бы выступать в качестве надпартийного арбитра при разрешении политических конфликтов. В известном смысле, при таком подходе достоинством оказывается именно то, что президент лишен возможности принуждать парламентариев к сотрудничеству, шантажируя их угрозой правительственного кризиса. ‹…›

В сущности, сценарии таковы. Если президент имеет поддержку парламентского большинства, ему нет нужды выступать в качестве арбитра, ибо президентские инициативы все равно получат одобрение законодательного собрания (хотя

последнее сохранит свои контролирующие функции). Но если президент опирается на парламентское меньшинство, то арбитраж может оказаться последней из доступных ему возможностей. Тот факт, что президент не связан необходимостью сохранять доверие парламента, позволяет ему выступать в этой роли лучше, чем могут опирающиеся на меньшинство премьер-министры. ‹…›

А. МИГРАНЯН. РОССИЯ: ОТ ХАОСА К ПОРЯДКУ? [56]

Мигранян Андраник Мовсесович (род. 1949 – в Ереване) – известный российский политолог, окончил МГИМО, является профессором МГИМО (У) МИД РФ и сотрудником ряда консалтинговых организаций. С 1993 по 2000 г. член Президентского совета. Автор ряда известных публикаций по вопросам политической системы и политического развития России.

Мигранян одним из первых еще в период перестройки выдвинул идею о необходимости в России сильной авторитарной власти для реализации экономических и политических преобразований (концепция «авторитарного перехода к демократии»). Согласно этой концепции, в случае успешного продвижения реформ такой авторитарный реформаторский режим неизбежно будет эволюционировать в направлении демократии. Эти идеи вызвали дискуссию среди российских реформаторов и подверглись критике. В дальнейшем Мигранян несколько видоизменил свои позиции, отмечая, в частности, что при авторитарной трансформации развитие к демократии в России не предопределено. Но в главном он остается приверженцем идеи, что только сильное государство и сильная президентская власть могут обеспечить успешное реформирование и успешную модернизацию России.

‹…› В заключение не могу не остановиться на одном из важных вопросов последних лет, на Конституции, оставленной в наследие Путину в качестве возможного Президента России с имеющимися в ней полномочиями для Президента.

О необходимости конституционной реформы в нашей стране не говорил только лишь ленивый. Уже на стадии обсуждения проекта Конституции отмечалась угроза политической системе из-за явного дисбаланса прав и полномочий между ветвями власти. Эти угрозы особенно усилились после успеха Жириновского на выборах 1993 года, когда многие либералы в истерике требовали ограничения прав и полномочий Президента на случай, если в России победит политик типа Жириновского и легальным путем установит авторитарный или даже

тоталитарный режим.

Многие серьезные аналитики, помимо истеричных либералов, также считают, что нынешняя Конституция установила в России суперпрезидентскую республику с практически неограниченными возможностями и полномочиями. Я, будучи одним из участников Конституционного совещания, одним из авторов и активных защитников сильной президентской власти, с недавних пор сам выступил за необходимость конституционной реформы. Правда, мои мотивы были принципиально противоположны тем, которые выдвигались нашими достойными политологами и юристами, но которые в основном носили или ситуационный характер, или же абстрактно-теоретический, как, например, введение поста вице-президента или же последовательный перенос на российскую почву смешанной президентско-парламентской системы, апробированной во Франции и в ряде стран Восточной Европы.

Мои претензии к действующей Конституции вытекали из анализа функционирования самой системы власти, построенной на основе Конституции. Данный анализ привел меня к выводу, что существующая система власти в отсутствие реального институционального разделения властей и механизма сдержек и противовесов не только предоставляет Президенту возможность неограниченных действий, но и, что еще более важно, позволяет ничего не делать. В одном случае он может быть сверхактивен, инициативен и субъектен, а в другом – он теряет субъектность, но, чтобы сохранить себя во власти над политической системой, куда его определила Конституция, он должен парализовать всю политическую систему. В этом втором случае отсутствие механизма сдержек и противовесов между институтами компенсируется созданием механизмов сдержек и противовесов внутри институтов.

В итоге вся созидательная энергия в правительстве и парламенте расходуется на борьбу друг с другом вместо достижения определенных, поставленных перед страной целей. Премьер борется с первым заместителем, который превращается в потенциального премьера при действующем, и через него премьер движется в узде со стороны Президента.

В этих условиях идет резкое снижение роли и значения политических институтов в лице правительства и администрации Президента, парламента и судов. Несоизмеримо возрастает роль внеинституционально оформленного центра принятия решений как по кадровым, так и по политическим вопросам. Президент во многом юридически оформляет решения этого внеинституционального центра. За последние годы, особенно после операции Ельцина, второй тип управления страной стал

нормой и действующая Конституция позволяла Президенту сохранить власть. Даже если она перетекала к внеинституциональному центру под названием «Семья». Правда, часто для этого требовались постоянная смена кабинетов и стравливание премьеров со своими первыми заместителями и поддержание вражды между правительством и Кремлем, с одной стороны, и Думой – с другой.

Унаследовав действующую Конституцию, Путин неминуемо сталкивается с вышеназванными двумя возможными типами управления. При наличии видения стратегических целей общества и страны и воли к их достижению нынешняя Конституция дает Президенту все необходимые возможности для инициативной, энергичной, созидательной работы. Может быть, на данном переходном периоде для России, когда требуется дальнейшая централизация и консолидация власти в стране, защита ее территориальной целостности, энергичные действия как в экономике, так и в международных отношениях, – эти полномочия, заложенные в Конституции для президентов, могут стать благом для страны. Однако нельзя все же забывать, что существует и угроза парализации политической системы и перехода власти от властных институтов к очередным структурам под названием «новая Семья».

Во избежание этого не следует ограничивать полномочия Президента в пользу правительства или же вводить экзотический для России институт вице-президентства, так как в отличие от США в России формально второй по статусу не ждет до тех пор, пока он станет первым, он немедленно превращается в новый центр власти и создает угрозу стабильности политической системы, так как в отличие от США в России в условиях отсутствия развитой политической культуры и традиции не отлажены механизмы демократического взаимодействия между подобного рода институтами. Как, впрочем, при слабом, да и любом Президенте премьер имеет шанс превратиться в альтернативный Президенту центр власти. Чтобы не уходить в детали, тем более что конституционная реформа – это тема самостоятельного анализа, хочу лишь отметить, что если возможный молодой, энергичный и волевой Президент захочет осуществить конституционную реформу, он должен исходить из опыта функционирования Российского государства и политической системы как при царизме и коммунистах, так и при демократах. Так как некоторые ключевые элементы всех трех политических систем воспроизводятся на вершине власти в России вне зависимости от формы политического режима, будь то царь, генсек или демократически избранный Президент России, в

итоге имеют все права и полномочия по принятию политических и кадровых решений, имеют неограниченные возможности как помогать работе правительства, так и парализовать всю исполнительную власть, что в конечном итоге оказывает разрушительное воздействие на всю политическую систему России. Именно учитывая это обстоятельство, следует реформу верховной власти осуществить таким образом, чтобы вся полнота исполнительной власти легла на плечи избранного Президента, который сам и выполнял бы функции премьер-министра. Только в этом случае Россия может получить полноценную, дееспособную исполнительную власть, когда избранный Президент руководит правительством и несет ответственность за деятельность правительства, а не скрывается за чью-то спину и не спихивает ответственность на других.

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Принята на всенародном референдуме 12 декабря 1993 года

Сравнив нормы Конституции с рекомендациями «Федералиста», мы увидим, что действующая российская Конституция содержит сложную систему сдержек и противовесов: власть разделена как на три ветви по горизонтали, так и на три уровня по вертикали (Федерация, субъекты Федерации, местное самоуправление). Внутри каждого уровня предусмотрена своя система сдержек и противовесов: взаимно уравновешивают друг друга исполнительная и законодательная власть Федерации, внутри законодательной власти – две палаты Федерального Собрания. Предусмотрены процедуры разрешения возможных конфликтов – роспуск Государственной Думы и проведение внеочередных выборов в случае невозможности сформировать правительство, наложение и преодоление вето на закон.

Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью

мирового сообщества, принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Статья 1

1. Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления.
2. Наименования Российская Федерация и Россия равнозначны.

Статья 2

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Статья 3

1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.
2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.
3. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы.
4. Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону.

Статья 5

1. Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации.
2. Республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеет свой устав и

законодательство.

3. Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации.

4. Во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны.

Статья 10

Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны.

Статья 11

1. Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации.

2. Государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти.

3. Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется настоящей Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий.

Статья 12

В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления

не входят в систему органов государственной власти.

Конституция не будет меняться, пока Путин остается президентом. К тому же количество заинтересованных в изменении Конституции существенно меньше тех, что хотят всеобщих выборов («Независимая газета», 14.02.2005).

Константин Ремчуков, помощник главы МЭРТ РФ

Статья 80

1. Президент Российской Федерации является главой государства.
2. Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. В установленном Конституцией Российской Федерации порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти.
3. Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики государства.
4. Президент Российской Федерации как глава государства представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях.

Статья 81

1. Президент Российской Федерации избирается на четыре года гражданами Российской Федерации на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.
2. Президентом Российской Федерации может быть избран гражданин Российской Федерации не моложе 35 лет, постоянно проживающий в Российской Федерации не менее 10 лет.
3. Одно и то же лицо не может занимать должность Президента Российской Федерации более двух сроков подряд.

Конституция страны работает достаточно

эффективно, но возможные изменения – это вопрос политической воли («Новые Известия», 14.02.2005).

Валерий Зорькин, председатель Конституционного суда России

Статья 83

Президент Российской Федерации:

а) назначает с согласия Государственной Думы Председателя Правительства Российской Федерации;

б) имеет право председательствовать на заседаниях Правительства Российской Федерации;

в) принимает решение об отставке Правительства Российской Федерации;

г) представляет Государственной Думе кандидатуру для назначения на должность Председателя Центрального банка Российской Федерации; ставит перед Государственной Думой вопрос об освобождении от должности Председателя Центрального банка Российской Федерации;

д) по предложению Председателя Правительства Российской Федерации назначает на должность и освобождает от должности заместителей Председателя Правительства Российской Федерации, федеральных министров;

е) представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должности судей Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а также кандидатуру Генерального прокурора Российской Федерации; вносит в Совет Федерации предложение об освобождении от должности Генерального прокурора Российской Федерации; назначает судей других федеральных судов;

ж) формирует и возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации, статус которого определяется федеральным законом;

з) утверждает военную доктрину Российской Федерации;

и) формирует Администрацию Президента Российской Федерации;

к) назначает и освобождает полномочных представителей Президента Российской Федерации;

л) назначает и освобождает высшее командование Вооруженных Сил Российской Федерации;

м) назначает и отзывает после консультаций с соответствующими комитетами или комиссиями палат

Федерального Собрания дипломатических представителей Российской Федерации в иностранных государствах и международных организациях.

Статья 84

Президент Российской Федерации:

а) назначает выборы Государственной Думы в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральным законом;

б) распускает Государственную Думу в случаях и порядке, предусмотренных Конституцией Российской Федерации;

в) назначает референдум в порядке, установленном *федеральным конституционным законом;*

г) вносит законопроекты в Государственную Думу;

д) подписывает и обнародует федеральные законы;

е) обращается к Федеральному Собранию с ежегодными посланиями о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства.

Статья 86

Президент Российской Федерации:

а) осуществляет руководство внешней политикой Российской Федерации;

б) ведет переговоры и подписывает международные договоры Российской Федерации;

в) подписывает ратификационные грамоты;

г) принимает верительные и отзывные грамоты аккредитуемых при нем дипломатических представителей.

Статья 87

1. Президент Российской Федерации является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации.

2. В случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии Президент Российской Федерации вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе.

3. Режим военного положения определяется федеральным

конституционным законом.

Статья 90

1. Президент Российской Федерации издает указы и распоряжения.

2. Указы и распоряжения Президента Российской Федерации обязательны для исполнения на всей территории Российской Федерации.

3. Указы и распоряжения Президента Российской Федерации не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам.

Статья 93

1. Президент Российской Федерации может быть отрешен от должности Советом Федерации только на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, подтвержденного заключением Верховного Суда Российской Федерации о наличии в действиях Президента Российской Федерации признаков преступления и заключением Конституционного Суда Российской Федерации о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения.

2. Решение Государственной Думы о выдвижении обвинения и решение Совета Федерации об отрешении Президента от должности должны быть приняты двумя третями голосов от общего числа в каждой из палат по инициативе не менее одной трети депутатов Государственной Думы и при наличии заключения специальной комиссии, образованной Государственной Думой.

3. Решение Совета Федерации об отрешении Президента Российской Федерации от должности должно быть принято не позднее чем в трехмесячный срок после выдвижения Государственной Думой обвинения против Президента. Если в этот срок решение Совета Федерации не будет принято, обвинение против Президента считается отклоненным.

Статья 94

Федеральное Собрание – парламент Российской Федерации –

является представительным и законодательным органом Российской Федерации.

Статья 95

1. Федеральное Собрание состоит из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы.

2. В Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: по одному от представительного и исполнительного органов государственной власти.

3. Государственная Дума состоит из 450 депутатов.

Статья 96

1. Государственная Дума избирается сроком на четыре года.

2. Порядок формирования Совета Федерации и порядок выборов депутатов Государственной Думы устанавливается федеральными законами.

Статья 97

1. Депутатом Государственной Думы может быть избран гражданин Российской Федерации, достигший 21 года и имеющий право участвовать в выборах.

2. Одно и то же лицо не может одновременно являться членом Совета Федерации и депутатом Государственной Думы. Депутат Государственной Думы не может быть депутатом иных представительных органов государственной власти и органов местного самоуправления.

3. Депутаты Государственной Думы работают на профессиональной постоянной основе. Депутаты Государственной Думы не могут находиться на государственной службе, заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности.

Статья 99

1. Федеральное Собрание является постоянно действующим органом.

2. Государственная Дума собирается на первое заседание на тридцатый день после избрания. Президент Российской Федерации может созвать заседание Государственной Думы ранее этого срока.

3. Первое заседание Государственной Думы открывает старейший по возрасту депутат.

4. С момента начала работы Государственной Думы нового созыва полномочия Государственной Думы прежнего созыва прекращаются.

Статья 100

1. Совет Федерации и Государственная Дума заседают раздельно.

2. Заседания Совета Федерации и Государственной Думы являются открытыми. В случаях, предусмотренных регламентом палаты, она вправе проводить закрытые заседания.

3. Палаты могут собираться совместно для заслушивания посланий Президента Российской Федерации, посланий Конституционного Суда Российской Федерации, выступлений руководителей иностранных государств.

Статья 101

1. Совет Федерации избирает из своего состава Председателя Совета Федерации и его заместителей. Государственная Дума избирает из своего состава Председателя Государственной Думы и его заместителей.

2. Председатель Совета Федерации и его заместители, Председатель Государственной Думы и его заместители ведут заседания и ведают внутренним распорядком палаты.

3. Совет Федерации и Государственная Дума образуют комитеты и комиссии, проводят по вопросам своего ведения парламентские слушания.

4. Каждая из палат принимает свой регламент и решает вопросы внутреннего распорядка своей деятельности.

5. Для осуществления контроля за исполнением федерального бюджета Совет Федерации и Государственная Дума образуют Счетную палату, состав и порядок деятельности которой определяются федеральным законом.

Статья 102

1. К ведению Совета Федерации относятся:

а) утверждение изменения границ между субъектами Российской Федерации;

б) утверждение указа Президента Российской Федерации о введении военного положения;

в) утверждение указа Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного положения;

г) решение вопроса о возможности использования Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации;

д) назначение выборов Президента Российской Федерации;

е) отрешение Президента Российской Федерации от должности;

ж) назначение на должность судей Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации;

з) назначение на должность и освобождение от должности Генерального прокурора Российской Федерации;

и) назначение на должность и освобождение от должности заместителя Председателя Счетной палаты и половины состава ее аудиторов.

2. Совет Федерации принимает постановления по вопросам, отнесенным к его ведению Конституцией Российской Федерации.

3. Постановления Совета Федерации принимаются большинством голосов от общего числа членов Совета Федерации, если иной порядок принятия решений не предусмотрен Конституцией Российской Федерации.

Статья 103

1. К ведению Государственной Думы относятся:

а) дача согласия Президенту Российской Федерации на назначение Председателя Правительства Российской Федерации;

б) решение вопроса о доверии Правительству Российской Федерации;

в) назначение на должность и освобождение от должности Председателя Центрального банка Российской Федерации;

г) назначение на должность и освобождение от должности Председателя Счетной палаты и половины состава ее аудиторов;

д) назначение на должность и освобождение от должности Уполномоченного по правам человека, действующего в соответствии с федеральным конституционным законом;

е) объявление амнистии;

ж) выдвижение обвинения против Президента Российской Федерации для отрешения его от должности.

2. Государственная Дума принимает постановления по вопросам, отнесенным к ее ведению Конституцией Российской Федерации.

3. Постановления Государственной Думы принимаются большинством голосов от общего числа депутатов Государственной Думы, если иной порядок принятия решений не предусмотрен Конституцией Российской Федерации.

Возможна ли в принципе ситуация, когда будет инициировано изменение Конституции? Думаю, это не является необходимым: у нас и так на самом деле парламентская республика с сильной президентской властью. Все можно инициировать, в том числе и подобные поправки, но чтобы вот так изменить Конституцию, надо, чтобы подобную идею восприняли в обществе («Независимая газета», 09.02.2005).

Валерий Гребенников, зам. председателя Комитета Государственной Думы по гражданскому законодательству («Единая Россия»)

Статья 104

1. Право законодательной инициативы принадлежит Президенту Российской Федерации, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду Российской Федерации, Верховному Суду Российской Федерации и Высшему Арбитражному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения.

2. Законопроекты вносятся в Государственную Думу.

3. Законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства Российской Федерации.

Статья 105

1. Федеральные законы принимаются Государственной Думой.

2. Федеральные законы принимаются большинством голосов от общего числа депутатов Государственной Думы, если иное не предусмотрено Конституцией Российской Федерации.

3. Принятые Государственной Думой федеральные законы в течение пяти дней передаются на рассмотрение Совета Федерации.

4. Федеральный закон считается одобренным Советом Федерации, если за него проголосовало более половины от общего числа членов этой палаты либо если в течение четырнадцати дней он не был рассмотрен Советом Федерации. В случае отклонения федерального закона Советом Федерации палаты могут создать согласительную комиссию для преодоления возникших разногласий, после чего федеральный закон подлежит повторному рассмотрению Государственной Думой.

5. В случае несогласия Государственной Думы с решением Совета Федерации федеральный закон считается принятым, если при повторном голосовании за него проголосовало не менее двух третей от общего числа депутатов Государственной Думы.

Статья 107

1. Принятый федеральный закон в течение пяти дней направляется Президенту Российской Федерации для подписания и обнародования.

2. Президент Российской Федерации в течение четырнадцати дней подписывает федеральный закон и обнародует его.

3. Если Президент Российской Федерации в течение четырнадцати дней с момента поступления федерального закона отклонит его, то Государственная Дума и Совет Федерации в установленном Конституцией Российской Федерации порядке вновь рассматривают данный закон. Если при повторном рассмотрении федеральный закон будет одобрен в ранее принятой редакции большинством не менее двух третей голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, он подлежит подписанию Президентом Российской Федерации в течение семи дней и обнародованию.

Статья 109

1. Государственная Дума может быть распущена Президентом Российской Федерации в случаях, предусмотренных статьями 111 и 117 Конституции Российской Федерации.

2. В случае роспуска Государственной Думы Президент Российской Федерации назначает дату выборов с тем, чтобы вновь избранная Государственная Дума собралась не позднее чем через четыре месяца с момента роспуска.

3. Государственная Дума не может быть распущена по основаниям, предусмотренным статьей 117 Конституции Российской Федерации, в течение года после ее избрания.

4. Государственная Дума не может быть распущена с момента выдвижения ею обвинения против Президента Российской Федерации до принятия соответствующего решения Советом Федерации.

5. Государственная Дума не может быть распущена в период действия на всей территории Российской Федерации военного или чрезвычайного положения, а также в течение шести месяцев до окончания срока полномочий Президента Российской Федерации.

Статья 110

1. Исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство Российской Федерации.

2. Правительство Российской Федерации состоит из Председателя Правительства Российской Федерации, заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров.

Статья 111

1. Председатель Правительства Российской Федерации назначается Президентом Российской Федерации с согласия Государственной Думы.

2. Предложение о кандидатуре Председателя Правительства Российской Федерации вносится не позднее двухнедельного срока после вступления в должность вновь избранного Президента Российской Федерации или после отставки Правительства Российской Федерации либо в течение недели со дня отклонения кандидатуры Государственной Думой.

3. Государственная Дума рассматривает представленную Президентом Российской Федерации кандидатуру Председателя

Правительства Российской Федерации в течение недели со дня внесения предложения о кандидатуре.

4. После трехкратного отклонения представленных кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации Государственной Думой Президент Российской Федерации назначает Председателя Правительства Российской Федерации, распускает Государственную Думу и назначает новые выборы.

Статья 117

1. Правительство Российской Федерации может подать в отставку, которая принимается или отклоняется Президентом Российской Федерации.

2. Президент Российской Федерации может принять решение об отставке Правительства Российской Федерации.

3. Государственная Дума может выразить недоверие Правительству Российской Федерации. Постановление о недоверии Правительству Российской Федерации принимается большинством голосов от общего числа депутатов Государственной Думы. После выражения Государственной Думой недоверия Правительству Российской Федерации Президент Российской Федерации вправе объявить об отставке Правительства Российской Федерации либо не согласиться с решением Государственной Думы. В случае если Государственная Дума в течение трех месяцев повторно выразит недоверие Правительству Российской Федерации, Президент Российской Федерации объявляет об отставке Правительства либо распускает Государственную Думу.

4. Председатель Правительства Российской Федерации может поставить перед Государственной Думой вопрос о доверии Правительству Российской Федерации. Если Государственная Дума в доверии отказывает, Президент в течение семи дней принимает решение об отставке Правительства Российской Федерации или о роспуске Государственной Думы и назначении новых выборов.

5. В случае отставки или сложения полномочий Правительство Российской Федерации по поручению Президента Российской Федерации продолжает действовать до сформирования нового Правительства Российской Федерации.

ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ

1. Россия является президентско-парламентской республикой в классификации Шугарта – Кэри. Найдите в Конституции РФ положения, доказывающие это.

_____

2. В настоящее время часто приходится слышать, что России требуется изменение формы правления, сокращение полномочий Президента и переход к парламентской республике. Выскажите и обоснуйте свое мнение по этому поводу.

_____

8. ИТОГИ РОССИЙСКОГО ПЕРЕХОДА – ОТ ГОРБАЧЕВА ДО ПУТИНА

В 2005 году исполняется 20 лет начала демократизации и реформ в СССР и России – перестройки. Этот рубеж резко обострил споры о наличных итогах и упущенных шансах. Оценки достигнутого радикально расходятся, что и неудивительно – ведь каждая оценка одновременно служит и обоснованием для того или иного политического курса.

Поэтому данный раздел построен необычно. Он открывается теми оценками, какие дали пройденному страной пути три ее руководителя, сменявшие за эти 20 лет друг друга в Кремле: Генеральный секретарь ЦК КПСС, Президент СССР М. С. Горбачев, Президент РФ Б. Н. Ельцин и Президент РФ В. В. Путин. Отметим, что оценки эти – не только политические, все они окрашены личностно, и в каждой ощущается своя горечь.

М. С. Горбачев, доказывая правильность своего стратегического решения начать перестройку, называет три главные тактические ошибки, допущенные им в Кремле: опоздание с реформированием КПСС, опоздание с реформированием Союза и допущение «фактора Ельцина».

Б. Н. Ельцин признал, что был наивен, и попросил прощения за то, что не оправдал всех надежд.

В. В. Путин вспомнил и просил **«сохранить в нашей памяти тех, кто в условиях практической неготовности государства к обеспечению безопасности своих граждан и защите своей территориальной целостности до конца выполнил свой долг перед Родиной – выполнил, как это, к сожалению, не раз бывало в истории нашей страны, ценой собственной жизни».**

Суждения руководителей нашей страны сопровождают две статьи, вызвавшие в момент своей публикации значимый резонанс.

Обширный обзор американских профессоров А. Шляйфера и Д. Трейзмана (оба – признанные знатоки «русской темы») «Россия – нормальная страна» позитивно оценивает развитие нашей страны за последние 20 лет – однако сами ориентиры для сопоставлений (Аргентина, Литва и т. д.) задевают национальное самолюбие.

ВТ. Третьяков своей статьей в 2000 году ввел в отечественный и мировой оборот термин «управляемая демократия» как обобщающую характеристику возникшего в России политического строя.

Наконец, возможно более широкий спектр мнений отечественных политиков и экспертов представлен краткими выдержками.

М. С. ГОРБАЧЕВ. ИСТОРИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ БЕЗ МЕНЯ, НО ВМЕСТЕ СО МНОЙ…

С Президентом СССР беседует Гаяз Алимов[57]

– Если бы была возможность вернуться в 1985 год. Если бы не было перестройки, а страна продолжала бы развиваться в той логике, которая была задана в 1917 году… Что было бы со страной и с нами сегодня?

– Наверное, Горбачев до сих пор был бы генсеком. А что? Голова на плечах есть, здоровье есть. Так надо ли было начинать перестройку? Мой ответ: надо. Надо. Сдавали позиции, как говорится, по всему фронту. Брежневский застой породил авторитарные изменения, возрождался «новый сталинизм без репрессий», тотальный контроль – всех и вся. Малейшие движения против партии – немедленно люди убирались. Вспоминаю, как на съезде профсоюзов один из делегатов просто задал вопрос о генсеке – срочно было созвано Политбюро. Просто вопрос – и настоящий переполох. Вот в каком состоянии находилось общество.

Страна держалась тогда на двух вещах: на страхе, а еще – нефть и водка. Повезло Брежневу, как и Путину везет, – колоссальные цены на нефть. А вот перестройщикам не повезло. В 1986 году цены упали сразу до двенадцати долларов. Можете представить, какой удар был нанесен в самом начале перестройки. Это было создано искусственно. Не нравилось, как разворачивается Союз, как он демонстрирует новый подход к политическим проблемам, демократии, вопросам о ядерной безопасности… И прочее, прочее, прочее… Эта активность наша не нравилась… Мне было известно о решении Совета национальной безопасности США на этот счет. Так что мы знали… А годом раньше мы развернули антиалкогольную кампанию… Вот так.

– Страна выжила бы, если не было бы перестройки?

– Несомненно. Несомненно… Но нами было бы упущено еще двадцать лет исторического времени. Ведь упустили уже многое. Все догоняем… На одном из пленумов Брежнев сказал о том, что научно-техническая революция диктует новые подходы и это нам нужно учитывать в экономике и не только. Дал указание готовить

пленум по этому вопросу. Была создана рабочая группа во главе, кажется, с академиком Иноземцевым, всех, как говорится, умных людей пригласили… Но ведь так и не прошел этот пленум. Почему – спросите. А потому, что анализ ученых выводил на серьезные изменения, вплоть до системных. На это, конечно же, не могло пойти руководство того времени. Я думаю так: после Пражской весны 1968 года, после ее подавления руководство испугалось того, что произошло там. В СССР наступила политическая реакция. По предложению КГБ Уголовный кодекс был дополнен двумя статьями по борьбе с диссидентами…

Да, мы бы жили, но, прямо скажу, вряд ли бы могли вписаться органично во взаимосвязанное, взаимозависимое информационное мировое сообщество. ‹…› В общем, нельзя было откладывать перемены. Перестройка созрела с объективной точки зрения. Народ уже не мог терпеть – и эту геронтократию, и этот застой… ‹…› Кухни все кипели – не только борщи на кухне варились-кипелись, и страсти тоже. ‹…› Это могло кончиться плохо…

– И страна превратилась бы в какой-то исторический анахронизм?…

– Абсолютно. В сырьевую провинцию. Кстати, партнеры России и сегодня не очень-то спешат к нам – не хотят, чтобы мы побыстрее выходили из кризиса… Несмотря на все противоречия, я думаю, у Запада есть молчаливое понимание и согласие на этот счет: пусть Россия движется, это необходимо, но чтобы она подольше находилась в полупридушенном состоянии.

– Почему они, на вага взгляд, так поступают?

– Россия – серьезный конкурент. Народ способный. Если уж за что берется, будет добиваться. Он все может, как говорится, – и отступать, и наступать ‹…›. Он все может… Он может пойти на любые жертвы… ‹…›

– Если бы перестройка не была насильственно прервана, оборвана, если бы она развивалась по своей логике, законам, за эти 20 лет, как вы думаете, каких бы целей добилась страна?

– ‹…› Я глубоко убежден, что ситуация была бы другой. Произошел обрыв перестройки, ориентированной на демократию, свободу, справедливость, на частную собственность, предпринимательство, на рыночную экономику, но вместе с тем – не на абсолютное господство ценностей капитализма. Ельцин же сделал ставку на дикий капитализм: «Грабьте! Наживайтесь!». Потом, мол, разберемся. Главное – с коммунизмом покончить…

– А перестройка ставила перед собой такую задачу?

– Не сразу мы пошли на коренное реформирование системы. Сначала хотели заставить заработать старую. Начали с ускорения, самоуправления, самофинансирования, кооперативов, аренды, частных банков, но постепенно пришли к выводу: реформировать страну на основе социал-демократического проекта. ‹…› Свобода, демократия, постепенное вхождение в рынок. Для этого были приняты фундаментальные законы, открывающие дорогу к новому будущему. Но путч 1991 года сорвал перестройку. Причем тогда, когда был подготовлен Союзный договор и принята антикризисная программа. А затем грянули беловежские соглашения о роспуске СССР. И опять в тот момент, когда был подготовлен новый Союзный договор. Это был удар в спину. Но это была авантюра. ‹…›

Борис Ельцин то ли по умыслу, то ли по заблуждению считал: надо сбросить груз союзных республик… А это значит – развалить СССР. И 100 миллиардов, которые ежегодно отдавала Россия союзным республикам через трансферты, оставить у себя, в России. Он думал: хорошо будем жить… Вспомните, что он говорил: потерпите до ноября (имеется в виду 1992 год. – *Г. А.),* а потом пойдем вверх и вверх и будем через три года в числе четырех стран – самых процветающих в мире. Судите сами…

– Но и сегодня многие считают: виновата перестройка – не было бы ее, не было бы того, что мы сейчас имеем в жизни…

– Так думают и говорят многие, но уже значительно меньше, чем это было 10 лет назад, время расставляет точки над i. Не перестройка является причиной нынешних бед, а то, что она была сорвана и заменена другим планом, другой стратегией, суть которой состояла в развале страны и осуществлении шоковой терапии. Открыли неподготовленную страну западным конкурентам. Если бы мы продолжали двигаться по перестроечному курсу, то продолжали бы жить в одной стране, события развивались по другому сценарию – уверен, лучшему.

– А какое опоздание вы считаете поворотным в своей судьбе? И считаете ли вы себя опоздавшим пассажиром?

– Если бы у меня была возможность вернуться в 1985 год? Как бы я поступил? Отвечаю: был бы тот же выбор. Стратегически тот же. Тактически действовал бы во многом по-другому. Первое. Я бы не допустил опоздания с реформированием партии. Второе. Я бы не допустил опоздания с реформированием Союза. Третье. Предупредил бы возникновение разрушающего перестройку и

страну «фактора Ельцина».

‹…› – *Как вы оцениваете действия Путина как политика?*

– У него немалые заслуги перед Россией: остановил ельцинский хаос. А процессы приобретали разрушительные масштабы. Не допустил распада России. Даже если он сделал бы только это – он уже навсегда остался бы в памяти России…

‹…› – *Еще раз о перестройке. Вы говорили о тактических ошибках в проведении реформ. Подводя итоги, какие претензии в отношении себя вы готовы принять? Какой шанс потеряла страна?*

– Георгий Шахназаров в своих мемуарах пишет, что если уж и могут быть предъявлены к Горбачеву какие-то претензии, то они по большому счету состоят в следующем: ввел в стране демократию и от нее не отказался. У меня же к себе лично больше претензий. ‹…› Я очень сожалею, что не удалось по объективным и субъективным причинам, по моим субъективным причинам, удержать перестройку. Если бы реализовывался наш сценарий, мы шаг за шагом двигались бы по пути развития демократии, к нормальной экономике, к цивилизованным экономическим отношениям, к нормально защищенной социальной жизни. ‹…›

– Вопрос в лоб. Почему Горбачев ради спасения страны все-таки не пошел хотя бы на временное подавление демократии?

– Это означало бы политическое самоубийство. Как раз этого и хотели же от меня… Но мы все-таки довели нашу свободу до точки невозвращения. Вот оборвалась перестройка, но ведь свобода осталась. Как уж мы используем ее – другой вопрос. ‹…›

Как-то я беседовал с бывшим французским премьером Барром. Он говорит: «Я ведь понимаю Путина. Ему, чтобы изменить сложившуюся ситуацию, без отдельных авторитарных шагов не обойтись». Далее спрашивает: «Не пойдет ли он на создание нового авторитаризма?». «Не пойдет. Это другой человек, – был мой ответ. – Но я с вами согласен – иногда невозможно обойтись без авторитарных действий».

– Почему вы ими не воспользовались ради сохранения СССР?

– Я обсуждал сам с собой – с кем еще обсуждать – этот вопрос. И принял то решение, какое принял. Пусть решают Верховные советы (союзных республик), у них лежит проект Союзного договора, разработанный уже после путча, и документы, принятые в Беловежской пуще.

Еще говорят: почему не арестовал Ельцина? Но вы же его

только избрали. Процесс должен идти по Конституции (Конституция СССР допускала добровольный выход союзных республик из Союза. – *Г. А.)*. Имеют ли руководители трех республик (РСФСР, УССР, БССР – первоначальных основателей СССР) законные полномочия от своих Верховных советов? А народ спросили: желает ли он покинуть Союз? Независимость народ-то воспринимал как независимость в рамках Союза. Не как отделение. Вот в чем главный вопрос. Я об этом говорил, но меня не услышали. Виню больше себя: наверное, не так говорил и объяснял происходящее.

Но беловежская «тройка» ведь знала процедуру выхода из Союза. Пусть сперва Верховные советы выскажутся. Потом съезд. Нет. Они очень торопились. Все-таки это не просто заблуждение – это жажда власти.

– Быть или не быть? Быть или нет в Кремле? В этом был оставленный вам последний выбор?

– Тогда я сам все решал… Единолично. Нет… вдвоем, со своей совестью. Быть мне в Кремле или не быть? Мое законное кресло или судьба народа? Правда закона или кровь народа? Моя личная судьба или судьба народа? Отстаивать свое кресло с боем я не хотел. Я не сомневаюсь, что этот выбор мой был самый правильный. Это выбор человека-президента. А не президента-бюрократа. Я не жалею, что человек победил во мне президента. ‹…›

Б. Н. ЕЛЬЦИН ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО ТВ 31 ДЕКАБРЯ 1999 ГОЛА

Дорогие россияне!

Осталось совсем немного времени до магической даты в нашей истории. Наступает 2000 год.

Мы все примеряли эту дату на себя. Прикидывали, сначала в детстве, потом повзрослев, сколько нам будет в 2000 году, а сколько нашей маме, а сколько нашим детям. Казалось когда-то – так далеко этот необыкновенный Новый год.

Вот этот день и настал.

Дорогие друзья! Дорогие мои!

Сегодня я в последний раз обращаюсь к вам с новогодним приветствием. Но это не все. Сегодня я последний раз обращаюсь к вам как Президент России.

Я принял решение.

Долго и мучительно над ним размышлял. Сегодня, в последний день уходящего века, я ухожу в отставку.

Я много раз слышал – Ельцин любыми путями будет держаться за власть, он никому ее не отдаст. Это – вранье.

Дело в другом. Я всегда говорил, что не отступлю от Конституции ни на шаг. Что в конституционные сроки должны пройти думские выборы. Так это и произошло. И так же мне хотелось, чтобы вовремя состоялись президентские выборы – в июне 2000 года. Это было очень важно для России. Мы создаем важнейший прецедент цивилизованной добровольной передачи власти, власти от одного Президента России другому, вновь избранному.

И все же я принял другое решение. Я ухожу. Ухожу раньше положенного срока. Я понял, что мне необходимо это сделать. Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми, умными, сильными, энергичными людьми.

А мы, те, кто стоит у власти уже многие годы, мы должны уйти.

Посмотрев, с какой надеждой и верой люди проголосовали на выборах в Думу за новое поколение политиков, я понял, главное дело своей жизни я сделал. Россия уже никогда не вернется в прошлое. Россия всегда теперь будет двигаться только вперед.

И я не должен мешать этому естественному ходу истории. Полгода еще держаться за власть, когда у страны есть сильный человек, достойный быть Президентом, и с которым сегодня

практически каждый россиянин связывает свои надежды на будущее?! Почему я должен ему мешать? Зачем ждать еще полгода? Нет, это не по мне! Не по моему характеру!

Сегодня, в этот необыкновенно важный для меня день, хочу сказать чуть больше личных своих слов, чем говорю обычно.

Процесс восстановления страны затянулся, но все же не стоит негативно оценивать перестройку как таковую. Другое дело, что далеко не все концепции и ценности, провозглашенные двадцать лет назад, удалось реализовать… Единственный президент СССР Михаил Горбачев не справился с задачей построения политического диалога с обществом. У нас и сейчас с этим проблемы. Каждый предлагает свою программу, не заботясь о ее адекватности. Лидеры либеральной России 80-90-х не интересовались правами консервативного большинства, будучи уверенными в том, что они действуют правильно. В стране сформировалась элита, рассматривающая Россию как полигон. Эта идея чужда принципу свободы: люди не должны быть распоряжаемыми («Российская газета», 11.03.2005).

Глеб Павловский

Я хочу попросить у вас прощения.

За то, что многие наши с вами мечты не сбылись. И то, что нам казалось просто, оказалось мучительно тяжело. Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного, тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее. Я сам в это верил. Казалось, одним рывком, и все одолеем.

Одним рывком не получилось. В чем-то я оказался слишком наивным. Где-то проблемы оказались слишком сложными. Мы продирались вперед через ошибки, через неудачи. Многие люди в это сложное время испытали потрясение. Но я хочу, чтобы вы знали. Я никогда этого не говорил, сегодня мне важно вам это сказать. Боль каждого из вас отзывалась болью во мне, в моем сердце. Бессонные ночи, мучительные переживания – что надо сделать, чтобы людям хотя бы чуточку, хотя бы немного жилось легче и лучше. Не было у меня более важной задачи.

Я ухожу. Я сделал все что мог. И не по здоровью, а по совокупности всех проблем. Мне на смену приходит новое поколение, поколение тех, кто может сделать больше и лучше.

В. В. ПУТИН. ВЫСТУПЛЕНИЕ ПЕРЕД ДОВЕРЕННЫМИ ЛИЦАМИ

12 февраля 2004 года, Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова

Уважаемые друзья!

Прежде всего хочу поблагодарить всех, кто собрался в этом зале и готов к совместной работе. И, разумеется, хотел бы сегодня поблагодарить каждого, кто готов поддержать меня на предстоящих выборах Президента России.

Мне часто задают вопрос: буду ли я проводить избирательную кампанию, и если буду, то как.

Уверен, что действующему главе государства не следует заниматься собственной рекламой – надо было делать это в течение четырех лет: митинговать, сочинять всякие красивые сказки, красивые, но далекие от нашей реальной жизни. Вместе с тем считаю, что я просто обязан отчитаться перед моими избирателями и всей страной за то, что было сделано в течение последних четырех лет, и доложить людям о том, что намерен делать в период ближайших четырех лет, если 14 марта граждане России окажут мне доверие.

Именно об этом – о проделанной работе и планах на будущее – и хотел бы сегодня поговорить.

Но прежде чем сказать, что было сделано, давайте вспомним, в каком состоянии находилась страна в конце 99-го – начале 2000 года и какие причины, какие факторы повлияли на это состояние.

Переход к демократии и рыночной экономике в начале 90-х был самым активным и решительным образом поддержан гражданами России, которые сделали окончательный и, хочу это подчеркнуть еще раз, бесповоротный выбор в пользу свободы. Это было огромным и реальным достижением российского народа, думаю, одним из самых больших достижений нашей страны в XX веке.

Но какую цену мы вынуждены были заплатить за это? Деструктивные процессы разложения государственности при развале Советского Союза перекинулись – и это можно и необходимо было предвидеть – на саму Российскую Федерацию.

Политические спекуляции на естественном стремлении людей к демократии, серьезные просчеты при проведении экономических и социальных реформ привели тогда к очень тяжелым последствиям. За чертой бедности оказалась фактически

треть населения страны. При этом массовым явлением стали многомесячные задержки с выплатой пенсий, пособий, заработных плат. Люди были напуганы дефолтом, потерей в одночасье всех денежных вкладов и всех своих сбережений, не верили уже и в то, что государство сможет исполнять даже минимальные социальные обязательства.

Страну лихорадило от забастовок горняков, учителей, других работников бюджетной сферы. Ставки налогов постоянно повышались, а фискальная политика в целом была направлена на элементарное выживание.

Большинство крупных банков, как мы знаем, обанкротилось, и после кризиса 98-го года кредитная система была практически парализована.

Больше того, страна впала в унизительную зависимость от международных финансовых организаций и разного рода международных финансовых спекулянтов. Только вдумайтесь: в пересчете к ВВП внешний долг России на конец 99-го года составлял почти 90 процентов.

Все эти обстоятельства вкупе с только что пережитым дефолтом не давали забыть о реальной возможности новых экономических потрясений.

Ситуация усугублялась тем, что к этому времени Россия в значительной степени утратила самостоятельные позиции на внешней арене. А те силы в мире, которые продолжали жить стереотипами холодной войны и, несмотря на «сладкие» речи, продолжали рассматривать Россию в качестве своего политического соперника – всячески поддерживали все, что могло как можно дольше законсервировать подобное состояние нашей страны.

> **Мы получили свободу, но этого не понимаем. До сих пор не можем понять, что свобода для России – это и есть национальная идея, это и есть содержание жизни человека, главнее которого нет… Почему россияне боятся свободы? Вот это мне не понятно. Мы не боимся войн, голода и холода. Все это мы пережили и даже этому аплодировали. Сейчас никак не можем пользоваться плодами свободы. Это печальный итог перестройки. Что же касается ее потерь, то они очевидные: номенклатура потеряла власть и до сих пор злобится по этому поводу («Трибуна», 15.03.2005).**
>
> ***Александр Яковлев, бывший член Политбюро ЦК КПСС, бывший советник Президента СССР***

Не менее драматично развивалась ситуация и во внутриполитической сфере. Конституция страны и федеральные законы утратили во многих регионах качество актов высшей юридической силы. Региональные парламенты принимали законы вразрез с конституционными принципами и федеральными нормами. Федеральные акты применялись избирательно, что называется, по собственному усмотрению. И неизбежным следствием такой «конкуренции» стал произвол властей, от которого только страдали люди.

Борьба за «особые» финансово-экономические режимы была постоянным предметом торга регионов с федеральным центром. Дело дошло до того, что отдельные регионы фактически оказались вне единой правовой и финансовофискальной системы государства, перестали отчислять налоги в федеральный бюджет, требовали создания так называемых собственных золотовалютных резервов, собственных энергетических, таможенных систем, региональных денежных единиц. Результат – экономическое неравенство регионов и, как следствие, экономическое неравенство граждан. И это становилось нормой. Разрушался только еще нарождающийся единый рынок товаров и услуг.

Сепаратистские процессы, вызревавшие в России в течение нескольких лет, не получали адекватного ответа со стороны власти, но были активно поддержаны международными экстремистскими организациями и в конечном итоге выродились на Северном Кавказе в наиболее опасную форму – терроризм. Речь здесь в первую очередь, конечно, о Чечне.

После подписания Хасавюртовских соглашений, в результате которых были брошены на произвол судьбы и сама Чечня, и весь чеченский народ, кому-то могло показаться, что кошмар гражданской войны закончился. Не тут-то было.

К 1991 году было разрушено все, что можно, и на этих обломках началась жизнь, которую называют постперестройкой. В результате ее сформировалось исторически бесперспективное общество, которое опиралось на слабые бесперспективные классы и группы. Вот единственный итог, к которому привели реформы Горбачева. Какие из этого следуют уроки? Первый из них говорит о том, что невозможно осуществлять реформы без субъекта реформ, без ответа на вопрос, кто их осуществляет. Второй урок, который нужно вынести из перестройки: нельзя путать революцию и эволюцию вместе. Нельзя говорить, что мы революцией все разрушим, а

созидание передадим живому творчеству масс. И третий урок: каждый раз, когда мы объявляем, что входим в мировое сообщество, то обязательно начинаем разваливаться. В то время как без собственной мировой линии (философия, вопросы будущего, геополитика) жить автономно мы не сможем. Это не значит, что нужно быть закрытыми. Не надо сводить все к альтернативе: вольемся мы во что-либо или нет («Трибуна», 15.03.2005).

Сергей Кургинян, политолог

Чувствуя нашу слабость, понимая всю расхлябанность власти и удручающее моральное состояние общества, летом 99-го года многочисленные банды международных террористов пошли, как и следовало ожидать, дальше. Они обнаглели настолько, что совершили открытое нападение на Дагестан, совершили агрессию с целью отторжения от России и вовлечения в зону своего криминального влияния дополнительных наших территорий.

Насколько это было опасно для Кавказа, для России в целом – особенно с учетом традиционного компактного расселения народов юга России и некоторых прилегающих к югу России территорий, – объяснять, думаю, не надо: достаточно посмотреть на трагедию распада Югославии, чтобы сделать все необходимые выводы.

Замечу, что Россия всегда была весьма сложным государственным образованием, требовала к себе бережного, я бы сказал, профессионального отношения. Но, к сожалению, к концу 90-х годов, и это надо признать, она под ударами всех вышеперечисленных негативных факторов стала утрачивать основные признаки единого государства. Это то, с чем мы столкнулись, и то, в каких условиях нам необходимо было одновременно решать и острейшие каждодневные проблемы, и работать на то, чтобы заложить новые – долгосрочные – тенденции роста. Власть фактически постоянно должна была разгребать текущие завалы, защищать целостность страны в борьбе с сепаратизмом и международным терроризмом и при этом закладывать основы нашего будущего.

И сегодня я просто обязан сказать слова благодарности всем, кто в этой трудной ситуации отстоял демократические завоевания народа, кто не сломался в тяжелых жизненных условиях и ситуации и собственным трудом помог стране встать на ноги.

Мы также обязаны вспомнить и сохранить в нашей памяти тех, кто в условиях практической неготовности государства к

обеспечению безопасности своих граждан и защите своей территориальной целостности до конца выполнил свой долг перед Родиной – выполнил, как это, к сожалению, не раз бывало в истории нашей страны, ценой собственной жизни.

С тех пор прошло четыре года, четыре года напряженной и непростой работы. Конечно, хотелось бы добиться большего, чем те результаты, которые у нас сегодня есть, но и сделано все-таки немало.

Прежде всего в стране восстановлен конституционный правопорядок, укреплена – а по сути, отстроена заново – вертикаль федеральной исполнительной власти. Российский парламент стал профессионально работающим законотворческим органом. Восстановлено единое правовое пространство страны.

Пресечены опасные процессы деградации государственной власти, ослабления армии, разрушения правоохранительных органов, других силовых структур. Идут кардинальные по своей сути изменения в системе правосудия.

Принципиально изменилась и экономическая ситуация: рост ВВП с 99-го года составил почти 30 процентов – 29, 9; в три раза упал уровень инфляции; отпала необходимость запредельно повышать уровень налоговых ставок для покрытия минимальных потребностей государства; и как результат вот уже второй год подряд наращивают темпы производства средние компании. Эффективно работающих предприятий в стране сегодня – многие тысячи. На рынке начинают побеждать те, кто работает более эффективно, а не те, кто наживается на экономически неоправданных льготах и преференциях.

Это значит, что пусть трудно, медленно, но структурные преобразования все-таки начались. Они проявляются в увеличении инвестиций в основной капитал и, что очень важно, в развитии внутреннего рынка, в росте внутреннего потребления.

Одним из фундаментальных достижений последних лет считаю обретенную нами финансовую независимость и стабильность курса национальной валюты – рубля.

Проблема выплаты внешнего долга практически решена. В прошлом году, как и в предыдущие годы, мы выполнили все свои финансовые обязательства. Только в 2003 году мы выплатили 17 миллиардов долларов, а страна этого даже не почувствовала. Всего же за эти годы Россия по внешним долгам вместе с процентами выплатила 50 миллиардов долларов.

И в то же время золотовалютные резервы ЦБ достигли рекордного уровня за всю историю страны, включая и ее советский период, – более чем 84 миллиарда долларов.

Мы многократно усилили инвестиционную

привлекательность России, и прямым подтверждением этого стало присвоение России инвестиционного рейтинга.

Эти пока скромные, но все-таки очевидные и положительные сдвиги в экономике позволили сделать первые шаги по решению социальных проблем и укреплению жизненного уровня наших граждан.

В отдельных отраслях производства и некоторых регионах мы еще сталкиваемся с задержками по заработной плате, но такого общенационального характера, как это было раньше, эта проблема уже не имеет: забыты хронические невыплаты пенсий и пособий; четыре раза за 3 года повышался минимальный размер оплаты труда; в стране как массовое явление исчезли забастовки.

Начиная с 2000 года достигнута положительная динамика всех основных социальных показателей. Я знаю, Правительству не всегда удается предотвращать экономически неоправданный рост цен, но все-таки доходы граждан растут опережающими темпами. И это подтверждают цифры, которые известны, но которые я еще раз сейчас назову, причем цифры за минусом инфляции, я хочу это подчеркнуть, то есть с учетом роста цен, колебания валюты и других факторов.

Так, средний размер пенсий в реальном выражении вырос с 99-го года почти на 90 процентов. Реальные доходы населения выросли за этот же период в полтора раза. Последовательно из года в год растет реальная заработная плата: с 99-го года она почти удвоилась. Повторюсь, речь идет о росте реальных доходов – номинальные, то есть абсолютные, показатели, конечно, намного выше.

Значительно, почти на треть, сократилась безработица. Число людей с доходами ниже прожиточного минимума у нас пока еще слишком велико, но тоже сократилось на одну треть.

Главное, что хотел бы сегодня выделить: из нашей жизни уходит неопределенность перспектив, уходит неясность и невозможность строить какие бы то ни было долгосрочные планы. В обществе наконец, как кажется, преодолен страх перед болезненными последствиями реформ.

Однако нельзя забывать и другое: одновременно с этим растут справедливые требования людей к эффективности государственной работы, растут их запросы к уровню и качеству жизни.

Хотел бы здесь подчеркнуть: несмотря на весь масштаб перемен, мы лишь создали плацдарм для решительного поворота в экономическом развитии страны, поворота, ведущего к качеству жизни, сопоставимому с развитыми странами, и уже через это – к такому авторитету и к такому влиянию России, которые будут

достойны и нашей тысячелетней истории, и наших интеллектуальных ресурсов, и наших возможностей для полноценного участия в мировом разделении труда.

Вопрос: «Ваше личное отношение к развалу Союза?»

– По моему глубокому убеждению, развал Советского Союза – это общенациональная трагедия огромного масштаба. Я думаю, что рядовые граждане бывшего Советского Союза и граждане постсоветского пространства, стран СНГ, рядовые граждане, ничего от этого не выиграли. Но это состоялось. Это принято народами этих стран, признано международным сообществом и самой РФ. Это полноценные независимые государства, и нужно относиться к ним с уважением. С уважением, это значит признавать их законные интересы, и вот на этой почве здесь есть плюсы и для нас. Плюсы заключаются в том, что Россия должна перестать быть дойной коровой для всех и каждого. Мы, выполняя требование относиться ко всем нашим партнерам, учитывая их интересы, вправе потребовать такого же отношения к себе, чтобы все учитывали наши интересы. И на этой основе выстраивать новые отношения. Можем мы это сделать эффективно или нет? Я просто убежден, что можем. У нас в отличие от других регионов мира, если взять постсоветское пространство, есть явные преимущества. У нас есть язык межнационального общения, русский язык, на котором все говорят, у нас похожий менталитет, у нас общая история, у нас взаимопроникновение экономик, производств и личных связей.

А. ШЛЯЙФЕР, Л. ТРЕЙЗМАН РОССИЯ – НОРМАЛЬНАЯ СТРАНА [58]

Шляйфер Андрей – почетный профессор экономики Гарвардского университета, в 1992—1996 гг. – один из экономических советников правительства РФ.

Трейзман Дэниэлъ – профессор политических наук Калифорнийского университета (Лос-Анджелес).

Последние пятнадцать лет стали для России периодом небывалых преобразований. На смену коммунистической диктатуре явилась многопартийная демократия, и руководство страны приходит к власти в результате очередных выборов. Централизованная плановая экономика преобразована в капиталистическую, в основу которой положены рыночные отношения и частная собственность. Россия осуществила мирный вывод своих войск из стран Восточной Европы и бывших республик Советского Союза, позволив последним обрести статус независимых государств. Сегодня в лице России Запад имеет дело не с агрессивным соперником, ощетинившимся против него тысячами ядерных ракет, а с партнером, готовым к сотрудничеству в том, что касается вопросов разоружения, борьбы с терроризмом и обуздания гражданских войн.

> **То, что сделал Горбачев, нанесло самый большой ущерб нашему государству, нашему народу. Ни один царь, ни одна война не наносила такого ущерба… В тот период изменения в государстве были нужны, но надо было решить проблему государства, используя мощь партии, КГБ и армии. Нужно было превратить страну в единое российское унитарное государство, разделить КПСС на две партии. Но переходить на президентскую республику, породившую Ельцина, который нанес еще больший вред, чем Горбачев, было нельзя. Введение в стране частной собственности должно было ограничиться возможностями иметь лошадь и разводить кроликов. Но никто не просил создавать ЮКОСы. Нынешняя власть сейчас пытается исправить ошибки Горбачева и Ельцина, но многие опять недовольны (Интерфакс, 10.03.2005).**
>
> ***Владимир Жириновский***

Казалось бы, обновление России не может не явиться поводом для торжества. Двадцать лет назад такая метаморфоза могла прийти в голову только крайне наивному идеалисту. Однако настроение у западных обозревателей далеко не праздничное. Положение России рассматривается как бедственное, а 1990-е годы – как десятилетие, ставшее катастрофой для всего ее народа. Журналисты, политики и ученые пишут о России не как о стране среднего достатка, стремящейся освободиться от пережитков коммунистического прошлого и найти свое место в мире, а как о государстве, лежащем в руинах, населенном криминальными элементами и представляющем собой угрозу мировому сообществу как рассадник многих социальных недугов. ‹…›

Правда, сравнительно недавно на короткое время замаячили проблески оптимизма. В быстром росте экономики и в приходе на смену слабому здоровьем Борису Ельцину молодого и собранного Владимира Путина некоторые увидели признаки начала стабилизации. ‹…› Но вскоре оптимизма поубавилось. Когда в октябре 2003-го ‹…› был арестован ‹…› нефтяной магнат Михаил Ходорковский, ‹…› казалось, сбываются наихудшие опасения относительно того, что авторитарные силы возьмут реванш. По словам обозревателя The New York Times Уильяма Сэфайра, Россией правит «схватившая страну за горло» «властолюбивая мафия» из бывших офицеров КГБ и военных. Когда было объявлено о победе пропутинской «Единой России», которая набрала более 37% голосов на декабрьских парламентских выборах 2003-го, Сэфайр мрачно заявил о возвращении «однопартийной системы» и пришел к выводу о том, что эксперимент с демократией в России «находится при последнем издыхании».

Однако данные об укреплении позиций России, ее макроэкономической стабильности, неравенстве доходов и состоянии корпоративных финансов в стране, информация о российских выборах, коррупции и свободе печати наводят на мысль о наличии серьезного расхождения между чрезвычайно негативными оценками и реальными фактами. ‹…›

Экономическая и политическая системы в России пока далеки от совершенства, но их недостатки типичны для стран со сходным уровнем экономического развития. Как в 1990 году, так и сегодня Россия является страной со средним достатком, ВВП которой составляет примерно 8 тыс. долларов на душу населения и, по оценкам ООН, при равной покупательной способности, сопоставим с ВВП Аргентины за 1991-й и Мексики за 1999-й. Подавляющее большинство демократий с подобным уровнем

дохода далеки от идеала: их правящие круги поражены коррупцией, судебная власть политизирована, пресса почти никогда не бывает полностью независима. Для этих стран характерны существенное неравенство доходов, концентрация корпоративной собственности, турбулентность макроэкономических показателей. ‹…› Превалирующий взгляд на Россию напоминает отражение в кривом зеркале: черты узнаваемы, но пропорции искажены до абсурда. Чтобы увидеть отчетливое изображение России, следует вернуться к фактам.

Широко распространено мнение о том, что в 1990-е в российской экономике произошел катастрофический спад. Например, в одном из докладов в Палате общин Великобритании за 1998 год утверждалось, что уровень жизни в России «впервые опустился до показателей первых послевоенных лет». Согласно Госкомстату, за период с 1991-го (год отставки Михаила Горбачева) по 2001-й (Путин уже год находился у власти) объем ВВП на душу населения в реальном исчислении снизился на 24%. С 1991-го по 1998-й, прежде чем подняться, ВВП упал на 39%.

‹…› При внимательном ознакомлении с данными ‹…› возникают сомнения в справедливости общепринятой аргументации о масштабах спада российской экономики. ‹…› Сравнение России 1990-х с другими посткоммунистическими странами еще больше подрывает мнение о том, что экономические недуги России являются исключительными. Согласно официальным данным, объем производства снизился во всех без исключения посткоммунистических экономиках Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Это и новые демократии, такие как Россия и Польша; и страны, в которых до сих пор сохраняется диктатура, такие как Белоруссия и Таджикистан; это и страны, быстро продвигающиеся по пути реформ (Чехия, Венгрия); и государства, в которых этот процесс идет очень медленно (Украина, Узбекистан). Универсальный характер данного явления предполагает наличие общей причины. Во-первых, возможно, все объясняется сокращением военного и экономически нерентабельного производства, объем которого ранее также учитывался. Во-вторых, вполне вероятно, что распад плановой системы во всех государствах на постсоветском пространстве породил временную дезорганизацию в экономической сфере. Справедливость и того, и другого соображения подтверждает тот факт, что по истечении ряда лет почти во всех странах постепенно пошел вверх официально зарегистрированный показатель объема производства.

Данные о спаде в экономиках посткоммунистических стран подрывают основы еще одной распространенной теории

сокращения объемов производства в России. Некоторые утверждают, что чрезмерно высокие темпы реформирования лишь усугубили кризис ‹…›. В действительности очевидной связи между скоростью протекания реформ и изменением официального объема производства в странах Восточной Европы и бывших республиках Советского Союза нет. Группа наименее пострадавших стран, согласно официальным цифрам, включает как государства, быстро реформирующиеся (Эстония, Польша, Чехия), так и медленно или совсем не реформирующиеся (Белоруссия, Узбекистан). Страны, которым пришлось тяжелее всего, тоже не похожи друг на друга: тут и отказавшиеся от преобразований Таджикистан и Туркменистан, и некоторые из тех, кто пытался осуществить реформы (Молдавия).

Особенно полезно сопоставить Россию и Украину. До перехода на капиталистические рельсы Украина имела большую численность населения (около 52 млн. на 1991 год), индустриально развитую экономику, значительные природные ресурсы и политическую культуру, сходную с российской. В отличие от России там реформы проводились осторожнее, причем гораздо большая доля экономики осталась в руках государства. И все же с 1991-го по 2001-й здесь было официально зарегистрировано сокращение ВВП на душу населения на 45%, почти вдвое превосходящее сокращение ВВП в России.

‹…› Девяностые годы стали для России десятилетием сильнейшей макроэкономической турбулентности. С декабря 1991 по декабрь 2001 года стоимость рубля по отношению к американскому доллару упала почти на 99%. В 1998-м ‹…› спекулятивный кризис прорвал оборону Центробанка, вынудив правительство девальвировать рубль. После этого многие пришли к выводу, что российские экономические реформы провалились.

И все же российский кризис не был изолированным явлением: он произошел на фоне прокатившейся по всему миру волны валютных кризисов. Как ни странно звучит статистика о падении рубля на 99%, но, по данным МВФ, в 11 других странах, включая Белоруссию, Бразилию, Турцию и Украину, в 1990-е годы произошли еще более крупные обвалы национальных валют. Больше того, при том что в 1998-м рубль упал за два месяца сразу на 61%, в период с января 1992 по декабрь 2001 года подобные или даже более значительные двухмесячные валютные коллапсы случались 34 раза в 20 различных странах. ‹…›

Считается также, что сами методы экономического реформирования в России способствовали обострению экономического неравенства. Часто все беды списываются на приватизацию. ‹…› Неравенство в России, безусловно, заметно

обострилось со времен падения коммунизма. Согласно официальной российской статистике, коэффициент Джини – показатель экономического неравенства, выраженный в цифрах от нуля (полное равенство) до единицы (абсолютное неравенство), – между 1991 и 1994 годами вырос с 0,26 до 0, 41, после чего остановился на уровне примерно 0, 40.

Но приватизация не могла вызвать рост неравенства в доходах населения по одной простой причине: он начался еще до приватизации. Наиболее резкое увеличение коэффициента Джини было отмечено в России в период с 1991-го по 1995-й, а его пик приходится на 1994 год, когда еще не могли материализоваться какие-либо последствия приватизации ‹…›.

‹…› 77% подъема неравенства в доходах населения в России объясняется не приватизацией, безработицей или ростом доходов в сфере бизнеса, а увеличивающимся разрывом в уровне заработной платы. Одни работали в процветающих компаниях, стремительно богатевших в условиях свободного рынка и открытой торговли, а другие – в постепенно разорявшихся фирмах и в государственном секторе. Драматизм ситуации в связи с усилением неравенства доходов в России в значительной степени обусловлен потрясениями, неизбежно сопровождающими рационализацию экономической деятельности.

Часто можно услышать, что экономические реформы в России породили малочисленный класс олигархов, которым удалось за бесценок приобрести дорогостоящие предприятия на залоговых аукционах и затем целиком изъять из них активы. Считается, что изъятие активов и привело к застойному инвестированию и замедлению экономического роста.

Сфера крупного бизнеса в России действительно контролируется группой финансовых магнатов. Но это характерно для большинства развивающихся капиталистических стран – от Мексики, Бразилии и Израиля до Южной Кореи, Малайзии и ЮАР. Даже в развитых странах, таких как Италия и Швеция, крупнейшие компании, как правило, управляются государством или династиями промышленников, причем зачастую несколько таких семейств контролируют большую долю государственного производства посредством финансовых и индустриальных групп. Крупные бизнесмены обязательно имеют связи в политических кругах, они получают займы и субсидии от правительства (например, в Южной Корее и в Италии), участвуют в процессе приватизации (в Мексике и в Бразилии) или занимают важные государственные посты, сохраняя при этом связь с собственными компаниями (в Италии и в Малайзии). Олигархическая форма собственности возникла и в других

странах с переходной экономикой, например в Латвии и в ряде государств Центральной Азии.

После финансового кризиса в Азии эта система политизированной собственности получила уничижительное название «блатной капитализм», несмотря даже на то, что на ее фоне в нескольких странах наблюдался невиданный экономический рост и что именно этой системе Малайзия и Южная Корея обязаны возрождением своих экономик. ‹…›

Это, конечно, не означает, что олигархи озабочены благополучием общества, далеки от политических интриг и преданы интересам мелких акционеров. Они извлекли немало выгод из полюбовных соглашений с правительством, стремясь консолидировать контроль над своими компаниями, в массовом порядке занижали стоимость акций, принадлежавших не владевшим контрольным пакетом акционерам. Защита прав инвесторов и корпоративное управление в России по-прежнему развиты недостаточно. Но и в этом Россия не одинока: подобная ситуация типична для развивающихся стран со средним доходом, где экспроприация мелких акционеров – практика почти повсеместная. Реформы в законодательной сфере постепенно смягчают эти проблемы, но они, как правило, проводятся на более высоком уровне экономического развития, чем у нынешней России. ‹…›

Итак, вступив в 1990-е как разваленная централизованная экономика, Россия к концу десятилетия превратилась в стремительно развивающуюся рыночную систему. Российскую экономику, конечно, не назовешь хрестоматийным эталоном капиталистических отношений. Как и другие страны со средним достатком, Россия страдает от нерешенной проблемы неравенства в доходах населения, финансовых кризисов, разросшейся теневой экономики, тесного переплетения политической и экономической власти. Но утверждать, что российская экономика – уникальное в своем уродстве образование, было бы слишком большим – и безграмотным – преувеличением.

В конце 1990-х годов председатель Банковского комитета Палаты представителей Конгресса США Джим Лич, ссылаясь на свое исследование, проведенное среди самых коррумпированных режимов мира, писал, что режимы Фердинанда Маркоса на Филиппинах, Мобуту в Заире, Сухарто в Индонезии не идут ни в какое сравнение со «всепроникающей, допустимой в политических кругах коррупцией» в посткоммунистической России. Другие встречающиеся определения коррупции в России столь же беспощадны. ‹…›

А что говорят источники, менее зависимые от оценок

непосвященных? Летом 1999-го Всемирный банк и ЕБРР провели опрос коммерческих директоров в 22 бывших соцстранах. Респондентов просили определить ту часть годового дохода «компании вроде вашей», которая обычно уходит в виде неофициальных платежей государственным чиновникам, чтобы «продвинуть тот или иной вопрос». ‹…› По обоим показателям («бремя взяточничества» и «захват государства») Россия оказалась в самой середине списка посткоммунистических стран. В среднем, согласно этому опросу, российские компании тратят 2, 8% своих доходов на взятки должностным лицам. Это меньше, чем в Украине и Узбекистане, и намного меньше, чем в Азербайджане (5, 7%) и Киргизии (5, 3%). Процент респондентов, ответивших, что их компаниям «иногда», «часто», «в большинстве случаев» или «всегда» приходится давать взятки государственным чиновникам, чтобы повлиять на содержание новых законов, декретов или постановлений, тоже довольно средний – 9%. Для сравнения: в Азербайджане этот показатель составил 24%, в Латвии и Литве – 14%, в Белоруссии и Узбекистане – 2%. В обоих случаях полученные данные по России практически подтверждают предположения, отправным пунктом которых является уровень ее экономического развития.

> **Основной проблемой всех двадцати лет трансформации общества был разрыв между авангардом общества, проводящим реформы, и интересами консервативного большинства. Все, что мы имеем, мы сделали с собой сами («Солидарность», 16.03.2005).**
>
> ***Глеб Павловский***

Последние десять лет западные наблюдатели весьма резко отзываются о российских политических институтах. В июне 2000 года The Economist назвал Россию «фальшивой демократией». В то же время недавно в этом издании Иран, где законодательство целиком находится под строгим контролем невыборного совета из религиозных деятелей, а ученые могут поплатиться жизнью за инакомыслие в вопросах вероучения, был назван «квазидемократическим» государством. Начиная с 2000-го правозащитная организация Freedom House неизменно ставит России «пятерку» за соблюдение политических свобод и «пятерку» же за обеспечение гражданских свобод по шкале от 1 (высшая оценка) до 7 (низшая оценка). Получается, что российский политический режим по своей приверженности демократии значительно уступает Бразилии времен военной хунты конца

1970-х, а его приверженность гражданским свободам не идет ни в какое сравнение со взглядами на демократию нигерийского диктатора Бабангиды в 1991 году. Кувейт, будучи наследственным эмиратом, где запрещены политические партии, женщины лишены права голоса на выборах в органы законодательной власти, а за критику в адрес эмира людей сажают в тюрьму, пользуется более высоким рейтингом с точки зрения политических свобод. ‹…›

Насколько плохо обстоят дела с демократией в России? Насколько ограничена свобода новостных СМИ? Никто не отрицает, что российские политические институты во многом несовершенны и гражданские свободы соблюдаются далеко не всегда. Тенденции, возникшие в период президентства Путина, вызывают тревогу и могут в дальнейшем еще более ухудшиться. Но все же, по всем объективным сравнительным стандартам, обвинения западных наблюдателей в адрес российских институтов за последние десять лет до невозможного преувеличены. С точки зрения политической обстановки Россия находится в ряду наиболее демократичных в регионе. Что же касается изъянов демократии в стране, то они характерны для многих государств со средним достатком.

‹…› Обвиненные в социальной апатии россияне в действительности активнее посещают избирательные участки, чем американцы. Процент явки избирателей в России никогда не опускался ниже 54%. Для сравнения: в ходе недавних президентских и парламентских выборов в США средний показатель явки избирателей составил приблизительно 50%.

В условиях «фальшивой демократии» следовало бы ожидать, что официальные результаты выборов будут подогнаны под запросы властей предержащих. Тем не менее итоги голосования зачастую шокировали правящую элиту. ‹…› В 1993-м элиты были напуганы результатами, которых добился Владимир Жириновский со своими шутовскими ультранационалистами. А в 1995 году наблюдателей удивила КПРФ, возглавившая партийный список с 22% голосов. В 1999-м коммунисты повторно добились большого успеха, сумев набрать 24%. ‹…›

Наиболее резкой критике подверглась российская пресса. В 2002 году Россия получила 30 баллов по шкале Freedom House, отражающей уровень «политического давления, контроля и насилия» по отношению к СМИ, при этом 0 – высший балл, а 40 – низший. Таким образом, Россия оказалась в списке ниже Ирана, где за два года было запрещено сорок газет, за решеткой оказалось больше журналистов, чем где-либо в мире, а работников СМИ наказывают плетьми… ‹…› В сравнении с

другими странами со средним достатком ситуация с государственным преследованием прессы в России просто вопиюще нормальна. Когда в 2000 и 2001 годах администрация Путина попыталась вытеснить Березовского и Гусинского из медийного бизнеса, западные журналисты забили тревогу. Но гораздо меньшую озабоченность вызвала у них удивительно похожая кампания в Южной Корее. Выполняя, по мнению многих, политический заказ президента страны Ким Дэ Джуна, пожелавшего «наказать» газеты, выступавшие с критикой его деятельности, Национальная служба налогообложения Кореи и Комиссия по честной торговле провели расследование в 23 медийных компаниях и предъявили им многомиллионные штрафы. По заданию прокуратуры руководители трех консервативных газет, наиболее активно критиковавших политику Ким Дэ Джуна, были арестованы и помещены в одиночные камеры. ‹…› В последние месяцы критики российской демократии активизировались: создается впечатление, что недавние события подтверждают их мрачные прогнозы. ‹…› Сэфайр, к примеру, сокрушался по поводу возвращения «однопартийной системы» и «возрождения автократии». ‹…› Учитывая, что с момента прихода Путина реальный доход населения ежегодно прирастает примерно на 10%, а с октября 2002 по октябрь 2003 года был отмечен скачок сразу на 17%, было бы удивительно, если б пропутинские партии не пользовались популярностью. ‹…›

В. ТРЕТЬЯКОВ. ДИАГНОЗ: УПРАВЛЯЕМАЯ ДЕМОКРАТИЯ [59]

Юрий Лужков, запутавший осенью всю политологическую элиту страны своими рассуждениями о том, что «у нас не власть, у нас режим», сам того не подозревая, все-таки поставил, хоть и неграмотно, один из фундаментальных вопросов сегодняшнего дня в России, ставший особо актуальным после артистичной отставки Бориса Ельцина. Конечно, придворные политологи, даже будучи грамотными специалистами, не решились поправить начальника, хотя бы объяснив ему, что «власть» и «режим» не только не понятия с противоположным знаком, но даже и вообще не понятия одного ряда.

Дело, однако, не в политологической неподкованности Юрия Лужкова и не в невозможности для его советников поправить шефа. ‹…› Дело в вопросе, волнующем сегодня, после воцарения (пока еще не через выборы) Путина, очень многих. Особенно – как всегда мятущуюся у нас между обожанием власти и страхом перед ней интеллигенцию.

На самое интеллигенцию в общем-то наплевать – она достаточно лабильна, чтобы подстроиться и под любую власть, и под любой режим. Но дело в том, что народ (общество) говорит своим голосом либо во время революций, либо в день выборов. Все остальное время за него, а часто и вместо него говорит в России как раз интеллигенция (в последнее десятилетие еще и СМИ, но и в них правит бал интеллигенция; а в последние годы еще и социология, но и данные опросов комментируют, интерпретируют, а часто и программируют те же интеллигенты).

Итак, мятущаяся интеллигенция задает вопрос, точнее, целую пулеметную очередь вопросов: а мы уже в диктатуре или еще только на пороге ее? И как это так получилось – ведь мы же такие хорошие? И все что нужно делали: коммунистов сбросили, за демократию выступали, Советы разогнали, за Ельцина голосовали, частную собственность отстаивали, с Западом советовались – даже в рот ему смотрели, ноги мыли и воду с них пили. Почему? За что? И что же такое у нас, в этой одуревшей (помните крик интеллигента в декабре 1993 года?) России получилось?

Мне представляется, ответ на этот вопрос (и на всю очередь этих вопросов) есть. Вполне четкий. Не до конца оптимистический, ибо еще многое не прояснилось в жизни. Но совсем не страшный. Более того – вполне обнадеживающий.

Но прежде чем попытаться дать ответ, я хотел бы понять, а почему, собственно, этот сыр-бор занялся минувшей осенью, а разгорелся сейчас? И в каком случае он бы не разгорелся?

Если судить не по внешним, а по сущностным признакам и типа власти, наличествующей в России, и политического режима, в форме которого эта власть реализуется, никакой разницы между Россией 1996 года и Россией 1999—2000 годов нет. Однако в 1996 году в виде массовой истерики такого вопроса не возникало.

Между 1996 и 1999 годами разница есть, но она чисто внешняя, персонифицированно внешняя, я бы сказал. Объясните, какая, в сущности, разница? Не для Примакова и Лужкова и т. д., а для России, ее народа, даже ее правящего класса в целом? Ника-кой!

Теперь я, наконец, назову то, во что мы уже давно, а не только что, вошли. Это не диктатура, не деспотия. Это авторитарно-протодемократический тип власти, существующий в форме президентской республики и в виде номенклатурно-бюрократического, слабофедерального, местами квазидемократического и сильно коррумпированного государства.

Двумя словами я все это вместе называю так: управляемая демократия.

В рамках этого определения разница между Россией 1992 года, Россией 1996 года и Россией 1999—2000 годов как раз есть.

В 1992 году в России была скорее просто протодемократия с элементами охлократии. В результате ельцинского госпереворота 1993 года получилась слабоуправляемая демократия. А с момента отставки Примакова и особенно с назначением премьер-министром и и. о. президента Путина – сильноуправляемая демократия, или собственно управляемая (как сформировавшийся тип власти) демократия.

Хорошо это или плохо? Это лучше, чем деспотия (диктатура) и даже чем авторитаризм, но хуже, чем просто демократия.

Что победит? Пока неясно. Ибо управляемая демократия – это переходный этап от жесткой управляемости (диктатуры) к собственно демократии.

Но очевидно, что и исторический, и политический векторы пока попрежнему направлены в сторону демократии. Впрочем, не просто очевидно, а и доказательно.

Вспомним некоторые этапы истории нашего парламентаризма.

В 1917 году большевики во главе с Лениным берут власть, имея собственный демократический лозунг «Вся власть Советам!», но не могут проигнорировать и не менее популярный в обществе

лозунг «Вся власть Учредительному собранию!». Выборы в Учредительное собрание большевики, однако, проигрывают: у них нет большинства.

Что делает Ленин? Незаконно распускает Учредительное собрание, а затем, подавляя сопротивление (в том числе и вооруженное) его сторонников, переходит к революционному террору.

В виде Советов в стране возникает управляемая демократия. Реальной, однако, демократия остается в партии, в частности – на съездах партии.

К власти приходит Сталин. При нем управляемая демократия в виде Советов становится квазидемократией, но в партии демократия остается.

Тогда Сталин доведенным им до совершенства методом «Главное не как голосуют, а как считают голоса» превращает внутрипартийную демократию в управляемую. А затем с помощью террора и ее трансформирует в квазидемократию. Еще один цикл истории российского парламентаризма завершен.

К власти приходит Горбачев. Основной лозунг – одемокрачивание партии (возвращение к «ленинским нормам»), но главное вновь – «Вся власть Советам!» (подразумевается – а не КПСС).

Горбачев не сумел и не успел одемократить партию, зато «Всю власть Советам» практически дал. В результате его зажали в клещи и свергли совместно неодемокраченная часть КПСС (ГКЧП) и переродившаяся в охлократию интеллигенции власть Советов во главе с Ельциным.

Горбачев не смог перейти к управляемой демократии, что, в частности, советовал ему Андраник Мигранян, говоря о железной руке.

Воцарился Ельцин – лидер демократически-охлократического движения, существовавшего в рамках Советов. В ленинской, коммунистической форме! Но имеющей видимое преимущество в глазах Ельцина (и других): во-первых, Советы привели Ельцина к власти де-юре; во-вторых, Советы казались антиподом КПСС.

Наступила полная демократия. И перед Ельциным, как до того перед Сталиным, а до него – перед Лениным и до них – перед Николаем II, встала все та же проблема: парламентская демократия (царские Думы, Учредительное собрание, Советы, партийные съезды) мешает управлять тому человеку, который наделен высшей исполнительной властью в стране. Особенно если они (Советы, съезды партии) имеют право этого человека снять с должности.

И Ельцин делает, лишь пару лет честно поборовшись с

неуправляемой демократией, что? Правильно. То же, что царь с Думами, Ленин с Учредилкой, Сталин с Советами и съездами партии (Горбачев вот не решился – и проиграл). Ельцин незаконно 1) отменяет действующую Конституцию; 2) распускает Съезд и Верховный Совет народных депутатов РСФСР; а поскольку часть депутатов этому противится, то и 3) расстреливает парламент.

Чем Ельцин лучше царя, Ленина, Сталина? Ничем. В этом.

Но дальше Ельцин совершает нечто новое в российской политической истории. Он делает шаг не в сторону диктатуры или деспотии. Он назначает выборы в Думу – в новый парламент. Имея целью (сознательной или подсознательной) установление управляемой демократии.

Гигантский шаг! С четвертой, считая от императора, попытки, а с учетом «оттепели» Хрущева и политической перестройки Горбачева – даже с шестой попытки.

В 1996 году, на президентских выборах, управляемость нашей демократии была продемонстрирована во всей красе. Проблема оказалась в другом:

Ельцин был плохим управленцем. Он умел управлять демократией как управляемой, но не умел – как демократией. А главное – он плохо управлял страной.

Но демократического импульса не погасил, к деспотии не свернул. Несмотря на то что сконструированная им управляемая демократия захотела его же и свергнуть (через процедуру импичмента).

И вот Ельцин, на излете своей власти, наткнулся на Путина. Или ему подсунули Путина. Неважно.

Путин (вместе с Ельциным) разумно решил продлить жизнь управляемой демократии по крайней мере еще на один срок.

Почему? Эгоистические мотивы, конечно, присутствовали. Но главное – опасение, разумное, обоснованное, что отход от управляемой демократии вернет страну к охлократии (через изменение Конституции), к демократии неуправляемой, к анархии.

Управляемая демократия – это когда голосует народ, а люди, находящиеся у власти, чуть-чуть выбор народа корректируют. В чью пользу? В свою, разумеется. Не в чужую же.

Путин умеет управлять государством, а не только управляемой демократией. Вот и все.

Итак, управляемая демократия – это демократия (выборы, альтернативность, свобода слова и печати, сменяемость лидеров режима), но корректируемая правящим классом (точнее, обладающей властью частью этого класса). Это то, что есть у нас.

Авторитаризм – это сохранение некоторых демократических институтов, но безальтернативность выборов, оппозиция в политическом гетто, ограниченная свобода слова и печати, полностью карманный парламент. Этого у нас нет.

Деспотия (диктатура) – это не демократия (и демократические институты, если они сохраняются, нужны только в виде декорации), никаких свобод, никакой оппозиции, цензура, никакой многопартийности, несменяемость власти до смерти диктатора или до свержения его путем переворота или революции. Этого у нас нет и в помине – ни в реальности, ни на горизонте.

Отсюда и вывод. Пока нет ощутимого перелома к отходу от управляемой демократии в сторону ни деспотии, ни тем более в сторону охлократии. Переход к полновесной демократии – не гарантирован, но процесс явно продолжает идти в этом направлении. И никаких, абсолютно никаких признаков иного нет.

Подозревать Путина в худшем мы можем. Требовать гарантий от худшего – обязаны. Критиковать – призваны. Но трезво оценивать реальный ход реального исторического и политического процесса и его очевидное направление – тоже не мешало бы.

Хотя бы для того, чтобы не заходиться в истерике, а дело делать.

ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ

1. Была ли политика перестройки, проводившаяся Горбачевым, необходимой? Аргументируйте свое мнение.

_____

2. Могли ли реформы СССР быть проведены таким образом, чтобы это не привело к распаду СССР и экономической катастрофе? Что для этого нужно было сделать (или, наоборот, не делать)?

_____

3. Какова, судя по приведенным источникам, была роль Запада в процессе реформирования нашей страны?

_____

4. Какова была роль Горбачева, Ельцина и Путина в процессе социально-экономического и политического перехода? Попытайтесь определить ее одной фразой.

Горбачев

_____

Ельцин

_____

Путин

_____

9. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В. В. ПУТИНА

Правление президента В. В. Путина ознаменовано двумя крупными политическими реформами. Первую из них президент начал ровно через неделю после вступления в должность – 13 мая 2000 года. В телеобращении В. В. Путина к гражданам России 17 мая 2000 года изложено существо преобразований. Поскольку они касались преимущественно отношений между Федерацией и субъектами Федерации, постольку за ними утвердилось наименование «федеративная реформа».

Состояние российского федерализма накануне преобразований анализируется в статье известного отечественного географа Н. В. Петрова. Хотя поначалу предложенные президентом меры воспринимались болезненно, спустя четыре года В. В. Путин в своем выступлении перед доверенными лицами (см. выше) имел все основания отнести ее к достижениям России.

– В сентябре 2004 года президент В. Путин провозгласил необходимость проведения политической реформы:

– введения вместо всенародных выборов глав исполнительной власти субъектов РФ (губернаторов) порядка наделения их полномочиями по согласованию между Президентом РФ и законодательным собранием региона;

– перехода от смешанной мажоритарно-пропорциональной системы выборов Государственной Думы к пропорциональной;

– создания в России Общественной палаты как площадки консультаций и взаимодействия с гражданским обществом.

Эта реформа вызвала настоящий взрыв критики, включая обвинения В. Путина в нарушении Конституции РФ. Однако насколько обоснованна критика и с чем связана потребность в реформе?

Как отмечал еще в 1997 году проф. Г. Голосов, смешанные избирательные системы возникали как компромисс между традиционными элитами и новыми политическими силами. Логично, что спустя десятилетие этот компромисс может оказаться пересмотренным.

Теоретический анализ различных вариантов сочетания президентской и парламентской форм правления с мажоритарными и пропорциональными системами дает известный американский политолог А. Лейпхарт.

Анализ конституционного устройства России, проведенный Г.

В. Голосовым и А. Лихтенштейн (заметьте, что исследование было опубликовано в 2001 году), показывает, что, во-первых, оптимизировать функционирование политической системы нельзя без сильной пропрезидентской партии и, во-вторых, кратчайшим путем ее создания является переход к пропорциональной системе.

А. Филиппов рассматривает историю введения в российскую практику прямых выборов губернаторов и приходит к выводу, что решить спор между их сторонниками и противниками может только Конституционный Суд России.

В. В. ПУТИН. ТЕЛЕВИЗИОННОЕ ОБРАЩЕНИЕ К ГРАЖДАНАМ РОССИИ

17 мая 2000 года, Москва, Кремль

Уважаемые граждане России! Дорогие друзья!

Впервые с момента вступления в должность Президента я вношу пакет законопроектов в Государственную Думу. С одной стороны, это обычная практика работы главы государства, но с другой – речь идет о законах, которые скрепляют и цементируют российскую государственность. Эти меры я считаю жизненно важными для будущего страны. Я обещал, что власть будет вести открытую политику, будет объяснять гражданам свои цели и конкретные шаги.

Законопроекты, которые вносятся в Думу, продолжают линию, начатую указом от 13 мая о введении федеральных округов. Это линия на укрепление государственного единства, она поддержана и губернаторами, и депутатами, всеми гражданами России. Можно сказать, что в стране впервые нет разногласий по столь принципиальному вопросу. Общая задача всех этих актов – сделать и исполнительную, и законодательную власть действительно работающими, наполнить конституционные принципы разделения властей и единства исполнительной вертикали абсолютно реальным содержанием.

В чем суть этих законопроектов? Строго говоря, все сводится к трем основным элементам. Первое: предлагается изменить принципы формирования Совета Федерации, верхней палаты парламента. В Конституции России записано, что Дума избирается, а Совет Федерации формируется из представителей исполнительной и законодательной ветвей власти. Но в Конституции не сказано, что это должны быть обязательно первые лица территорий – губернаторы, президенты республик, руководители региональных парламентов. Сегодня это именно так. Я считаю, что лидеры регионов должны сосредоточить силы на конкретных проблемах своих территорий – для этого они, собственно, и избираются населением, – а их представители пусть занимаются законотворчеством, но уже на постоянной и на профессиональной основе, а не как сейчас, раз в месяц.

Да, Президенту России сложнее будет работать с профессиональной верхней палатой парламента, но этого требуют интересы дела. Качество законов, без всяких сомнений,

улучшится. Кроме того, мы устраним очевидное противоречие в самой организации власти в России. Сегодня губернаторы и руководители республик сами являются институтами исполнительной власти, а, будучи членами Совета Федерации, одновременно и парламентариями, то есть соавторами законов, которые сами же и должны исполнять. Это, как у нас говорится, сапоги всмятку, фактически нарушение принципа разделения властей.

Второе существенное предложение – ввести порядок отстранения от должности руководителей регионов и роспуск законодательных собраний, принимающих акты, идущие вразрез с федеральными законами. Как известно, сегодня за нарушение Конституции можно отстранить от должности даже Президента страны. Тот же порядок должен распространяться и на руководителей территорий и органов местного самоуправления.

И, наконец, третье предложение, логично вытекающее, на мой взгляд, из второго. Если глава территории при определенных условиях может отстраняться от должности Президентом страны, то у него должно быть аналогичное право в отношении нижестоящего уровня власти. Это сегодня не только правильно, но просто необходимо для восстановления в стране работающей властной вертикали. Без этих инструментов ни федеральный парламент, ни правительство, ни даже Президент уже давно не могут добиться простых, но абсолютно необходимых вещей. Прежде всего, чтобы и в Москве, и в самой далекой российской глубинке одинаково строго соблюдались права граждан, одинаково точно понималось и исполнялось общероссийское законодательство. Это и есть диктатура закона. Это и будет означать, что мы живем в одной сильной стране, в едином государстве Россия.

Единство власти – необходимое условие единства нации. Конечно, выборы руководителей субъектов Федерации законодательными собраниями по представлению президента не обеспечат сами по себе скорой победы над врагом. Но позволят значительно увеличить запас прочности нашей политической системы, адаптировать государственный механизм к экстремальным условиям необъявленной войны. Высшие должностные лица региона получат больше прав. Прекратится соревнование между центром и территориями по уходу от ответственности за политические ошибки и организационные просчеты… Путин укрепляет государство, а не себя.

Его авторитет и так достаточно высок, и у него нет проблем в отношениях с региональными лидерами. А новая схема заработает не вдруг и не для Путина лично. Предстоит переходный период, который растянется на несколько лет. Все избранные по действующим правилам руководители доработают положенные сроки. Потребуется время для внесения изменений в конституции и уставы субъектов Федерации. Только к 2009 году все руководители регионов будут избраны в соответствии с новым законом («Комсомольская правда», 29.09.2004).

Владислав Сурков

Особо подчеркну, все предложенные мной законопроекты полностью укладываются в рамки действующей Конституции России. Хотел бы обратиться к депутатам Государственной Думы и членам Совета Федерации. Мы сегодня, кстати, довольно долго дискутировали с большим количеством членов Совета Федерации здесь, в Кремле, по этим вопросам. Внесенные законопроекты будут, наверное, оцениваться по-разному и вызовут дополнительную дискуссию. Мы к ней готовы. Я уверен, нам вместе строить и проводить в жизнь эти непростые решения. Настал момент отделить партийные, местнические и личные амбиции от жесткой необходимости укреплять государственность и усиливать власть. Этого давно ждут граждане России. Мы обязаны эти ожидания оправдать.

Я глубоко убежден: власть должна быть работающей, каждый должен заниматься своим делом. Законодатели и в верхней, и в нижней палате – принимать законы, а губернаторы, на которых лежит огромная ответственность за социальное благополучие людей, за успех регионального хозяйства, должны исполнять свою работу. И в этой роли их никто не может заменить.

Сегодня они так же озабочены проблемой укрепления власти, так же, как и здесь, в федеральном центре. Некоторые предлагали даже более радикальные меры, чем во вносимых законопроектах, вплоть до введения порядка прямого назначения губернаторов Президентом России. Но я попрежнему считаю, считал и считаю, что главы субъектов Федерации должны избираться народом. Этот порядок уже утвердился, стал частью нашего демократического государственного строя.

Также считаю важным отметить, что предлагаемые законы не направлены против региональных лидеров. Напротив, я уверен: руководители регионов являются важнейшей опорой Президента и будут оставаться таковыми в деле укрепления нашего

государства. Ведь государство – это не просто земля, на которой мы живем и работаем, не просто очерченная границами географическая территория, это прежде всего закон, это конституционный порядок и дисциплина. Если эти инструменты слабы, то слабо и государство. Или его попросту нет.

Ведь это вопиющий факт, когда – вдумайтесь в эту цифру – пятая часть принятых в регионах правовых актов противоречит Основному закону страны, когда конституции республик и уставы областей расходятся с Конституцией России, когда между российскими краями и областями устанавливаются торговые барьеры или, того хуже, пограничные столбы – и это бывает! Как показала жизнь, последствия таких нарушений катастрофичны. Из подобных, казалось бы, частных вопросов капля за каплей вызревает сепаратизм, который подчас становится плацдармом для еще более опасного зла – международного терроризма.

Еще раз обращаюсь к законодателям, еще раз хочу подчеркнуть: время вынужденных компромиссов, компромиссов, ведущих к нестабильности, прошло. И я очень надеюсь, что вы поддержите линию на укрепление государственности российской.

Уважаемые граждане, вы не хуже меня знаете, что расхлябанность власти дороже всего обходится миллионам простых людей. Ценой разболтанности государства становится личная безопасность, неприкосновенность собственности, жилища, в конечном итоге, наше собственное благополучие и будущее наших детей. Именно для этого нам нужна сильная и ответственная власть. И потому я рассчитываю на понимание тех шагов, которые сейчас предпринимаются. Я именно с этим избирался на пост Президента России, эту политику намерен твердо и последовательно проводить впредь, именно так, как это мы делаем сегодня.

Н. ПЕТРОВ. ФЕДЕРАЛИЗМ ПО-РОССИЙСКИ [60]

Петров Николай – кандидат географических наук, руководитель Центра политико-географических исследований, член научного совета Московского центра Карнеги, соредактор «Политического альманаха России». Статья Н. Петрова вышла в свет практически одновременно с объявлением федеративной реформы.

События последних месяцев заставляют по-иному взглянуть на перспективы развития федерализма в России, на саму возможность дальнейшей децентрализации и деунитаризации страны. Дело в том, что динамика российского федерализма до сих пор имела двойственный – и поступательный, и колебательный – характер. ‹…› процессы децентрализации и централизации развивались параллельно, попеременно выдвигаясь на передний план, что и предопределило противоречивость и запутанность общей ситуации.

Масштаб и темпы перемен, происходивших на наших глазах в последнее десятилетие, таковы, что простая экстраполяция, предпринятая в разные моменты времени или на базе одного из разнонаправленных процессов, может дать противоположные результаты. Отсюда и разнобой в суждениях о российском федерализме – от алармистских, предупреждающих об уже идущем распаде России, до алармистских же, предрекающих восстановление жесткого унитаризма.

Российский федерализм – еще молодой, незрелый и, по мировым меркам, весьма специфический – нельзя понять в отрыве от новейшей политической истории страны и политического контекста вообще. Можно даже сказать, что федерализм по-российски не более чем продукт политической нестабильности последних лет, или, сформулировав ту же мысль резче, главный секрет российского федерализма в том, что на самом деле… его нет. А то, что есть, – это временно ослабевший по причине затянувшегося реформирования Центр и усилившиеся регионы, где старая политическая элита если и теряла свой контроль, то гораздо быстрее и легче, чем Центр, его восстанавливала.

В современном мире из двух с лишним десятков федеративных государств не так уж много таких, в название которых входило бы слово «федерация». Не называя себя федерациями, они тем не менее таковые по существу. Россия же,

наоборот, по существу не федерация, хотя в ее официальном названии это слово фигурирует с 1918 года. Парадокс? Да, и в российском федерализме далеко не единственный. ‹…›

‹…› Для российского федерализма характерно нагромождение проблем – старых, унаследованных от Российской империи или Советского Союза, и новых, благоприобретенных. К числу первых можно прежде всего отнести:

смешанный этнотерриториальный характер субъектов Федерации – атавизм, от которого очень трудно (если только возможно) избавиться, чреватый этноконфликтами и практикой «этновыдавливания», дроблением регионов по этническому признаку и т. д.; этническое и территориальное начала, накладываясь друг на друга, дают эффект бинарного боеприпаса, который может рвануть в любую минуту;

«многоэтажный» централизм, то есть гипертрофия центров любого уровня, трудно сочетающийся с принципом равноправности частей Федерации и повсеместно воспроизводящий схему «Центр – периферия» с присущей ей асимметрией.

Среди других проблем, отчасти производных от двух первых, отчасти проистекающих из особенностей политического развития последних лет, отмечу:

– асимметричность масштабов и статусов субъектов Федерации;

– нарастающая дифференциация регионов в социальном и политическом отношениях; ‹…›

– государственный, инициированный сверху, характер российского федерализма, когда вся жизнь общества втиснута в региональные границы; отсутствие серьезной базы федерализма в обществе; ‹…›

– противоречие между суперпрезидентством ‹…› и суперцентрализмом в одних сферах и регионализмом в других; ‹…›

– чрезмерная роль субъективного фактора, когда личностные качества главы региона могут во многом определять и отношения с Центром, и политическую ситуацию в регионе, и положение в нем гражданина;

– совмещение политической власти с собственностью в отсутствие разделения властных ветвей делает контроль над гражданином и над региональным социумом всеобъемлющим, не оставляя пространства для политического плюрализма и автоматически увязывая политические конфликты с борьбой за передел собственности;

– нестыковка регионального законодательства с

федеральным, что противоречит принципу равенства прав граждан независимо от места их проживания и выводит всю политическую конструкцию за рамки закона, делая ее шаткой, зависимой от колебаний политической погоды. ‹…›

ЦЕНТР – РЕГИОНЫ: НОВЕЙШИЕ СДВИГИ

1998 год был отмечен перманентным политическим кризисом, резко ослабившим позиции Центра. К началу 1999-го процесс децентрализации зашел так далеко, что возникла угроза, как бы система не вышла из колебательного режима и не перешла в новое качество. Дальнейшее ослабление государства было чревато хаосом, открытыми столкновениями элитных «кланов», дезинтеграцией. ‹…› С приходом Владимира Путина Центр перехватил инициативу, начав военные действия сначала в Дагестане, затем в Чечне и подключив ФСБ к избирательной кампании. Ситуацию удалось стабилизировать, а потом и повернуть вспять. ‹…› Если до середины мая 2000 года можно было говорить о централизации, укладывающейся в схему колебаний маятника, то после инаугурации Владимира Путина ситуация резко изменилась. Первое, что предпринял новый президент, – это шаги к реформированию государственной власти. Меняется не просто баланс сил, а вся система отношений между федеральным Центром и регионами. В результате движение в сторону централизации из колебательного режима переведено в поступательный. Быстрота и натиск Кремля беспрецедентны: своими указами президент отменил решения региональных властей, затрагивающих компетенцию Центра, в Амурской и Смоленской областях и Ингушетии (объявлено, что на подходе еще полтора десятка аналогичных указов), одновременно он обратился к законодателям Башкирии с предложением привести республиканское законодательство в соответствие с федеральным; вслед за этим были введены федеральные округа, а несколькими днями позже в них назначены представители президента, главным образом из числа генералов; наконец, президент выступил с телевизионным обращением к народу, предваряя им пакет вносимых в Госдуму законопроектов, призванных восстановить в стране властную вертикаль. Речь идет об изменении принципов формирования Совета Федерации, о введении порядка отстранения от должности руководителей регионов и роспуска законодательных собраний, принимающих акты, которые идут вразрез с федеральными законами. ‹…›

Следующие выборы в Думу пройдут по пропорциональной системе. Когда мы шли на принятие этого решения, понимали, что рискуем, даем дополнительные возможности оппонентам. Но «Единая Россия» показала, что для нее интересы государства важнее внутрипартийных. Благодаря этому решению формируются сильные демократические партии, формируется основа развития партийной системы в стране. Страна идет по пути демократического развития. Люди будут влиять на власть через партии. Сама партийная основа очень окрепла. Так что будущие выборы будут более конкурентными, чем предыдущие («Коммерсантъ-Власть», 13.06.2005).

Вячеслав Володин, депутат Государственной Думы, секретарь Генерального совета партии «Единая Россия»

Замечу, что некоторая степень централизации и унитаризации в современном российском политическом контексте даже полезна, поскольку:

– строительство гражданского общества невозможно при господстве мелких ячеек, в своем политическом развитии бредущих в разные стороны (у такой ситуации есть две причины: мелкотравчатость местных элит, защищенных от притока элит извне, с одной стороны, и неизбежная их «бурбонизация» в отсутствие нормальной системы сдержек и противовесов, реальной конкурентной среды и необходимых социальных институтов – с другой);

– дробность и мелкокалиберность нынешних российских регионов чрезмерна с точки зрения нужд федерализации; часть из них по своему потенциалу действительно в состоянии функционировать как субъекты Федерации, другие же могут быть только федеральными территориями;

– сильная федеральная власть способствует децентрализации второго порядка – перераспределению полномочий между региональным и местным уровнями власти в пользу последнего;

– сохранение и упрочение единого политического пространства ускорит отделение экономики от политики, расчленение политической и экономической власти, а это, в частности, превратило бы губернаторов из удельных князей в высокопоставленных администраторов.

Отношения «Центр – регионы», территориально-государственное устройство страны в целом претерпевают сейчас

активную трансформацию. Происходившие в последние годы сдвиги, как уже отмечалось, укладываются в схему колебаний маятника, но очевидно, что теперь этим дело не ограничится. ‹…› Поэтому можно уверенно прогнозировать дальнейшее нарастание централизма, так что система имеет шансы выйти из привычного колебательного режима, в котором находилась все эти годы, и войти в новое, более централизованное, более унитарное состояние. ‹…›

Перемены в территориально-государственном устройстве страны были неизбежны, и с приходом к власти Путина они начались. Это, однако, не означает обязательного изменения конституции – Центр может усиливаться и в рамках уже имеющегося законодательства.

К. МАЦУЗАТО. ФЕНОМЕН ВЛАДИМИРА ПУТИНА И РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ [61]

Мацу зато Кимитака – профессор Центра славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония), известный специалист по политическим процессам в России и Украине. Основатель и редактор серии сборников «Регионы России: хроника и руководители» (издается Университетом Хоккайдо с 1996 года). Автор вызвавших дискуссию в российской и международной научной литературе сравнительных политических и исторических исследований, сопоставляющих Россию, Японию, США.

ПРЕДИСЛОВИЕ

‹…› Российское федеративное государство, которое в конце 1990-х гг. находилось на грани превращения в конфедерацию, при новом Президенте РФ В. В. Путине встало на путь централизации. В чем истоки реформы Путина? Диктовалась ли она интересами Центра или же самих регионов, которые в результате позднеельцинского «восторга регионализма» попали в тупиковую ситуацию? Почему регионы, в том числе сильные, уступили новому Президенту так легко? До какой степени изменились взаимоотношения между Центром, регионами и субрегионами после начала реформы Путина? Авторы настоящего сборника попытались дать ответы на эти вопросы.

В данной книге представлены исследования по семи регионам: республикам Татарстан и Коми, Краснодарскому краю, Самарской, Рязанской, Тамбовской и Ульяновской областям. Татарстан, Самарская и Ульяновская области входят в состав Поволжского федерального округа, Республика Коми – Северо-Западного, Краснодарский край – Южного, а Рязанская и Тамбовская области – Центрального. С точки зрения народно-хозяйственного развития Татарстан и Самарская область являются так называемыми регионами-донорами; Красноярский край, Ульяновская и Рязанская области относятся к регионам среднего уровня развития, а Тамбовская является одной из беднейших областей Европейской России. ‹…›

Авторами настоящего сборника выступили видные политологи, проживающие в соответствующих регионах. Поскольку свои идеи и подходы они формулируют четко и логично, полагаю излишними какие-либо дополнительные «экскурсии» по каждой из глав сборника. Ограничусь изложением

лишь общих выводов авторского коллектива.

Централистскую реформу В. Путина нельзя рассматривать только в свете реакции на кризисное состояние российской государственности, вызванной усилением центробежных тенденций, характерных для политики региональных властей в позднеельцинский период. Скорее она имеет эволюционный характер и в первую очередь соответствует современному этапу развития российского капитализма.

Как известно, вслед за финансовым кризисом 1998 г. в российской экономике впервые после краха социализма обозначились признаки хозяйственного возрождения. В результате активизировалось межрегиональное перемещение капитала, началась новая волна передела собственности, и олигархи превратились в «игроков» поистине общегосударственного масштаба. Активизация межрегионального перемещения капитала подорвала замкнутую, патримониальную региональную экономику, которая представляла собой основу влияния региональных элит. Как это ни парадоксально, это изменение, скорее всего, ударило по руководителям многоресурсных регионов, таких как Коми, Башкортостан и Нижегородская область, которым удалось построить «сильный замкнутый рынок» еще до кризиса 1998 г. Региональным руководителям, которые выбрали модель «слабого открытого рынка» (например, Н. Федорову в Чувашии) или из-за малоресурсности своего региона смогли построить только «слабый полузакрытый рынок» (например, В. Любимов в Рязанской области), было относительно нетрудно пережить изменения на российском фондовом рынке после 1998 г. Что же касается Самарской области с ее мощным экономическим потенциалом, то ее экономика стала более открытой, и, соответственно, крупные региональные хозяйственники стали менее зависимыми от губернатора К. Титова не только по причине проникновения в область капитала извне, но, скорее, благодаря превращению «своих» предприятий в макрорегиональные или даже общероссийские субъекты. Среди регионов, исследуемых в настоящем сборнике, только Татарстан мог придерживаться прежней модели «сильного закрытого рынка».

Примечательно, что в процессе активизации межрегионального перемещения капитала полномочные представители Президента в федеральных округах часто играют роль «брокеров» капитала. Например, в речи по случаю двухлетней годовщины введения института полпредов дальневосточный представитель Президента К. Б. Пуликовский

заявил: *«Раньше, во время реформы, до нашего региона у крупного капитала руки не доходили. Теперь наше время пришло. И я положительно воспринимаю, когда в регион приходит крупный серьезный капитал».*

Эволюционный характер реформы Путина четко прослеживается в межполитических отношениях, или в отношениях между «уровнями» политики. Работа В. С. Авдонина опровергает упрощенное, но, к сожалению, распространенное понимание межполитических отношений в РФ, которые будто бы развивались в направлении от региональной автономии со слабыми межполитическими взаимодействиями при Ельцине к интенсификации при Путине. На самом деле даже в позднеельцинский период главам регионов чрезвычайно важно было стать эксклюзивным партнером Центра. Их эксклюзивный статус в отношениях с Москвой являлся и является одним из двух главных условий стабильности их режимов. Вторым выступает создание и сохранение «пакта элит». Разумеется, оба эти условия часто представляют собой лишь две стороны одной медали: когда «пакт элит» разрушается, появляется альтернативный главе партнер Центра, и наоборот. ‹…›

> **Демократия не сумела решить ни одной из проблем России. Некоторые из них сумел минимизировать (отведя от уровня катастрофы) рынок, но, во-первых, сейчас речь не о рынке, а о демократии, а во-вторых, рынок в России никто отменять не собирается. Впрочем, и демократию тоже… И замену прямых выборов глав регионов на выборы их региональными законодательными собраниями по представлению президента, и тем более переход от смешанной системы выборов в Думу к пропорциональной уходом из демократии назвать нельзя. Отступлением от более продвинутой модели демократии к менее продвинутой – можно. А если выборы в законодательные собрания регионов удастся сделать более демократичными, чем сегодня, то и отступления не будет… Рано или поздно сумма политических предложений президента объективно и неизбежно выйдет за пределы Конституции. Лично я в этом не вижу большой проблемы, ибо Конституция 1993 года явно не соответствует реальностям жизни России и ее политической практике. И не в смысле демократизма (демократизма в текст Конституции надо бы и добавить), а в смысле самом**

прагматическом («Комсомольская правда», 04.11.2004).

Виталий Третьяков, политический обозреватель

Из сказанного вытекает, что региональная политика В. Путина реалистична. Если Центр ищет в регионе альтернативного и *реального* (то есть *«проходного»)* партнера, то к действующему главе он относится жестко и не исключает возможности его замены (примеры – Коми и Тамбовская область). В противном случае Центр находится в поисках компромисса с действующим главой и даже помогает ему усилить свой статус эксклюзивного партнера Центра, как это случилось по отношению к М. Шаймиеву в Татарстане и В. Любимову в Рязанской области. Однако последствия этих двух противоположных тактик оказались одинаковыми: в результате монополия правящего или вновь победившего клана каждый раз заметно усиливалась. ‹…›

‹…› Даже оставляя в стороне общую деидеологизацию российской политики второй половины 1990-х гг., можно указать на целый ряд причин сложившегося положения. Во-первых, при «позднем» Ельцине региональные руководители, как правило, могли выражать свою поддержку действующему Президенту лишь с большими оговорками и многословными оправданиями. Ведь при резком снижении уровня жизни населения, распаде нравственности общества, «потере лица» Россией на международной арене и в условиях действия других отвращающих факторов первой половины 1990-х гг. безоговорочная поддержка Ельцина могла превратить региональных лидеров в глазах рядовых избирателей чуть ли не в сознательных ненавистников России. Благодаря активному выдвижению Путиным патриотических лозунгов местным «баронам» стало намного легче становиться частью общенациональной электоральной машины. Во-вторых, сказывается фактор второй чеченской войны. ‹…›

Самая значительная разница между Ельциным и Путиным, которая и обусловила последующее развитие касикизма, обнаруживается в их подходах к региональной элите. Ельцин был убежден, что, приобретая в своем регионе монопольный статус, местные руководители непременно превращаются в сепаратистов. Именно по этой причине он стремился в том или ином регионе иметь соперников главе в лице мэра региональной столицы, представителя Президента там и т. д. Путин же позволяет, а в отдельных случаях и поощряет глав регионов становиться монополистами, взамен требуя от них жесткого подчинения

Центру. В целом, при Путине региональные, как, вероятно, и субрегиональные элиты сильнее ощущают совпадение своих интересов с интересами центральных элит. ‹…› Это обстоятельство благоприятно воздействует на развитие общенациональной партийной системы. Немаловажная оговорка в данном случае заключается в том, что при Путине развивается только клановая партия. Именно – «Единая Россия», а программные партии (и левые, и либеральные) находятся в глубоком кризисе. ‹…›

В. В. ПУТИН. ВЫСТУПЛЕНИЕ НА РАСШИРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА С УЧАСТИЕМ ГЛАВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 13 СЕНТЯБРЯ 2004 ГОЛА

В этом зале находятся не только члены федерального Правительства, но и первые лица всех российских регионов. Считаю, что в сложившихся условиях система исполнительной власти в стране должна быть не просто адаптирована к работе в кризисных ситуациях, а кардинально перестроена – перестроена с целью укрепления единства страны и недопущения возникновения кризисов.

Мы не вправе забывать, что в своих далеко идущих планах вдохновители, организаторы и исполнители терактов стремятся к тому, чтобы дезинтегрировать страну, стремятся к распаду государства, к развалу России.

Убежден, единство страны – это главное условие победы над террором, и без такого единства достичь этой цели невозможно.

Хотел бы поподробнее остановиться на этой проблеме. Прежде всего, важнейшим фактором укрепления государства считаю единство системы исполнительной власти в стране, единство, вытекающее из смысла и буквы статьи 77-й Конституции Российской Федерации. Фактически речь идет о том, что по предметам ведения Российской Федерации и по предметам совместного ведения органы исполнительной власти в центре и в субъектах Федерации образуют единую систему власти и соответственно должны работать как целостный соподчиненный единый организм.

Нужно признать, что такой системы власти в стране до сих пор не создано.

Борьба с террором – это общегосударственная задача, задача, для выполнения которой требуется мобилизация всех ресурсов. И очевидно, что единство действий всей исполнительной вертикали здесь должно быть обеспечено в первую очередь и безусловно.

Считаю также, что в целях обеспечения единства государственной власти и последовательного развития федерализма необходимо совместное участие Федерации и ее субъектов в формировании исполнительных органов власти в территориях России. И в этой связи полагаю, что высшие должностные лица субъектов Российской Федерации должны

избираться законодательными собраниями территорий по представлению главы государства.

В таком случае механизм формирования высшей исполнительной власти в регионах будет построен по принципам, практически идентичным принципам образования Правительства Российской Федерации. Данный порядок образования исполнительной власти базируется на общих положениях Конституции и предложен в проектах, представленных целым рядом руководителей субъектов Российской Федерации.

До конца года соответствующий законопроект будет внесен мною в Государственную Думу. Прошу Правительство, а также глав российских регионов вместе с представительными органами власти оперативно заняться подготовкой этого документа. Кроме того, полагаю, что руководители регионов должны сегодня теснее взаимодействовать с муниципальными образованиями, помогая им в каждодневной работе с людьми, а также в рамках, предусмотренных законом, должны оказывать большее влияние на формирование органов местного самоуправления.

Консультации со специалистами показывают, что такие возможности в рамках действующей Конституции имеются, и прошу Правительство, президиум Госсовета проработать, представить предложения по этой теме.

Сегодня мы обязаны своими практическими действиями поддержать инициативы граждан в их стремлении бороться с террором, должны вместе найти механизмы, скрепляющие государство. Одним из таких механизмов, обеспечивающих реальный диалог и взаимодействие общества и власти в борьбе с террором, должны стать общенациональные партии. И в интересах укрепления политической системы страны считаю необходимым введение пропорциональной системы выборов в Государственную Думу. В ближайшее время внесу на рассмотрение парламента соответствующий законопроект.

Хотел бы также подчеркнуть: если мы рассчитываем на помощь общества в борьбе с террористами, то люди должны быть уверены, что их мнение будет услышано. В этой связи считаю продуманной идею образования общественной палаты как площадки для широкого диалога, где могли бы быть представлены и подробно обсуждены гражданские инициативы, и, что не менее важно, такая палата должна стать местом проведения общественной экспертизы тех ключевых государственных решений и прежде всего законопроектов, которые касаются перспектив развития всей страны, которые имеют общенациональное значение.

Фактически речь идет о гражданском контроле за работой

госаппарата, включая правоохранительные органы и специальные службы, что сегодня, на мой взгляд, чрезвычайно важно.

В. В. ПУТИН. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА РАСШИРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА С УЧАСТИЕМ ГЛАВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мы должны понимать всю сложность и ответственность момента исторического развития нашей тысячелетней страны.

Вы знаете, когда рождается человек, практически сразу же в его организме появляются какие-то болезнетворные микробы, какие-то вирусы, которые угрожают здоровью. Но если организм развивается сильным, мощным, то иммунитет подавляет все эти болезнетворные микробы и вирусы. Стоит ослабнуть организму – и все они вспыхивают опасной для жизни человека болезнью. Вот так и у нас произошло: ослабла страна и государство, и все это вспыхнуло сразу. Нечего нам здесь особенно пенять на тех, кто разжигает специально, – об этом я сейчас скажу отдельно, – но это внутри каждого организма и каждого государства присутствует. Нам нужно наладить систему власти, управления страной. Нам нужно создать эффективную экономику. Нам нужно оздоровить весь организм российской государственности и экономической системы.

Мы действительно идем по сложному, абсолютно неизведанному пути; нам сейчас не нужно оглядываться назад и говорить, что были наделаны такие-то или такие-то ошибки. Давайте мы сейчас на уровне нашей сегодняшней ответственности будем действовать так, как мы считаем нужным, и с учетом позитивного и негативного опыта ближайшего десятилетия.

Не случайно мы сегодня говорим о формировании властных структур: ведь почему начало происходить заметное «перетягивание одеяла» в сторону федерального центра от регионов? Да потому что существует очевидный разрыв в этой единой системе исполнительной власти в стране. Ее действительно не было. И нет до сих пор – единой системы. Значит, она должна быть создана. И я согласен, что в той конструкции, которая предлагается, конечно же, роль, значение, авторитет региональных руководителей, их властные полномочия должны соответствовать уровню ответственности, на котором они находятся. Это правильно. И это нужно сделать в общей системе предлагаемых мер.

Нужно создать сбалансированную систему взаимоотношений

в рамках Основного закона страны. И, наконец, вся система мер по укреплению органов правопорядка, по обеспечению безопасности граждан – мы о ней сегодня говорили, не буду сейчас повторяться: ясно, что и в правоохранительной сфере, и в сфере государственной безопасности должны быть продуманы и приняты соответствующие решения.

И в заключение я хочу вас заверить в том, что ни у кого нет желания передергивать, что-то отнять и перераспределить. Есть только одно желание – сделать нашу страну эффективно функционирующим экономическим и политическим организмом. Очень рассчитываю на понимание этого вопроса и совместную, эффективную и солидарную работу.

А. ЛЕЙПХАРТ. КОНСТИТУЦИОННЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ЛЛЯ НОВЫХ ДЕМОКРАТИЙ [62]

Лейпхарт Аренд, профессор политологии в университете штата Калифорния (Сан-Диего). Один из ведущих теоретиков демократии. Широкую известность ему принесла монография «Демократия в многосоставных обществах», в которой исследовалась возможность существования демократии в условиях значимых расколов в обществе (в частности, в многонациональных государствах). Русский перевод статьи А. Лейпхарта опубликован в 1994 г.

Две основополагающие альтернативы, перед которыми оказываются творцы новых демократических конституций, – это, во-первых, выбор между избирательными системами, основанными соответственно на принципе большинства и на принципе пропорционального представительства, и, во-вторых, – между парламентской и президентской формами правления. ‹…› Сравнительное изучение демократий показало, что тип избирательной системы значимым образом связан с развитием партийной системы страны, с типом существующей в ней исполнительной власти (однопартийное или же коалиционное правительство) и с отношениями между исполнительной властью и законодательным органом. В странах, где на выборах действует принцип большинства (на выборах общенационального уровня почти всегда применяемый в одномандатных округах), скорее всего утверждаются двухпартийные системы, появляются однопартийные правительства и существует доминирующее положение исполнительной власти по отношению к соответствующим законодательным органам. ‹…› Напротив, пропорциональное представительство скорее ассоциируется с многопартийными системами, коалиционными правительствами (часто вплоть до широких и всеобъемлющих коалиций) и с более уравненным соотношением исполнительной и законодательной властей. Этими особенностями характеризуется консенсусная модель демократии, которая – в противоположность однозначному и безраздельному правлению большинства – воплощает стремление к ограничению, разделению, разграничению и распределению власти различными способами.

По поводу данных двух групп взаимосвязанных характеристик необходимо отметить еще три момента. Во-первых,

зависимость между этими характеристиками обоюдная. Скажем, выборы, проводимые на основе принципа большинства, благоприятствуют утверждению двухпартийной системы; но и существование двухпартийной системы благоприятствует сохранению мажоритарного принципа, дающего обеим главным партиям большие преимущества, от которых они едва ли откажутся. Во-вторых, если при внедрении демократического политического строя хотят способствовать утверждению в нем черт, характерных для мажоритарного его типа (принцип большинства, двухпартийная система и сильный однопартийный кабинет) или же, напротив, для консенсусного типа (пропорциональное представительство, многопартийность, коалиционные правительства и более сильный законодательный орган), то наиболее практически целесообразным способом достижения этого является выбор соответствующей избирательной системы. ‹…›

Другая основополагающая альтернатива при выборе конституционного устройства – между парламентской и президентской формами правления – также влияет на приобретение политической системой мажоритарного или консенсусного характера. Президентская форма правления оказывает на партийную систему и на тип исполнительной власти влияние, идущее в направлении мажоритарной, а на отношения исполнительной и законодательной властей – в направлении консенсусной модели. Президентские системы, формально отграничивая друг от друга исполнительную и законодательную власти, обычно способствуют их примерному равновесию. В то же время президентская форма способствует складыванию двухпартийной системы, т. к. президентство – самый большой политический приз и выиграть его имеют шансы лишь крупнейшие партии. Данное преимущество, которым обладают большие партии, часто остается за ними и на выборах в законодательный орган ‹…› даже если они проводятся по правилам пропорционального представительства. ‹…› По сути дела, президентские системы концентрируют исполнительную власть в еще большей степени, чем это происходит при образовании парламентом однопартийного кабинета, – они сосредоточивают такую власть не просто в руках одной-единственной партии, но в руках одного-единственного лица.

‹…› Каковы главные преимущества и недостатки принципа большинства и принципа пропорционального представительства, а также президентской и парламентской форм? ‹…›

На рис. 1 показаны все четыре комбинации основных характеристик, а также страны и регионы, где принята та или

иная из комбинаций. Наиболее отчетливо выраженные примеры сочетания президентской формы с принципом большинства дают Соединенные Штаты, а также демократии, испытавшие сильное их влияние, – такие как Филиппины и Пуэрто-Рико. Латиноамериканские страны в подавляющем большинстве избрали системы, сочетающие президентскую форму с пропорциональным представительством. Парламентско-мажоритарные системы существуют в Соединенном Королевстве и многих бывших британских колониях, включая Индию, Малайзию, Ямайку, а также страны т. н. Старого Содружества (Канаду, Австралию и Новую Зеландию). Наконец, системы, сочетающие парламентскую форму правления с пропорциональным представительством, сконцентрированы в континентальной Западной Европе. ‹…›

Рис. 1. Четыре основные типа демократии

	Президентская форма правления	Парламентская форма правления
Выборы по мажоритарному принципу	Соединенные Штаты, Филиппины	Соединенное Королевство, Старое Содружество, Индия, Малайзия, Ямайка
Пропорциональное представительство	Латинская Америка	Западная Европа

Среди современных демократий очень немного найдется таких, которые нельзя подвести под данную классификацию. ‹…›

Принимался ли парламентский или же президентский порядок правления – это также изначально определялось процессом демократизации. ‹…› существовало два основных способа, коими монархическая власть могла быть демократизирована: упразднить большую часть личных политических прерогатив монарха и вменить его кабинету ответственность перед всенародно избранным законодательным органом, создавая тем самым парламентскую систему; или же упразднить наследственного монарха и взамен ввести нового, демократически избираемого «монарха», создавая таким образом президентскую систему.

Другими историческими основаниями были произвольное имитирование успешных демократий и доминирующее влияние колониальных держав. Как весьма ясно показывает рис.1, огромную важность имело влияние Британии как колониальной державы. Президентская модель США широко имитировалась в

Латинской Америке в XIX в. ‹…›

«Отмена выборов губернаторов – мера неоднозначная по своим последствиям. С одной стороны, это, несомненно, расширит возможности центра влиять на формирование руководящих групп в регионах и на региональный политический процесс в целом. С другой стороны, следствием отмены выборов может стать не только ослабление „обратной связи“ и соответственно падение качества информированности центра о региональном процессе, но и ухудшение качества политической поддержки центра в регионах: несмотря на внешнее одобрение со стороны, и региональные начальники, и население чувствуют себя ущемленными. Аргументация отмены выборов губернаторов напоминает аргументацию сторонников моратория на смертную казнь: известно, что главный аргумент последних основан на возможности судебных ошибок и, как следствие, наказании невинных людей. В современной России губернаторские выборы, как и функционирование судебной системы, мягко говоря, не идеальны и сопряжены с многочисленными нарушениями. Но, может быть, лучше бороться за качество выборов и судебной системы, нежели отказываться от их важных компонентов? Велика вероятность распространения этого порядка на все субъекты Федерации („Родная газета“, 12.11.2004).

Оксана Гаман-Голутвина, профессор Академии госслужбы при Президенте РФ

Выдвигается дискуссионный вопрос о качестве демократии, достигаемом во всех четырех альтернативных системах. Термин «качество» подразумевает степень, в какой та или иная система отвечает таким демократическим нормам, как представительность, ответственность (подотчетность), равенство и участие. Заявлявшиеся позиции и контрпозиции слишком хорошо известны, чтобы надо было здесь долго о них говорить, но имеет смысл подчеркнуть, что расхождения между противоположными лагерями не столь велики, как часто полагают. Прежде всего, сторонники пропорциональной системы и сторонники принципа большинства не согласны друг с другом не столько в том, каковы, соответственно, последствия этих двух методик проведения выборов, сколько в том, какой вес этим

последствиям придавать. Обе стороны согласны в том, что принцип пропорционального представительства обеспечивает большую пропорциональность представительства вообще, а также представительство меньшинств, а принцип большинства способствует складыванию двухпартийных систем и однопартийных органов исполнительной власти. Расходятся спорящие в том, какой из этих результатов считать более предпочтительным, причем сторонники принципа большинства утверждают, что только в двухпартийных системах достижима четкая ответственность за правительственную политику.

Кроме того, обе стороны спорят об эффективности обеих систем. Пропорционалисты ценят представительство меньшинств ‹…› за его способность обеспечивать сохранение единства и мира в разделенных обществах. Сходным образом сторонники принципа большинства настроены в пользу однопартийных кабинетов не только ради их демократической подотчетности, но и ради обеспечиваемой ими ‹…› твердости руководства и эффективности при разработке и проведении политики. Обнаруживается также и некоторое различие в акценте, какой обе стороны делают соответственно на качестве и на эффективности. Пропорционалисты склонны придавать большее значение представительности правления, тогда как мажоритаристы более существенным соображением считают способность управлять.

Наконец, спор между сторонниками президентской и парламентской форм правления, хоть он и не был столь ожесточенным, отчетливо обнаруживает свое подобие спору об избирательных системах. И здесь заявленные позиции и контрпозиции вращаются вокруг качества и эффективности. Сторонники президентской формы рассматривают как важную демократическую ценность прямое всенародное избрание главного носителя исполнительной власти, парламентаристы же считают не соответствующим демократическому оптимуму сосредоточение исполнительной власти в руках одного-единственного лица. ‹…›

Каким образом можно оценивать фактическое действие этих различных типов демократии? Крайне трудно находить мерило для количественной оценки демократии в действии, и поэтому политологи редко когда покушались на выработку систематической оценки.

‹…› Поскольку для измерения таких аспектов затруднительно получение надежных данных по странам – не членам ОЭСР, я в своем анализе ограничился демократиями, относящимися к передовым индустриальным странам. В любом случае латиноамериканские демократии, ввиду их более низкого уровня

экономического развития, нельзя счесть поддающимися сопоставлению с другими. Значит, один из четырех основных альтернативных вариантов – форму демократии, сочетающую президентский тип правления с пропорциональным представительством и существующую только в Латинской Америке, – придется в нашем анализе опустить.

Хотя и досадно это ограничение, но мало кто из наблюдателей стал бы всерьез уверять в существовании веских доводов в пользу данного конкретного типа демократии. За явственным исключением Коста-Рики и, отчасти, Венесуэлы и Колумбии, политическая стабильность и экономические успехи латиноамериканских демократий были далеко не удовлетворительными. ‹…› латиноамериканские президентские системы проявили особую подверженность тупиковым ситуациям в отношениях исполнительной и законодательной властей и неэффективности руководства. К тому же ‹…› эта проблема становится особенно серьезной, когда президенты не располагают поддержкой большинства в своих легислатурах. Таким образом, латиноамериканская модель, сочетающая президентскую форму правления с принципом пропорционального представительства на выборах законодателей, остается особо непривлекательным вариантом.

Г. В. ГОЛОСОВ, А. В. ЛИХТЕНШТЕЙН. «ПАРТИИ ВЛАСТИ» И РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ЛИЗАЙН: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ [63]

Голосов Григорий Васильевич – доктор политических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Автор университетского учебника «Современная сравнительная политология» (первое издание – 1995), хрестоматии «Современная сравнительная политология» (1998), монографий «Партийные системы России и стран Восточной Европы» (1999), «Первый электоральный цикл в России» (1999), «Второй электоральный цикл в России» (2001). Лихтенштейн Алла – аспирантка Европейского университета в Санкт-Петербурге. Отметим, что статья опубликована в 2001 году.

Понятие «партия власти» получило широкое распространение в российской политической публицистике еще в 1993—1994 гг. Ныне оно превратилось в журналистский штамп, зачастую с весьма негативными коннотациями. Предпринимались попытки и научного осмысления «партий власти», участвовавших в думских кампаниях последних лет. Чаще всего такие попытки приводили ученых к убеждению, что в российских условиях «партия власти» бесполезна и даже нежелательна. Однако убедительного объяснения причин создания «партий власти» до сих пор нет. Более того, отсутствует общепризнанное определение самого понятия.

Задача настоящего исследования заключалась в том, чтобы на основе анализа заданного Конституцией 1993 г. институционального дизайна выявить роль «партий власти» в российской политической системе. При решении этой задачи мы исходили из представления о рациональности поведения политических игроков (т. е. об их стремлении добиться оптимального соответствия между целями и средствами их достижения) в рамках заданных институциональных ограничений. «Партия власти» рассматривалась нами как стратегия, обусловленная необходимостью адаптации элит, не имеющих опыта участия в выборах, к новым условиям. ‹…›

Будучи теоретическим, этот анализ ни в коей мере не претендует на полноту охвата всего круга проблем, связанных с описанием и объяснением общероссийских «партий власти». ‹…›

В современной литературе встречаются два основных подхода к определению «партии власти». Иногда этим термином обозначают российскую политическую элиту в целом. Существует, однако, и более узкая трактовка понятия, подчеркивающая партийный – а не только властный – характер подобных образований. Так, С. Хенкин в качестве причины создания организационно оформленной «партии власти» указывает на необходимость противостоять «на избирательном поле другим партиям, которые представляют иные, отличные от властных элит, сегменты общества». Такая трактовка кажется нам более ‹…› целесообразной, нежели широкое толкование, приравнивающее «партию власти» к «властвующей элите». ‹…› Однако, на наш взгляд, важно именно то, что «партия власти» – это организация партийного или квазипартийного типа, создаваемая элитой для участия в выборах. Ниже особенности российского институционального дизайна рассматриваются с точки зрения тех стимулов и ограничений, которые они создают для возникновения «партии власти» в узком смысле. Обосновав рациональность стратегии, направленной на создание парламентского большинства, полностью поддерживающего проводимый президентом курс, мы переходим к обсуждению возможностей реализации этой стратегии посредством создания «партии власти», а также препятствий на пути ее осуществления.

ПАРТИЯ БОЛЬШИНСТВА: РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ

По своему конституционному устройству Россия является смешанной полупрезидентской республикой. Типология М. Шугарта и Дж. Кэри позволяет отнести ее к числу президентско-парламентских режимов, которым свойственны следующие основные характеристики: 1) наличие всенародно избранного президента; 2) предоставление президенту права назначать и смещать членов кабинета; 3) необходимость доверия парламента к членам кабинета; 4) право президента на роспуск парламента. Конституция наделяет российского президента весьма значительными полномочиями, что неизбежно сказывается на развитии политических партий в стране. Известно, что сильная президентская власть не благоприятствует возникновению устойчивых партийных систем. ‹…› в странах Латинской Америки именно президенциализм породил слабые и недисциплинированные партии, неустойчивые и фрагментированные партийные системы. В подобных условиях президент «имеет возможность обращаться не к партиям, а к

конкретным законодателям, распределять материальные поощрения и формировать альянсы на базе клиентелистских связей», что позволяет ему успешно проводить свою политику при отсутствии поддержки парламентского большинства. ‹…› Отсутствие при президенциализме стимулов к развитию партий связано, в частности, с тем, что кандидаты в президенты не испытывают потребности обращаться к ним за поддержкой. Правда, ‹…› положение может измениться, если партийная система не слишком фрагментированна, а партии достигли определенного уровня организационного развития. Важно то, что при этом повышается и эффективность президентской системы в целом.

И действительно, как свидетельствует опыт США, низкий уровень фрагментации партийной системы в значительной степени сглаживает недостатки президенциализма. Двухпартийность снижает вероятность противостояния ветвей власти и устраняет тенденцию к идеологической поляризации. Президент получает возможность работать не с отдельными законодателями, а непосредственно с лидерами сильных парламентских фракций, что избавляет его от необходимости прибегать к патронажу. Однако все это реально лишь в том случае, если поддерживающая президента партия либо контролирует большинство мест в законодательном собрании, либо может претендовать на завоевание такого контроля. Собственно говоря, бинарный формат партийной системы и служит предпосылкой возникновения и поддержания партии парламентского большинства. При высоком уровне фрагментации отсутствие лояльного парламентского большинства вынуждает президента опираться на межпартийные коалиции, которые лишь в редких случаях оказываются устойчивыми. Причина в том, что, хотя члены пропрезидентской коалиции на выборах партий могут входить в состав правительства, сами эти партии никак не отвечают за проводимый правительством курс. К снижению стимулов к коалиционным взаимодействиям ведет и то, что партии могут свободно присоединяться к парламентской оппозиции без угрозы правительственного кризиса. Таким образом, любая политическая система с сильной президентской властью содержит в себе институциональный стимул к созданию крупной политической партии, способной поддерживать выборного носителя исполнительной власти как на электоральной сцене, так и в парламенте.

В президентско-парламентских системах возникают дополнительные мотивы к выбору стратегии, направленной на формирование пропрезидентского большинства в парламенте.

Напомним, что такая система наделяет полномочиями по смещению членов кабинета и президента, и парламент. Так, в соответствии со ст. 117, п. 2 Конституции РФ решение об отставке правительства принимает президент. Государственная дума может инициировать смещение кабинета, выразив недоверие правительству или ответив отрицательно на вопрос премьер-министра о доверии. Хотя президент вправе не согласиться с решением Думы, в случае повторного выражения ею недоверия правительству он обязан распустить либо правительство, либо Госдуму (ст. 117, п. 3, 4). Путем утверждения кандидатуры премьер-министра нижняя палата российского парламента участвует и в процессе формирования правительства (ст. 111, п. 1). В то же время полномочия Думы в данной сфере ограниченны в связи с угрозой роспуска палаты в случае трехкратного отклонения представленных кандидатур (ст. 111, п. 4). ‹…› можно сказать, что российский режим не обеспечивает раздельного выживания властей. Отсутствие эффективного разграничения полномочий президента и парламента в отношении исполнительной власти способствует нестабильности системы, повышая вероятность частых смен правительства и порождая постоянную угрозу роспуска парламента.

> **Президент достраивает свою концепцию реформ. Если эта реформа состоит из четырех элементов: избрание губернаторов по-новому, пропорциональная система, общественная палата и новый принцип формирования Совета Федерации, то я сказал бы, что счет тут 2:2. Первые два компонента – усиление федерального влияния на процессы, происходящие в стране, два других – усиление элементов гражданского общества и федералистских основ. Президент прекрасно понимает, что это будет совсем не тот Совет Федерации, что четыре года назад, поскольку половина этой палаты – люди, которых предложил для избрания он сам, а в другой половине будут люди, которые обеспечили это голосование («Независимая газета», 22.11.2004).**
>
> ***Олег Морозов, депутат Государственной Думы, «Единая Россия»***

Уменьшить нестабильность президентско-парламентской системы правления позволяет установление президентского контроля над парламентом посредством формирования «партии большинства». Данным термином мы будем обозначать партии

или коалиции, полностью поддерживающие проводимый президентом и его правительством курс и располагающие большинством в парламенте. Стратегия президента, направленная на создание такой партии, вполне оправданна. Во-первых, она ведет к максимизации его влияния на процесс принятия решений. Наличие партии большинства обеспечивает принятие Думой законов, вносимых президентом и правительством, повышая эффективность законодательного процесса. Вовторых, важной составляющей рациональной стратегии правящей группы является обеспечение дисциплинированности парламентского большинства. Между тем российский институциональный дизайн не гарантирует достаточной «связанности» парламентских альянсов. Потенциальный риск выхода какой-либо партии из пропрезидентской коалиции значительно снижает полезность таких коалиций по сравнению с единой «партией большинства». В-третьих, при наличии партии большинства президент избавляется от необходимости вмешиваться в законодательный процесс, реализуя свое право издавать указы. ‹…› Наконец, снижается неопределенность по поводу характера новой Думы, созванной после роспуска прежней. К этому следует добавить, что формирование «партии власти» не требует увеличения затрат правящей элиты на сохранение своих позиций. Как правительство, так и парламент подвергаются меньшему риску быть отправленными в отставку, а президент не несет издержек по формированию нового кабинета. Таким образом, российский институциональный дизайн порождает необходимые стимулы к принятию стратегии, ориентированной на создание партии большинства в парламенте. Очевидно, что участие в выборах – единственный способ реализовать данную стратегию. А для этого, в свою очередь, нужна политическая организация, способная выступать на электоральной сцене. Но всегда ли проанализированный выше комплекс институциональных стимулов ведет к образованию «партии власти»?

РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

В большинстве стран Восточной Европы «партии власти» отсутствуют. Скорее всего это связано с особой ролью учредительных выборов в процессах режимной трансформации у бывших союзников СССР по «восточному блоку». В Польше, Венгрии и Чехословакии в результате первых свободных выборов, состоявшихся в 1989—1990 гг., к власти пришли оппозиционные силы, которые в организационном плане представляли собой

широкие коалиции разнородных демократически настроенных движений и протопартий, возникших на волне массовой мобилизации. ‹…› Важно отметить, что подобный исход выборов повлек за собой как смену руководства, так и изменение проводимой политики. Следующие выборы, проходившие на фоне массового недовольства первыми плодами реформ, привели к власти «партии-преемницы» ‹…›, которые стали центром притяжения для «незапятнанных» коммунистических лидеров среднего звена. Адаптация этих партий к сложившимся условиям сопровождалась отказом от старой коммунистической идеологии в пользу социал-демократических ценностей.

> **Абсолютно ясно, что в условиях возможного повторения украинского сценария неизбежно нужна более жесткая административная модель, в частности, назначение губернаторов (Интерфакс, 29.11.2004).**

Александр Ципко, политолог

Такое чередование у власти разных политических сил не совсем правомерно рассматривать как смену замкнутых правящих группировок. Например, процессы, происходившие в 1989—1995 гг. в Польше, не были «ни революционным замещением одного состава элит другим, ни долговременной стабилизацией новых выдвиженцев». Замена правящих групп имела скорее эволюционный и постепенный характер. Однако в данном контексте важно то, что выборы стали играть решающую роль в процессе трансформации элит и, в частности, смены правящей группы и проводимой политики. Отсюда – закрепление за партиями, возникшими в ходе режимных преобразований, функций завоевания (путем участия в электоральном соревновании) и удержания (посредством создания большинства в парламенте) власти, что – в определенном смысле – привело к «замораживанию» существующих политических альтернатив и затруднило создание новых организаций.

В России же ситуация складывалась по-другому. Трансформация российской элиты была лишь в ограниченной мере связана с проведением первых относительно свободных выборов 1989—1991 гг. События августа 1991 г. устранили необходимость поиска электоральной поддержки; был объявлен мораторий на проведение общероссийских и местных выборов. Состав политического и административного руководства определялся непосредственно президентом, причем новая элита мало чем отличалась от прежней. ‹…› Основным источником

пополнения правящей группы стали кадры, выдвинувшиеся при Горбачеве. Значительного обновления «горбачевской когорты» не произошло, в частности, потому, что первый российский президент довольно рано предпринял шаги по «закрытию» элиты. И хотя говорить о простом «наследовании» руководящих постов одними и теми же лицами или группами лиц не совсем правильно, не подлежит сомнению, что в России состав властвующей элиты обновился значительно меньше, чем в Восточной Европе.

Ситуация, в которой проводились первые относительно свободные выборы в российский парламент (1993 г.), требовала наличия политической организации, способной подтвердить легитимность правящей группы и укрепить ее политические позиции посредством создания в парламенте лояльного большинства. Выяснилось, однако, что использовать для реализации этой цели уже существующие партии невозможно. ‹…› Думается, что это «внепартийное» положение российской элиты и явилось главной причиной, обусловившей необходимость создания новой политической организации для участия в выборах. Характеристики подобной организации должны были отвечать критериям рациональности, заданным российским институциональным дизайном.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

На выборах нижней палаты парламента России применяется «смешанная несвязанная» избирательная система. Две части этой избирательной системы по-разному влияют на партийное строительство и, следовательно, стимулируют собственные стратегии участия элит в выборах. С одной стороны, это формирование избирательного объединения (блока), с другой – выдвижение своих кандидатов в одномандатных округах в качестве либо независимых, либо «партийных». Теоретически, пропорциональная система должна вести к появлению многочисленных небольших партий, ибо голоса, поданные за мелкие партии, не теряются, как происходит при мажоритарной схеме в одномандатных округах. ‹…› В свою очередь, система относительного большинства, применяемая в одномандатных округах, способствует сокращению количества партий и часто ведет к формированию двухпартийной системы. Отсюда – различные наборы факторов успеха на выборах по двум частям российской избирательной системы. Система относительного большинства благоприятствует партиям, имеющим прочные региональные сети либо выдвигающим в качестве кандидатов в

округах местных нотаблей. Одновременно она открывает окно возможностей для мелких локальных партий, которые не в состоянии преодолеть заградительный барьер. Стимулы к коалиционным взаимодействиям между партиями в рамках этой системы чрезвычайно слабы. Что же касается пропорциональной системы, то она позволяет победить партиям, не обладающим поддержкой на местах, и делает вероятным успех организаций, имеющих ярко выраженную идентичность. Такую идентичность можно почерпнуть из двух источников: а) харизматических качеств возглавляющего список лидера; б) на идеологической основе.

Назначаемость губернаторов не только не является шагом от демократии, но еще и делает политическую систему более динамичной. Назначаемые губернаторы могут сохранить равноудаленность от местных заинтересованных групп (Интерфакс, 29.11.2004).

Андраник Мигранян, политолог

Очевидно, что «партия власти» способна реализовать свое предназначение, т. е. стать «партией большинства», лишь при одновременной максимизации успеха по обеим частям избирательной системы. Достижима ли эта цель? В одномандатных округах естественной стратегией выглядит выдвижение местных начальников, которые, во-первых, вполне узнаваемы избирателями, а во-вторых, в состоянии задействовать такой важный политический ресурс, как клиентелизм. Иначе говоря, «партия власти» превращается в «партию начальства». Эта стратегия, наиболее последовательно реализованная НДР на выборах 1995 г., оказалась проигрышной. ‹…› проблема состояла, думается, в том, что опора на административную элиту подорвала идеологическую идентичность движения. Действительно, оптимальный в рамках местной политики имидж «крепкого хозяйственника» трудно ввести в какие-то идеологические рамки. С этим связана отмечаемая многими авторами размытость стратегических программных ориентиров «партий власти» в России. Но отсюда же, как представляется, проистекает и их принципиальная неспособность выгодно позиционировать себя на поляризованном электоральном поле. ‹…› используемая на российских думских выборах избирательная система препятствует успеху «партий власти», ибо задаваемые ею стимулы к партийному строительству внутренне противоречивы.

Особенности избирательной системы, применяемой на

выборах главы государства, и время проведения последних оказывают значительное влияние на стратегии в области партийной политики. При выборах российского президента действует мажоритарная схема: в ситуации, когда ни один из претендентов не набирает абсолютного большинства голосов, проводится второй тур, в котором участвуют два кандидата, получившие наибольшую поддержку в первом туре. Согласно сформулированному М. Дюверже закону, мажоритарная система в два тура способствует формированию многочисленных, но связанных между собой партий. Провоцируя увеличение числа кандидатов в первом туре, такая схема создает сильные стимулы к коалиционным взаимодействиям. При этом пропрезидентские парламентские коалиции нередко в значительной степени отличаются от тех, которые создавались для участия в выборах. Вообще, в системах с сильным президентом парламентские альянсы неустойчивы. Поэтому оптимальная для президента стратегия все же заключается в том, чтобы в парламенте его поддерживала та самая партия, которая привела его к успеху на президентских выборах. Предпочтительно, чтобы такая партия опиралась на большинство, но в любом случае она должна быть достаточно сильна, дабы цементировать собой парламентскую коалицию. ‹…›

С созданием Общественной палаты мы даем дополнительные возможности для развития гражданского общества в стране. Общественная палата – абсолютно общественный орган, который получает в соответствии с законом громадные права. Речь идет, в первую очередь, о возможности проводить в рамках Общественной палаты экспертизу важнейших законопроектов, в том числе конституционных; осуществлять контроль за деятельностью органов исполнительной власти (Интерфакс, 16.03.2005).

Борис Грызлов, председатель Государственной Думы

‹…› независимо от избирательной системы, применяемой на выборах президента, фрагментация снижается, если они проходят одновременно с выборами парламентскими. Дело в том, что при одновременных выборах президентская партия неизбежно добивается весомого представительства в парламенте. В России, однако, сложился квазипарламентский формат электорального цикла, при котором парламентские выборы предшествуют

президентским. Такое электоральное расписание ведет к тому, что выступающие на думских выборах «партии власти» не способны привлекать голоса, поданные за президента. Более того, проведение выборов в конце президентского срока побуждает избирателей переадресовывать «партии власти» все накопившиеся претензии к инкумбенту. Именно так, по нашему мнению, и произошло в России в 1995 г., когда не только избиратели, но даже элиты не захотели связывать себя с курсом обанкротившегося политического руководства. При этом на последовавших полгода спустя президентских выборах лояльность к действующему президенту заметно возросла ‹…›. Таким образом, принятое в России электоральное расписание, при котором парламентские выборы превращаются в своего рода «черновик» президентских, является крайне неблагоприятным для «партий власти».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало исследование российского институционального дизайна, формирование в парламенте партии большинства является рациональной стратегией правящей группы. В то же время эта стратегия естественно вытекает из особенностей генезиса и функционирования современной российской политической элиты. Проведенный анализ позволяет констатировать, что теоретически оправданная модель «партии власти» – это партия парламентского большинства, служащая опорой президента как в парламенте (в виде доминирующей фракции), так и в ходе выборов (в качестве его собственной электоральной машины). ‹…›

Мы видели, что одно из основных препятствий к созданию эффективной «партии власти» связано с взаимной противоречивостью стимулов к партийному строительству, порождаемых двумя частями применяемой на парламентских выборах избирательной системы. Стало быть, простое институциональное решение проблемы состояло бы в реформе, заменяющей «смешанную» избирательную систему на «однородную». Вопрос лишь в том, какую из частей сохранить. Уже при Б. Ельцине довольно широкое распространение получило мнение, что «помилования» заслуживает система большинства в одномандатных округах. ‹…› Думается, однако, что отмена выборов по партийным спискам устранила бы важнейшее институциональное условие существования российских политических партий вообще, а значит – и «партии власти». ‹…› система большинства оставила бы президента один на один с

парламентом, озабоченным местными проблемами и решающим их на основе клиентелизма. Вряд ли такая мера способствовала бы консолидации власти в стране. ‹…› Правда, выборы по партийным спискам требуют формирования четкого имиджа партии, а мы уже видели, что идеологическая идентичность «партии власти» по необходимости размыта. Однако этот недостаток можно компенсировать за счет харизматичности. Более того, в условиях сильной президентской власти подобный выбор становится естественным. ‹…›

Таким образом, «партия власти» – стратегия не только рациональная, но и принципиально реализуемая. Но каковы возможные последствия осуществления этой стратегии? Несомненно, важнейшим условием российской демократизации выступает расширение политического участия граждан, а это, в свою очередь, требует развития партий совсем иного типа. Более того, можно утверждать, что «партии власти» серьезно препятствуют становлению массового демократического участия. Однако подобное утверждение имеет смысл лишь в контексте анализа, игнорирующего переходный характер российской государственности. Низкий уровень смены элит в ходе российской политической трансформации привел к появлению целого ряда феноменов, которые, не являясь демократическими по существу, служат средствами адаптации авторитарных элит к новым институциональным условиям. Наиболее яркий пример такого рода феноменов – комплекс явлений, связанных с так называемым российским федерализмом. Не секрет, что последний долго был прикрытием для самых архаичных, авторитарных элементов государственного уклада. Не исключено, что преодоление подобных элементов когда-нибудь приведет демократическую Россию к государственной централизации. Однако, на наш взгляд, допустим и другой вариант развития событий – постепенное наполнение демократической институциональной формы, каковой, собственно говоря, и является федерализм, адекватным ей содержанием. Сходным образом обстоит дело и с «партией власти». Она может остаться прибежищем авторитарных тенденций или исчезнуть за ненадобностью, но возможна и ее эволюция в направлении «нормальной» партии, полностью адаптированной к условиям демократического общества. Такой путь представляется более органичным, если не более вероятным.

А. ФИЛИППОВ. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ В РОССИИ [64]

Филиппов Александр – регионалист, соучредитель Международного Института гуманитарно-политических исследований (ИГПИ), в 1996—2000 гг. – главный редактор «Политического мониторинга» ИГПИ. Статья опубликована в октябре 2004 года.

«Выступление Президента РФ 13 сентября с инициативой формирования единой системы исполнительной власти кардинально изменило политическую повестку дня и на время вывело в центр внимания такую рутину, как региональные выборы. Правда, отныне они перестают быть рутиной. ‹…›

Избранных губернаторов и сам принцип выборности главы исполнительной власти защищают в регионах сегодня как раз те, кто находится в оппозиции (справа и слева) действующей (законно избранной) региональной власти. При этом оппозиция обессилена и деморализована понесенными в электоральном цикле 2003—2004 гг. поражениями. А избиратели, от которых, собственно, больше всего зависит решение вопроса, пассивны. Напрашивается аналогия с ситуацией сентября-октября 1991 года, когда к спору между Президентом РСФСР Б. Ельциным и Верховным Советом РСФСР на тему о назначении или выборах глав администраций население никакого интереса не проявляло, и все те, кого проблема волновала, вполне умещались в конференц-залах обл– и крайсоветов на общественных слушаниях и дискуссиях.

Широкое распространение среди оппонентов В. Путина получил тезис о неконституционности (или даже антиконституционности) его предложения. Но в тексте Конституции РФ нет ни слова о выборности губернаторов; каждый, кто помнит политическую ситуацию и условия ее принятия, согласится, что таких слов в ней и не могло быть.

Вспомним совсем недавнее прошлое. Это сегодня американского или европейского наблюдателя Россия удивляет как страна непрестанных голосований – ежегодно в регионах проходят десятки выборов. Но такое изобилие возникло после многолетнего дефицита – первые в отечественной истории (если не считать псковских с новгородскими вече и казачьих кругов) выборы глав исполнительной власти территорий России проходили 12 июня 1991-го – можно сказать, почти сегодня. И вплоть до осени 1996 года выборы руководителя региональной

исполнительной власти были не правилом, а исключением.

> **Я вместе с партией и фракцией «Родина» поддерживаю инициативы президента по реформе политической системы. Что касается назначения губернаторов, то это первый шаг к тому, чтобы назначать всех в системе исполнительной власти. Глав администраций можно сохранить только на уровне территориальных общин. Теперь о выборах депутатов Госдумы по партийным спискам. Мы за это предложение только в сочетании с идеей реформирования Совета Федерации. Считаем, что верхнюю палату следовало бы формировать от территорий по принципу – равное число голосов на один мандат. Таким образом Госдума, избираемая по партийным спискам, представляла бы политические идеи, а Совет Федерации – интересы территорий. Кроме того, мы ждем от президента укрупнения регионов («Трибуна», 28.10.2004).**
>
> ***Андрей Савельев, депутат Государственной Думы, «Родина»***

В раннеельцинской России республики в составе РФ имели право самостоятельно определять, какой формой правления им пользоваться – парламентской или президентской, и, соответственно, проводить или не проводить выборы президентов. Исполнительной властью краев, областей и автономных округов согласно Указу Президента РСФСР № 75 от 22 августа 1991 года и постановлению Съезда народных депутатов РСФСР от 1 ноября 1991 года руководили назначаемые Президентом РСФСР по согласованию с соответствующим Советом народных депутатов главы администраций. При этом в 1992 году действовал введенный вышеупомянутым постановлением Съезда народных депутатов мораторий на проведение всех выборов, кроме уже назначенных к 1 ноября.

В итоге в 1991 году были избраны на пятилетние сроки мэры Москвы и Ленинграда (референдум о переименовании в Санкт-Петербург проходил одновременно с выборами), президенты Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Марий Эл, Мордовии (в 1993-м пост президента в республике был упразднен; введен вновь в 1998 году), Татарстана и Якутии. Проводились, но были признаны несостоявшимися, выборы президентов Калмыкии и Чувашии.

В 1992-м состоялись выборы президента Тувы (на пятилетний срок).

В декабре 1992 года, по истечении моратория на выборы глав регионов, Съезд народных депутатов России принял решение о подтверждении полномочий глав администраций, согласованных с Советами, в то время как в отношении других Советы были вправе либо подтвердить их полномочия, либо назначить выборы; в случае выражения Советом любого уровня недоверия соответствующему главе администрации назначались выборы (это постановление съезда открыло путь выборам глав городов и районов). В результате в апреле 1993 года выборы глав администраций прошли в восьми субъектах РФ: Красноярском крае, Амурской, Брянской, Орловской, Липецкой, Пензенской, Смоленской, Челябинской областях. В апреле же состоялись выборы президентов Калмыкии и Ингушетии. ‹…› Результаты выборов в Челябинской области президент Б. Н. Ельцин не признал (несмотря на решение Конституционного Суда); в регионе в мае – октябре продолжалось двоевластие – работали и избранный, и назначенный главы администрации.

Разгон Советов народных депутатов в октябре 1993 года стимулировал введение поста президента в республиках в составе РФ: в декабре 1993-го состоялись выборы глав Башкирии и Чувашии (на пятилетние сроки), а в 1994 году – вновь в Ингушетии (внеочередные выборы проводились в связи с принятием конституции республики), Бурятии, Карелии, Коми и Северной Осетии (на четырехлетние сроки). Тот же переворот привел к замене избранных руководителей Амурской, Брянской и Челябинской областей назначенцами. В марте 1994 года с санкции Президента РФ состоялись выборы главы администрации Иркутской области (на четырехлетний срок); свои полномочия подтвердил руководивший регионом Ю. Ножиков.

В 1995 году с разрешения Президента РФ, оформляемого всякий раз отдельным указом, состоялись выборы губернатора Свердловской области (в августе; смещенный в 1993-м «за Уральскую республику» Э. Россель вернулся к власти) и глав администраций 12 областей, совмещенные с федеральными парламентскими (инкумбенты победили в серии со счетом 9:3). В октябре президент Калмыкии К. Илюмжинов провел безальтернативные досрочные перевыборы своей персоны на семилетний (!) срок, несмотря на сопротивление этой затее со стороны ЦИК РФ.

В 1996 году с санкции Президента РФ состоялись выборы губернатора Санкт-Петербурга (май), мэра Москвы и президента Татарии (совмещенные с президентскими). Лишь с 1 сентября в регионах России начались выборы, проводимые без особых санкций Президента РФ, на основании Федерального закона «Об

основных гарантиях избирательных прав граждан ‹…›«, региональных уставов и законов. В сентябре 1996 – марте 1997 года выборы губернаторов прошли в 50 субъектах Федерации; инкумбенты проиграли их со счетом 24:26.

Таким образом, вплоть до осени 1996 года проведение выборов главы исполнительной власти было привилегией, которой одни располагали в силу особого правового статуса (республики в составе РФ, Москва и Санкт-Петербург), а другие получали в порядке исключения, которое надо было заслужить у Президента РФ – тем или иным образом.

В тот момент, когда принималась Конституция, в России имелось всего 15 (если считать Джохара Дудаева) или 14 (если Дудаева не считать) избранных региональных лидеров (кстати, трое из них – на безальтернативной основе). Поэтому в тексте Конституции никак не могло быть прямых упоминаний о выборах губернаторов – назначенцы, отнюдь не рвавшиеся доказывать свое право на руководство в электоральном состязании, попросту провалили бы ее на референдуме.

В силу обстоятельств места и времени в Конституции РФ неявно присутствовали два принципиально разных подхода к организации региональной власти. Один наиболее четко прослеживается в ст. 95 и 96 главы «Федеральное Собрание» и пункте 7 «Заключительных и переходных положений», посвященных Совету Федерации, где подразумевает выборность глав исполнительной власти субъектов Федерации в той или иной форме (всенародно или в форме утверждения депутатами Верховных Советов республик председателей Советов министров). Противоположный подход наиболее четко выступает в ст. 77 Конституции – это идея исполнительной вертикали, основанной на назначении глав администраций Президентом РФ.

В ходе политической борьбы 1994—1995 годов, ведшейся одновременно в центре (прежде всего оппозиционными депутатами ГД против Администрации Президента РФ) и на местах (внепарламентской оппозицией и депутатами региональных легислатур против администраций), победу одержали сторонники первого подхода.

Переломным стало принятие закона о формировании Совета Федерации. Полномочия избранного 12 декабря 1993 года СФ, согласно «Заключительным и переходным положениям» Конституции, истекали одновременно с полномочиями ГД. В развитие положений ст. 95 и 96 Конституции депутаты Думы подготовили ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации ‹…›„ вводивший должностной принцип формирования верхней палаты российского парламента из числа председателей

ассамблей и глав регионов. Однако депутаты поставили четкое условие – членами СФ могут быть только избранные руководители исполнительной власти. Статья 3 ФЗ гласила: «Выборы глав исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации должны быть завершены не позднее декабря 1996 года“.

Именно этот закон наконец превратил выборность главы исполнительной власти субъекта Федерации из исключения в правило. Отметим, что последний губернатор-назначенец – глава Карачаево-Черкесской Республики В. Хубиев – вышел на выборы (и проиграл их, заняв четвертое место) лишь в июне 1999 года. А спустя всего год в России вновь появился назначенный губернатор – Ахмат-Хаджи Кадыров.

Конституция не устанавливает выборности губернаторов – она была введена федеральными законами. ‹…› В случае изменения федеральных законов решать вопрос о конституционности такого изменения предстоит Конституционному Суду. Он является единственным органом, решающим конституционные споры, и единственным, дающим толкование Конституции. Только сам Конституционный Суд может решить, насколько его связывают его же прежние решения – должен ли он придерживаться постановления по Алтайскому краю или же принять иное решение. Только Конституционный Суд может определить, является ли представление Президента РФ депутатам законодательного органа субъекта Федерации кандидатуры на пост губернатора основанием считать, что исполнительный орган власти не образован субъектом Федерации, или же это не так».

ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ

1. На основании выступлений В. В. Путина постарайтесь определить, какие основные цели ставятся Президентом при проведении реформы федеративных отношений?

_____

2. Как Вы понимаете, зачем необходим институт Общественной палаты?

_____

3. Сравните между собой тексты Лейпхарта, с одной стороны, и Голосова и Лихтенштейн – с другой. Попытайтесь оценить введение в России пропорциональной избирательной системы при президентско-парламентской форме правления как с позиции одного, так и с позиции других авторов.

Лейпхарт

_____

Голосов, Лихтенштейн

_____

10. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ни одна страна в мире не одинока – она всегда включена в мировую систему государств. Поэтому мы ознакомимся с ведущими концепциями складывающегося нового мирового порядка и тем местом, которое Россия стремится занять в мире.

Основой современных «реалистических» теорий международных отношений является политическая практика XIX века – так называемая реальная политика, виднейшим деятелем которой был германский канцлер О. Бисмарк. Фрагмент из мемуаров великого дипломата позволяет увидеть ход его мысли при принятии политического решения исторического масштаба – заключения австро-германского союза.

Основа современного международного права – Устав Организации Объединенных Наций. Устав прямо запрещает агрессивную войну и вручает Совету Безопасности ООН полномочия (включая применение силы) для предотвращения угрозы миру. Концепция внешней политики России строится на идее центральной роли ООН в международных отношениях.

Однако политика наиболее мощной силы современного мира – США – есть по сути политика силы. Ее примеры вы найдете и в теоретических рассуждениях патриарха американской дипломатии З. Бжезинского, и в таком практическом документе, как Стратегия национальной безопасности США. В полном соответствии с realpolitik вполне бисмарковского стиля там вводится следующая логическая цепочка: (1) введение демократий по американскому образцу выгодно США как государству-нации, значит (т. е. именно поэтому), мы будем за демократию; (2) демократизация других стран по образцу США означает усиление влияния США, значит, демократизация может вводиться в других странах под давлением.

Своего рода полемика с этими откровенно силовыми построениями содержится во фрагментах из книги знаменитого британского историка А. Тойнби «Мир и Запад» и статье современного американского политолога С. Хантингтона. Оба применяют цивилизационный подход к анализу мировых событий и оба – причем Хантингтон открытым тектом – предостерегают от соблазна силового доминирования. Осознание факта сползания политики США к односторонним силовым решениям, стремление к демократии в международных отношениях звучат в посланиях В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации.

О. БИСМАРК. МЫСЛИ И ВОСПОМИНАНИЯ[65]

Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шенхаузен (1815—1898), германский государственный деятель, князь. В 1851—1859 гг. – представитель Пруссии в бундестаге во Франкфурте-на-Майне, в 1859—1862 гг. прусский посланник в России, в 1862 г. – во Франции. С 1862 министр-президент и министр иностранных дел Пруссии, в 1870—1890 гг. – рейхсканцлер Германской империи. В Германии О. Бисмарк – основатель единого Германского государства – считается величайшим из государственных деятелей. Его «Мысли и воспоминания», сданные в печать при жизни автора, но увидевшие свет после его кончины, считаются классикой мемуаристики. Главы, посвященные заключению австро-германского союза 1879 г., принадлежат к числу наиболее знаменитых в этой книге и породили целую библиотеку комментариев. Эти страницы Бисмарка раскрывают ход мысли великого политика при принятии ключевого политического решения и показывают, какими соображениями он руководствовался.

Тройственный союз, которого я первоначально пытался добиться после заключения Франкфуртского мира[66] и относительно которого я уже в сентябре 1870 г., в бытность мою в Мо (Meaux), зондировал мнение Петербурга и Вены, представлял собой союз трех императоров. ‹…›

‹…› Вполне понятно, что с точки зрения русской политики удельный вес Франции в Европе не должен падать ниже определенных пределов. Мне кажется, что эти пределы были достигнуты Франкфуртским миром. ‹…›

Граф Шувалов был вполне прав, говоря, что мысль о коалициях вызывает у меня кошмары. Мы вели победоносные войны против двух великих держав Европы[67]; важно было удержать по крайней мере одного из обоих могущественных противников, с которыми мы встретились на поле сраженья, от искушения, заключающегося в возможности взять реванш в союзе с другим. То, что речь не могла идти о Франции, было ясно для всех знающих историю и галльскую национальность; если возможно было заключить секретный договор в Рейхштадте без нашего согласия и ведома, то не было ничего невероятного и в старой коалиции Кауница между Францией, Австрией и Россией[68], как только в Австрии у кормила правления оказались подходящие для этого скрыто существующие элементы. Они

могли найти исходный пункт для того, чтобы снова оживить старое соперничество, старое стремление к гегемонии в Германии как фактор австрийской политики либо опираясь на Францию, как это намечалось во времена графа Бейста[69] и зальцбургского свидания с Луи-Наполеоном в августе 1867 г.[70], либо сближением с Россией, как это проявилось в секретном соглашении в Рейхштадте.

На вопрос о том, какую поддержку в этом случае могла бы ожидать Германия от Англии, я не могу дать немедленный ответ, принимая во внимание историю Семилетней войны[71] и Венского конгресса. Скажу только, что если бы не победы, одержанные Фридрихом Великим, то Англия, вероятно, еще раньше отказалась бы от защиты интересов прусского короля.

Эта ситуация требовала сделать попытку ограничить возможность антигерманской коалиции путем обеспечения прочных договорных отношений хотя бы с одной из великих держав. Выбор мог быть сделан только между Австрией и Россией, так как английская конституция не допускает заключения союзов на определенный срок. ‹…›

Материально более сильным я считал союз с Россией. Прежде он казался мне также и более надежным, так как традиционная династическая дружба, общность монархического чувства самосохранения и отсутствие каких-либо исконных противоречий в политике я считал надежнее изменчивых впечатлений общественного мнения венгерского, славянского и католического населения габсбургской монархии. Абсолютно надежным на долгое время не был ни один из этих союзов. ‹… › Если бы в Венгрии всегда брали верх трезвые политические соображения, то эта храбрая и независимая нация ясно понимала бы, что, будучи островом среди необъятного моря славянского населения, она при своей относительно небольшой численности может обезопасить себя, только опираясь на немецкий элемент в Австрии и Германии. Но кошутовский эпизод[72] и притеснение верных империи немецких элементов в самой Венгрии, а также другие симптомы показывали, что самонадеянность венгерского гусара и адвоката в критические моменты сильнее политических расчетов и самообладания. ‹…›

При этих соображениях, угрожающее письмо императора Александра II (1879) вынудило меня к твердому решению в целях обороны и сохранения нашей независимости от России. Союз с Австрией пользовался популярностью почти у всех партий. ‹…›

‹…› единственным прочным залогом русских дружеских отношений служит личность царствующего императора, и если она не представляет такой гарантии, как личность Александра I,

выказавшего в 1813 г. такую преданность прусскому королевскому дому[73], на которую не всегда можно рассчитывать на престоле, то при таких условиях на союз с Россией в случае нужды в нем не всегда следует в полной мере полагаться.

Уже в прошлом столетии опасно было рассчитывать на обязательную силу договорного пакта, если изменялись обстоятельства, при которых этот договор был заключен; в настоящее же время для крупного правительства едва ли возможно полностью применить все силы своей страны для помощи другой дружественной стране, если это вызывает порицание народа. ‹…› Тем не менее в моменты, когда дело идет о том, чтобы вызвать войну или избежать ее, текст ясного и всеохватывающего договора не остается без влияния на дипломатию. Готовности к открытому вероломству не проявляют даже софистские и насильнические правительства, пока не наступает force majeure – непреодолимая сила бесспорных интересов.

Возобновление коалиции Кауница создало бы для Германии, если бы она оставалась сплоченной и искусно вела свои войны, хотя и не безнадежное, но все же очень серьезное положение. Задача нашей внешней политики должна состоять в том, чтобы по возможности предотвратить такое положение. ‹…› Прочность всех договоров между большими государствами становится условной, как только она подвергается испытанию в «борьбе за существование». Ни одну великую нацию нельзя будет когда-либо побудить принести свое существование в жертву на алтарь верности договору, если она вынуждена будет выбирать между тем и другим. Положение ultra posse nemo obligatur (сверх возможного никто не обязуется) не может быть отменено никакими параграфами договора. Точно так же нельзя обеспечить договором и степень напряжения сил при его выполнении, как только собственные интересы договаривающегося перестанут соответствовать подписанному тексту и его прежнему толкованию. Поэтому если в европейской политике наступит такой поворот, что Австро-Венгрия увидит свое спасение как государства в антигерманской политике, то ради соблюдения договора также нельзя ожидать самопожертвования, как во время Крымской войны не последовало выполнения долга благодарности[74], являющегося, быть может, более важным, чем пергамент государственного договора.

‹…› Но как раз обеспечение таких взаимных обязательств договорным путем – враг их прочности. Пример Австрии времен 1850—1866 гг. служил для меня предупреждением о том, что чрезвычайно соблазнительные политические векселя, выдаваемые

на такого рода отношения, превышают пределы кредита, который независимые государства могут предоставлять друг другу при своих политических операциях. Поэтому я думаю, что изменчивый элемент политического интереса и его опасностей является неизбежной подоплекой письменных договоров, если они должны быть прочными.

Если в предшествовавшие 15 лет главной бедой для внешней политики России была катастрофическая нехватка ресурсов, то теперь проблемой становится их разумное, честное использование в соответствии с интересами страны и народа. За прошлые годы разрушилась система контроля государства над использованием средств для обеспечения внешнеполитических целей. Экспорт энергоресурсов и влияния на рынках нефти – инструмент наступательной внешнеполитической стратегии, атомное оружие – основа обороны. Проблемой остается то, как страна может эффективно использовать оба этих колоссальных ресурса. Пока ключевого решения не нашлось («Международная жизнь», 28.01.2005).

Алексей Багатуров, заместитель директора Института проблем международной безопасности РАН

‹…› Опасности, заключающиеся для нашего единения с Австрией в искушениях русско-австрийских соглашений в духе времен Иосифа II и Екатерины II ‹…›, можно парализовать – насколько это вообще возможно, – если мы, хотя и твердо соблюдая верность по отношению к Австрии, позаботимся также о том, чтобы путь из Берлина в Петербург оставался открытым. Наша задача – сохранять мир между обоими нашими императорскими соседями. ‹…› Каждый из обоих соседей необходим нам не только с точки зрения европейского равновесия, но мы не могли бы лишиться ни одного из них, не подвергаясь сами опасности.

‹…› Между Германией и Россией не существует такого расхождения интересов, которое заключало бы в себе неустранимые зародыши конфликтов и разрыва. Напротив, совпадающие интересы в польском вопросе и последствие традиционной династической солидарности в противоположность стремлениям к перевороту создают основы для совместной политики обоих кабинетов. Основы эти ослаблены десятилетней

фальсификацией общественного мнения русской прессою, которая в читающей части населения создавала и питала искусственную ненависть ко всему немецкому; царствующие династии должны с этим считаться, хотя бы император и желал поддерживать дружбу с Германией. Впрочем, едва ли русские массы настроены против всего немецкого более враждебно, нежели чехи в Богемии и Моравии, словенцы на территории бывшего Германского союза и поляки в Галиции[75]. Словом, остановив свой выбор на союзе с Австрией, а не с Россией, я ни в какой мере не закрывал глаза на сомнения, затруднявшие выбор. Я по-прежнему считал необходимым поддерживать добрососедские отношения с Россией, наряду с нашим оборонительным союзом с Австрией, ибо у Германии нет гарантии, что избранная комбинация не потерпит крушения, но зато есть возможность до тех пор сдерживать антигерманские стремления в Австро-Венгрии, пока германская политика не разрушит моста, ведущего в Петербург, и не вызовет непреодолимого разрыва между Россией и нами. ‹…› Но в задачи Германской империи не входит жертвовать достоянием и кровью своих подданных для осуществления желаний соседа. Сохранение Австро-Венгерской монархии, как независимой, сильной великой державы, необходимо Германии для европейского равновесия. ‹…›

Непосредственная угроза миру между Германией и Россией едва ли возможна иным путем, чем путем искусственного подстрекательства или в результате честолюбия русских или немецких военных ‹…›, которые желают войны, чтобы отличиться прежде чем слишком состарятся. ‹…› В большинстве случаев честная и открытая политика успешнее хитросплетений прежних времен, но для ее успеха необходима известная доля личного доверия, которое легче утратить, нежели приобрести.

Никто не может предвидеть будущей судьбы Австрии с уверенностью, необходимой для длительных и органических договоров. Факторы, играющие роль в ее развитии, так же разнообразны, как и смешение народов. ‹…›

Помощь Австрии нам легче получить против России, чем против Франции, поскольку трения между Австрией и Францией из-за Италии, влияние на которую они обе домогаются, уже не существуют в прежней форме. ‹…›

При оценке Австрии и в настоящее время еще является ошибочным исключать возможность враждебной политики, которую проводили Тугут, Шварценберг, Буоль, Бах и Бейст[76]. Разве не может повториться в другом направлении та же, возведенная в принцип, политика неблагодарности, которой Шварценберг похвалялся в отношении России[77]; политика,

поставившая нас в 1792—1795 гг., когда мы сражались вместе с Австрией, в затруднительное положение, так что мы оказались брошенными на произвол судьбы. ‹…› Эта политика едва было не навязала нам на шею войну с Россией, в то время как мы в качестве формальных союзников сражались за Германскую империю с Францией, и чуть не довела на Венском конгрессе дело до войны против России и Пруссии[78]. Попытки вступить на подобный путь в настоящее время встречают препятствие в личной честности и верности императора Франца Иосифа ‹…›, но его гарантия чисто личного свойства; она исчезнет вместе с переменой монарха, и тогда могут вновь приобрести влияние те элементы, которые в различные эпохи являлись носителями политики соперничества. ‹…› Предусмотрительная политика должна предвидеть все случайности, кроющиеся в границах возможного. Возможность соперничества между Веною и Берлином из-за русской дружбы может опять повториться. ‹…›

Мы все хуже знаем и понимаем мир, у нас по многим признакам вообще отсутствует система внешнеполитического планирования и прогнозирования. Необходим серьезный разговор внутри элиты и в обществе о национальной стратегии и внешней политике как ее части. Необходимо кардинальное усиление научного изучения внешнего мира. Необходимо наконец создать дееспособный механизм планирования и координации внешней политики («Российская газета», 12.01.2005).

Сергей Караганов, секретарь Совета по внешней и оборонной политике

Ввиду такой возможности для нас выгодно, что Австрия и Россия имеют на Балканах противоположные интересы, тогда как между Россией и Германией нет таких сильных противоречий, чтобы они могли дать повод к разрыву и войне. Но при русском государственном строе еще и теперь достаточно личного неудовольствия или неискусной политики, чтобы преимущество это исчезло с такой же легкостью, с какой императрица Елизавета из-за острот и колких замечаний Фридриха Великого присоединилась к франко-австрийскому союзу против нас. В сплетнях, которыми пользовались в то время для натравливания России, в вымыслах и нескромностях еще и теперь нет недостатка. ‹…› Однако мы можем сохранять свою независимость и достоинство по отношению к России, не нанося ей обид и не задевая ее интересов. Неудовольствие и озлобление, вызываемые

без великой нужды, в настоящее время так же редко остаются без воздействия на исторические события, как и во времена российской императрицы Елизаветы и английской королевы Анны. Однако воздействие вызванных ими событий на благосостояние и будущность народов ныне сильнее, чем 100 лет тому назад. Коалиция России, Австрии и Франции, как в Семилетнюю войну против Пруссии ‹…›, так же опасна для нашего существования, а в случае ее победы – еще тяжелее отразится на нашем благосостоянии, чем тогда. Было бы неблагоразумно и нечестно из-за личного раздражения разрушить тот мост, который разрешает нам сближение с Россией.

Мне кажется, что нам не следует слишком сильно «вкладываться» в конкретные эпизоды внутренней борьбы в странах постсоветского пространства. Россия останется Россией вне зависимости от того, какие сиюминутные политические страсти будут разыгрываться в столице того или иного из наших ближайших соседей («Гудок», 30.12.2004).

Владимир Лукин, Уполномоченный по правам человека в России

Мы можем и должны честно соблюдать союз с австро-венгерской монархией; это отвечает нашим интересам, историческим традициям Германии и общественному мнению нашего народа. Впечатления и силы, под влиянием которых сложится в будущем венская политика, являются, однако, более сложными, чем у нас, из-за многочисленности национальностей, расхождения их стремлений, клерикальных влияний и искушений, кроющихся для придунайских стран на просторах Балкан и Черного моря. Мы не должны покидать Австрию, но и не должны упускать из вида возможность того, что венская политика добровольно или недобровольно покинет нас. Руководители германской политики, если они хотят выполнять свой долг, должны заранее уяснить и представить себе все возможности, которые останутся нам открытыми в таком случае. Они не должны руководствоваться при этом симпатиями или обидами, а только объективным пониманием национальных интересов.

‹…› Международная политика представляет собою текучий элемент, который при известных обстоятельствах временно принимает твердые формы, но с переменой атмосферы вновь возвращается в свое первоначальное состояние. Clausula rebus sic stantibus ограничение современным состоянием вещей

подразумевается при заключении политических договоров, в которых обусловлены услуги. Тройственный союз – это стратегическая позиция, которая ввиду опасностей, угрожавших нам в момент его заключения, была благоразумной и при тогдашних обстоятельствах достижимой. Время от времени срок союза возобновлялся, и надо пожелать, чтобы удавалось возобновлять его и впредь. Однако вечная длительность не обеспечена ни одному договору между великими державами, и было бы неразумно рассматривать его как надежную основу для всех возможностей, которые в будущем могут изменить отношения, нужды и взгляды, при которых союз был заключен. Договор имеет значение стратегической позиции в европейской политике, сообразно тому положению, которое было в Европе в момент его заключения; но он столь же мало является незыблемым фундаментом на все времена и при всех обстоятельствах, как многие прежние тройственные и четвертные союзы последних столетий, в особенности, как Священный союз и Германский союз. Он не освобождает от правила: toujours en vedette! всегда настороже!

Внешняя политика всегда элитарна еще в большей степени, чем внутренняя политика. Международные отношения в целом отвергают демократию. Но вряд ли внешняя политика может быть адекватной, если ее элитарность сводится к келейности. Без обсуждения проблем внешней политики в экспертном кругу, без вынесения определенных проблем на общенародное обсуждение Кремль не может не только принимать адекватные национальным интересам решения, но и легитимировать их в общественном сознании («Независимая газета», 19.04.2004).

Лилия Шевцова, ведущий эксперт Московского центра Карнеги

‹…› Опасность внешних войн, опасность, что в ближайшую войну на западной границе в бой против нас может выступить красное знамя точно так же, как сто лет назад трахцветное[79]‹…› налицо еще и теперь. Вероятность войны на два фронта ‹…› несколько уменьшилась: совсем необязательно, чтобы французское нападение на нас с той же неизбежностью повлекло за собой выступление против нас России, с какой русское нападение повлечет выступление Франции; однако склонность России оставаться спокойной зависит не от одних только

настроений, а еще больше от технических вопросов вооружения на море и на суше. Когда Россия сочтет, что в отношении конструкции своих ружей, качества своего пороха и силы своего Черноморского флота она уже готова, тон, в котором разыгрываются ныне вариации русской политики, быть может, уступит место более вольному.

Не является вероятным, что, завершив свое вооружение, Россия воспользуется им для того, чтобы без дальнейших околичностей и в расчете на французскую поддержку напасть на нас. Германская война представляет России так же мало непосредственных выгод, как русская война Германии. ‹…› Если рассматривать Германию и Россию изолированно, то трудно найти для какой-либо из этих стран непреложное или хотя бы только достаточно веское основание для войны. Лишь для удовлетворения воинственного задора или для предотвращения опасности от ничем не занятых армий можно, пожалуй, вступить в балканскую войну, но германо-русская война слишком тяжела, чтобы та или другая сторона применила ее лишь как средство найти занятие для армии и ее офицеров.

‹…› Наш престиж и наша безопасность будут тем устойчивее, чем больше мы будем воздерживаться от вмешательства в споры, которые нас непосредственно не касаются, и чем безразличнее мы будем ко всяким попыткам возбудить и использовать наше тщеславие. ‹…› Германия и теперь совершила бы большую глупость, если бы, не имея собственных интересов, стремилась занять определенную позицию в спорных восточных вопросах раньше других, более заинтересованных держав. ‹…› Германия в будущих восточных распрях сможет, если она сумеет соблюдать сдержанность, тем вернее использовать то преимущество, что в восточных вопросах она является наименее заинтересованной державой. Она сможет это сделать тем вернее, чем дольше она воздержится от вмешательства, хотя бы это преимущество и выразилось только в более продолжительном наслаждении состоянием мира. ‹…›

Преимуществу, которое дает германской политике отсутствие прямой заинтересованности в восточных вопросах, противостоит невыгодность центрального и открытого расположения Германской империи, с ее растянутыми на все стороны линиями обороны и с легкостью возникновения антигерманских коалиций. При этом Германия является, быть может, единственной великой державой в Европе, которую никакие цели, достижимые только путем победоносных войн, не могут ввести во искушение. Наши интересы заключаются в сохранении мира, в то время как у всех без исключений наших континентальных соседей имеются тайные

или официальные известные желания, которые могут быть выполнены только путем войны. Сообразно с этим мы должны соразмерять нашу политику. Это означает по возможности препятствовать войне или ограничивать ее. В европейской карточной игре мы должны сохранять за собой последний ход, и никаким нетерпением, никакой услужливостью за счет страны, никакому тщеславию или дружественным провокациям мы не должны позволять, чтобы они преждевременно вынудили нас перейти из стадии выжидания в стадию действия. ‹…›

Разумеется, цель нашей сдержанности не в том, чтобы со свежими силами напасть на кого-либо из наших соседей или возможных противников, после того как другие были бы ослаблены. Напротив, мы должны стараться честным и миролюбивым использованием нашей мощи ослабить недовольство, вызванное нашим превращением в подлинную великую державу. ‹…› Уважение к правам других государств, которое в частности отсутствовало у Франции во времена ее превосходства, а у Англии существует лишь поскольку это не затрагивает английских интересов, облегчается для Германской империи и ее политики ‹…› фактом, в котором нет с нашей стороны ни малейшей заслуги, именно тем, что мы не нуждаемся в увеличении нашей непосредственной территории, да и не могли бы этого сделать, не усилив центробежных элементов в собственной стране. После того как в пределах достижимого мы осуществили наше объединение, моим идеалом всегда было приобрести доверие не только слабых европейских государств, но и великих держав, – доверие к тому, что германская политика, исправив injuria temporum несправедливость времен – раздробленность нации, – хочет быть миролюбивой и справедливой. Чтобы добиться этого доверия, необходимы, прежде всего, честность, откровенность и готовность к примирению в случаях трений или untoward events неожиданных событий. ‹…› Я полагаю, что и в будущем нам не раз представится случай показать, что мы умиротворены и миролюбивы. За время своей служебной деятельности я три раза советовал вести войну: датскую, богемскую и французскую, но всякий раз я предварительно уяснял себе, принесет ли война, если она окажется победоносной, награду, достойную тех жертв, каких требует каждая война; а в настоящее время эти жертвы несравненно тяжелее, нежели в прошлом столетии. Если бы я предполагал, что по окончании одной из этих войн нам пришлось бы с трудом измышлять желательные для нас условия мира, то едва ли я убедился бы в необходимости таких жертв, пока мы не подверглись физическому нападению. Международные споры,

которые могут быть решены только войной народов, я никогда не рассматривал с точки зрения обычаев геттингенского студенчества и личной чести дуэлянта, а всегда взвешивал последствия этих споров на притязание немецкого народа вести, наравне с прочими великими державами Европы, автономную политическую жизнь, насколько это возможно при свойственных нашей нации внутренних силах.

А. ЛЖ. ТОЙНБИ. МИР И ЗАПАД [80]

Тойнби Арнольд Джозеф (1889—1975), английский историк, социолог, политический аналитик, дипломат и журналист. После завершения образования работал в Министерстве иностранных дел, был членом британской делегации на Версальской мирной конференции 1919 г.

В 1919—1924 гг. профессор Лондонского университета, в 1925—1955 гг. – Лондонской школы экономических исследований. В 1925—1955 гг. – один из руководителей Королевского института международных отношений; составлял (совместно с В. М. Баултером) ежегодные обзоры политических событий в мире (1925—1955). Мировую славу А. Тойнби принес двенадцатитомный труд «The Study of History» (его название переводится на русский как «Исследование истории» или «Постижение истории»), в котором формулируется понимание всемирной истории как истории возникновения и смены цивилизаций. Книга А. Тойнби «Мир и Запад» впервые опубликована в 1953 году.

РОССИЯ И ЗАПАД

Вероятно, лучший способ для автора представить читателю предмет своего труда – это объяснить, почему книге дано именно то название, которое она носит. «Почему, – может изумиться читатель, – книга названа „Мир и Запад“? Разве не называем мы „Западом“ всю основную часть мира, которая сегодня имеет какое-то значение для жизни мира? А если автор хочет сказать что-то об остальной, незападной части мира, то почему он поставил эти два слова в таком порядке? Почему бы ему не написать „Запад и мир“ вместо „Мир и Запад“? Отчего он не поставил слово „Запад“ на первое место?

Название в том виде, в каком оно вам представлено, было выбрано специально для того, чтобы сделать упор на двух моментах, весьма существенных для понимания самого предмета рассмотрения. Первый момент – это то, что Запад никогда не составлял всего значимого мира. Запад никогда не был единственным действующим лицом на сцене современной истории, даже находясь на самой вершине западной мощи (а вершина эта, вероятно, уже пройдена). Второй момент – в столкновении между миром и Западом, которое длится к нынешнему времени уже четыре или пять веков, именно остальной мир, а не Запад обрел наиболее значительный опыт. Не мир нанес удар Западу, а именно Запад нанес удар – и очень

сильный – остальному миру; вот почему в названии этой книги слово «мир» поставлено на первое место.

Западный человек, который захочет разобраться в этой теме, должен будет хотя бы на несколько минут покинуть «свою кочку» и посмотреть на столкновение между остальным миром и Западом глазами огромного незападного большинства человечества. Как бы ни различались между собой народы мира по цвету кожи, языку, религии и степени цивилизованности, на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу все – русские и мусульмане, индусы и китайцы, японцы и все остальные – ответят одинаково. Запад, скажут они, – это архиагрессор современной эпохи, и у каждого найдется свой пример западной агрессии. Русские напомнят, как их земли были оккупированы западными армиями в 1941, 1915, 1812, 1709 и 1610 годах; народы Африки и Азии вспомнят о том, как начиная с XV века западные миссионеры, торговцы и солдаты осаждали их земли с моря. Азиаты могут еще напомнить, что в тот же период Запад захватил львиную долю свободных территорий в обеих Америках, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке и Восточной Африке. А африканцы – о том, как их обращали в рабство и перевозили через Атлантику, чтобы сделать живыми орудиями для приумножения богатства их алчных западных хозяев. Потомки коренного населения Северной Америки скажут, как их предки были сметены со своих мест, чтобы расчистить пространство для западноевропейских незваных гостей и их африканских рабов.

У большинства западных людей эти обвинения вызовут удивление, шок и печаль и даже, вероятно, возмущение. Голландцы скажут, что они уже ушли из Индонезии, а британцы – что они оставили Индию, Пакистан, Бирму и Цейлон еще в 1945 году[81]. У британцев на совести не лежит никакой новой агрессии со времен войны в Южной Африке в 1899—1902 годах[82], а у американцев – с испано-американской войны 1898 года[83]. Мы слишком легко забываем, что германцы, напавшие на своих соседей, включая Россию, в Первой мировой войне и, повторив свою агрессию во Второй, тоже принадлежат к Западу и что русские, как и народы Азии и Африки, не видят больших различий между разными ордами «франков», как звучит общемировое наименование людей Запада среди масс. Как гласит известная латинская поговорка, «Когда мир выносит приговор, последнее слово всегда за ним». И без сомнения, суждение мира о Западе определенно подтверждается в последние четыре с половиной столетия, вплоть до 1945 года. За все это время мировой опыт общения с Западом показывает, что Запад, как

правило, всегда агрессор, и если в отношении России и Китая знак переменился на противоположный, то это совершенно новая ситуация, возникшая только после окончания Второй мировой войны. И страх и возмущение Запада по поводу недавних агрессивных действий России и Китая в отношении Запада только подтверждают, что для нас, западных людей, это совершенно новый опыт – пострадать от рук остального мира, как весь остальной мир страдал от Запада в течение последних столетий.

Итак, каков же опыт остального мира в общении с Западом? Начнем с опыта России, ибо Россия есть часть общемирового незападного большинства человечества. Хотя русские были христианами, а многие и сейчас ими остаются, они никогда не принадлежали к западному христианству. Россия была обращена в христианство не Римом, как, например, Англия, а Константинополем; несмотря на их общие христианские корни, восточноправославное и западное христианство всегда были чужды друг другу, антипатичны и часто враждебны, что, к несчастью, мы и сегодня наблюдаем в отношениях России с Западом, хотя обе стороны находятся в так называемой постхристианской стадии своей истории.

Эта довольно печальная история отношений России с Западом имела тем не менее довольно счастливую первую главу, ибо, несмотря на различный образ жизни, Россия и Запад довольно удачно взаимодействовали в пору раннего средневековья. Шла взаимная торговля, заключались династические браки. Например, дочь английского короля Гарольда вышла замуж за русского князя[84]. Отчуждение началось в XIII веке, после нашествия татар на Русь. Татарское иго продолжалось недолго, ибо татары были степными кочевниками и не могли укорениться в русских лесах и полях. В результате татарского ига Русь потерпела убытки, в конце концов, не сколько от татар, сколько от западных соседей, не преминувших воспользоваться ослаблением Руси, для того чтобы отрезать от нее и присоединить к западнохристианскому миру западные русские земли в Белоруссии и на Украине. Только в 1945 году России удалось возвратить себе те огромные территории, которые западные державы отобрали у нее в XIII и XIV веках.

Западные завоевания средневекового периода отразились на внутренней жизни России и на ее отношениях с западными обидчиками. Давление Запада на Россию не только оттолкнуло ее от Запада; оно оказалось одним из факторов, побудивших Россию подчиниться новому игу, – игу коренной русской власти в Москве, ценой самодержавного правления навязавшей

российским землям единство, без которого они не смогли бы выжить. Не случайно, что это новое самодержавное централизованное правление возникло именно в Москве, ибо Москва была форпостом на пути возможной очередной западной агрессии. Поляки в 1610 году, французы в 1812-м, германцы в 1941-м – все шли этим путем. И вот с тех давних пор, с начала XIV века, доминантой всех правящих режимов в России были самовластие и централизм. Вероятно, эта русско-московская традиция была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако, к несчастью, русские научились терпеть ее, частично просто по привычке, но и оттого, без всякого сомнения, что считали ее меньшим злом, нежели перспективу быть покоренными агрессивными соседями.

Такое смиренное отношение к самовластному режиму, ставшее традиционным в России, является с западной точки зрения одной из главных трудностей в сегодняшних отношениях между Россией и Западом. Огромное большинство людей на Западе считают, что тирания – это невыносимое социальное зло. Ценой страшных усилий мы задавили тиранию, когда она подняла голову среди нас в виде фашизма и национал-социализма. Мы чувствуем такое же отвращение к ней в ее российской форме, будь она названа царизмом или коммунизмом. Мы не хотим наблюдать за распространением этой российской формы тирании; особенно мы стали задумываться об опасности, грозящей западным идеалам свободы, сейчас, когда мы, франки, впервые со времен турецкой осады Вены в 1682—1683 годах[85]почувствовали себя в положении обороняющейся стороны. Наше нынешнее беспокойство по поводу угрозы, исходящей, по нашему мнению, от России, кажется нам вполне оправданным. Однако мы должны внимательно следить за тем, чтобы изменение знака в отношениях России и Запада после 1945 года не увело нас в сторону и не заставило в наших естественных заботах о настоящем забыть о прошлом. Если мы посмотрим на столкновение между Россией и Западом глазами историка, а не журналиста, то увидим, что буквально целые столетия вплоть до 1945 года у русских были все основания глядеть на Запад с не меньшим подозрением, чем мы сегодня смотрим на Россию.

За последние несколько веков угроза России со стороны Запада, ставшая с XIII века хронической, только усиливалась с развитием на Западе технической революции, и следует признать, что, однажды разразившись, эта революция не проявляет до сих пор никаких признаков спада.

Стоило Западу взять на вооружение стрелковое оружие, Россия тотчас же последовала за ним и уже в XVI веке

использовала это новое западное оружие для покорения волжских татар и первобытных народов Урала и Сибири. И тем не менее в 1610 году превосходство западных вооружений позволило полякам захватить Москву и удерживать ее в течение двух лет, в то время как шведы примерно тогда же перекрыли России выходы к Балтийскому морю и Финскому заливу. В ответ на западные акты агрессии Россия в XVII веке целиком переняла западную технологию того времени, усвоив и некоторые элементы западного образа жизни, неотделимые от использования технологии.

Характерной чертой самодержавного централизованного московского режима было то, что эта техническая и сопровождавшая ее социальная революции, совершившиеся в России на переломе XVII и XVIII веков, были проведены сверху вниз волей одного человека, гением Петра Великого. Петр является ключевой фигурой для понимания отношений остального мира с Западом не только в отношении России, но и в мировом масштабе, ибо Петр – это архетип автократического реформатора в западном духе, и он на два с половиной столетия избавил мир от попадания в полную зависимость от Запада, научив его противостоять западной агрессии ее же собственным оружием. Султаны Селим III и Махмуд II, президент Мустафа Кемаль Ататюрк в Турции, Мехмед Али Паша в Египте, высшие государственные чиновники, совершившие вестернизацию Японии в 1860-х годах, – все они, вольно или невольно, ступали по тропе, проложенной Петром Великим.

Петр запустил Россию на орбиту технологического соревнования с Западом, и по этой орбите она движется по сей день. Россия никогда не могла позволить себе отдохнуть, ибо Запад постоянно делал новые броски. Так, Петр и его потомки в XVIII веке подняли Россию на уровень Западного мира того времени, благодаря чему русские смогли победить шведских захватчиков в 1709 году и французских агрессоров в 1812-м, но уже в XIX веке промышленная революция на Западе вновь оставила Россию позади, и – как следствие – Россия потерпела поражение от германского вторжения в ходе Первой мировой войны, так же как двумя веками раньше она пострадала от поляков и шведов. Современное коммунистическое автократическое правительство смогло смести царизм вследствие поражения России в 1914—1918 годах от западной технологии, и в период с 1928 по 1941 год коммунистический режим попытался сделать для России то, что удалось Петру 230 лет назад.

Во второй раз в современной фазе своей истории России пришлось по воле самовластного правителя пуститься

ускоренным маршем вдогонку за западной технологией, которая в очередной раз ушла вперед; и сталинский тиранический путь технической вестернизации осуществлялся, как это было и в петровские времена, через тяжкие испытания и принуждение. Коммунистическая техническая революция в России предопределила победу над германскими захватчиками во Второй мировой войне, так же как петровская техническая революция обеспечила победу над шведскими агрессорами в 1709 году и над французскими – в 1812 году. И тогда, спустя несколько месяцев после освобождения российской земли от германской оккупации в 1945 году, американские союзники России сбросили на Японию атомную бомбу, которая возвестила о третьей западной технической революции. Так что теперь, в третий раз, России приходится выступать ускоренным маршем в попытке догнать западную технологию, сделавшую новый бросок вперед и опять оставившую Россию позади. Результат этой новой, третьей стадии перманентного соревнования между Россией и Западом еще скрыт в тумане будущего; однако уже сейчас совершенно ясно, что возобновление технологических гонок создает новые серьезные трудности для взаимоотношений между двумя эксхристианскими обществами.

Технология – это всего лишь длинное греческое слово, изначально означавшее «сумка с инструментами»[86]; нам следует спросить себя: какие инструменты имеют наибольшее значение в этом соревновании, все ли они служат показателем мощи и силы? Разумеется, этой цели служит и ткацкий станок, и локомотив, как и пулемет, самолет или бомба. Но среди этих инструментов есть отнюдь не только материальные, но и духовные, наиболее мощные из всех, что создал Человек. Таким инструментом может стать, скажем, мировоззрение; и в новом раунде соревнования между Россией и Западом, открывшемся в 1917 году, русские бросили на чашу весов мировоззрение; и этот духовный инструмент способен перевесить материальные орудия Запада, подобно тому как в истории о выкупе Рима у галлов меч Бренна, брошенный на весы, перевесил все золото Рима[87].

Итак, коммунизм есть оружие, и, как бомбы, самолеты и пулеметы, это тоже оружие западного происхождения. Не изобрети его в XIX веке Карл Маркс и Фридрих Энгельс, два человека с Запада, воспитанные в рейнской провинции и проведшие большую часть жизни в Лондоне и Манчестере, коммунизм никогда не стал бы официальной российской идеологией. В российской традиции не существовало даже предпосылок к тому, чтобы там могли изобрести коммунизм самостоятельно; и совершенно очевидно, что русским и в голову

бы не пришло нечего подобного, не появись он на Западе, готовый к употреблению, чем и воспользовался революционный российский режим в 1917 году.

Позаимствовав у Запада помимо промышленных достижений еще и западную идеологию и обратив ее против Запада, большевики в 1917 году дали российской истории совершенно новое направление, ибо Россия впервые восприняла западное мировоззрение. Мы уже отметили, что христианство пришло в Россию не с Запада, а из Византии, где оно имело отчетливый антизападный дух и форму; предпринятая же в XV веке попытка навязать России западную форму христианства потерпела полный провал. В 1439 году на церковном Соборе во Флоренции представители восточно-православной Церкви из оставшейся части Византийской империи с неохотой признали главенство Папского престола в надежде, что в ответ Западный мир спасет Константинополь от захвата турками. Присутствовал на Соборе и Митрополит Московский, подчинявшийся греческому Патриарху Константинопольскому; и голосовал он так же, как и его братья во Христе, представлявшие греческую православную Церковь; однако по возращении домой его признание Папского престола было аннулировано, а сам он низложен[88].

Двести пятьдесят лет спустя, когда Петр Великий отправился на Запад изучать западную технологию, уже не стоял вопрос о том, чтобы в обмен на секреты западного мастерства Россия приняла западную форму христианства[89]. В конце XVII века на Западе произошла резкая смена отношения не только к религиозному фанатизму, но и к самой религии; это явилось результатом моральной усталости от собственных междоусобных религиозных войн. Таким образом, Западный мир, к которому Россия во времена Петра пошла в ученики, был уже миром нерелигиозным; и наиболее просвещенное меньшинство русских, ставшее проводником вестернизации в России, последовали примеру своих западных современников и стали холодно относиться к православной форме христианства, не приняв, однако, и западной веры. Вот почему у нас есть основания сказать, что, внедряя коммунистическую идеологию в 1917 году, Россия рассталась со своей вековой традицией, впервые в истории переняв западное мировоззрение.

Читатель, видимо, заметит, что это мировоззрение, принятое Россией в 1917 году, особенно подходило ей в качестве западного оружия для развязывания антизападной идеологической войны. На Западе, где данное учение возникло, оно считалось ересью. Это, по сути, была попытка критики Запада в его неспособности следовать собственным христианским принципам в сфере

экономической и социальной жизни якобы христианского общества; но ведь идеология западного происхождения, которая представляет собой обвинение в адрес западного образа жизни, – это как раз то духовное оружие, которое противник с удовольствием подберет и обратит против его создателей. Обретя это западное оружие, Россия имеет возможность перенести борьбу против Запада в духовной сфере на территорию противника. Поскольку коммунизм возник как продукт неспокойной совести Запада, он, вернувшись обратно в Западный мир в виде русской пропаганды, вполне может тронуть другие совестливые западные души. Поэтому теперь, впервые в современной истории Западного мира с конца XVII века, когда иссяк поток западных новообращенных в исламскую веру, Запад снова оказался под угрозой духовного разрушения изнутри и духовного штурма извне. Таким образом, коммунизм, угрожая основам Западной цивилизации на ее собственной почве, показал себя куда более эффективным антизападным оружием в руках русских, чем любые материальные вооружения.

Кроме того, коммунизм послужил России орудием привлечения в свой стан китайской части света и ряда других групп того огромного большинства человечества, которое не принадлежит ни к России, ни к Западу. Мы понимаем, что исход борьбы за лояльность этих нейтральных групп может кардинальным образом повлиять на решение российско-западного конфликта в целом, когда это и нерусское и незападное большинство человечества подаст свой голос за ту или иную сторону в их борьбе за мировое господство. Коммунизм способен с удвоенной силой привлекать угнетенные народы Азии, Африки и Латинской Америки, если эту идеологию будет им предлагать Россия. Скажем, русский представитель говорит азиатскому крестьянину: «Если вы последуете примеру России, коммунизм даст вам силы выстоять против Запада, как выстояла коммунистическая Россия в борьбе со своими врагами». И второе, что может привлечь, – это то, что коммунизм обещает избавить народы от крайнего неравенства между богатейшим меньшинством и беднейшим большинством населения азиатских стран, чего свободное предпринимательство никогда не обещало и обещать не собиралось. Недовольное азиатское большинство, однако, не единственная часть человечества, которую привлекает коммунизм. В идеологии этой есть притягательная сила, действующая на людей, ибо коммунизм претендует на то, что сможет обеспечить человечеству единение как единственную альтернативу саморазрушению в наш атомный век.

Создается впечатление, что в столкновении между Россией и

Западом инициатива в духовной сфере, в отличие от сферы технологической, перешла, во всяком случае на данный момент, от Запада к России. Мы здесь, на Западе, не можем себе позволить смириться с этим, ибо эта западная ересь – коммунизм, которую подхватили русские, большинству западных людей представляется извращенной, неверной и разрушительной доктриной и совершенно неприемлемым образом жизни. Теолог мог бы сказать, что наш великий современник, западный ересиарх Карл Маркс, совершил характерную для еретика интеллектуальную ошибку, впал в заблуждение. Обнаружив в духовной ортодоксии Запада побуждение к безотлагательным реформам, он упустил из виду все остальные соображения и в результате изобрел лекарство более вредоносное, нежели сама болезнь.

То, что русские добились успеха, перехватив инициативу у Запада, вооруженные западной же ересью, называемой коммунизмом, а затем развеяли ее по миру ядовитым облаком антизападной пропаганды, отнюдь не означает, что коммунизм непременно восторжествует. Марксова теория, на взгляд немарксиста, слишком узка и слишком извращенна, чтобы удовлетворять чаяниям людским на все времена. Но все-таки успехи коммунизма, проявившие себя вполне зримо, должны послужить предостережением на будущее. И если мы что-то, может, и должны уяснить себе, так это то, что столкновение между остальным миром и Западом переходит из сферы технологической в сферу духовную. Некоторый свет на эту, для нас будущую, главу истории может пролить история столкновения мира с Грецией и Римом. Но прежде чем рассматривать этот пример, нам необходимо взглянуть на то, какие успехи делают Исламский мир, Индия и Дальний Восток в их нынешних столкновениях как с Западом, так и с Россией.

СОВРЕМЕННАЯ ДИССКУСИЯ

ЗБИГНЕВ БЖЕЗИНСКИЙ ВЕЛИКАЯ ШАХМАТНАЯ ЛОСКА [90]

Бжезинский Збигнев (1928) – американский ученый и политик, попечитель Центра стратегических и международных исследований, профессор американской внешней политики в Школе углубленных международных исследований им. Пола Нитце при Университете Джонса Хопкинса. Один из самых известных политологов современности, автор трудов по проблемам развития общества, теории международных отношений, типологии политических режимов, ядерной стратегии, международной безопасности. З. Бжезинский – один из авторов теории постиндустриального общества.

Родился в 1928 г. в Варшаве. Вместе со своими родителями-дипломатами в 1938 г. переехал в Канаду. В 1953 г. стал доктором философии Гарвардского университета, где с 1953 по 1960 г. преподавал международные отношения в университетском Центре русских исследований. В 1958 г. получил американское гражданство. В 1962 году

Бжезинский стал профессором Колумбийского университета в НьюЙорке, где он участвовал в основании и был избран первым директо-ром Института по вопросам коммунизма. С 1966 г. являлся членом Совета по планированию политики Госдепартамента США. В период с 1977 по 1981 г. Бжезинский – советник президента США по национальной безопасности. В 1981 г. за заслуги в деле нормализации американо-китайских отношений и за вклад в развитие политики по правам человека и по национальной безопасности США Бжезинский удостоен президентской «Медали Свободы». В настоящее время З. Бжезинский – член правления Национального фонда за демократию (National Endowment for Democracy); почетный председатель фонда AmeriCares (филантропическая организация); член совета попечителей некоммерческой организации Freedom House; попечитель Трехсторонней комиссии; сопредседатель американского Комитета по помощи Польше; член правления директоров польско-американского Предпринимательского фонда; организатор и председатель Американо-Украинского консультативного комитета.

ВВЕДЕНИЕ. ПОЛИТИКА СВЕРХДЕРЖАВЫ

С того момента, как приблизительно 500 лет назад континенты стали взаимодействовать в политическом отношении, Евразия становится центром мирового могущества. Различными путями, в разное время народы, населяющие Евразию, главным образом народы, проживающие в ее западноевропейской части, проникали в другие регионы мира и господствовали там, в то время как отдельные евразийские государства добивались особого статуса и пользовались привилегиями ведущих мировых держав.

Успешность внешнеполитического курса РФ на втором сроке президентства Владимира Путина в значительной степени будет зависеть не только от выверенное решений в сфере международной политики и искусности российской дипломатии. Реальное продвижение реформ внутри страны, осуществление программ экономического развития становятся непременным условием успешной внешней политики («Независимая газета», 22.03.2004).

Андрей Рябов, политолог

Последнее десятилетие XX века было отмечено тектоническим сдвигом в мировых делах. Впервые в истории неевразийская держава стала не только главным арбитром в отношениях между евразийскими государствами, но и самой могущественной державой в мире. Поражение и развал Советского Союза стали финальным аккордом в быстром вознесении на пьедестал державы Западного полушария – Соединенных Штатов – в качестве единственной и действительно первой подлинно глобальной державы.

Евразия, тем не менее, сохраняет свое геополитическое значение. Не только ее западная часть – Европа – по-прежнему место сосредоточения значительной части мировой политической и экономической мощи, но и ее восточная часть – Азия – в последнее время стала жизненно важным центром экономического развития и растущего политического влияния. Соответственно вопрос о том, каким образом имеющая глобальные интересы Америка должна справляться со сложными отношениями между евразийскими державами и особенно сможет ли она предотвратить появление на международной арене доминирующей и антагонистичной евразийской державы, остается центральным в плане способности Америки осуществлять свое мировое господство.‹…›

Первая мировая держава

В результате краха соперника Соединенные Штаты оказались в уникальном положении. Они стали первой и единственной действительно мировой державой. И все же глобальное господство Америки в некотором отношении напоминает прежние империи, несмотря на их более ограниченный, региональный масштаб. Эти империи опирались в своем могуществе на иерархию вассальных, зависимых государств, протекторатов и колоний, и всех тех, кто не входил в империю, обычно рассматривали как варваров. В какой-то степени эта анахроничная терминология не является такой уж неподходящей для ряда государств, в настоящее время находящихся под влиянием Америки. Как и в прошлом, применение Америкой «имперской» власти в значительной мере является результатом превосходящей организации, способности быстро мобилизовать огромные экономические и технологические ресурсы в военных целях, неявной, но значительной культурной притягательности американского образа жизни, динамизма и прирожденного духа соперничества американской социальной и политической элиты.‹…›

Несомненно, Россия и Китай относятся к числу держав, болезненно воспринимающих гегемонию Америки. В начале 1996 года, в ходе визита в Пекин президента России Бориса Ельцина, они выступили с совместным заявлением на эту тему. Кроме того, они располагают ядерными арсеналами, которые могут угрожать жизненно важным интересам США. Однако жестокая правда заключается в том, что на данный момент и в ближайшем будущем, хотя эти страны и могут развязать самоубийственную ядерную войну, никто из них не способен в ней победить. Не располагая возможностями по переброске войск на большие расстояния для навязывания своей политической воли и сильно отставая в технологическом отношении от Америки, они не имеют средств для того, чтобы постоянно оказывать (или в ближайшее время обеспечить себе такие средства) политическое влияние во всем мире.

Короче говоря, Америка занимает доминирующие позиции в четырех имеющих решающее значение областях мировой власти: в военной области она располагает не имеющими себе равных глобальными возможностями развертывания; в области экономики остается основной движущей силой мирового развития, даже несмотря на конкуренцию в отдельных областях со стороны Японии и Германии (ни одной из этих стран не

свойственны другие отличительные черты мирового могущества); в технологическом отношении она сохраняет абсолютное лидерство в передовых областях науки и техники; в области культуры, несмотря на ее некоторую примитивность, Америка пользуется не имеющей себе равных притягательностью, особенно среди молодежи всего мира, – все это обеспечивает Соединенным Штатам политическое влияние, близкого которому не имеет ни одно государство мира. Именно сочетание всех этих четырех факто-ров делает Америку единственной мировой сверхдержавой в полном смысле этого слова. ‹…›

ГЛАВА II. ЕВРАЗИЙСКАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА

Геостратегические действующие лица и геополитические центры

Активными геостратегическими действующими лицами являются государства, которые обладают способностью и национальной волей осуществлять власть или оказывать влияние за пределами собственных границ, с тем чтобы изменить – до степени, когда это отражается на интересах Америки, – существующее геополитическое положение. Они имеют потенциал и/или склонность к непостоянству с геополитической точки зрения. По какой бы то ни было причине – стремления к национальному величию, идеологической реализованности, религиозному мессианству или экономическому возвышению – некоторые государства действительно стремятся заполучить региональное господство или позиции в масштабах всего мира. ‹…›

Геополитические центры – это государства, чье значение вытекает не из их силы и мотивации, а скорее из их важного местоположения и последствий их потенциальной уязвимости для действий со стороны геостратегических действующих лиц. Чаще всего геополитические центры обусловливаются своим географическим положением, которое в ряде случаев придает им особую роль в плане либо контроля доступа к важным районам, либо возможности отказа важным геополитическим действующим лицам в получении ресурсов. В других случаях геополитический центр может действовать как щит для государства или даже региона, имеющего жизненно важное значение на геополитической арене. Иногда само существование геополитического центра, можно сказать, имеет очень серьезные политические и культурные последствия для более активных соседствующих геостратегических действующих лиц. Идентификация ключевых евразийских геополитических центров

периода после холодной войны, а также их защита являются, таким образом, принципиальным аспектом глобальной геостратегии Америки.

С самого начала следует также отметить, что, хотя все геостратегические действующие лица чаще являются важными и мощными странами, далеко не все важные и мощные страны автоматически становятся геостратегическими действующими лицами. Так, в то время как идентификация геостратегических действующих лиц представляется относительно легкой, отсутствие в таком перечне некоторых очевидно важных стран может потребовать обоснования.

В текущих условиях в масштабе всего мира по крайней мере пять ключевых геостратегических действующих лиц и пять геополитических центров (при этом два последних, возможно, также частично квалифицируются как действующие лица) могут идентифицироваться на новой евразийской политической карте. Франция, Германия, Россия, Китай и Индия являются крупными и активными фигурами, в то время как Великобритания, Япония и Индонезия (по общему признанию, очень важные страны) не подпадают под эту квалификацию. Украина, Азербайджан, Южная Корея, Турция и Иран играют роль принципиально важных геополитических центров, хотя и Турция, и Иран являются в какой-то мере – в пределах своих более лимитированных возможностей – также геостратегически активными странами. ‹…›

Россия, что едва ли требует напоминания, остается крупным геостратегическим действующим лицом, несмотря на ослабленную государственность и, возможно, затяжное нездоровье. Само ее присутствие оказывает ощутимое влияние на обретшие независимость государства в пределах широкого евразийского пространства бывшего Советского Союза. Она лелеет амбициозные геополитические цели, которые все более и более открыто провозглашает. Как только она восстановит свою мощь, то начнет также оказывать значительное влияние на своих западных и восточных соседей. Кроме того, России еще предстоит сделать свой основополагающий геостратегический выбор в плане взаимоотношений с Америкой: друг это или враг? Она, возможно, прекрасно чувствует, что в этом отношении имеет серьезные варианты выбора на Евразийском континенте. Многое зависит от развития внутриполитического положения и особенно от того, станет Россия европейской демократией или – опять – евразийской империей. В любом случае она, несомненно, остается действующим лицом, даже несмотря на то, что потеряла несколько своих «кусков», равно как и некоторые из ключевых позиций на евразийской шахматной доске.

Украина, новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей. Без Украины Россия все еще может бороться за имперский статус, но тогда она стала бы в основном азиатским имперским государством и скорее всего была бы втянута в изнуряющие конфликты с поднимающей голову Средней Азией, которая, произойди такое, была бы обижена в связи с утратой недавней независимости и получила бы поддержку со стороны дружественных ей исламских государств Юга. Китай, похоже, также воспротивился бы любого рода реставрации российского доминирования над Средней Азией, учитывая его возрастающий интерес к недавно получившим независимость государствам этого региона. Однако если Москва вернет себе контроль над Украиной с ее 52– миллионным населением и крупными ресурсами, а также выходом к Черному морю, то Россия автоматически вновь получит средства превратиться в мощное имперское государство, раскинувшееся в Европе и в Азии. Потеря Украиной независимости имела бы незамедлительные последствия для Центральной Европы, трансформировав Польшу в геополитический центр на восточных рубежах объединенной Европы.

Несмотря на ограниченные территориальные масштабы и незначительное по численности население, Азербайджан с его огромными энергетическими ресурсами также в геополитическом плане имеет ключевое значение. Это пробка в сосуде, содержащем богатства бассейна Каспийского моря и Средней Азии. Независимость государств Средней Азии можно рассматривать как практически бессмысленное понятие, если Азербайджан будет полностью подчинен московскому контролю. Собственные и весьма значительные нефтяные ресурсы Азербайджана могут также быть подчинены контролю России, если независимость этой страны окажется аннулированной. Независимый Азербайджан, соединенный с рынками Запада нефтепроводами, которые не проходят через контролируемую Россией территорию, также становится крупной магистралью для доступа передовых и энергопотребляющих экономик к энергетически богатым республикам Средней Азии. Будущее Азербайджана и Средней Азии почти в такой же степени, как и в случае Украины, принципиально зависит от того, кем может стать или не стать Россия. ‹…›

ГЛАВА IV. ЧЕРНАЯ ДЫРА

Распад в конце 1991 года самого крупного по территории государства в мире способствовал образованию «черной дыры» в самом центре Евразии. Это было похоже на то, как если бы центральную и важную в геополитическом смысле часть суши стерли с карты земли.

Для Америки эта новая и ставящая в тупик геополитическая ситуация представляет серьезный вызов. Понятно, что незамедлительная ответная задача заключалась в уменьшении возможности возникновения политической анархии либо возрождения враждебной диктатуры в распадающемся государстве, все еще обладающем мощным ядерным арсеналом. Долгосрочная же задача состоит в следующем: каким образом оказать поддержку демократическим преобразованиям в России и ее экономическому восстановлению и в то же время не допустить возрождения вновь евразийской империи, которая способна помешать осуществлению американской геостратегической цели формирования более крупной евроатлантической системы, с которой в будущем Россия могла бы быть прочно и надежно связана.

Крах Советского Союза вызвал колоссальное геополитическое замешательство. В течение 14 дней россияне, которые вообще-то даже меньше были осведомлены, чем внешний мир, о приближающемся распаде Советского Союза, неожиданно для себя обнаружили, что они более не являются хозяевами трансконтинентальной империи, а границы других республик с Россией стали теми, какими они были с Кавказом в начале 1800-х годов, со Средней Азией – в середине 1800-х и, что намного более драматично и болезненно, с Западом – приблизительно в 1600 году, сразу же после царствования Ивана Грозного. Потеря Кавказа способствовала появлению стратегических опасений относительно возобновления влияния Турции; потеря Средней Азии породила чувство утраты значительных энергетических и минеральных ресурсов, равно как и чувство тревоги в связи с потенциальной мусульманской проблемой; независимость Украины бросила вызов притязаниям России на божественное предназначение быть знаменосцем всего панславянского сообщества.

Пространство, веками принадлежавшее царской империи и в течение трех четвертей века Советскому Союзу под главенством русских, теперь заполнено дюжиной государств, большинство из которых (кроме России) едва ли готовы к обретению подлинного суверенитета; к тому же численность населения этих государств тоже разная: от довольно крупной Украины, имеющей 52 млн. человек, и до Армении, насчитывающей всего 3,5 млн. Их

жизнеспособность представлялась сомнительной, в то время как готовность Москвы постоянно приспосабливаться к новой реальности также выглядела непредсказуемой. Исторический шок, который испытали русские, был усилен еще и тем, что примерно 20 млн. человек, говорящих по-русски, в настоящее время постоянно проживают на территории иностранных государств, где политическое господство находится в руках все более националистически настроенных элит, решивших утвердить свою национальную самобытность после десятилетий более или менее принудительной русификации.

Крах Российской империи создал вакуум силы в самом центре Евразии. Слабость и замешательство были присущи не только новым, получившим независимость государствам, но и самой России: потрясение породило серьезный кризис всей системы, особенно когда политический переворот дополнился попыткой разрушить старую социально-экономическую модель советского общества. Травма нации усугубилась военным вмешательством России в Таджикистане, обусловленным опасениями захвата мусульманами этого нового независимого государства, но в еще большей степени она была обострена трагическим, кровавым, невероятно дорогим как в политическом, так и в экономическом плане вторжением России в Чечню. Самым болезненным в этой ситуации является осознание того, что авторитет России на международной арене в значительной степени подорван; прежде одна из двух ведущих мировых сверхдержав в настоящее время в политических кругах многими оценивается просто как региональная держава «третьего мира», хотя по-прежнему и обладающая значительным, но все более и более устаревающим ядерным арсеналом. ‹…›

Самым беспокоящим моментом явилась потеря Украины. Появление независимого государства Украины не только вынудило всех россиян переосмыслить характер их собственной политической и этнической принадлежности, но и обозначило большую геополитическую неудачу Российского государства. Отречение от более чем 300-летней российской имперской истории означало потерю потенциально богатой индустриальной и сельскохозяйственной экономики и 52 млн. человек, этнически и религиозно наиболее тесно связанных с русскими, которые способны были превратить Россию в действительно крупную и уверенную в себе имперскую державу. Независимость Украины также лишила Россию ее доминирующего положения на Черном море, где Одесса служила жизненно важным портом для торговли со странами Средиземноморья и всего мира в целом.

Потеря Украины явилась геополитически важным моментом

по причине существенного ограничения геостратегического выбора России. Даже без Прибалтийских республик и Польши Россия, сохранив контроль над Украиной, могла бы все же попытаться не утратить место лидера в решительно действующей евразийской империи, внутри которой Москва смогла бы подчинить своей воле неславянские народы Южного и Юго-Восточного регионов бывшего Советского Союза. Однако без Украины с ее 52-миллионным славянским населением любая попытка Москвы воссоздать евразийскую империю способствовала бы, по всей видимости, тому, что в гордом одиночестве Россия оказывалась запутавшейся в затяжных конфликтах с поднявшимися на защиту своих национальных и религиозных интересов неславянскими народами; война с Чечней является, вероятно, просто первым тому примером. Более того, принимая во внимание снижение уровня рождаемости в России и буквально взрыв рождаемости в республиках Средней Азии, любое новое евразийское государство, базирующееся исключительно на власти России, без Украины неизбежно с каждым годом будет становиться все менее европейским и все более азиатским.

Потеря Украины явилась не только центральным геополитическим событием, она также стала геополитическим катализатором. Именно действия Украины – объявление ею независимости в декабре 1991 года, ее настойчивость в ходе важных переговоров в Беловежской Пуще о том, что Советский Союз следует заменить более свободным Содружеством Независимых Государств, и особенно неожиданное навязывание, похожее на переворот, украинского командования над подразделениями Советской Армии, размещенными на украинской земле, – помешали СНГ стать просто новым наименованием более федерального СССР. Политическая самостоятельность Украины ошеломила Москву и явилась примером, которому, хотя вначале и не очень уверенно, затем последовали другие советские республики. ‹…›

Короче говоря, Россия, являвшаяся до недавнего времени созидателем великой территориальной державы и лидером идеологического блока государств-сателлитов, территория которых простиралась до самого центра Европы и даже одно время до Южно-Китайского моря, превратилась в обеспокоенное национальное государство, не имеющее свободного географического доступа к внешнему миру и потенциально уязвимое перед лицом ослабляющих его конфликтов с соседями на западном, южном и восточном флангах. ‹…›

Вообще говоря, как реакция на крушение Советского Союза

возникли три общих и частично перекрывающихся геостратегических варианта, каждый из которых в конечном счете связан с озабоченностью России своим статусом по сравнению с Америкой и содержит некоторые внутренние варианты. Эти несколько направлений мысли могут быть классифицированы следующим образом:

1. Приоритет «зрелого стратегического партнерства» с Америкой, что для некоторых приверженцев этой идеи являлось на самом деле термином, под которым зашифрован глобальный кондоминиум.

2. Акцент на «ближнее зарубежье» как на объект основного интереса России, при этом одни отстаивают некую модель экономической интеграции при доминировании Москвы, а другие также рассчитывают на возможную реставрацию некоторого имперского контроля с созданием таким образом державы, более способной уравновесить Америку и Европу.

3. Контральянс, предполагающий создание чего-то вроде евразийской антиамериканской коалиции, преследующей цель снизить преобладание Америки в Евразии.

Хотя первая идея первоначально доминировала среди членов новой правящей команды президента Ельцина, второй вариант снискал известность в политических кругах вскоре после первой идеи частично как критика геополитических приоритетов Ельцина; третья идея возникла несколько позже, где-то в середине 90-х годов, в качестве реакции на растущие настроения, что геостратегия постсоветской России неясна и не работает. Как это случается, все три варианта оказались неуклюжими с исторической точки зрения и разработанными на основе весьма фантасмагорических взглядов на нынешние мощь, международный потенциал и интересы России за рубежом. ‹…›

Решение новой геополитической дилеммы России не может быть найдено ни в контральянсе, ни в иллюзии равноправного стратегического партнерства с США, ни в попытках создать какое-либо новое политически или экономически «интегрированное» образование на пространствах бывшего Советского Союза. Во всех них не учитывается единственный выход, который на самом деле имеется у России.

Для России единственный геостратегический выбор, в результате которого она смогла бы играть реальную роль на международной арене и получить максимальную возможность трансформироваться и модернизировать свое общество, – это Европа. И это не просто какая-нибудь Европа, а трансатлантическая Европа с расширяющимися ЕС и НАТО. Такая Европа, как мы видели в главе 3, принимает осязаемую форму, и,

кроме того, она, вероятно, будет по-прежнему тесно связана с Америкой. Вот с такой Европой России придется иметь отношения в том случае, если она хочет избежать опасной геополитической изоляции.

Для Америки Россия слишком слаба, чтобы быть ее партнером, но, как и прежде, слишком сильна, чтобы быть просто ее пациентом. Более вероятна ситуация, при которой Россия станет проблемой, если Америка не разработает позицию, с помощью которой ей удастся убедить русских, что наилучший выбор для их страны – это усиление органических связей с трансатлантической Европой. Хотя долгосрочный российско-китайский и российско-иранский стратегический союз маловероятен, для Америки весьма важно избегать политики, которая могла бы отвлечь внимание России от нужного геополитического выбора. Поэтому, насколько это возможно, отношения Америки с Китаем и Ираном следует формулировать также с учетом их влияния на геополитические расчеты русских. Сохранение иллюзий о великих геостратегических вариантах может лишь отсрочить исторический выбор, который должна сделать Россия, чтобы избавиться от тяжелого заболевания.

Только Россия, желающая принять новые реальности Европы как в экономическом, так и в геополитическом плане, сможет извлечь международные преимущества из расширяющегося трансконтинентального европейского сотрудничества в области торговли, коммуникаций, капиталовложений и образования. Поэтому участие России в Европейском союзе – это шаг в весьма правильном направлении. Он является предвестником дополнительных институционных связей между новой Россией и расширяющейся Европой. Он также означает, что в случае избрания Россией этого пути у нее уже не будет другого выбора, кроме как в конечном счете следовать курсом, избранным пост-Оттоманской Турцией, когда она решила отказаться от своих имперских амбиций и вступила, тщательно все взвесив, на путь модернизации, европеизации и демократизации. ‹…›

Следовательно, Россия стоит перед дилеммой: выбор в пользу Европы и Америки в целях получения ощутимых преимуществ требует в первую очередь четкого отречения от имперского прошлого и во вторую – никакой двусмысленности в отношении расширяющихся связей Европы в области политики и безопасности с Америкой. Первое требование означает согласие с геополитическим плюрализмом, который получил распространение на территории бывшего Советского Союза. Такое согласие не исключает экономического сотрудничества предпочтительно на основе модели старой европейской зоны

свободной торговли, однако оно не может включать ограничение политического суверенитета новых государств по той простой причине, что они не желают этого. В этом отношении наиболее важное значение имеет необходимость ясного и недвусмысленного признания Россией отдельного существования Украины, ее границ и ее национальной самобытности. ‹…›

Для многих русских дилемма этой единственной альтернативы может оказаться сначала и в течение некоторого времени в будущем слишком трудной, чтобы ее разрешить. Для этого потребуются огромный акт политической воли, а также, возможно, и выдающийся лидер, способный сделать этот выбор и сформулировать видение демократической, национальной, подлинно современной и европейской России. Это вряд ли произойдет в ближайшем будущем. Для преодоления посткоммунистического и постимперского кризисов потребуется не только больше времени, чем в случае с посткоммунистической трансформацией Центральной Европы, но и появление дальновидного и стабильного руководства. В настоящее время на горизонте не видно никакого русского Ататюрка. ‹…›

В то же самое время для Запада и особенно для Америки также важно проводить линию на увековечивание дилеммы единственной альтернативы для России. Политическая и экономическая стабилизация постсоветских государств является главным фактором, чтобы сделать историческую самопереоценку России необходимостью. Следовательно, оказание поддержки новым государствам – для обеспечения геополитического плюрализма в рамках бывшей советской империи – должно стать составной частью политики, нацеленной на то, чтобы побудить Россию сделать ясный выбор в пользу Европы. Среди этих государств три страны имеют особо важное значение: Азербайджан, Узбекистан и Украина. ‹…›

Однако более важное значение имеет Украина. В связи с расширением ЕС и НАТО Украина сможет в конечном счете решить, желает ли она стать частью той или другой организации. Вероятно, для усиления своего особого статуса Украина захочет вступить в обе организации, поскольку они граничат с Украиной и поскольку вследствие происходящих на Украине внутренних перемен она получает право на членство в этих организациях. Хотя для этого потребуется определенное время, Западу не слишком рано – занимаясь дальнейшим укреплением связей в области экономики и безопасности с Киевом – приступить к указанию на десятилетний период 2005—2015 годов как на приемлемый срок инициации постепенного включения Украины, вследствие чего уменьшится риск возможного возникновения у

украинцев опасений относительно того, что расширение Европы остановится на польско-украинской границе. ‹…›

Главный момент, который необходимо иметь в виду, следующий: Россия не может быть в Европе без Украины, также входящей в состав Европы, в то время как Украина может быть в Европе без России, входящей в состав Европы. Если предположить, что Россия принимает решение связать свою судьбу с Европой, то из этого следует, что в итоге включение Украины в расширяющиеся европейские структуры отвечает собственным интересам России. И действительно, отношение Украины к Европе могло бы стать поворотным пунктом для самой России. Однако это также означает, что определение момента взаимоотношений России с Европой – по-прежнему дело будущего («определение» в том смысле, что выбор Украины в пользу Европы поставит во главу угла принятие Россией решения относительно следующего этапа ее исторического развития: стать либо также частью Европы, либо евразийским изгоем, т. е. по-настоящему не принадлежать ни к Европе, ни к Азии и завязнуть в конфликтах со странами «ближнего зарубежья»). ‹…›

Нельзя предсказать, насколько быстро может пойти этот процесс, однако ясно одно: процесс пойдет быстрее, если геополитическая ситуация оформится и будет стимулировать продвижение России в этом направлении, исключая другие соблазны. И чем быстрее Россия будет двигаться в направлении Европы, тем быстрее общество, все больше приобщающееся к принципам современности и демократии, заполнит «черную дыру» в Евразии. И действительно, для России дилемма единственной альтернативы больше не является вопросом геополитического выбора. Это вопрос насущных потребностей выживания. ‹…›

С. ХАНТИНГТОН. СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ? [91]

Хантингтон Саму эль (1927) – американский политолог, директор Института стратегических исследований в Гарвардском университете. Специалист в области сравнительной политологии, транзитологии (раздела политологии, изучающего переход от авторитаризма к демократии), международных отношений. В 1993 г. Его статья «Столкновение цивилизаций?» в журнале Forein Affairs вызвала самое большое после Второй мировой войны число откликов. Идеи статьи развиты в книге «Столкновение цивилизаций».

МОДЕЛЬ ГРЯДУЩЕГО КОНФЛИКТА

Мировая политика вступает в новую фазу, и интеллектуалы незамедлительно обрушили на нас поток версий относительно ее будущего обличил: конец истории, возврат к традиционному соперничеству между нациямигосударствами, упадок наций-государств под напором разнонаправленных тенденций – к трайбализму и глобализму – и др. Каждая из этих версий ухватывает отдельные аспекты нарождающейся реальности. Но при этом утрачивается самый существенный, осевой аспект проблемы.

Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов.

Грядущий конфликт между цивилизациями – завершающая фаза эволюции глобальных конфликтов в современном мире. На протяжении полутора веков после Вестфальского мира, оформившего современную международную систему, в западном ареале конфликты разворачивались главным образом между государями – королями, императорами, абсолютными и конституционными монархами, стремившимися расширить свой бюрократический аппарат, увеличить армии, укрепить экономическую мощь, а главное – присоединить новые земли к своим владениям. Этот процесс породил нации-государства, и, начиная с Великой французской революции, основные линии конфликтов стали пролегать не столько между правителями, сколько между нациями. В 1793 г., говоря словами Р. Р. Палмера, «войны между королями прекратились, и начались войны между народами».

Данная модель сохранялась в течение всего XIX в. Конец ей положила Первая мировая война. А затем, в результате русской революции и ответной реакции на нее, конфликт наций уступил место конфликту идеологий. Сторонами такого конфликта были вначале коммунизм, нацизм и либеральная демократия, а затем – коммунизм и либеральная демократия. Во время холодной войны этот конфликт воплотился в борьбу двух сверхдержав, ни одна из

которых не была нацией-государством в классическом европейском смысле. Их самоидентификация формулировалась в идеологических категориях.

Конфликты между правителями, нациями-государствами и идеологиями были главным образом конфликтами западной цивилизации. У. Линд назвал их «гражданскими войнами Запада». Это столь же справедливо в отношении холодной войны, как и в отношении мировых войн, а также войн XVII, XVIII, XIX столетий. С окончанием холодной войны подходит к концу и западная фаза развития международной политики. В центр выдвигается взаимодействие между Западом и незападными цивилизациями. На этом новом этапе народы и правительства незападных цивилизаций уже не выступают как объекты истории – мишень западной колониальной политики, а наряду с Западом начинают сами двигать и творить историю.

ПРИРОДА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Во время холодной войны мир был поделен на «первый», «второй» и «третий». Но затем такое деление утратило смысл. Сейчас гораздо уместнее группировать страны, основываясь не на их политических или экономических системах, не по уровню экономического развития, а исходя из культурных и цивилизационных критериев.

Что имеется в виду, когда речь идет о цивилизации? Цивилизация представляет собой некую культурную сущность. Деревни, регионы, этнические группы, народы, религиозные общины – все они обладают своей особой культурой, отражающей различные уровни культурной неоднородности. Деревня в Южной Италии по своей культуре может отличаться от такой же деревни в Северной Италии, но при этом они остаются именно итальянскими селами, их не спутаешь с немецкими. В свою очередь европейские страны имеют общие культурные черты, которые отличают их от китайского или арабского мира.

Тут мы доходим до сути дела. Ибо западный мир, Арабский регион и Китай не являются частями более широкой культурной общности. Они представляют собой цивилизации. Мы можем определить цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Следующую ступень составляет уже то, что отличает род человеческий от других видов живых существ. Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, – а также субъективной самоидентификацией людей. Есть различные

уровни самоидентификации: так, житель Рима может характеризовать себя как римлянина, итальянца, католика, христианина, европейца, человека западного мира. Цивилизация – это самый широкий уровень общности, с которой он себя соотносит. Культурная самоидентификация людей может меняться, и в результате меняются состав и границы той или иной цивилизации.

‹…› Очевидно, что цивилизации могут смешиваться, накладываться одна на другую, включать субцивилизации. ‹…› Несмотря на все это, цивилизации представляют собой определенные целостности. Границы между ними редко бывают четкими, но они реальны. Цивилизации динамичны: у них бывает подъем и упадок, они распадаются и сливаются. И, как известно каждому студенту-историку, цивилизации исчезают, их затягивают пески времени.

На Западе принято считать, что нации-государства – главные действующие лица на международной арене. Но они выступают в этой роли лишь несколько столетий. Большая часть человеческой истории – это история цивилизаций. По подсчетам А. Тойнби, история человечества знала 21 цивилизацию. Только шесть из них существуют в современном мире.

ПОЧЕМУ НЕИЗБЕЖНО СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ?

Идентичность на уровне цивилизации будет становиться все более важной, и облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия семи-восьми крупных цивилизаций. К ним относятся западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации. Самые значительные конфликты будущего развернутся вдоль линий разлома между цивилизациями. Почему?

Во-первых, различия между цивилизациями не просто реальны. Они – наиболее существенны. Цивилизации несхожи по своей истории, языку, культуре, традициям и, что самое важное, – религии. Люди разных цивилизаций по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии. Эти различия складывались столетиями. Они не исчезнут в обозримом будущем. Они более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами. Конечно, различия не

обязательно предполагают конфликт, а конфликт не обязательно означает насилие. Однако в течение столетий самые затяжные и кровопролитные конфликты порождались именно различиями между цивилизациями.

Во-вторых, мир становится более тесным. Взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается. Это ведет к росту цивилизационного самосознания, к углублению понимания различий между цивилизациями и общности в рамках цивилизации. Североафриканская иммиграция во Францию вызвала у французов враждебное отношение и в то же время укрепила доброжелательность к другим иммигрантам – «добропорядочным католикам и европейцам из Польши». Американцы гораздо болезненнее реагируют на японские капиталовложения, чем на куда более крупные инвестиции из Канады и европейских стран. Все происходит по сценарию, описанному Д. Хорвицем: «В восточных районах Нигерии человек народности ибо может быть ибо-оуэрри либо же ибо-онича. Но в Лагосе он будет просто ибо. В Лондоне он будет нигерийцем. А в Нью-Йорке – африканцем». Взаимодействие между представителями разных цивилизаций укрепляет их цивилизационное самосознание, а это, в свою очередь, обостряет уходящие в глубь истории или, по крайней мере, воспринимаемые таким образом разногласия и враждебность.

В-третьих, процессы экономической модернизации и социальных изменений во всем мире размывают традиционную идентификацию людей с местом жительства, одновременно ослабевает и роль нации-государства как источника идентификации. Образовавшиеся в результате лакуны по большей части заполняются религией, нередко в форме фундаменталистских движений. Подобные движения сложились не только в исламе, но и в западном христианстве, иудаизме, буддизме, индуизме. В большинстве стран и конфессий фундаментализм поддерживают образованные молодые люди, высококвалифицированные специалисты из средних классов, лица свободных профессий, бизнесмены. ‹…›

В-четвертых, рост цивилизационного самосознания диктуется раздвоением роли Запада. С одной стороны, Запад находится на вершине своего могущества, а с другой, и возможно как раз поэтому, среди незападных цивилизаций происходит возврат к собственным корням. Все чаще приходится слышать о «возврате в Азию» Японии, о конце влияния идей Неру и «индуизации» Индии, о провале западных идей социализма и национализма к «реисламизации» Ближнего Востока, а в последнее время и споры о вестернизации или же русификации страны Бориса Ельцина. На

вершине своего могущества Запад сталкивается с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли и ресурсов, чтобы придать миру незападный облик. ‹…›

В-пятых, культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические, и вследствие этого их сложнее разрешить либо свести к компромиссу. В бывшем Советском Союзе коммунисты могут стать демократами, богатые превратиться в бедных, а бедняки – в богачей, но русские при всем желании не смогут стать эстонцами, а азербайджанцы – армянами.

В классовых и идеологических конфликтах ключевым был вопрос: «На чьей ты стороне?» И человек мог выбирать – на чьей он стороне, а также менять раз избранные позиции. В конфликте же цивилизаций вопрос ставится иначе: «Кто ты такой?» Речь идет о том, что дано и не подлежит изменениям. И, как мы знаем из опыта Боснии, Кавказа, Судана, дав неподходящий ответ на этот вопрос, можно немедленно получить пулю в лоб. Религия разделяет людей еще более резко, чем этническая принадлежность. Человек может быть полуфранцузом и полуарабом, и даже гражданином обеих этих стран. Куда сложнее быть полукатоликом и полумусульманином.

И, наконец, усиливается экономический регионализм. Доля внутрирегионального торгового оборота возросла за период с 1980 по 1989 г. с 51 до 59% в Европе, с 33 до 37% в Юго-Восточной Азии, и с 32 до 36% – в Северной Америке. Судя по всему, роль региональных экономических связей будет усиливаться. С одной стороны, успех экономического регионализма укрепляет сознание принадлежности к одной цивилизации. А с другой – экономический регионализм может быть успешным, только если он коренится в общности цивилизации. Европейское Сообщество покоится на общих основаниях европейской культуры и западного христианства. Успех НАФТА (североамериканской зоны свободной торговли) зависит от продолжающегося сближения культур Мексики, Канады и Америки. А Япония, напротив, испытывает затруднения с созданием такого же экономического сообщества в Юго-Восточной Азии, т. к. Япония – это единственное в своем роде общество и цивилизация. Какими бы мощными ни были торговые и финансовые связи Японии с остальными странами Юго-Восточной Азии, культурные различия между ними мешают продвижению по пути региональной экономической интеграции по образцу Западной Европы или Северной Америки. ‹…›

Определяя собственную идентичность в этнических или религиозных терминах, люди склонны рассматривать отношения

между собой и людьми другой этнической принадлежности и конфессии как отношения «мы» и «они». Конец идеологизированных государств в Восточной Европе и на территории бывшего СССР позволил выдвинуться на передний план традиционным формам этнической идентичности и противоречий. Различия в культуре и религии порождают разногласия по широкому кругу политических вопросов, будь то права человека или эмиграция, коммерция или экология. Географическая близость стимулирует взаимные территориальные претензии от Боснии до Минданао. Но что наиболее важно – попытки Запада распространить свои ценности: демократию и либерализм – как общечеловеческие, сохранить военное превосходство и утвердить свои экономические интересы наталкиваются на сопротивление других цивилизаций. Правительствам и политическим группировкам все реже удается мобилизовать население и сформировать коалиции на базе идеологий, и они все чаще пытаются добиться поддержки, апеллируя к общности религии и цивилизации.

Таким образом, конфликт цивилизаций разворачивается на двух уровнях. На микроуровне группы, обитающие вдоль линий разлома между цивилизациями, ведут борьбу, зачастую кровопролитную, за земли и власть друг над другом. На макроуровне страны, относящиеся к разным цивилизациям, соперничают из-за влияния в военной и экономической сфере, борются за контроль над международными организациями и третьими странами, стараясь утвердить собственные политические и религиозные ценности. ‹…›

ЗАПАД ПРОТИВ ОСТАЛЬНОГО МИРА

По отношению к другим цивилизациям Запад находится сейчас на вершине своего могущества. Вторая сверхдержава – в прошлом его оппонент, исчезла с политической карты мира. Военный конфликт между западными странами немыслим, военная мощь Запада не имеет равных. Если не считать Японии, у Запада нет экономических соперников. Он главенствует в политической сфере, в сфере безопасности, а совместно с Японией – и в сфере экономики. Мировые политические проблемы и проблемы безопасности эффективно разрешаются под руководством США, Великобритании и Франции, мировые экономические проблемы – под руководством США, Германии и Японии. Все эти страны имеют самые тесные отношения друг с другом, не допуская в свой круг страны поменьше, почти все страны незападного мира. Решения, принятые Советом

Безопасности ООН или Международным валютным фондом и отражающие интересы Запада, подаются мировой общественности как соответствующие насущным нуждам мирового сообщества. Само выражение «мировое сообщество» превратилось в эвфемизм, заменивший выражение «свободный мир». ‹…› При посредстве МВФ и других международных экономических организаций Запад реализует свои экономические интересы и навязывает другим странам экономическую политику по собственному усмотрению. В незападных странах МВФ, несомненно, пользуется поддержкой министров финансов и кое-кого еще, но подавляющее большинство населения имеет о нем самое нелестное мнение. ‹…›

Запад доминирует в Совете Безопасности ООН, и его решения, лишь иногда смягчаемые вето со стороны Китая, обеспечили Западу законные основания для использования силы от имени ООН с тем, чтобы изгнать Ирак из Кувейта и уничтожить сложные виды его вооружений, а также способность производить такого рода вооружения. ‹…› Разбив самую мощную из арабских армий, Запад без колебаний стал всем своим весом давить на арабский мир. По сути дела Запад использует международные организации, военную мощь и финансовые ресурсы для того, чтобы править миром, утверждая свое превосходство, защищая западные интересы и утверждая западные политические и экономические ценности.

Так, по крайней мере, видят сегодняшний мир незападные страны, и в их взгляде есть значительная доля истины. Различия в масштабах власти и борьба за военную, экономическую и политическую власть являются, таким образом, одним из источников конфликта между Западом и другими цивилизациями. Другой источник конфликта – различия в культуре, в базовых ценностях и верованиях. В. С. Нейпол утверждал, что западная цивилизация – универсальна и годится для всех народов. На поверхностном уровне многое из западной культуры действительно пропитало остальной мир. Но на глубинном уровне западные представления и идеи фундаментально отличаются от тех, которые присущи другим цивилизациям. ‹…› Об этом, в частности, свидетельствует поддержка религиозного фундаментализма молодежью незападных стран. Да и сам тезис о возможности «универсальной цивилизации» – это западная идея. Она находится в прямом противоречии с партикуляризмом большинства азиатских культур, с их упором на различия, отделяющие одних людей от других. ‹…›

Судя по всему, центральной осью мировой политики в будущем станет конфликт между «Западом и остальным миром» и

реакция незападных цивилизаций на западную мощь и ценности. Такого рода реакция, как правило, принимает одну из трех форм, или же их сочетание.

Во-первых, и это самый крайний вариант, незападные страны могут последовать примеру Северной Кореи или Бирмы и взять курс на изоляцию – оградить свои страны от западного проникновения и разложения и в сущности устраниться от участия в жизни мирового сообщества, где доминирует Запад. Но за такую политику приходится платить слишком высокую цену, и лишь немногие страны приняли ее в полном объеме.

Вторая возможность – попробовать примкнуть к Западу и принять его ценности и институты. На языке теории международных отношений это называется «вскочить на подножку поезда».

Третья возможность – попытаться создать противовес Западу, развивая экономическую и военную мощь и сотрудничая с другими незападными странами против Запада. Одновременно можно сохранять исконные национальные ценности и институты – иными словами, модернизироваться, но не вестернизироваться. ‹…›

ВЫВОДЫ ДЛЯ ЗАПАДА

В данной статье отнюдь не утверждается, что цивилизационная идентичность заменит все другие формы идентичности, что нации-государства исчезнут, каждая цивилизация станет политически единой и целостной, а конфликты и борьба между различными группами внутри цивилизаций прекратятся. Я лишь выдвигаю гипотезу о том, что: 1) противоречия между цивилизациями важны и реальны; 2) цивилизационное самосознание возрастает; 3) конфликт между цивилизациями придет на смену идеологическим и другим формам конфликтов в качестве преобладающей формы глобального конфликта; 4) международные отношения, исторически являвшиеся игрой в рамках западной цивилизации, будут все больше девестернизироваться и превращаться в игру, где незападные цивилизации станут выступать не как пассивные объекты, а как активные действующие лица; 5) эффективные международные институты в области политики, экономики и безопасности будут складываться скорее внутри цивилизаций, чем между ними; 6) конфликты между группами, относящимися к разным цивилизациям, будут более частыми, затяжными и кровопролитными, чем конфликты внутри одной цивилизации; 7) вооруженные конфликты между группами, принадлежащими к

разным цивилизациям, станут наиболее вероятным и опасным источником напряженности, потенциальным источником мировых войн; 8) главными осями международной политики станут отношения между Западом и остальным миром; 9) политические элиты некоторых расколотых незападных стран постараются включить их в число западных, но в большинстве случаев им придется столкнуться с серьезными препятствиями; 10) в ближайшем будущем основным очагом конфликтов будут взаимоотношения между Западом и рядом исламско-конфуцианских стран.

Это не обоснование желательности конфликта между цивилизациями, а предположительная картина будущего. Но если моя гипотеза убедительна, необходимо задуматься о том, что это означает для западной политики. Здесь следует провести четкое различие между краткосрочной выгодой и долгосрочным урегулированием. Если исходить из позиций краткосрочной выгоды, интересы Запада явно требуют: 1) укрепления сотрудничества и единства в рамках собственной цивилизации, прежде всего между Европой и Северной Америкой; 2) интеграции в состав Запада стран Восточной Европы и Латинской Америки, чья культура близка к западной; 3) поддержания и расширения сотрудничества с Россией и Японией; 4) предотвращения разрастания локальных межцивилизационных конфликтов в полномасштабные войны между цивилизациями; 5) ограничения роста военной мощи конфуцианских и исламских стран; 6) замедления сокращения военной мощи Запада и сохранения его военного превосходства в Восточной и Юго-Западной Азии; 7) использования конфликтов и разногласий между конфуцианскими и исламскими странами; 8) поддержки представителей других цивилизаций, симпатизирующих западным ценностями и интересам; 9) укрепления международных институтов, отражающих и легитимизирующих западные интересы и ценности, и привлечения к участию в этих институтах незападных стран.

В долгосрочной же перспективе надо ориентироваться на другие критерии. Западная цивилизация является одновременно и западной, и современной. Незападные цивилизации попытались стать современными, не становясь западными. Но до сих пор лишь Японии удалось добиться в этом полного успеха. Незападные цивилизации и впредь не оставят своих попыток обрести богатство, технологию, квалификацию, оборудование, вооружение – все то, что входит в понятие «быть современным». Но в то же время они постараются сочетать модернизацию со своими традиционными ценностями и культурой. Их

экономическая и военная мощь будет возрастать, отставание от Запада сокращаться. Западу все больше и больше придется считаться с этими цивилизациями, близкими по своей мощи, но весьма отличными по своим ценностям и интересам. Это потребует поддержания его потенциала на уровне, который будет обеспечивать защиту интересов Запада в отношениях с другими цивилизациями. Но от Запада потребуется и более глубокое понимание фундаментальных религиозных и философских основ этих цивилизаций. Он должен будет понять, как люди этих цивилизаций представляют себе собственные интересы. Необходимо будет найти элементы сходства между западной и другими цивилизациями. Ибо в обозримом будущем не сложится единой универсальной цивилизации. Напротив, мир будет состоять из не похожих друг на друга цивилизаций, и каждой из них придется учиться сосуществовать со всеми остальными.

УСТАВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Устав Организации Объединенных Наций был подписан 26 июня 1945 года в Сан-Франциско на заключительном заседании Конференции Объединенных Наций по созданию Международной Организации и вступил в силу 24 октября 1945 года. Дважды в Устав ООН вносились поправки. Поправки к статьям 23,27 и 61 Устава были приняты Генеральной Ассамблеей 17 декабря 1963 года и вступили в силу 31 августа 1965 года. Поправка к статье 109, принятая Генеральной Ассамблеей 20 декабря 1965 года, вступила в силу 12 июня 1968 года. Устав ООН является основополагающим документом международного права.

Мы, народы объединенных наций, преисполнены решимости

избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и

вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций, и

создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и

содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе,

и в этих целях

проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи, и

объединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности, и

обеспечить принятием принципов и установлением методов, чтобы вооруженные силы применялись не иначе, как в общих интересах, и

использовать международный аппарат для содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов,

решили объединить наши усилия для достижения этих целей.

Согласно этому наши соответственные правительства через представителей, собравшихся в городе Сан-Франциско, предъявивших свои полномочия, найденные в надлежащей форме, согласились принять настоящий Устав Организации Объединенных Наций и настоящим учреждают международную организацию под названием «Объединенные Нации».

ГЛАВА I. ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ

Статья 1

Организация Объединенных Наций преследует Цели:

1. Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира;

2. Развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира;

3. Осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии, и

4. Быть центром для согласования действий наций в достижении этих общих целей.

Статья 2

Для достижения целей, указанных в статье 1, Организация и ее Члены действуют в соответствии со следующими Принципами:

1. Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее Членов;

2. Все Члены Организации Объединенных Наций добросовестно выполняют принятые на себя по настоящему Уставу обязательства, чтобы обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности к составу Членов Организации;

3. Все Члены Организации Объединенных Наций разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость;

4. Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций;

5. Все Члены Организации Объединенных Наций оказывают ей всемерную помощь во всех действиях, предпринимаемых ею в соответствии с настоящим Уставом, и воздерживаются от оказания помощи любому государству, против которого Организация Объединенных Наций предпринимает действия превентивного или принудительного характера;

6. Организация обеспечивает, чтобы государства, которые не являются ее Членами, действовали в соответствии с этими Принципами, поскольку это может оказаться необходимым для поддержания международного мира и безопасности;

7. Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от Членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании Главы VII.

ГЛАВА V. СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

Состав

Статья 23

1. Совет Безопасности состоит из пятнадцати Членов Организации. Китайская Республика, Франция, Союз Советских Социалистических Республик, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Соединенные Штаты Америки являются постоянными членами Совета Безопасности. Генеральная Ассамблея избирает десять других Членов Организации в качестве непостоянных членов Совета Безопасности, уделяя, в особенности, должное внимание, в первую очередь, степени участия Членов Организации в поддержании международного мира и безопасности и в достижении других целей Организации, а также справедливому географическому распределению.

2. Непостоянные члены Совета Безопасности избираются на двухгодичный срок. При первых выборах непостоянных членов, после увеличения Совета Безопасности с одиннадцати до пятнадцати, два из четырех дополнительных членов избираются на срок в один год. Выбывающий член Совета Безопасности не подлежит немедленному переизбранию.

3. Каждый член Совета Безопасности имеет одного представителя.

Функции и Полномочия

Статья 24

1. Для обеспечения быстрых и эффективных действий Организации Объединенных Наций ее Члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и соглашаются в том, что при исполнении его обязанностей, вытекающих из этой ответственности, Совет Безопасности действует от их имени. ‹…›

Статья 25

Члены Организации соглашаются, в соответствии с настоящим Уставом, подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их.

Голосование

Статья 27

1. Каждый член Совета Безопасности имеет один голос.

2. Решения Совета Безопасности по вопросам процедуры считаются принятыми, когда за них поданы голоса девяти членов Совета.

3. Решения Совета Безопасности по всем другим вопросам считаются принятыми, когда за них поданы голоса девяти членов Совета, включая совпадающие голоса всех постоянных членов Совета, причем сторона, участвующая в споре, должна воздержаться от голосования при принятии решения на основании Главы VI и на основании пункта 3 статьи 52.

ГЛАВА VII. ДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ УГРОЗЫ МИРУ, НАРУШЕНИЙ МИРА И АКТОВ АГРЕССИИ

Статья 39

Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает о том, какие меры следует предпринять в соответствии со статьями 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

Статья 40

Чтобы предотвратить ухудшение ситуации, Совет Безопасности уполномочивается, прежде чем сделать рекомендации или решить о принятии мер, предусмотренных статьей 39, потребовать от заинтересованных сторон выполнения тех временных мер, которые он найдет необходимыми или желательными. Такие временные меры не должны наносить ущерба правам, притязаниям или положению заинтересованных сторон. Совет Безопасности должным образом учитывает невыполнение этих временных мер.

Статья 41

Совет Безопасности уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от Членов Организации применения этих мер. Эти меры могут включать полный или частичный перерыв

экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений.

Статья 42

Если Совет Безопасности сочтет, что меры, предусмотренные в статье 41, могут оказаться недостаточными или уже оказались недостаточными, он уполномочивается предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Такие действия могут включать демонстрации, блокаду и другие операции воздушных, морских или сухопутных сил Членов Организации.

Статья 43

1. Все Члены Организации для того, чтобы внести свой вклад в дело поддержания международного мира и безопасности, обязуются предоставлять в распоряжение Совета Безопасности по его требованию и в соответствии с особым соглашением или соглашениями необходимые для поддержания международного мира и безопасности вооруженные силы, помощь и соответствующие средства обслуживания, включая право прохода.

2. Такое соглашение или соглашения определяют численность и род войск, степень их готовности и их общее расположение и характер предоставляемых средств обслуживания и помощи.

3. Переговоры о заключении соглашения или соглашений предпринимаются в возможно кратчайший срок по инициативе Совета Безопасности. Они заключаются между Советом Безопасности и Членами Организации или между Советом Безопасности и группами Членов Организации и подлежат ратификации подписавшими их государствами, в соответствии с их конституционной процедурой.

Статья 44

Когда Совет Безопасности решил применить силу, то, прежде чем потребовать от Члена Организации, не представленного в

Совете, предоставления вооруженных сил во исполнение обязательств, принятых им на основании статьи 43, Совет Безопасности приглашает этого Члена Организации, если последний этого пожелает, принять участие в решениях Совета Безопасности относительно использования контингентов вооруженных сил данного Члена Организации.

КОНЦЕПЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 28 июня 2000 года

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Высшим приоритетом внешнеполитического курса России является защита интересов личности, общества и государства.

В рамках этого процесса главные усилия должны быть направлены на достижение следующих основных целей:

– обеспечение надежной безопасности страны, сохранение и укрепление ее суверенитета и территориальной целостности, прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, которые в наибольшей мере отвечают интересам Российской Федерации как великой державы, как одного из влиятельных центров современного мира и которые необходимы для роста ее политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала;

– воздействие на общемировые процессы в целях формирования стабильного, справедливого и демократического миропорядка, строящегося на общепризнанных нормах международного права, включая прежде всего цели и принципы Устава ООН, на равноправных и партнерских отношениях между государствами;

– создание благоприятных внешних условий для поступательного развития России, подъема ее экономики, повышения уровня жизни населения, успешного проведения демократических преобразований, укрепления основ конституционного строя, соблюдения прав и свобод человека;

– формирование пояса добрососедства по периметру российских границ, содействие устранению имеющихся и предотвращению возникновения потенциальных очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к Российской Федерации регионах;

– поиск согласия и совпадающих интересов с зарубежными

странами и межгосударственными объединениями в процессе решения задач, определяемых национальными приоритетами России, строительство на этой основе системы партнерских и союзнических отношений, улучшающих условия и параметры международного взаимодействия;

– всесторонняя защита прав и интересов российских граждан и соотечественников за рубежом;

– содействие позитивному восприятию Российской Федерации в мире, популяризации русского языка и культуры народов России в иностранных государствах.

II. СОВРЕМЕННЫЙ МИР И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современный мир переживает фундаментальные и динамичные перемены, глубоко затрагивающие интересы Российской Федерации и ее граждан. Россия – активный участник этого процесса. Являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН, обладая значительным потенциалом и ресурсами во всех областях жизнедеятельности, поддерживая интенсивные отношения с ведущими государствами мира, она оказывает существенное влияние на формирование нового мироустройства.

Трансформация международных отношений, прекращение конфронтации и последовательное преодоление последствий «холодной войны», продвижение российских реформ существенно расширили возможности сотрудничества на мировой арене. Сведена к минимуму угроза глобального ядерного конфликта. При сохранении значения военной силы в отношениях между государствами все большую роль играют экономические, политические, научно-технические, экологические и информационные факторы. На передний план в качестве главных составляющих национальной мощи Российской Федерации выходят ее интеллектуальные, информационные и коммуникационные возможности, благосостояние и образовательный уровень населения, степень сопряжения научных и производственных ресурсов, концентрация финансового капитала и диверсификация экономических связей. Сложилась устойчивая ориентация подавляющего большинства государств на рыночные методы хозяйствования и демократические ценности. Осуществление крупного прорыва на ряде ключевых направлений научно-технического прогресса, ведущего к созданию единого общемирового информационного пространства, углубление и диверсификация международных экономических связей придают взаимозависимости государств

глобальный характер. Создаются предпосылки для построения более стабильного и кризисоустойчивого мирового устройства.

В то же время в международной сфере зарождаются новые вызовы и угрозы национальным интересам России. Усиливается тенденция к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США. При решении принципиальных вопросов международной безопасности ставка делается на западные институты и форумы ограниченного состава, на ослабление роли Совета Безопасности ООН.

Стратегия односторонних действий может дестабилизировать международную обстановку, провоцировать напряженность и гонку вооружений, усугубить межгосударственные противоречия, национальную и религиозную рознь. Применение силовых методов в обход действующих международно-правовых механизмов не способно устранить глубинные социальноэкономические, межэтнические и другие противоречия, лежащие в основе конфликтов, и лишь подрывает основы правопорядка.

Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов.

Гарантия эффективности и надежности такого мироустройства – взаимный учет интересов. Миропорядок XXI века должен основываться на механизмах коллективного решения ключевых проблем, на приоритете права и широкой демократизации международных отношений.

Интересы России непосредственно связаны и с другими тенденциями, среди которых:

– глобализация мировой экономики. Наряду с дополнительными возможностями социально-экономического прогресса, расширения человеческих контактов такая тенденция порождает и новые опасности, особенно для экономически ослабленных государств, усиливается вероятность крупномасштабных финансово-экономических кризисов. Растет риск зависимости экономической системы и информационного пространства Российской Федерации от воздействия извне;

– усиление роли международных институтов и механизмов в мировой экономике и политике («Группа восьми», МВФ, МБРР и другие), вызванное объективным ростом взаимозависимости государств, необходимостью повышения управляемости международной системы. В интересах России – полноформатное и равноправное участие в разработке основных принципов функционирования мировой финансовоэкономической системы в современных условиях;

– развитие региональной и субрегиональной интеграции в Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе, Африке и Латинской Америке. Интеграционные объединения приобретают все большее значение в мировой экономике, становятся существенным фактором региональной и субрегиональной безопасности и миротворчества;

– военно-политическое соперничество региональных держав, рост сепаратизма, этнонационального и религиозного экстремизма. Интеграционные процессы, в частности в Евро-Атлантическом регионе, имеют зачастую избирательно-ограничительный характер. Попытки принизить роль суверенного государства как основополагающего элемента международных отношений создают угрозу произвольного вмешательства во внутренние дела. Серьезные масштабы приобретает проблема распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. Угрозу международному миру и безопасности представляют неурегулированные или потенциальные региональные и локальные вооруженные конфликты. Существенное влияние на глобальную и региональную стабильность начинает оказывать рост международного терроризма, транснациональной организованной преступности, а также незаконного оборота наркотиков и оружия.

Угрозы, связанные с указанными тенденциями, усугубляются ограниченностью ресурсного обеспечения внешней политики Российской Федерации, что затрудняет успешное отстаивание ее внешнеэкономических интересов, сужает рамки ее информационного и культурного влияния за рубежом.

Вместе с тем Российская Федерация имеет реальный потенциал для обеспечения достойного места в мире. Определяющее значение в этом плане имеют дальнейшее укрепление российской государственности, консолидация гражданского общества и скорейший переход к устойчивому экономическому росту.

В последние десятилетия Россия смогла использовать дополнительные возможности международного сотрудничества, которые открываются в результате коренных преобразований в стране, существенно продвинулась по пути интеграции в систему мировых хозяйственных связей, вступила в ряд влиятельных международных организаций и институтов. Ценой напряженных усилий удалось по ряду принципиальных направлений укрепить позиции России на мировой арене.

Российская Федерация проводит самостоятельную и конструктивную внешнюю политику. Она основывается на последовательности и предсказуемости, взаимовыгодном

прагматизме. Эта политика максимально прозрачна, учитывает законные интересы других государств и нацелена на поиск совместных решений.

Россия – это надежный партнер в международных отношениях. Общепризнана ее конструктивная роль в решении острых международных проблем.

Отличительная черта российской внешней политики – сбалансированность. Это обусловлено геополитическим положением России как крупнейшей евразийской державы, требующим оптимального сочетания усилий по всем направлениям. Такой подход предопределяет ответственность России за поддержание безопасности в мире как на глобальном, так и на региональном уровне, предполагает развитие и взаимодополнение внешнеполитической деятельности на двусторонней и многосторонней основе.

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Великие битвы двадцатого столетия между свободой и тоталитаризмом завершились решительной победой сил свободы, единственной устойчивой модели национального успеха, основанной на свободе, демократии и свободном предпринимательстве. В двадцать первом веке только страны, которые разделяют приверженность защите основных прав человека, а также гарантированию политической и экономической свободы, смогут раскрыть потенциал своего народа и обеспечить свое будущее процветание. Везде люди хотят иметь возможность свободно высказываться, выбирать тех, кто будет ими управлять, молиться по своему усмотрению, давать образование своим детям – как мальчикам, так и девочкам, владеть имуществом и пользоваться благами своего труда. Эти ценности свободы справедливы и желанны для каждого человека в каждом обществе, и защищать эти ценности от их врагов призваны свободолюбивые люди всего мира и всех времен.

Сегодня Соединенные Штаты Америки обладают беспрецедентной военной мощью, а также большим экономическим и политическим влиянием. В соответствии с нашими наследием и принципами мы не используем нашу силу для оказания давления для получения односторонних преимуществ. Вместо этого мы стремимся создать баланс сил на благо свободы человека – условия, при которых все страны и все

общества смогут сами выбирать блага и проблемы политической и экономической свободы. В безопасном мире люди смогут жить лучшей жизнью. Мы будем защищать мир, борясь с террористами и тиранами. Мы будем сохранять мир, строя хорошие отношения среди великих держав. Мы будем распространять зону мира, поддерживая свободные и открытые общества на каждом континенте.

Защита нашей страны против ее врагов является первым и главным обязательством федерального правительства. Сегодня эта задача сильно изменилась. Чтобы угрожать Америке, врагам прошлого были нужны огромные армии и большой промышленный потенциал. Теперь тайные сети отдельных лиц могут приносить на наши берега великий хаос и страдания, тратя меньше денег, чем стоит один танк. Террористы организуются, чтобы проникать в открытые общества и обращать мощь современных технологий против нас.

Для защиты от этой угрозы мы должны использовать все средства из нашего арсенала – военную силу, лучшую оборону метрополии, правоохранительные органы, разведку и активные усилия по пресечению финансирования террористов. Война против террористов глобального масштаба является глобальным предприятием неопределенной продолжительности.

Америка будет помогать странам, которые нуждаются в нашей помощи в борьбе с террором. И Америка будет призывать к ответу страны, которые скомпрометировали себя террором, включая тех, которые дают убежище террористам, поскольку пособники террора являются врагами цивилизации.

Соединенные Штаты Америки и страны, сотрудничающие с нами, не должны позволять террористам строить новые базы. Вместе мы будем стараться лишать их убежища где бы то ни было.

Серьезнейшая опасность, с которой сталкивается наша страна, находится на перекрестке радикализма и технологий. Наши враги открыто заявляют, что стремятся получить оружие массового поражения, и факты свидетельствуют, что они занимаются этим со всей решительностью. Соединенные Штаты Америки не допустят, чтобы эти усилия были успешными. Мы будем создавать системы обороны против баллистических ракет и других средств доставки. Мы будем сотрудничать с другими странами, чтобы препятствовать, ограничивать и пресекать усилия наших врагов в получении опасных технологий. И в рамках здравого смысла и самообороны Америка будет действовать против таких возникающих угроз, прежде чем они полностью сформируются. Мы не можем защитить Америку и

наших друзей, надеясь на лучшее. Поэтому мы должны быть готовыми расстраивать планы наших врагов, используя лучшую разведывательную информацию и действуя продуманно.

История сурово осудит тех, кто видел эту надвигающуюся опасность, но не действовал. В новом мире, куда мы вступили, единственный путь к миру и безопасности – путь действий.

И защищая мир, мы будем также использовать историческую возможность для сохранения мира. Сегодня международное сообщество имеет лучшие шансы с момента становления национальных государств в XVII веке для построения мира, где великие державы соперничают в условиях мира вместо того, чтобы постоянно готовиться к войне. Сегодня великие державы мира оказываются на одной и той же стороне, объединенные общими опасностями со стороны насилия и хаоса, осуществляемых террористами. Соединенные Штаты Америки будут действовать на основе этих общих интересов с целью поддержки глобальной безопасности. Кроме того, нас все более сплачивают общие ценности. Россия находится в процессе обнадеживающего перехода, строя демократическое будущее и будучи партнером в войне с террором. Китайские лидеры обнаруживают, что экономическая свобода служит единственным источником национального благополучия. Со временем они поймут, что социальная и политическая свобода служит единственным источником национального величия.

Америка будет поддерживать развитие демократии и открытость экономики в обеих странах, так как они являются лучшими основами для внутренней стабильности и международного порядка. Мы будем решительно сопротивляться агрессии со стороны других великих держав даже при том, что приветствуем их мирное стремление к процветанию, торговле и культурному развитию.

Соединенные Штаты Америки воспользуются этим благоприятным моментом для распространения благ свободы на всю планету. Мы будем активно работать, чтобы принести надежду, связанную с демократией, развитием, свободными рынками и свободной торговлей, в каждый уголок мира. События 11 сентября научили нас тому, что несостоявшиеся государства, подобные Афганистану, могут представлять для нас не меньшую опасность, чем сильные государства. Бедность не превращает бедных людей в террористов и убийц. Но бедность, слабые институты и коррупция могут сделать несостоявшиеся государства уязвимыми для террористических сетей и наркокартелей в пределах их границ.

Соединенные Штаты Америки будут выступать на стороне

любой страны, приверженной построению лучшего будущего путем распространения благ свободы на свой народ. Свободная торговля и свободные рынки доказали свою способность выводить из бедности целые общества; поэтому Соединенные Штаты Америки будут работать с отдельными странами, целыми регионами и всем глобальным торговым сообществом для построения мира, который торгует в условиях свободы и в результате все больше процветает. В рамках программы «Вызов нового тысячелетия» Соединенные Штаты Америки будут оказывать все большую помощь на нужды развития странам, которые эффективно управляются, инвестируют в свой народ и поощряют экономическую свободу. Мы также будем и впредь вести мир в усилиях по сокращению ужасных утрат, связанных со СПИДом и другими инфекционными заболеваниями.

При обеспечении баланса сил в пользу свободы Соединенные Штаты Америки руководствуются убежденностью в том, что все страны несут важные обязательства. Страны, которые пользуются благами свободы, должны активно бороться с террором. Страны, которые зависят от международной стабильности, должны помогать предотвращать распространение оружия массового поражения. Страны, которые добиваются международной помощи, должны мудро управляться с тем, чтобы помощь тратилась эффективно. Чтобы процветала свобода, необходимо ожидать и требовать подотчетности.

Мы также руководствуемся убежденностью в том, что ни одна страна не может построить более безопасный и лучший мир в одиночку. Союзы и многосторонние институты могут умножать силы свободолюбивых стран. Соединенные Штаты Америки намерены продолжать сотрудничество с такими организациями, как Организация Объединенных Наций, Всемирная торговая организация, Организация американских государств и НАТО, а также другими давно существующими союзами. Коалиции на основе общих целей могут расширять возможности этих постоянных институтов. В любом случае необходимо серьезно относиться к международным обязательствам. Их нельзя принимать символически, чтобы заручиться поддержкой идеала, не стремясь к его достижению.

Свобода – это неотъемлемая потребность человеческого достоинства, прирожденное право каждого члена любой цивилизации. На протяжении истории свободе угрожали войны и террор; ей бросали вызов противостоящие воли мощных государств и злодейские замыслы тиранов; и она подвергалась испытанию широко распространенными бедностью и болезнями.

Сегодня человечество располагает возможностью обеспечить

победу свободы над всеми этими врагами. Соединенные Штаты Америки приветствуют нашу обязанность быть лидером в решении этой великой задачи.

В. В. ПУТИН. ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ, 2000 год

‹…› Возрастающий разрыв между передовыми государствами и Россией толкает нас в страны третьего мира. Цифры текущего экономического роста не должны нас успокаивать: мы по-прежнему продолжаем жить в условиях прогрессирующего экономического отставания. Я прошу вас обратить на это особое внимание.

На первый взгляд экономика страны сейчас выглядит неплохо. Растут валовой внутренний продукт, промышленное производство, инвестиции, сбор налогов. Однако экономический рост, как и в период оживления 97-го года, находится на грани риска. Два года назад видимое благополучие, основанное на масштабных государственных заимствованиях, рухнуло под воздействием мощного финансового кризиса.

Сегодняшние экономические показатели выглядят оптимистично только на фоне вчерашних. Хочу это подчеркнуть, только на фоне вчерашних! Но они весьма скромны по сравнению с другими странами, которые развиваются, и гораздо быстрее, и гораздо устойчивее развиваются, чем мы. Нынешний рост лишь в небольшой степени связан с обновлением экономического механизма. Во многом он является результатом благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры. ‹…›

С таким положением мы не можем мириться. И дело не только в нашей национальной гордости, хотя и это важно. Вопрос стоит гораздо острее и гораздо драматичнее. Сможем ли мы сохраниться как нация, как цивилизация, если наше благополучие вновь и вновь будет зависеть от выдачи международных кредитов и от благосклонности лидеров мировой экономики?

России нужна экономическая система, которая конкурентоспособна, эффективна, социально справедлива, которая обеспечивает стабильное политическое развитие. Устойчивая экономика – это главная гарантия и демократического общества, и основа основ сильного и уважаемого в мире государства.

Россия сталкивается и с серьезными внешними проблемами. Наша страна вовлечена во все мировые процессы, включая экономическую глобализацию. Мы не имеем права «проспать» и разворачивающуюся в мире информационную революцию.

Мы не можем и не должны проигрывать стратегически. Именно поэтому недавно утверждена Концепция внешней политики, обновленная Концепция внешней политики. В ней признано верховенство внутренних целей над внешними.

Самостоятельность нашей внешней политики не вызывает сомнений. Основу этой политики составляют прагматизм, экономическая эффективность, приоритет национальных задач. Но нам еще предстоит поработать, чтобы эти принципы стали нормой государственной жизни.

Холодная война осталась в прошлом, но и по сей день приходится преодолевать ее тяжелые последствия. Это – и попытки ущемления суверенных прав государств под видом «гуманитарных» операций или, как модно сейчас говорить, «гуманитарных» интервенций. И трудности нахождения общего языка в вопросах, представляющих региональную или международную угрозу.

Так, в условиях нового для нас типа внешней агрессии – международного терроризма и прямой попытки перенести эту угрозу внутрь страны – Россия столкнулась с системным вызовом государственному суверенитету и территориальной целостности, оказалась лицом к лицу с силами, стремящимися к геополитической перестройке мира.

Наши усилия избавить Россию от этой опасности подчас трактуются необъективно и односторонне, становятся поводом для разного рода спекуляций. В этой связи важным направлением внешнеполитической деятельности должно стать содействие объективному восприятию России. Достоверная информация о событиях в нашей стране – это сегодня вопрос ее и репутации, и национальной безопасности.

В. В. ПУТИН. ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ, 2002 год

Довольно долго многие политики и граждане страны были уверены или жили иллюзиями, что окончание периода военно-политической конфронтации в мире чуть ли не автоматически откроет России путь в мировую экономическую систему, что мир распахнет нам свои «экономические объятия». Жизнь оказалась куда сложнее.

Да, период конфронтации закончился. Мы строим со всеми государствами мира – хочу это подчеркнуть: со всеми государствами мира – конструктивные, нормальные отношения. Однако хочу обратить внимание и на другое: нормой в международном сообществе, современном мире является и

жесткая конкуренция – за рынки, за инвестиции, за политическое и экономическое влияние. И в борьбе, этой борьбе, России надо быть сильной и конкурентоспособной.

Сегодня страны мира конкурируют друг с другом по всем параметрам экономики и политики: по величине налоговой нагрузки, по уровню безопасности страны и ее граждан, по гарантиям защиты права собственности. Они соревнуются в привлекательности делового климата, в развитии экономических свобод, в качестве государственных институтов и эффективности судебно-правовой системы.

Конкуренция приобрела действительно глобальный характер. В период слабости – нашей слабости – многие ниши на мировом рынке нам пришлось уступить. И они тут же были захвачены другими. Их никто так просто возвращать не хочет и не отдаст, о чем свидетельствует ситуация на рынках нефти, стали, авиационных перевозок и других товаров и услуг.

Вывод очевиден: в современном мире с нами никто не собирается враждовать – этого никто не хочет и это никому не нужно. Но нас никто и особенно не ждет. Никто специально помогать не будет. За место под «экономическим солнцем» нам нужно бороться самим.

ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ

1. Какие, судя по приведенным источникам, основные вызовы и угрозы существуют в настоящее время или могут появиться для России в современной системе международных отношений?

_____

2. Какими основными возможностями для поддержания своей национальной безопасности и упрочения своего международного статуса обладает Россия?

_____

3. Что, по-вашему, необходимо сделать, чтобы реализовать эти возможности?

_____

11. СУВЕРЕНИТЕТ НАЦИЙ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Для России путь к демократии оказался сопряжен с распадом Советского Союза и строительством нового государства – Российской Федерации. Как мы видели, исходным пунктом для перехода к демократии является национальное единство. Не менее очевидно, что без государства не может быть и речи о демократии. Суверенность страны в условиях и процессах глобализации в современном мире – вот ключевая проблема, рассматриваемая в этой главе.

История изучения наций делится на два этапа. Первый период длился до середины прошлого столетия. Это было время уверенности в том, что нация вполне реальная вещь, определяемая через свои атрибуты, – например такие, как язык, культура, занимаемая территория и ряд так называемых национальных особенностей.

Книга номер один в списках современной литературы по вопросам национализма – знаменитый трактат Бенедикта Андерсона – называется «Воображаемые сообщества». Слово «воображаемые» здесь нужно понимать буквально: «плод воображения», и никак иначе. Воображения коллективного, общенационального, но воображения.

Почти все исследователи сходятся на том, что национализм – сравнительно недавнее явление, появившееся не ранее XVIII, в крайнем случае, XVII века. Большинство склонно относить к этому же времени и появление «наций». Где именно они возникли раньше, непонятно (называют разные места, включая Латинскую Америку), но считается, что существуют по крайней мере две модели нации: французская, или «гражданская», связанная с идеями Просвещения и трактующая нацию как «сообщество граждан» с одинаковыми правами, и немецкая, или «этнокультурная», связанная с романтизмом и понимающая «народ» как «органическое единство духа», опирающаяся на общность языка и культуры. Упрощенные и опошленные варианты этих двух идей в дальнейшем были использованы всеми прочими националистическими движениями.

Слово «глобализация», еще в 1988 году отсутствовавшее в словарях, спустя всего 15 лет после своего появления стало одним из самых распространенных в политическом лексиконе. Оно употребляется настолько часто, что в англоязычной прессе появился иронический оборот: g-word (слово на букву «Г»).

При этом произошел заметный сдвиг в тональности самого обсуждения глобализации. Поначалу преобладали если не прямо восторженные, то все же весьма оптимистические настроения. Глобализация понималась как усиление взаимосвязей и взаимозависимости, повсеместное распространение и проникновение цивилизованного (то бишь западного) образа жизни. Несколько утрируя, такой подход можно назвать туристическим; ему отдали дань даже знаменитые ученые; так, Н. Луман, один из самых авторитетных социологов современности, иллюстрировал реальность мирового общества тем фактом, что берлинцы могут провести отпуск на Гавайях. Не менее прославлен пример с немецкой пенсионеркой, ежегодно на несколько месяцев уезжающей в Кению.

Эйфорические настроения во многом были связаны с экономическим подходом: глобализация – это хорошо для экономики, а что хорошо для экономики, хорошо и для общества. Правда, уже вскоре появились публикации, авторы которых пытались взглянуть на глобальный мир глазами не берлинских туристов, а кенийских крестьян. Так, например, А. Зиновьев систематически и последовательно освещал глобализацию с точки зрения тех, кому от нее не поздоровится; но не эти статьи и книги задавали тон мировой прессы.

Перелом в тональности и реальный старт дискуссий состоялся лишь тогда, когда европейские социальные государства столкнулись с проблемой утраты крупных налогоплательщиков. Диагноз, который поставили эксперты, – в процессе глобализации государства теряют свой суверенитет. Не ограничивают и не делегируют по доброй воле – ведь принятие Устава ООН, формирование современного международного права, межгосударственная интеграция и т. д. неизменно и неизбежно означали то или иное ограничение суверенитета, а неконтролируемо теряют.

Как известно, государственный суверенитет – это верховенство государственной власти на территории страны; проецированный на международную сферу, он означает, что государство само определяет, какими будут его отношения с другими государствами, а последние не вправе вмешиваться в его внутренние дела. Термин «суверенитет» в государственно-правовом смысле был впервые введен в XVI веке французским ученым Жаном Боденом. Суверенитет реализуется прежде всего в порядке осуществления государством его функций, однако наиболее непосредственно он проявляется в системе прав государства. Именно правомочия государства обеспечивают действительное осуществление государственной власти, а

следовательно, и государственного суверенитета. Установление в обществе правопорядка, наделение правами и возложение обязанностей на должностных лиц, общественные организации и граждан – все это характеризует верховенство государственной власти, ее определяющее положение по отношению к любым иным властным отношениям

(например, семейным, внутриколлективным и др.). Только государственная власть способна оказывать авторитетное воздействие, а при необходимости и принуждение на все стороны жизни общества, что придает ей всеобъемлющий, суверенный характер.

Понятие суверенитета, долгое время попросту не обсуждавшееся, внезапно стало жгуче актуальным. Что в определенной мере соответствует природе этого понятия – как показал еще в 1922 году немецкий юрист К. Шмитт, свой подлинный смысл суверенитет обретает в чрезвычайных, исключительных случаях.

К. ШМИТТ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ. ЧЕТЫРЕ ГЛАВЫ К УЧЕНИЮ О СУВЕРЕНИТЕТЕ [92]

Шмитт Карл (1888—1987) – немецкий юрист и философ, участник семинара М. Вебера в 1918—1920 гг. Он прожил долгую жизнь, лишь немного не дотянув до ста лет. Расцвет его научной деятельности пришелся на 1920—1930 гг. К началу 30-х годов Шмитт стал одним из авторитетнейших правоведов Европы. Его политикоюридические оценки находились в центре общественного внимания; в частности, он выступал адвокатом рейха (федерального государства) в процессе против Пруссии (федеральной земли) в 1932 году. В 1932 году, в период кризиса Веймарской республики, Шмитт предлагал изменить конституцию и запретить две главные экстремистские партии – коммунистическую Э. Тельмана и национал-социалистическую А. Гитлера. После прихода к власти Гитлера Шмитт вступил в НСДАП, выступил с верноподданическими заявлениями. В 1933—1936 гг. Шмитт был президентом Союза немецких юристов, редактором профессиональных изданий и т. д. – по выражению одного из биографов, «коронным юристом третьего рейха». В 1936 году против него со стороны СС была проведена кампания дискредитации, в итоге которой заподозренный в нелояльности Шмитт был уволен со всех своих постов. После 1945 года Шмитт дважды был арестован, обвинен в военных преступлениях, но в 1947 году освобожден. На протяжении послевоенных десятилетий Карл Шмитт служил символом вины всех немецких интеллектуалов, сотрудничавших с Гитлером, своего рода «козлом отпущения».

С 1957 года ведется библиография работ о Шмитте – в настоящее время их более 10 тысяч наименований. В 1957 и 1967 году выходят юбилейные сборники научных трудов в честь Шмитта, в 1977 году – посвященный ему номер «Европейского журнала социальных наук».

Идеи этого мыслителя с одиозной биографией принадлежат к числу наиболее актуальных до сего дня.

I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА

Суверенен тот, что принимает решение о чрезвычайном положении.

Эта дефиниция может быть справедливой для понятия

суверенитета только как предельного понятия. Ибо предельное понятие означает не смутное понятие, как в неряшливой терминологии популярной литературы, но понятие предельной сферы. Соответственно, его дефиниция должна быть привязана не к нормальному, но только к крайнему случаю. Что под чрезвычайным положением здесь следует понимать общее понятие учения о государстве, а не какое-либо чрезвычайное постановление или любое осадное положение, станет ясно ниже. Что чрезвычайное положение в высшей степени пригодно для юридической дефиниции суверенитета, имеет систематическое, логическиправовое основание. Решение об исключении есть именно решение в высшем смысле. Ибо всеобщая норма, как ее выражает нормально действующая формула права, никогда не может в полной мере уловить абсолютное исключение и, следовательно, не способна также вполне обосновать решение о том, что данный случай – подлинно исключительный. ‹…›

Нет никакой практической или теоретической разницы, признавать или нет абстрактную схему, которая предлагается для дефиниции суверенитета (суверенитет есть высшая, не производная власть правителя). В общем, о понятии самом по себе не спорят, и менее всего – в истории суверенитета. Спорят о конкретном применении, то есть о том, кто принимает решение в случае конфликта, в чем состоит интерес публики или государства, общественная безопасность и порядок, le salut public[93] и т. д. Исключительный случай, случай, не описанный в действующем праве, может быть в лучшем случае охарактеризован как случай крайней необходимости, угрозы существованию государства или что-либо подобное, но не может быть описан по своему фактическому составу. Лишь этот случай актуализирует вопрос о субъекте суверенитета, то есть вопрос о суверенитете вообще. Невозможно не только указать с ясностью, позволяющей подвести под общее правило, когда наступает случай крайней необходимости, но и перечислить по содержанию, что может происходить в том случае, когда речь действительно идет об экстремальном случае крайней необходимости его устранения. Предпосылки и содержание компетенции здесь необходимым образом неограниченны. Поэтому в смысле правового государства здесь вообще нет никакой компетенции. Конституция может в лучшем случае указать, кому позволено действовать в таком случае. Если это действование не подконтрольно никому, если оно каким-либо образом не распределено, как в конституционной практике правового государства, между различными, друг друга и взаимно уравновешивающими инстанциями, то и так ясно, кто суверен. Он

принимает решение не только о том, имеет ли место экстремальный случай крайней необходимости, но и о том, что должно произойти, чтобы этот случай был устранен. Суверен стоит вне нормально действующего правопорядка и все же принадлежит ему, ибо он компетентен решать, может ли быть in toto[94] приостановлено действие конституции. Все тенденции современного развития правового государства ведут к тому, чтобы устранить суверена в этом смысле. ‹…› Но можно ли покончить с экстремальными исключительными случаями, – это вопрос не юридический. И если кто-то верит и надеется, что такое действительно возможно, то это зависит от его философских убеждений ‹…›.

Есть несколько исторических работ, в которых показано развитие понятия суверенитета. Однако они удовлетворяются собранием окончательных абстрактных формул, в которых, как в учебнике, перечислены дефиниции суверенитета. Никто, кажется, не составил себе труда точнее исследовать бесконечно повторяющиеся у знаменитых авторов понятия суверенитета ‹…›. То, что это понятие связано с критическим, то есть с исключительным случаем, обнаруживается уже у Бодена. Не столько даже благодаря своей часто цитируемой дефиниции («la souverainete est la puissance absolute et perpetuelle d'une Republique[95]»), сколько благодаря своему учению о «Vraies remarqies de souverainete»[96] (глава X первой книги «Государства») он является основоположником современного учения о государстве. Он разъясняет свое понятие на множестве практических примеров и при этом все время возвращается к вопросу: насколько суверен связан законами и обязательствами перед сословными представителями? На этот последний, особенно важный вопрос Боден отвечает, что обещания связывают, ибо обязывающая сила обещания покоится на естественном праве; однако в случае крайней необходимости обязательство, предписанное общими естественными принципами, прекращается. ‹…› Решающее в рассуждениях Бодена состоит в том, что рассмотрение отношений между государем и сословными представителями он сводит к простому или – или, именно благодаря тому, что указывает на случай крайней необходимости. Это и было, собственно, самым впечатляющим в его дефиниции, в которой суверенитет понимался как неделимое единство и окончательно решался вопрос о власти в государстве. Таким образом, его научное достижение и причина его успеха заключаются в том, что он включил элемент решения ‹Dezision› в понятие суверенитета. ‹…› Поэтому и полномочие (как всеобщее, так и в конкретном случае) прекратить действие закона – это

такой подлинно отличительный признак суверенитета, что Боден хочет вывести отсюда все его остальные приметы (объявление войны и заключение мира, назначение чиновников, роль последней инстанции, право помилования и т. д.). ‹…›

Все едины в том, что если в государстве проявляются противоречия, то каждая партия, конечно, хочет только всеобщего блага – в этом и состоит bellum omnium contra omnes[97] – но суверенитет, а значит, и само государство, состоит в том, чтобы этот спор разрешить, то есть определить окончательно, в чем состоят общественный порядок и безопасность, когда возникают им помехи, и т. д. В конкретной действительности общественный порядок и безопасность представляются весьма различно, в зависимости от того, военная ли бюрократия, охваченное ли духом торговли самоуправление или радикальная партийная организация решает, когда этот порядок и безопасность существуют и когда им что-то грозит или возникают помехи. Ибо каждый порядок покоится на некотором решении ‹…›.

‹…› вопрос всегда стоит о субъекте суверенитета, то есть о применении понятия к конкретному положению дел. ‹…› Разногласие всегда было в том, кому должны полагаться те полномочия, которым невозможно дать какое-то позитивное определение (например, «капитуляция»), другими словами, в чьей компетенции должен быть случай, для которого не предусмотрена никакая компетенция. ‹…›

Если бы сегодня Федерация приняла такой закон, о том, что мы все россияне, я бы первый написал заявление о том, что прошу мне выдать паспорт с национальностью «россиянин». Россию надо строить только по территориальному признаку. Деление по признаку национальному – прямая дорога к распаду России, точно так же, как это было с Советским Союзом (ТВЦ, 26.05.2005).

Эдуард Россель

Если удается описать полномочия, предоставляемые в исключительном случае – путем ли взаимного контроля, или временного ограничения, или же, наконец, как это имеет место при государственно-правовом регулировании осадного положения, путем перечисления чрезвычайных полномочий, – тогда вопрос о суверенитете в значительной степени отодвигается на задний план, но, конечно, он еще не снят. ‹…› Ибо не всякое исключительное полномочие, не всякая полицейская чрезвычайная мера или чрезвычайное постановление сами по

себе суть уже чрезвычайное положение. Скорее оно включает принципиально неограниченное полномочие, то есть приостановление действия всего существующего порядка. Если это состояние наступило, то ясно, что государство продолжает существовать, тогда как право отходит на задний план. Поскольку чрезвычайное положение всегда есть еще нечто иное, чем анархия и хаос, то в юридическом смысле все же существует порядок, хотя и не правопорядок. Существование государства доказывает здесь на деле свое несомненное превосходство над действием правовой нормы. ‹…› В исключительном случае государство приостанавливает действие права в силу, как принято говорить, права на самосохранение. ‹…›

В абсолютном виде исключительный случай наступает лишь тогда, когда только должна быть создана ситуация, в которой могут действовать формулы права. Каждая всеобщая норма требует придать нормальный вид условиям жизни. ‹…› Не существует нормы, которая была бы применима к хаосу. Должен быть установлен порядок, чтобы имел смысл правопорядок. Должна быть создана нормальная ситуация, и сувереном является тот, кто недвусмысленно решает, господствует ли действительно это нормальное состояние. Всякое право – это «ситуативное право». Суверен создает и гарантирует ситуацию как целое в ее тотальности. Он обладает монополией этого последнего решения. В этом состоит сущность государственного суверенитета. ‹…›

‹…› философия конкретной жизни не должна отступать перед исключением и экстремальным случаем, но должна в высшей степени интересоваться ими. Для нее исключение может быть более важно, чем правило, не из-за романтической иронии парадокса, но ввиду совершенно серьезного взгляда, который проникает глубже, чем ясные обобщения усредненных повторений. Исключение интереснее нормального случая. Нормальное не доказывает ничего, исключение доказывает все; оно не только подтверждает правило, само правило существует только благодаря исключению. В исключении сила действительной жизни взламывает кору застывшей в повторении механики. Один протестантский теолог, доказавший, на какую витальную интенсивность способна теологическая рефлексия также и в XIX в., сказал: «Исключение объясняет всеобщее и самое себя. И если хотят правильно исследовать всеобщее, нужно лишь познакомиться с настоящим исключением. Оно гораздо отчетливее проявляет все, чем само всеобщее. Вечная болтовня о всеобщем опостылела надолго; есть исключения. Если их нельзя объяснять, то невозможно объяснить и всеобщее. Обычно не замечают этой трудности, поскольку мыслят всеобщее не со

страстью, но поверхностно, с комфортом. Напротив, исключение мыслит всеобщее с энергетической страстью».

Б. АНДЕРСОН. ВООБРАЖАЕМЫЕ СООБЩЕСТВА [98]

Андерсон Бенедикт – профессор Корнеллъского университета (США), руководитель проекта «Современная Индонезия», британский историк и культуролог. Мировую известность ему принесла монография «Воображаемые сообщества» (первое издание – 1980).

ВВЕДЕНИЕ

‹…› ООН почти ежегодно принимает в свой состав новых членов. А многие «старые нации», считавшиеся некогда полностью консолидированными, оказываются перед лицом вызова, бросаемого «дочерними национализмами в их границах – национализмами, которые, естественно, только и мечтают о том, чтобы в один прекрасный день избавиться от этого „дочернего“ статуса. Реальность вполне ясна: „конец эпохи национализма“, который так долго пророчили, еще очень и очень далеко. Быть нацией – это по сути самая универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени.

Но если сами факты понятны, то их объяснение остается предметом давней дискуссии. Нацию, национальность, национализм оказалось очень трудно определить, не говоря уже о том, что трудно анализировать. На фоне колоссального влияния, оказанного национализмом на современный мир, убогость благовидной теории национализма прямо-таки бросается в глаза. ‹…›

> **В России произошло и то, что было во многих странах: не находящие места самые активные национальные переселенцы образовывали полукриминальные и криминальные сообщества. Так было в США – итальянская мафия. Так случилось и у нас. И сами по себе резко обострившиеся в России проблемы криминала и коррупция стали приобретать выраженную национальную окраску. Все это стало одним из главных факторов усиления межнациональных конфликтов – погрома кавказцев на рынках и т. д («Московский комсомолец», 09.11.2004).**

Гавриил Попов

Нация воображается ограниченной, потому что даже самая крупная из них, насчитывающая, скажем, миллиард живущих людей, имеет конечные, хотя и подвижные границы, за пределами которых находятся другие нации. Ни одна нация не воображает себя соразмерной со всем человечеством. Даже наиболее мессиански настроенные националисты не грезят о том дне, когда все члены рода человеческого вольются в их нацию. ‹…›

Она воображается суверенной, ибо данное понятие родилось в эпоху, когда Просвещение и Революция разрушали легитимность установленного Богом иерархического династического государства. Достигая зрелости на том этапе человеческой истории, когда даже самые ярые приверженцы какой-либо универсальной религии неизбежно сталкивались с живым плюрализмом таких религий ‹…› нации мечтают быть свободными и, если под властью Бога, то сразу же. Залог и символ этой свободы – суверенное государство.

И наконец, она воображается как сообщество, поскольку независимо от фактического неравенства и эксплуатации, которые в каждой нации могут существовать, нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество. В конечном счете, именно это братство на протяжении двух последних столетий дает многим миллионам людей возможность не столько убивать, сколько добровольно умирать за такие ограниченные продукты воображения.

Эти смерти внезапно вплотную сталкивают нас с главной проблемой, которую ставит национализм, а именно: что заставляет эти сморщенные воображения недавней истории (охватывающей едва ли более двух столетий) порождать такие колоссальные жертвы? По моему мнению, для ответа на этот вопрос нужно прежде всего обратиться к культурным корням национализма.

‹…› Национализм обладает магическим свойством обращать случай в судьбу. И мы могли бы сказать вместе с Дебре: «Да, то, что я родился французом – совершенно случайно; но, в конце концов, Франция вечна».

Нам нельзя отгородиться от международного глобального общества. Глобализация все больше будет нарастать. И Россия должна не искать, как отгородиться от глобального общества, а должна искать, как быстрее и эффективнее, энергичнее, на твердой хорошей позиции интегрироваться в это глобальное общество (Радио «Свобода», 19.04.2005).

Сергей Марков, политолог

Я вовсе не утверждаю (нет необходимости об этом и говорить), будто появление национализма к концу XVIII в. было «произведено» эрозией религиозных убеждений. ‹…› Не имею я в виду и того, что национализм каким-либо образом исторически «сменяет» религию. Я всего лишь предполагаю, что для понимания национализма следует связывать его не с принимаемыми на уровне самосознания политическими идеологиями, а с широкими культурными системами, которые ему предшествовали и из которых – а вместе с тем и в противовес которым – он появился.

Г. НОДИЯ. ДЕМОКРАТИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ [99]

Нодия Гия – директор Кавказского института исследований войны, мира и демократии. Эссе «Демократия и национализм» опубликовано в Journal of Democracy; известный философ Ф. Фуку яма оценил его как «всобъемлющее и полное тонких нюансов исследование».

«Падение коммунизма в Восточной Европе и на территории бывшего Советского Союза немедленно повлекло за собой как огромные достижения в области либерализации и демократии, так и возрождение национализма. На взгляд многих исследователей, здесь таится противоречие, поскольку они рассматривают национализм как явление принципиально антидемократическое. Я же полагаю, что это поверхностный взгляд, который мешает понять реально происходящее в посткоммунистических странах, а также и в других частях света. ‹…› Но что, если национализм и демократия – это не две разные философии? Что если национализм является компонентом более сложного явления, которое со всеми его составляющими как раз и именуется „либеральной демократией“? Поднимая эти вопросы, я имею в виду, что идея национализма невозможна – даже теоретически – без идеи демократии, и что демократия никогда не существовала без национализма. Эти два компонента соединены причудливым браком, не могут жить друг без друга, хотя и сосуществуют в состоянии постоянного напряжения. ‹…›

Основой основ демократии является принцип народной власти, который предполагает, что правительство может быть легитимировано только через волю тех, кем оно правит. Этот принцип можно отличать от тех демократических процедур, которые разработаны как средство определения того, чего же на самом деле хочет народ. Основной из этих процедур, безусловно, являются выборы. Другой набор процедур помогает защитить демократию, ограничивая власть избранных правителей через разделение властей, ограничение перевыборов, специальных требований к внесениям поправок в конституцию и т. д.

Любая попытка разыграть национальную карту, любые проявления антисемитизма должны рассматриваться как стремление угробить Россию. Мы, парламент, должны еще раз подтвердить, что

Россия является многонациональной страной, где национализм, в любой его форме, должен не только решительно осуждаться, но и пресекаться, как этого требует закон (Интерфакс, 24.03.2005).

Геннадий Гудков

Народовластие сводится к притязанию на то, что «мы, народ» ‹…› собираемся играть только по тем правилам, которые мы сами для себя свободно выбрали. Эти правила (в отличие от правил игры) обычно предполагают наличие неких независимых моральных ценностей, которые в свою очередь могут основываться на определенных религиозных верованиях («веруем во единого Господа»). Однако конкретная интерпретация этих абсолютных ценностей (или воли Господней) зависит от личности верующих – от «нас, народа». Таким образом, демократия принципиально отличается от политических систем (будь то традиционные или современные системы), в которых некая правящая элита трактует божественную волю (либо как ее эквивалент марксистские «законы» исторического развития) и в соответствии с этой трактовкой правит обществом. Если рассматривать демократию как игру, многие ее аспекты будут выглядеть абсолютно рационально. Но продолжив аналогию, мы вскроем и иррациональный аспект демократической модели. Помимо правил игра предполагает наличие команд игроков и игровой площадки. В играх все это сугубо условно и случайно. Но с демократией дело обстоит не так. Законы демократии (правила игры) могут быть продуктом консенсуса рациональных политиков, но состав населения и территория («игроки» и «игровая площадка»), в рамках которых действуют эти законы, определить таким же способом невозможно.

Нравится нам это или нет, национализм есть та историческая сила, которая позволила объединить политические организмы в демократические модели правления. «Нация» – вот другое название понятия «мы, народ».

Традиционный европейский национализм пытался сформулировать объективные характеристики жизни наций, которые позволили бы любому сообществу людей высказать рациональное суждение по поводу своих прав на «самоопределение». К этим характеристикам относились язык, общие корни, историческая традиция государственности или чего-то соответствующего государственности. Все это должно было – как минимум предполагалось, что сможет – заложить рациональный фундамент в основу будущей демократической конструкции. Таким образом, должен был бы найтись всеобщий

объективный критерий, позволяющий определить принципы «честного» распределения территории между народами. И если бы у кого-то возникли сомнения по поводу правомерности членства неких групп граждан в данной нации, эти критерии должны были предоставить однозначные справедливые стандарты для ответа на все спорные вопросы. Но реальная история национализма, не говоря уже о теоретических изысканиях, показали, что такие объективные и всеобщие критерии в реальной жизни недостижимы. Развитие наций из предшествовавших им этнических сообществ всегда сопровождалось историческими катаклизмами и сознательными усилиями политиков. В мире просто нет национальных границ, данных от Бога, или предопределенных естественным развитием.

В последние пять-шесть лет Россия из экспортера нефти превратилась в держательницу глобальных ресурсов. Во многом это связано с усиливающейся нестабильностью в странах Персидского залива. Появились альтернативные Западу потребители ресурсов, которые выступают с целым рядом конкретных предложений. В результате монополия ЕС на российский сырьевой экспорт стала подвергаться очень серьезному сомнению. Глобальными же ресурсами не делятся, особенно если осознание реалий глобализации еще недостаточно укоренено («Эксперт», 18.04.2005).

Андрей Рябов, член научного совета Московского центра Карнеги

Если последнее суждение и подрывает претензии национализма на универсальный рациональный подход, оно тем не менее ничего не меняет в функции национализма как плавильного котла демократических (в смысле самоопределяющихся) политических сообществ. Критерии, по которым нации отличаются одна от другой, могут не быть универсальными, но политическое единство, необходимое для демократии, не может быть достигнуто без того, чтобы люди не определили себя сами как «нацию».

Попытки отрицать реальное положение вещей и важность национализма зачастую проистекают из нежелания признать тот факт, что демократическая модель, которую представляют вершиной рационального развития, в действительности опирается на иррациональный фундамент. На ранних стадиях становления демократической модели особенно очевидно, что

иррациональность политических дефиниций (определяющих, кто именно входит в понятие «мы, народ») является необходимым предварительным этапом рационального политического поведения. Непризнание этого факта для многих западных мыслителей не позволила последним понять, что же в действительности происходило в Советском Союзе (а вернее, с Советским Союзом) во время перестройки.

Современные демократические режимы, как и современные нации, являют собой искусственные конструкции. Очерк Эжена Вебера «Превращение крестьян во французов» показывает, что во времена Французской революции (когда и возникла французская нация в современном смысле этого слова) очень немногие из сельских жителей во времена старого режима считали, что они являются французами также и потому, что многие из них даже не говорили по-французски. Интеграция явилась плодом запланированных централизованных, иногда даже суровых политических мер. Поэтому сложившаяся французская нация получилась скорее «искусственной», чем «естественной». Эту книгу можно было бы назвать также «Превращение крестьян в граждан», что подчеркнуло бы парадокс, заключающийся в возникновении граждан («жителей городов») из крестьян («жителей сельской местности») без перемещения их в города. Таков парадокс, на котором базируется возможность существования современной демократии, ибо демократия, будучи прежде всего городским явлением, должна была распространиться по всей стране (в смысле, по всей сельской местности, где большинство людей жило на рассвете демократизации). Это могло быть осуществлено только путем сознательных политических мер, предпринимаемых либо централизованной государственной бюрократией, культурной элитой или иными органами. Фактически превращение крестьян во французов и граждан явилось единым процессом. Крестьян можно было превратить во французов, только превратив их в граждан, и наоборот: эти два момента могут быть разделены только теоретически, но не практически.

Вот почему в зарождающихся демократиях движение за независимость и движение за демократию часто совпадают. И то и другое действует во имя «самоопределения»: «мы, народ» (то есть нация) будем решать нашу собственную судьбу; мы будем соблюдать только те правила, которые сами устанавливаем, и мы не позволим никому – будь то абсолютный монарх, узурпатор или иностранная держава – править нами без нашего согласия.

Несмотря на то, что мы говорили до сих пор о наличии теоретической связи национализма с демократией и

либерализмом, невозможно отрицать, что национализм на практике противоречит принципам либерализма, а иногда и демократии.

Национализм – это медаль, имеющая две стороны: одна политическая, другая – этническая. До сих пор делались попытки представить это как два разных национализма, то есть национализм «хороший» и национализм «плохой». Но это лишь идеальные модели. На самом деле национализм всегда и политический, и этнический, хотя на разных стадиях та или иная его сторона может оказаться решающей. Идея принадлежности к единой нации – это всегда политическая идея, таким образом, невозможен национализм без политического элемента. Но суть этого понятия очевидно этническая. Я описал бы это через следующую метафору: политический компонент – это душа, оживляющая этническое тело.

Нельзя полностью отрицать антилиберальной сущности этнической ориентации, но если обращаться с ней умело, то отрицательные последствия можно приглушить. Гордость этноса общими предками, славной историей, великими традициями, общим языком, великой культурой и т. д. может быть сублимирована в патриотическое уважение к государственным институтам и достижениям демократической власти (а не власти чисто этнической). Напротив, традиция терпимости и уважения к национальным меньшинствам может также стать предметом национальной гордости, как это случилось с американцами или гражданами других стран с глубокими и долгими традициями демократии. Невозможность направить в нужное русло всплески этнического национализма приводят к шовинизму, расизму или даже фашизму.

Однако эти проявления страшной стороны национализма проистекают не из завышенной этнической самооценки, но скорее из отсутствия выхода национальных чувств на политическом уровне. Когда у народа нет реального механизма для выражения гордости своей политической системой или государственным устройством, он начинает вместо этого гордиться своей наследственной принадлежностью к определенной расе, гордиться своим языком или культурной идентичностью.

А. ЗИНОВЬЕВ. НА ПУТИ К СВЕРХОБЩЕСТВУ [100]

Зиновьев Александр Александрович – известный российский философ, социолог, логик и писатель (создатель оригинального жанра «социологического романа»). Профессор Московского университета (1963—1977 и вновь с 1999). Родился в 1922 году в деревне Чухлома Костромской области. После окончания школы в 1939 году поступил в Институт философии, литературы и истории (ИФЛИ) в Москве, откуда был исключен за выступления против культа Сталина. Был арестован, бежал и уехал на Дальний Восток. От преследований спасла служба в армии в 1940—1946 гг. Ветеран Великой Отечественной войны (летчик-штурмовик), награжден боевыми орденами. После демобилизации окончил философский факультет МГУ. Область научных интересов – проблемы логики, методология научного знания, применение средств логики к анализу языка науки. Автор шести монографий, из которых наибольшей известностью пользуется «Логика науки» (1972). После публикации в 1976 году в Швейцарии сатирического романа А. Зиновьева «Зияющие высоты» он вынужден был эмигрировать. В 1978—1999 гг. жил в Мюнхене, занимаясь социологией и литературной деятельностью. Лауреат международной премии имени Алексиса де Токвиля (1982) за лучшую политическую книгу (отмечена работа «Коммунизм как реальность»). Автор более чем 20 книг по социологии и политологии.

А. А. Зиновьев стремится создать «логическую социологию» – дисциплину, язык и процедуры которой соответствуют требованиям логики, предъявляемым к науке. В связи с этим он вводит ряд новых терминов. Поясним те из них, которые употребляются им ниже. «Человейник» – любое устойчивое объединение людей – от первобытной орды до современного человечества в целом. «Общество» – человейник, организованный в государство. «Сверхобщество» – новое явление, возникающее во второй половине XX века, – человейник, объединяющий и организующий ряд обществ.

НА ПУТИ К ГЛОБАЛЬНОМУ ЧЕЛОВЕЙНИКУ

Выражение «Глобальное общество» стало привычным в сочинениях и речах на социальные темы. При этом «глобальное общество» понимается как объединение всего человечества в

единое целое, подобное привычным обществам (их часто называют национальными государствами), с единым мировым правительством и прочими учреждениями современных стран, только большего размера. Обоснование такого мирового социального монстра (около шести миллиардов человек, а футурологи обещают в будущем десять миллиардов и более!) идет по многим линиям. Перечисляются проблемы, которые якобы можно решить лишь совместными усилиями всех стран и народов планеты (демографические, экологические, голода, преступности, болезней и т. п.). Ссылаются на то, что складывается мировая экономика, ломающая границы национальных государств и решительным образом влияющая на их экономику. Ссылаются, наконец, на то, что мир уже пронизан сетью международных объединений, учреждений и организаций, сплотивших человечество в единое целое. В мире не осталось ни одного уголка, где какая-либо более или менее значительная человеческая группа вела изолированную жизнь. Жизнь людей все более и более находится под влиянием событий, происходящих далеко от тех мест, где они живут. Осуществилась глобализация средств массовой информации. Сложилась международная система производства, распределения и потребления информации. Благодаря ей разбросанное по всей планете человечество ощущает себя живущим в одном мировом объединении. Складывается единая мировая культура.

Тут все вроде бы верно. Но при этом все, говорящие и пишущие на эту тему, за редким исключением, отодвигают на задний план или совсем игнорируют тот факт, что сама идея «глобального общества» есть идея западная, а не всеобщемировая. Инициатива и усилия движения к такому объединению человечества исходят от Запада. В основе его лежит не стремление различных стран и народов планеты к объединению – такое стремление появляется чрезвычайно редко, – а стремление определенных сил Запада занять господствующее положение на планете, организовать все человечество в своих конкретных интересах, а отнюдь не в интересах некоего абстрактного человечества. Мировая экономика есть прежде всего завоевание планеты транснациональными компаниями Запада, причем в интересах этих компаний, а не в интересах прочих народов планеты. Некоммерческие международные организации в подавляющем большинстве суть организации западные, контролируемые силами Запада и так или иначе поддерживаемые и используемые ими. Мировой информационный порядок есть порядок, устанавливаемый странами Запада, и прежде всего – США. Фирмы и правительство США осуществляют контроль

глобальной коммуникации. Западные медиа господствуют в мире. Мировая культура есть прежде всего американизация культуры народов планеты. Одним словом, идея «Глобального общества» есть лишь идеологически замаскированная установка западного мира, возглавляемого США, на покорение всей планеты и на установление своего господства над всем прочим человечеством.

Идея «Глобального общества» есть идея прежде всего американская. После распада советского блока и самого Советского Союза США остались единственной сверхдержавой с претензией диктовать свой порядок всей планете. Однако она есть идея не только американская, а общезападная. Чтобы установить желаемый мировой порядок, США должны мобилизовать усилия всего западного мира. В одиночку им эту задачу не решить. С другой стороны, западные страны по отдельности не в состоянии сохранить свое положение в мире. Они могут удержаться на достигнутом ими уровне лишь совместными усилиями. А США уже заняли место лидера в их совместном движении к мировой гегемонии.

Единое человечество возможно, но не как мирное сосуществование равноправных стран и народов, а как структурированное социальное целое с иерархией стран и народов. В этой иерархии неизбежны отношения господства и подчинения, лидерства, руководства, т. е. отношения социального, экономического и культурного неравенства. Дело тут не в каких-то биологических причинах и не в плохих расистских идеях, а в объективных социальных закономерностях организации больших масс населения. Знание этих закономерностей вовсе не означает, что люди должны перед ними капитулировать. Люди боролись, борются и будут бороться против стремления других людей господствовать над ними и вообще против их превосходства над собою. И идеи равенства и некоей нравственной справедливости при этом играли и будут играть свою роль. Но было бы по меньшей мере наивно закрывать глаза на упомянутую объективную тенденцию к вертикальному структурированию стран и народов. В качестве составных частей единого человечества народы подчиняются действию общих коммунальных законов, имеющих силу для любых объединений людей. Так что явное или скрываемое стремление какой-то страны к мировой гегемонии есть один из составных элементов тенденции к единству человечества.

Я говорю именно о вертикальном структурировании, а не просто о разделении мирового общества на регионы. Причем я это представляю себе не как одну иерархическую линию, а как переплетение многих линий, в котором единая мировая иерархия

проступает лишь как тенденция. И среди этих линий следует в первую очередь назвать разделение человечества на западную и прочую (незападную) части. Отношения между ними являются совсем не братскими. Ни о каком их равенстве и равноправии и речи быть не может. Западная часть возвышается над незападной. В значительной мере первая уже господствует над второй и имеет тенденцию к полному мировому господству. Каждая из упомянутых частей имеет иерархическую структуру в самых различных измерениях. В западной части на вершине иерархии находятся США. Уровнем ниже находятся ведущие западные страны – Германия, Англия, Франция, Канада. Еще ниже – Италия, Австрия, Бельгия, Голландия. И прочие западные страны как-то упорядочиваются на социальной «вертикали» в том или ином разрезе. И незападные страны занимают разное положение в мировой иерархии. Уровнем ниже западных стран располагаются полузападные страны – Чехия, Словакия, Польша, Венгрия и другие. Они не являются западными, но из прочих незападных стран ближе к западным. На еще более низком уровне располагаются прочие страны. Причем и они занимают различные уровни в зависимости от степени подчиненности Западу. И на самом низшем уровне находятся страны и народы, враждебные Западу или вообще невосприимчивые к его влиянию.

Суверенитет – исторический выбор русского народа, здесь ничего не поделаешь. Концепция развития, которая постепенно формируется в России, – это концепция суверенной демократии. Демократия в еэсовском понимании – это во многом отказ от своего суверенитета в пользу НАТО и Евросоюза. Поэтому в России идея европеизации входит в противоречие с идеей суверенитета. Сказывается и то, что в девяностые годы мы поняли, что если мы будем отказываться от своего суверенитета в чью-то пользу, то никто наши интересы уважать не будет. Этот опыт заработан собственными потом и кровью («Эксперт», 18.04.2005).

Сергей Марков, политолог

Насколько я помню, во все послевоенное время западные политики, идеологи и журналисты постоянно говорили о Западе как о чем-то едином. Но стоит постороннему человеку заговорить о Западе именно как о таком целом, как немедленно следуют возражения, будто никакого единого Запада вообще нет в

природе. В качестве аргументов при этом приводятся различия интересов западных стран, конфликты между ними и т. п.

Очевидно, когда говорят о единстве Запада, имеется в виду единство в одном смысле, а когда единство отрицается – в другом. Конечно, Запад как единое национальное государство вроде Франции, Италии и т. д. не существует. Но национальные государства суть не единственная форма человеческих объединений. После Второй мировой войны тенденция к интеграции стран Запада в новое огромное единство стала доминирующей в современной эволюции человечества, так же как и тенденция к образованию глобального общества под эгидой интегрирующегося Запада. Европейское сообщество, немыслимое без участия США, есть реальность, а не вымысел. Возьмите любой справочник по состоянию планеты, и вы в нем увидите бесчисленные организации, учреждения и предприятия общезападного характера. Добавьте к этому бесчисленные сговоры стран, бесчисленные встречи их глав, совместные мероприятия.

Современный Запад не есть всего лишь сумма стран США, Англии, Германии, Франции и других им подобных западных «национальных государств». Это есть социальное образование, более сложное и более высокого уровня организации. Оно включает в себя в качестве основы и структурных компонентов упомянутые «национальные государства», но не сводится к ним. Оно является молодым с исторической точки зрения: оно начало складываться после Второй мировой войны и еще находится в стадии формирования. Оно не есть нечто идиллически гармоничное целое. Формирование его происходит в острой борьбе. Внутри его имеют место конфликты и дезинтеграционные тенденции. Но это – обычное явление в любых больших объединениях людей. Существенно тут то, что интеграционный процесс доминирует и «национальные государства» все более и более утрачивают автономию и суверенитет.

Запад есть вполне конкретное социобиологическое образование. Японцы, корейцы, поляки, чехи, русские и представители других незападных народов могут стать и становятся частичками тела Запада не в качестве граждан своих стран, тяготеющих к западным образцам, но лишь покинув их и внедрившись в страны Запада. Да и это не так-то просто. Десятки миллионов иностранцев годами и десятками лет живут в странах Запада, оставаясь тут чужеродным явлением.

Запад есть явление уникальное, т. е. единственное в своем роде и неповторимое в истории человечества. Наша планета не так уж велика, Запад уже существует, он занимает свое место на

планете, в обозримом будущем он способен это место удержать за собой и не допустить другой «Запад» рядом с собой. Стечение обстоятельств, благодаря которым Запад сложился исторически, является уникальным и неповторимым. Когда народы Восточной Европы и Советского Союза вознамерились уподобиться Западу, они полностью игнорировали то, что это уподобление не может стать превращением их в части Запада или в западные страны по двум основным причинам (не считая других). Первая причина – навязывание этим народам отдельных свойств Запада (капитализм, рынок, демократия и т. д.) не есть превращение их в части Запада, ибо реальный Запад вообще не сводится к этим свойствам. Реальный социально-политический строй, экономика, идеология и другие основы обществ западного типа имеют мало общего с тем идеологически-пропагандистским их изображением, какое навязывалось этим народам. Последние могут лишь имитировать реальный западный тип общества, но не более того. Вторая причина – место и роль Запада на планете уже заняты, и самое большее, на что могут рассчитывать уподобляющиеся Западу народы, это оказаться в сфере власти, влияния и колонизации со стороны Запада, причем на тех ролях, какие им позволит играть сам единственный и неповторимый Запад.

Тенденция к интеграции Запада имела место всегда. Она принимала самые различные формы – взаимное проникновение, культурное влияние, экономические связи и т. д. Эту тенденцию выражали и войны, включая мировые. Что нового внесло в эту тенденцию наше время? Это новое связано с формированием сверхобществ и с их объединением на этой основе, т. е. с «вертикальным» структурированием человечества. Последнее заключается в том, что возникают бесчисленные и разнообразные организации, учреждения и предприятия общезападного (наднационального) характера. Их уже сейчас насчитываются десятки (если не сотни) тысяч. Они не принадлежат ни к какой отдельной стране. Они возвышаются над ними. В их деятельность уже сейчас вовлечены многие миллионы людей. Они организуются и функционируют по социальным законам (правилам), отличным от тех, по каким организуются и функционируют компоненты привычных (традиционных) «национальных государств» Запада. Они служат основой для образования своего рода «общества второго уровня», которое возвышается как «надстройка» над обычными обществами и фактически подчиняет последние в основных аспектах их жизнедеятельности. Это образование, используя средства западных обществ («национальных государств»), фактически контролирует более пятидесяти процентов всех мировых ресурсов

(по некоторым данным – более семидесяти процентов). Оно опутало своими щупальцами всю планету. Так что в отношении его вполне уместно выражение – «Глобальное сверхобщество».

Глобальное сверхобщество складывается не по типу обществ западного типа, а по типу сверхобществ. Его компонентами становятся формирующиеся западнистские сверхобщества. И объединяет их в целое надстроечная часть глобального сверхобщества – «общество второго уровня» мирового масштаба. Именно оно правит человечеством в наше время, а не какая-то небольшая кучка богатеев. Оно включает в себя, конечно, денежный механизм западного мира и использует его как средство управления Западом и прочим человечеством. Но для управления одним Западом, в котором живет до миллиарда человек, этого мало. А для удержания под своим контролем около пяти миллиардов прочего человечества – тем более. Нужны мощные вооруженные силы, политический аппарат, секретные службы, средства массовой информации. Нужно иметь возможность распоряжаться ресурсами «национальных государств» Запада, принуждая к этому их систему власти и управления.

В этом аспекте все западные страны, включая США, являются ареной деятельности этого глобального монстра. Верхушка его находится в США. Последние суть главная резиденция этого «мирового правительства», поставщик мировых вооруженных полицейских сил, место расположения «штабов» для управления различными рычагами мировой власти, кузница командных, карательных и идеологических кадров и исполнителей воли хозяев планеты. Но подразделения глобального сверхобщества имеются во всех частях западного и западнизируемого незападного мира.

С возникновением глобального сверхобщества произошел перелом в самом типе эволюционного процесса: степень и масштабы сознательности исторических событий достигли такого уровня, что стихийный эволюционный процесс уступил место проектируемой и управляемой эволюции. Это, напоминаю, не означает, будто все в эволюции человечества стало планироваться и ход эволюции стал управляться в соответствии с планами. Это означает, что целенаправленный, планируемый и управляемый компонент эволюционного процесса стал играть определяющую роль в конкретной истории человечества. Цели при этом не обязательно благородные, они могут быть (и являются таковыми на самом деле) эгоистичными, гнусными, коварными и т. д. Планы не обязательно целесообразные и разумные, они могут быть нелепыми и даже безумными. Управление не обязательно по

правилам разумного управления и не обязательно эффективно, оно может быть дилетантским, неэффективным. Но это не влияет на сам тип эволюции, подобно тому, как плохая государственность не меняет тип власти как государственной, плохая экономика не меняет тип хозяйства как экономический.

Принципиально важно здесь то, что в западном мире сложилась социальная структура, в которой имеются компоненты, ставящие цели эволюционного характера и глобального масштаба, вырабатывающие планы достижения этих целей, обладающие способностью и средствами управлять огромными массами людей, принуждая их к деятельности по реализации этих планов, распоряжающиеся колоссальными материальными ресурсами, достаточными для того, чтобы исторические процессы, ранее бывшие стихийными, сделать сознательными.

ЗАПАДНИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Западные страны сформировались исторически в «национальные государства» как социальные объединения более высокого уровня социальной организации сравнительно с другими странами, как своего рода «надстройка» над прочим человечеством. Они развили в себе силы и способности доминировать над другими народами, покорять их. А историческое стечение обстоятельств дало им возможность использовать свои преимущества в своих интересах. Воздействие этого явления на судьбы человечества было и остается противоречивым. Оно было могучим источником прогресса. И оно же было не менее могучим источником несчастий. Оно явилось причиной бесчисленных кровопролитных войн, включая две мировые, а также причиной гибели многих народов и целых цивилизаций. Оно не только не исчезло со временем, но усилилось. Оно лишь приняло новые формы и масштабы. Теперь западные страны покоряют планету не поодиночке, а совместно. Теперь они стремятся покорить все человечество и организовать его так, чтобы они могли удержать свою мировую гегемонию за собой навечно и чтобы могли эксплуатировать всю планету в своих интересах наивыгоднейшим для себя образом.

Стремление западных стран к овладению окружающим миром не есть всего лишь злой умысел каких-то кругов этих стран – «империалистов». Оно обусловлено объективными законами социального бытия. Более того, овладение другими странами и народами стало необходимым условием выживания стран и народов Запада. Оно есть принудительное средство сохранить достигнутое положение и выжить в угрожающе

сложных исторических условиях. Всем ходом исторического развития Запад вынуждается на то, чтобы установить мировой порядок, отвечающий его интересам. Он не просто имеет возможности и силы для этого, он уже не может уклониться от этой эпохальной задачи.

В ходе «холодной войны» была выработана стратегия установления нового мирового порядка – стратегия создания реального «Глобального общества». Я называю ее словом «западнизация».

Сущность западнизации состоит в навязывании незападным народам и странам социального строя, экономики, политической системы, идеологии, культуры и образа жизни, подобных таковым (или имитирующих таковые) западных стран. Идеологически и в пропаганде это изображается как гуманная, бескорыстная и освободительная миссия Запада, который при этом изображается средоточием всех мыслимых добродетелей. Мы свободны, богаты и счастливы – так или иначе внушает западная идеология и пропаганда западнизируемым народам, – и мы хотим помочь вам стать такими же свободными, богатыми и счастливыми, как мы. Но для этого вы должны сделать у себя, в своих странах, то, что мы вам посоветуем.

Это – на словах. А на деле западнизация (в рассматриваемом здесь смысле!) имеет реальной целью довести намеченные жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способность к самостоятельному существованию и развитию, включить их в сферу влияния и эксплуатации западных стран, присоединить их к западному миру не в роли равноправных и равномощных партнеров, а в роли зоны колонизации.

Западнизация не исключает добровольность со стороны западнизируемой страны и даже страстное желание пойти этим путем. Запад именно к этому и стремится, чтобы намеченная жертва сама полезла ему в пасть да еще при этом испытывала бы благодарность. Для этого и существует мощная система соблазнов и идеологическая обработка. Но при всех обстоятельствах западнизация есть активная операция со стороны Запада, не исключающая и насилие. Добровольность со стороны западнизируемой страны еще не означает, что все население ее единодушно принимает этот путь своей эволюции. Внутри страны происходит борьба между различными категориями граждан за и против западнизации. ‹…›

Одной из черт западнизации является мирное решение проблем. Но эти мирные методы обладают одной особенностью: они принудительно мирные. Запад обладает огромной экономической, идеологической и политической мощью,

достаточной, чтобы заставить строптивых мирным путем сделать то, что нужно Западу. Но мирные средства ничто, если они не базируются на мощи военной. И в случае надобности Запад, как показывает опыт (например, Югославия), не остановится перед применением оружия, будучи уверен в своем подавляющем превосходстве.

Западнизация есть особая форма колонизации, в результате которой в колонизируемой стране принудительно создается социально-политический строй колониальной демократии. По ряду признаков это есть продолжение прежней колониальной стратегии западноевропейских стран. Но в целом это есть новое явление. Назову характерные признаки его.

Колониальная демократия не есть результат естественной эволюции данной страны в силу ее внутренних условий и закономерностей ее исторически сложившегося социально-политического строя. Она есть нечто искусственное, навязанное этой стране извне и вопреки ее исторически сложившимся возможностям и тенденциям эволюции. Она поддерживается мерами колониализма. При этом колонизируемая страна вырывается из ее прежних международных связей. Это достигается путем разрушения блоков стран, а также путем дезинтеграции больших стран, как это имело место с советским блоком, Советским Союзом и Югославией. Иногда это делается как освобождение данного народа от гнета со стороны других народов. Но чаще и главным образом идея освобождения и национальной независимости есть идеологическое средство манипулирования людьми.

За вырванной из прежних связей страной сохраняется видимость суверенитета. С ней устанавливаются отношения как с якобы равноправным партнером. В стране в той или иной мере сохраняются предшествующие формы жизни для значительной части населения. Создаются очаги экономики западного образца под контролем западных банков и концернов, а в значительной мере – как явно западные или совместные предприятия. Внешние атрибуты западной демократии используются как средства совсем не демократического режима и как средства манипулирования массами. Эксплуатация страны в интересах Запада осуществляется силами незначительной части населения колонизируемой страны, наживающейся за счет этой ее функции и имеющей высокий жизненный стандарт, сопоставимый с таковым высших слоев Запада.

Колонизируемая страна во всех отношениях доводится до такого состояния, что становится неспособной на самостоятельное существование. В военном отношении она

демилитаризируется настолько, что ни о каком ее сопротивлении и речи быть не может. Вооруженные силы выполняют роль сдерживания протестов населения и подавления возможных бунтов. До жалкого уровня низводится национальная культура. Место ее занимает культура, а скорее – псевдокультура западнизма.

Массам населения предоставляется суррогат демократии в виде распущенности, ослабленного контроля со стороны власти, доступные развлечения, предоставленность самим себе, система ценностей, избавляющая людей от усилий над собой и моральных ограничений.

У. БЕК. ЧТО ТАКОЕ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ? [101]

Бек Ульрих (р. 1944) – известный немецкий социолог, профессор Мюнхенского университета. У. Бек специализируется на фундаментальной социологии – теоретической дисциплине, изучающей основания самого существования человеческого общества. Мировую известность У. Беку принесли его популярные (адресованные неспециалистам) трактаты «Общество риска» и «Что такое глобализация?»

ЧАСТЬ I. ВВЕДЕНИЕ

I. Виртуальные налогоплательщики

В мирном крахе Берлинской стены и закате советской империи многие увидели начало конца политики как таковой, полагая, что наступила эпоха по ту сторону социализма и капитализма, утопии и эмансипации. Но шло время, и радостные декларации прощания с политикой все больше сбавляли тон. Ибо непременно возникающее сегодня в любой публичной дискуссии пугающее слово «глобализация» говорит не столько о закате политики, сколько о том, что *политическое вырывается* за категориальные рамки национального государства. ‹…›

Можно сказать так: то, что для рабочего движения в XIX веке было вопросом классовой борьбы, для транснациональных предприятий на рубеже XX-XXI столетий стало вопросом глобализации. С тем, однако, существенным различием, что рабочее движение выступало как *оппозиционная* сила, в то время как глобальные предприятия до настоящего времени действуют без (транснационального) оппонента.

‹…› приведение в действие механизма глобализации позволяет предпринимателям и их объединениям отвоевать у демократически организованного капитализма свободу действий, сдерживаемую политикой социального государства. Глобализация делает возможным то, что, по-видимому, всегда скрытно присутствовало в капитализме, но на стадии его укрощения социальным демократическим государством оставалось замаскированным: предприятия, особенно работающие в глобальном масштабе, играют ключевую роль не только в организации экономики, но и общества в целом – хотя бы уже «только» потому, что они в состоянии отнимать у общества его материальные ресурсы (капитал, налоги, рабочие места).

Функционирующая в глобальных масштабах экономика подрывает основы национальной экономии и национальных государств. ‹…›

«Все сословное, все стародавнее, все окостеневшее и заскорузлое испарилось», – заявлял Маркс уже в *Коммунистическом манифесте,* не скрывая ликования по поводу заложенного в капитализме революционного потенциала. «Сословной» теперь стала социально-государственная и профсоюзная организация труда, а «окостеневшими и застывшими» оказались бюрократические контрольные установки и налоговые ограничения (национального) государства. ‹…›

Повсюду утверждают, будто бы не интересы предприятий, а «глобализация» делает необходимыми мучительные разрывы и надломы. Под давлением «законов» глобализации ради достижения определенной цели якобы нужно действовать в направлении, противоположном движению к цели, к примеру, чтобы обеспечить людей работой там, где они живут, рабочие места необходимо радикально упразднять или переводить в другие местности. Именно потому, что занятость в сфере труда может и должна сокращаться во имя повышения прибыли, нынешняя политика превращается в свою противоположность. Кто подстегивает экономический рост, тот в конечном итоге плодит безработицу. ‹…›

Это означает, что введение в действие механизма глобализации несет в себе фактор угрозы, т. е. политика глобализации нацелена на избавление не только от профсоюзных, но и от *национально-государственных* ограничений, она имеет целью ослабление национально-государственной политики. Риторика занимающих важные посты представителей экономики против политики социального государства предельно ясна. В конечном итоге речь идет о том, чтобы предельно уменьшить возложенные на государство задачи и сократить государственный аппарат, осуществить мечту анархического рынка – утопию *минимального* государства. ‹…›

Многие не понимают, что глобализация представляет опасность не только для профсоюзов, но и для политики как таковой, для государства. Представители разных политических партий, пораженные и восхищенные глобализацией, «размягчающей государственные и общественные институты», только начинают смутно догадываться, что они, по словам старика Маркса, обречены стать своими собственными «могильщиками». Я, по крайней мере, с невольной иронией смотрю на то, как некоторые политики требуют рынка, рынка, как можно больше рынка и явно не замечают, что тем самым они

умерщвляют свой собственный жизненный нерв. ‹…›

На чем строится новая власть и могущество транснациональных предприятий? Из чего рождается, каким образом прирастает их стратегический потенциал?

Он рождается из вторжения в материальные жизненные артерии современных национально-государственных образований, вторжения, которое происходит без революции, без изменения законодательной базы и тем более конституции, а только в процессе нормального функционирования, так сказать, в business as usual, обычной деловой активности.

Во-первых, предприятия могут экспортировать рабочие места туда, где расходы по найму рабочей силы и налоги самые низкие.

Во-вторых, они в состоянии (на основе создания информационно-технической близости и соседства в любой точке планеты) *благодаря разделению труда* таким образом рассредоточивать производство продуктов и оказание услуг в разных местах мира, что национальная принадлежность фирм способна только вводить в заблуждение.

В-третьих, они в состоянии сталкивать лбами национальные государства и таким образом устанавливать глобальные закулисные торги в поисках мест с самыми низкими налогами и самой благоприятной инфраструктурой, они могут также «наказывать» национальные государства, если сочтут их слишком «дорогими» или «враждебно относящимися к инвестициям».

Наконец, в четвертых, они могут в произведенных и контролируемых ими дебрях глобального производства *самостоятельно определять место для инвестиций, для производства, для уплаты налогов и для жительства* и противопоставлять их друг другу. В результате капитаны бизнеса могут жить в самых красивых местах, а налоги платить там, где они самые низкие.

И все это, разумеется, без обращения в парламент или консультации с ним, без решения правительства, без изменения в законодательстве; для этого не нужна даже публичная дискуссия. Это дает право ввести понятие «субполитика» – не как (теоретическую) возможность заговора, а как дополнительный шанс для деятельности и узурпации власти *за рамками* политической системы, шанс, который во все большей мере получают предприятия, действующие на всем пространстве мирового общества. ‹…›

Национальное государство есть государство территориальное, его власть зиждется на связи с определенной местностью (контроль над членством, издание действующих законов, защита границ и т. д.). Мировое общество, которое

образовалось в процессе глобализации во многих сферах, а не в одной только экономической, ослабляет, ставит под сомнение могущество национального государства, вдоль и поперек пронизывая его территориальные границы множеством разнообразных, не связанных с определенной территорией социальных зависимостей, рыночных отношений, сетью коммуникаций, несхожими нравами и обычаями населения. ‹…›

Взимание налогов – не просто один из принципов авторитета национального государства, а его *главный* принцип. Суверенное распоряжение налогами связано с контролем за хозяйственной деятельностью в пределах определенной территории. Но расширение возможностей хозяйствования в рамках мирового общества делает эту предпосылку все более фиктивной. Предприятия могут производить продукцию в одной стране, платить налоги в другой, а требовать государственных субсидий в форме мероприятий по созданию инфраструктуры – в третьей. ‹…›

Гладиаторы экономического роста, обхаживаемые политиками, подрывают авторитет государства, когда ратуют за увеличение производства и одновременно уводят у государства налоги. Пикантность ситуации заключается в том, что именно самые богатые становятся *виртуальными налогоплательщиками,* и их богатство не в последнюю очередь покоится на виртуозной ориентации в виртуальном мире. Они подрывают (чаще всего) легальными, но нелегитимными способами благосостояние демократического общества, возможностями которого пользуются. ‹…›

Предприниматели открыли философский камень богатства. Новая магическая формула гласит: капитализм *без труда* плюс капитализм *без налогов.* Поступления от налогов с корпораций и налогов на доходы предприятий упали с 1989 по 1993 год на 18, 6%; их доля в общих налоговых сборах государства уменьшилась почти наполовину. ‹…›

Как следствие этого накапливаются конфликты – в том числе и в хозяйственной сфере, а именно между виртуальными и *реальными* налогоплательщиками. В то время как транснациональные корпорации в состоянии уклоняться от налогообложения в рамках национального государства, малым и средним предприятиям, создающим большую часть рабочих мест, приходится истекать кровью под прессом перестроившейся налоговой бюрократии. Словно в насмешку, история распорядилась таким образом, что именно те, кто оказывается в *проигрыше* от глобализации, в дальнейшем должны будут оплачивать все, социальное государство и функционирующую демократию, в то время как оказавшиеся в выигрыше получают

сказочные прибыли и уклоняются от ответственности за грядущие судьбы демократии. ‹…›

Что хорошо для «Дойче Банк», давно уже нехорошо для Германии. Транснациональные корпорации выходят из национально-государственных рамок и де-факто расторгают договор о лояльности с институтами национального государства. По этой причине падает *внутренний* уровень социальной интеграции соответствующих стран, и падает тем ниже, чем больше он обосновывался чисто экономическими факторами. В этот коварный водоворот попадают прежде всего благоденствующие социальные государства: им приходится выплачивать кодифицированные пособия постоянно растущему числу безработных (их около пяти миллионов в одной только Германии), причем число это увеличивается по мере утраты государствами контроля над налогами, ибо у транснациональных предприятий в их игре за право размещать производство по своему усмотрению на руках оказались одни только козыри. ‹…›

Поскольку национально-государственные рамки утрачивают свою обязательность, те, кто выигрывает от глобализации, и те, кто от нее проигрывает, оказываются, так сказать, сидящими за разными столами. ‹…›

Так проявила свою ненадежность модель Первого, национально-государственного модерна, задуманного и осуществленого на принципе единства культурной идентичности («народ»), пространства и государства; при этом пока не просматривается идея нового единства человечества, планеты Земля и мирового государства или хотя бы желания такого единства. ‹…›

II. Национальное государство между мировой экономикой и индивидуализацией утрачивает свой суверенитет: что делать?

‹…› Диагноз звучит так: капитализм *не нуждается в труде и плодит безработицу.* В результате распадается исторический союз между рыночной экономикой, социальным государством и демократией, который до сих пор сплачивал и узаконивал национально-государственный проект модерна… ‹…›

Разумеется, выступать против мощного мирового рынка нелегко. Это можно делать только при условии, что будет разрушено все сложившееся в головах людей представление о всемогуществе этого рынка, которое подавляет способность к действию. Против этого мегапризрака, что бродит по Европе, мне хочется в своей книге пустить в ход камнемет различения –

различения между *глобализмом,* с одной стороны, и *глобальностью* и *глобализацией,* с другой. ‹…›

Глобализмом я называю понимание того, что мировой рынок вытесняет или подменяет политическую деятельность, для меня это идеология господства мирового рынка, идеология неолиберализма. Она действует по монокаузальному, чисто экономическому принципу, сводит многомерность глобализации только к одному, хозяйственному измерению, которое мыслится к тому же линеарно, и обсуждает другие аспекты глобализации – экологический, культурный, политический, общественно-цивилизационный, – если вообще дело доходит до обсуждения, только ставя их в подчинение главенствующему измерению мирового рынка. Само собой разумеется, при этом не следует отрицать или преуменьшать центральную роль глобализации, в том числе в выборе и восприятии факторов хозяйственной деятельности. Идеологическое ядро глобализма заключается скорее в том, что здесь ликвидируется основополагающее различение Первого модерна, а именно различение между политикой и экономикой. Главная задача политики – определять правовые, социальные и экологические рамочные условия, в которых хозяйственная деятельность вообще становится общественно возможной и узаконенной, выпадает из поля зрения или утаивается. Глобализм позволяет управлять таким сложным образованием, как Германия, – т. е. государством, обществом, культурой, внешней политикой – как простым предприятием. В этом смысле можно говорить об империализме экономической составляющей, благодаря чему предприятия требуют для себя таких рамочных условий, в которых они могут добиваться своих целей с оптимальным успехом.

Странность здесь в том, что таким образом понимаемый глобализм подчиняет своему влиянию и своих оппонентов. ‹…›

От этих ловушек глобализма следует отличать то, что я – следуя за англосаксонской дискуссией – называю глобальностью и глобализацией.

Под *глобальностью* понимается то, что *мы давно уже живем в мировом обществе,* в том смысле, что представление о замкнутых пространствах превратилось в фикцию. Ни одна страна или группа стран не может отгородиться друг от друга. Различные формы экономического, культурного, политического взаимодействия сталкиваются друг с другом, поэтому само собой разумеющиеся вещи, в том числе и самоочевидности западной модели, приходится оправдывать заново. «Мировое общество» имеет в виду общность социальных отношений, которые не могут интегрироваться в национально-государственную политику или

определяться ею. При этом ключевую роль играет (инсценированная национальными средствами массовой информации) самоидентификация, в результате чего под мировым обществом (в узком смысле) – тут я предлагаю операционный (и политически релевантный) критерий – понимается *воспринимаемое, рефлексивное* мировое общество. Вопрос о том, в какой мере оно существует на самом деле (по теореме Томаса, согласно которой то, что люди считают реальным, и становится реальностью), эмпирически оборачивается другим вопросом: как и в какой мере люди и культуры мира *воспринимают* себя во взаимном переплетении своих различий и в какой мере это самовосприятие в рамках мирового общества становится существенным фактором поведения[102].

«Мир» в словосочетании «мировое общество» означает, следовательно, *различия, многообразие,* а «общество» – не-интегрированность, поэтому (вместе с М. Олброу) мировое общество можно понимать как *многообразие без единства. ‹…›*

Напротив, *глобализация* имеет в виду *процессы,* в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных факторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности.

Существенным признаком различения между Первым и Вторым модерном является *невозможность устранить уже возникшую глобальность.* Это означает, что рядом друг с другом существуют различные собственные логики экологической, культурной, экономической, политической и общественно-гражданской глобализации, несводимые друг к другу и не копирующие друг друга, а поддающиеся расшифровке и пониманию только с учетом их взаимозависимостей. ‹…›

‹…› Глобальность отражает то обстоятельство, что отныне все, что происходит на нашей планете, несводимо к локально-ограниченному событию, что все изобретения, победы и катастрофы касаются всего мира и что мы должны нашу жизнь и наши действия, наши организации и институции подвергнуть реориентации и реорганизации в соответствии с осью «локальное – глобальное». ‹…›

В отличие от понятия глобальности *глобализация* есть, выражаясь старомодным языком, диалектический *процесс,* который создает транснациональные социальные связи и пространства, обесценивает локальные культуры и способствует возникновению третьих культур. «Немножко того, немножко этого – вот путь, каким приходит в мир новое» (Салман Рушди). В этой сложной системе отношений можно по-новому ставить вопросы о

масштабах и *границах* глобализации, имея в виду прежде всего три параметра:

во-первых, расширение в *пространстве;*

во-вторых, стабильность во *времени;*

и, в-третьих, *плотность* транснациональных сетей связи, отношений и телевизионных потоков. ‹…›

Особенность процесса глобализации заключается сегодня (и, возможно, будет заключаться в будущем) в устанавливаемых *эмпирическим путем расширении, плотности и стабильности взаимодействующих регионально-глобальных сетей связи и их массомедиальной самоидентификации, а также социальных пространств и их телевизионных потоков на культурном, политическом, хозяйственном, военном и экономическом уровнях.* Мировое сообщество – не меганациональное сообщество, вбирающее в себя и ликвидирующее все национальные общества, а отмеченный многообразием и не поддающийся интеграции мировой горизонт, который открывается тогда, когда он создается и сохраняется в коммуникации и действии. ‹…›

Под глобализацией, таким образом, подразумевается и *отсутствие* всемирного государства. Точнее: наличие мирового общества *без всемирного государства и без всемирного правительства.* Речь идет о расширении глобально дезорганизованного капитализма. Ибо не существует насаждающей гегемонию власти и интернационального режима – ни в экономическом, ни в политическом смысле. ‹…›

ЧАСТЬ II. ЧТО ИМЕЕТ В ВИДУ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ? ИЗМЕРЕНИЯ, КОНТРОВЕРЗЫ, ДЕФИНИЦИИ

Контрреволюция терпит крах

Когда рушилась советская империя, Борис Ельцин, тогдашний президент России, обратился с брони танка к населению Москвы с мужественной речью против коммунистических путчистов, и эта речь передавалась не по советскому радио (оно было в руках коммунистов-догматиков), а через искусственный спутник компанией «Си-эн-эн». В этот исторический момент политического решения стало ясно огромное значение глобальной информационной Сети, символизируемое искусственными спутниками: национально-государственная информационная независимость как часть политического суверенитета была аннулирована. Национальные государства больше не могут отгораживаться друг от друга. ‹…›

информационная глобализация.

Отравленное мясо пингвинов

Задолго до этого, в шестидесятых годах, биологи обнаружили в мясе пингвинов с Южного полюса высокие концентрации промышленных ядов, которые какими-то путями из продуктов и дымовых труб химических концернов проникли в самые отдаленные уголки, казалось бы, еще нетронутой природы.

На конференции по защите окружающей среды, состоявшейся в Рио-деЖанейро в 1992 году, этот исторический опыт глобального экологического кризиса был политически конкретизирован и заострен ‹…› появился масштаб (противоречивый по содержанию и потому нуждающийся в политическом уточнении), которым можно измерять и подвергать критике деятельность или бездеятельность всех общественных факторов во всем мире почти во всех общественных сферах (от производства и потребления до принципов архитектуры, организации дорожного движения и др.); *экологическая глобализация.*

Финансовые жонглеры

Несколько лет тому назад один молодой финансовый жонглер с помощью разрешенных и запрещенных транснациональных спекуляций разорил старинный британский банк, который в кратчайшее время потерял несколько миллиардов фунтов стерлингов. В джунглях мирового рынка образовалась новая виртуальная экономика транснациональных денежных потоков. ‹…›

Вытекающие отсюда новые спекулятивные опасности не поддаются национально-государственному контролю и разрушают основы национальных экономик, причем в перспективе для транснациональных или глобальных экономик не видится никаких дисциплинирующих рамок: *экономическая глобализация. ‹…›*

Служба оповещения в аэропорту: из Калифорнии в Берлин

Десять минут десятого вечера, в берлинском аэропорту Тегель диктор любезно-равнодушным голосом сообщает

уставшим от ожидания пассажирам, что их самолет на Гамбург наконец подан на посадку. Голос принадлежит Анжелике Б. из Калифорнии, она сидит перед экраном своего компьютера. Служба оповещения берлинского аэропорта после восемнадцати часов местного времени обслуживается per online из Калифорнии – по простой и понятной причине: во-первых, там не нужно доплачивать за работу в позднее время, во-вторых, плата за точно такую же работу там значительно ниже, чем в Германии. Телекоммуникация позволяет это делать. Распадается, казалось бы, неустранимая предпосылка системы труда в индустриальном обществе: чтобы производить товары и услуги, теперь уже необязательно коллективу людей работать в одном месте. Рабочие места можно экспортировать, а занятых трудом людей «кооперировать» в транснациональном и даже трансконтинентальном масштабе ‹…› если кругосветное путешествие в принципе может быть организовано так, что на всех континентах туристов будет ожидать весна, то и рабочие, и производственные процессы теоретически поддаются распределению по земному шару таким образом, что в каждом конкретном месте будет выплачиваться самый низкий тариф и в то же время достигаться необходимый уровень кооперации: *глобализация рабочей кооперации и производства. ‹…›*

Халед, король Раи

В феврале 1997 года на французский олимп поп-музыки была вознесена и названа лучшей песней года «Айша» – новейший хит иммигранта из Алжира Халеда, называемого также «королем Раи». Примечательно уже то, что гимн арабской девушке передается всеми крупнейшими французскими радиостанциями. ‹…› В глазах иностранцев Халед даже представляет всю Францию. Его музыку с восхищением слушают в таких непохожих странах, как Египет, Израиль и даже архиконсервативная Саудовская Аравия. ‹…› Его образ и музыка доказывают, что глобализация не обязательно движется в одном направлении и что она может предоставлять региональным музыкальным культурам мировую сцену и признавать их значение: *глобализация культуры.*

‹…› Как показывают приведенные выше примеры, необходимо проводить различие между разными *сферами* глобализации. ‹…› Когда выбирается сфера, которая (почти исключительно) стоит в центре публичных дискуссий, а именно экономическая глобализация, туман не рассеивается. ‹…›

Экономист спрашивает: «Как эта политика влияет на богатство общества?» Юрист спрашивает: «Соответствует ли эта политика правилам закона?» Моралист спрашивает: «Соответствует ли эта политика нравственным принципам?» А политический реалист спрашивает: «Как эта политика влияет на мощь нации?»

Ганс Моргентау

Но нельзя ли все-таки из разных измерений и контроверз глобализации выделить общий знаменатель этого понятия? Вполне можно. Сплошь и рядом аннулируется центральная предпосылка Первого модерна, т. е. представление о том, что *мы живем и действуем в закрытых, отграниченных друг от друга пространствах и национальных государствах и, соответственно, в национальных обществах.* Глобализация означает познаваемое на опыте уничтожение границ повседневной деятельности в разных сферах хозяйствования, информации, экологии, техники, транскультурных конфликтов и гражданского общества. ‹…› Понимаемая таким образом глобализация означает аннулирование расстояний, погружение в часто нежелательные и непонятные транснациональные формы жизни или, следуя определению Энтони Гидденса, в *деятельность и (со) существование, не признающее расстояний (внешне отделенных друг от друга миров, национальных государств, религий, регионов и континентов).*

ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ

1. Условием модернизации страны является формирование единой российской политической нации. Можно ли считать, что в России завершился процесс национального строительства? Обоснуйте свое мнение.

_____

2. Можно ли считать глобализацию угрозой для российского суверенитета, почему?

_____

3. В чем разница между нацией и этносом (национальностью)?

Нация

_____

Этнос

_____

notes

Примечания

1

Аристотель. Сочинения: В 4 т. – М., 1983. Т. 4. С. 376—612.

2

Макиавелли Н. Государь. – М., 1990. С. 4, 5-7, 10-12, 46-58, 66-78.

3

Гоббс Т. Сочинения: В 2 Т. – М., 1991. Т. 2. С. 129—185.

4

Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – М., 1988. Т. 3. С. 263—338.

5

Статья-лекция «Политика как призвание и профессия» цитируется по «Избранным произведениям» (М., 1990. С. 643—705).

6

Распределение государственных должностей среди сторонников победившей партии (англ.). – Прим. перев. «Избранных произведений».

«Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства»// «Полис», 1998, № 5.

8

Статья «Чему Россия учит нас теперь?» опубликована в журнале Pro et contra, 1997, №4.

9

Путин Владимир Владимирович (р. 1952) – с 2000 года Президент Российской Федерации.

10

Фрагменты книги «Правящий класс» цитируются по публикации: Моска Г. Правящий класс// Социс. 1994, № 10. С. 187—198.

11

Цитаты приводятся по изданию: Парето В. Компендиум по общей социологии// Антология мировой политической мысли: В 5 т. – М., 1997. Т. 2. С. 59—67.

«Эксперт», 4 апреля 2005 г.

13

Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: «Аспект-Пресс», 1997.

Лири Т. Семь языков бога. Сост. и пер. И. Митрофановой. – М.: «Янус», 2002.

15

Сергеев В. М., Бирюков Н. И. В чем секрет современного общества?// «Полис», 1998, №2.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2004.

17

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Лун Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 8.

18

«Брат, ты смертен!» (фр.)

19

Парижская тюрьма для неисправимых должников.

20

День вступления Луи Бонапарта в должность президента Французской республики.

21

Фаллу Альфред-Фредерик-Пьер (1811—1886), французский политический деятель и писатель, клерикал, в 1848—1849 гг. министр народного просвещения, автор клерикального школьного закона.

22

Шангарнье Никола (1793—1877), французский генерал, отличился в завоевании Алжира, в 1848—1851 гг. главнокомандующий национальной гвардией в Париже и дивизионный генерал Первой (парижской) дивизии, роялист, при перевороте 2 декабря 1851 г. арестован, с 1852 г. в изгнании.

23

Парцелла (от фр. parcelle – часть, частица), семейно-индивидуальное крестьянское хозяйство.

Даль Р. А. Предпосылки возникновения и утверждения полиархии// Полис, 2002, № 6.

25

Статья цитируется по публикации в журнале «Полис», 1996, № 5.

Пшеворский Адам. Демократия и рынок. – М., 1999.

Фукидид. История// Перевод Ф. Г. Мищенко. Изд. подготовили СА Жебелев и ГА Стратановский. – М., 1993.

28

Руссо Ж. Ж. Трактаты. – М., 1969. С. 171—174, 176—178, 191—195, 213.

29

Токвиль А. де. Демократия в Америке. – М., 1992. С. 481—485.

30

В демократическом обществе лишь центральная власть занимает прочное положение и последовательна в своих действиях. Жизнь граждан подвержена там постоянным изменениям. Известно, однако, что любая власть естественным образом стремится к расширению сферы своего влияния. И в конечном итоге она этого добивается, неустанно и целенаправленно воздействуя на людей, чьи мысли, желания и общественное положение каждодневно меняются.

Часто граждане работают на эту власть, сами того не желая. Эпоха демократии – эпоха экспериментов, новых идей и авантюр. В это время найдется множество людей, втянутых в трудные начинания, которыми они занимаются, не обращая внимания на других членов общества. Люди эти легко соглашаются с общим принципом невмешательства властей в частные дела, однако каждый из них желал бы, чтобы правительство, в виде исключения, именно ему оказало помощь в его конкретном деле, и он активно ищет этой поддержки, всегда за счет интересов других граждан. Поскольку огромное множество людей одновременно придерживаются этой точки зрения, влияние центральной власти мало-помалу распространяется на все сферы их жизни, хотя каждый в отдельности желал бы ограничения этого влияния. Таким образом, любое демократическое правительство расширяет круг своих прерогатив самим фактом длительного пребывания у власти. Время работает на него; из всех несчастий оно извлекает выгоду, находясь в плену своих страстей, люди помогают ему, даже не догадываясь об этом. Поэтому можно сказать, что, чем старше демократическое общество, тем более централизовано в нем управление.

31

Линкольн А. Геттисбергская речь//Хрестоматия по новой истории. Под ред. А. А. Губера и А. В. Ефимова. – М., 1965. г. //.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. – М., 1995.

33

«Русский журнал», 14 августа 1998 г.

Острогорский М. Демократия и политические партии. – М., 1997.

35

Цитируется по изданию: Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Политология: Хрестоматия. Под ред. проф. М. А. Василика. – М., 2000. С. 546—549.

Дюверже Морис. Политические партии. – М., 2002.

Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию, в письме, предназначенном для парижского дворянина, написанном достопочтенным Эдмундом Бёрком. – М.: «Политиздат», 1993.

38

Гораций. Наука поэзии. С. 466. «Позвольте поэту погибнуть, если он этого желает».

39

Там же. С. 465—466. «С холодной головой он бросился в Этну». Здесь имеется в виду древнегреческий философ, поэт и оратор Эмпедокл (493—433 до н.э.). Согласно одной из версий, подобным образом он хотел доказать обществу свою божественность.

Токвиль А. де. Старый порядок и революция. – М.: Московский философский фонд, 1997.

Ильин И. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России, статьи 1948—1954 годов. – М.: «Рарог», 1992.

Милль Дж. С. О свободе// Федеральный портал «Социально-гуманитарное и политологическое образование», http://www.humanities.edu.ru/db/msg/41201

Мизе сЛ. фон. Либерализм в классической традиции. – М., 1994.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 4.

45

Под буржуазией понимается класс современных капиталистов, собственников средств общественного производства, применяющих наемный труд. Под пролетариатом понимается класс современных наемных рабочих, которые, будучи лишены своих собственных средств производства, вынуждены, для того чтобы жить, продавать свою рабочую силу. (Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.)

То есть вся история, дошедшая до нас в письменных источниках. В 1847 г. предыстория общества, общественная организация, предшествовавшая всей писаной истории, почти совсем еще не была известна. За истекшее с тех пор время Гакстгаузен открыл общинную собственность на землю в России, Маурер доказал, что она была общественной основой, послужившей исходным пунктом исторического развития всех германских племен, и постепенно выяснилось, что сельская община с общим владением землей является или являлась в прошлом повсюду первобытной формой общества, от Индии до Ирландии. Внутренняя организация этого первобытного коммунистического общества, в ее типической форме, была выяснена Морганом, увенчавшим дело своим открытием истинной сущности рода и его положения в племени. С разложением этой первобытной общины начинается расслоение общества на особые и в конце концов антагонистические классы. Я попытался проследить этот процесс разложения в работе «Der Urspriing der Famille, des Privateigentums and des Staats», 2. Aufl., Stuttgart, 1886 – «Происхождение семьи, частной собственности и государства», 2-е изд., Штутгарт, 1886. (Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.)

47

Цеховой мастер – это полноправный член цеха, мастер внутри цеха, а не старшина его. (Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.)

«Коммунами» назывались во Франции нарождавшиеся города даже до того времени, когда они отвоевали у своих феодальных владык и господ местное самоуправление и политические права «третьего сословия». Вообще говоря, здесь в качестве типичной страны экономического развития буржуазии взята Англия, в качестве типичной страны ее политического развития – Франция. (Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.)

Коммуна – так называли горожане Италии и Франции свою городскую общину, после того как они откупили или отвоевали у своих феодальных господ первые права самоуправления. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1888 г.)

49

В английском издании 1888 г., редактированном Энгельсом, после слов «независимая городская республика» вставлены слова: «(как в Италии и Германии)», а после слов «третье, податное сословие монархии» – «(как во Франции)». – Прим. ред.

Брандт В. Демократический социализм: Статьи и речи. – М.: «Республика», 1992.

51

Нечаев С. Г. Катехизис революционера // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Ред. Е. Л. Рудницкая. – М.: Археографический центр, 1997.

Бакунин М. А. Федерализм, социализм и антитеологизм// М. А. Бакунин. Философия. Социология. Политика. – М.: «Наука», 1989 (приложение к журналу «Вопросы философии»).

Муссолини Б. Доктрина фашизма// Электронная библиотека Максима Мошкова, http:// lib. ru/ POLITOLOG/ MUSSOLONI/ mussol. txt

Федералист. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. Под ред. Н. Н. Яковлева. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1994. С. 345—351.

Цитируется по изданию: «Современная сравнительная политология: Хрестоматия»./ Г. В. Голосов, Л. А. Галкина, редакторы-составители. – М., 1998.

56

Из книги: Мигранян А. Россия. От хаоса к порядку? (1995—2000). – М.: МОНФ, 2001. С. 272—281.

«Новая газета», 11 апреля 2005 г.

58

Статья «Россия – нормальная страна» опубликована одновременно на английском и русском языках в журналах Foreign Affairs и «Россия в глобальной политике», № 2 за 2004 г.

59

Статья В. Третьякова «Диагноз: управляемая демократия» была опубликована в «Независимой газете» 13 января 2000 года. Это определение превратилось в крылатую фразу российской политики.

И. Петров. Федерализм по-российски// Pro et Contra, 2000, № 1. С. 3—33.

61

Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная?/ Сб. ст. к. Мацузато (ред). – М., 2004. С. 6—11.

А. Лейпхарт. Конституционные альтернативы для новых демократий// Пределы власти. 1994, № 2-3.

«Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис, 2001, № 1.

Политический журнал, 2004, № 36.

Бисмарк О. Воспоминания и мысли. В 3-х тт. Г. 2. – М.: ОГИЗ, 1940 (практически одновременно вышли два издания Бисмарка – в двух томах и в трех томах, поэтому указано число томов в издании).

66

Франкфуртский мир 10 мая 1871 г. завершил франко-прусскую войну 1870—1871 гг.

67

Против Австрии (1866 г.) и Франции (1870—1981 гг.).

68

Австрийский канцлер (с 1753 г.) Кауниц, имея в виду при содействии Франции и России подавить возраставшее военное могущество Пруссии, организовал во время Семилетней войны, в 1756 г., союз с Францией и Россией.

69

Граф Бейст, будучи главой саксонского кабинета, ориентировался на союз с Австрией и проводил политику, приведшую Саксонию к участию в войне 1866 г. на стороне Австрии. После поражения Австрии настаивал на включении Саксонии в Южногерманский союз. Так как Бисмарк, зная его враждебность к Пруссии, не желал принять его для переговоров, Бейст был вынужден выйти в отставку и вступил на австрийскую службу, где в 1867 г. сделался министром-президентом и министром иностранныхдел.

70

Луи-Наполеон вел переговоры с австрийским императором Францем-Иосифом 18-23 августа 1867 г. в г. Зальцбурге (Австрия).

71

В Семилетней войне (1756—1763 гг.) Англия выступила в качестве союзника Пруссии; однако в 1762 г. Англия отказалась возобновить договор о субсидиях Пруссии. В результате Пруссия оказалась в чрезвычайно тяжелом положении и была спасена лишь выходом России из войны после смерти Елизаветы Петровны и вступления на престол Петра III.

72

Кошутовским эпизодом Бисмарк называет целую полосу национально-освободительной борьбы венгров против владычества австрийских Габсбургов, связанную с именем Людвига Кошута (1802—1824 гг.), вождя венгерского национально-освободительного движения. В 1848 г. Кошут стал главой революционного правительства. Продолжал борьбу и после поражения революции. Добиваясь независимости Венгрии, он пытался опереться на помощь бонапартистской Франции. Кошут выступал против австро-венгерского соглашения 1867 г. Отклонив амнистию, Кошут умер в эмиграции.

73

В 1813 г. Россия помогла Пруссии освободиться от французского владычества и затем в союзе с ней завершила разгром наполеоновской Франции.

74

Бисмарк имеет в виду «долг благодарности» Австрии России за помощь, оказанную Николаем I при подавлении революции 1848—1849 гг. в Венгрии. В Восточной войне 1833—1836 гг. Австрия не только не поддержала Россию, но даже готова была выступить против нее.

75

Богемия, Моравия, Галиция – населенные славянами области, входившие в то время (XIX) в состав Австро-Венгрии.

76

Руководители внешней политики Австрии в период напряженной борьбы Австрии с Пруссией за гегемонию среди немецких государств. Барон Тугут, ученик Кауница, был министром иностранных дел с 1793 г., вел враждебную Пруссии политику. Князь Шварценберг после происшедшего при его активном участии подавления революции 1848 г. стал главой кабинета и министром иностранных дел, стремясь к восстановлению гегемонии Австрии в Германии. Под руководством Шварценберга был восстановлен в 1850 г. германский Союзный сейм, в котором главенствовала Австрия. Граф Буоль был с 1852 г. после смерти Шварценберга преемником последнего на посту министра-президента и министра иностранных дел. Бах – бывший участник революции 1848 г., затем перешел в лагерь реакции, с 1849 г. в течение десяти лет был министром внутренних дел. О Бейсте, упоминаемом Бисмарком в ряду этих лиц, см. выше прим. 49.

«Неблагодарность, о которой упоминает Бисмарк, состояла в том, что, несмотря на военную помощь со стороны русского царя, в результате которой австрийской монархии в 1849 г. удалось подавить венгерскую революцию, Австрия через несколько лет, во время Восточной войны 1853—1856 гг., заняла позицию, весьма враждебную по отношению к России. Князю Шварценбергу, австрийскому министрупрезиденту и министру иностранных дел (умершему за год до начала Восточной войны), приписывают заявление: „Мы еще удивим Европу своей неблагодарностью“, сделанное им по адресу России.

78

В первый период работ Венского конгресса Англия и Австрия пытались вызвать столкновение между Россией и Пруссией по вопросу о Польше и Саксонии; однако эти попытки окончились неудачей, и тогда Англия, Австрия и Франция заключили союз, направленный против Пруссии и России (3 января 1815 г.).

79

Трехцветное знамя – знамя французской буржуазной революции конца XVIII в.

Тойнби А. Дж. Мир и Запад// А. Дж. Тойнби. Цивилизация перед судом истории. – М.: «Айрис-пресс», 2003.

81

Голландская Ост-Индия провозгласила себя Республикой Индонезией в 1945 г., что было признано метрополией в 1949 г., Индия и Пакистан стали независимыми в 1947 г., Бирма и Цейлон (Шри-Ланка) – в 1948 г.

82

Голландцы стали переселяться на крайний юг Африки с 1652 г., образовав к нач. XIX в. особую нацию буров (нид. boer – «крестьянин»), или африканеров. После захвата англичанами в 1806 г. голландской Капской колонии и отмены там в 1834 г. рабства буры-фермеры предприняли массовое переселение на север (Великий трек) и основали на ненаселенных и занятых местными племенами землях свои республики: Оранжевое (по названию реки) Свободное государство, Трансвааль (иначе – Южно-Африканская Республика) и Натал. Последняя была аннексирована Британией в 1842 г., остальные оставались независимыми. Но после открытия там месторождений алмазов и золота в 70-х годах XIX в. Великобритания вознамерилась захватить эти государства, что ей удалось в результате англо-бурской (Южноафриканской) войны 1899—1902 гг., когда за три года Британская империя с огромным трудом смогла победить ведших партизанскую борьбу буров, все взрослое мужское население которых насчитывало несколько десятков тысяч человек.

83

В колониях, еще остававшихся после распада испанской колониальной империи, развивалось движение за независимость, поддерживаемое США. После восстаний на Кубе в 1895 г. и на Филиппинах в 1896 г. американцы демонстрировали поддержку повстанцев и даже послали на Кубу броненосец в качестве военной демонстрации; этот броненосец погиб от взрыва при неясных обстоятельствах. США обвинили во всем Испанию и объявили ей войну, длившуюся с 23 апреля по 10 декабря 1898 г. После поражения Испания отдала США Пуэрто-Рико (ныне – «свободно присоединившийся штат»), Филиппины (независимое государство с 1946 г.) и о. Гуам (ныне – «неинкорпорированная территория США») и предоставила независимость Кубе, занятой американскими войсками.

84

Гида (годы жизни неизв.), дочь последнего англосаксонского короля Англии Гарольда (ум. 1066) была между 1070 и 1075 гг., уже после норманнского завоевания и бегства оставшихся в живых родственников Гарольда в Данию, выдана замуж за тогдашнего (с 1067) князя Смоленского, а позднее – с 1115 г. – великого князя Киевского Владимира Мономаха (1053—1125).

85

Первая осада турецкими войсками Вены произошла в 1526 г. 6 1682 г. город был снова осажден турками, которым нанес поражение в 1683 г. польский король Ян III Собесский (1629—1696, король с 1674). Последовавшая за этим австро-турецкая война 1683—1699 гг., где Дунайская монархия выступала в союзе с Россией, Польшей и Венецией, стала началом сокращения турецких владений в Европе.

Этимология вымышлена А. Дж. Тойнби. Слово это значило первоначально «тщательная, систематическая обработка». – Ред.

87

В 390 (или 387 – данные расходятся) г. до н.э. галлы под предводительством своего вождя Бренна захватили Рим. Римляне должны были заплатить выкуп за город в тысячу (по другой версии – в две тысячи) фунтов золота. Когда золото взвешивали, представитель римлян заявил, что принесенные галлами гири фальшивые. В ответ «заносчивый галл» положил еще на весы свой меч. Тогда-то и прозвучали невыносимые для римлян слова: «Горе побежденным!» (Ливии. История. V, 48, 9).

Русскую Церковь, тогда еще подчиненную Константинопольской Патриархии, представлял на Соборе ее глава, митрополит Московский, грек по происхождению, Исидор (ум. ок. 1462). Он поддержал унию, но по возвращении был за это смещен и посажен в тюрьму; в 1441 г. ему удалось бежать в Италию, где он стал кардиналом.

89

Не отказываясь от православия, Петр I реорганизовал церковную администрацию в протестантском духе – в 1721 г. было упразднено патриаршество и управление Церковью вручено Святейшему Синоду во главе с подчиненным императору светским чиновником – обер-прокурором.

Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. – М., 1998. С. 11—12, 21-22, 36-37, 55-57, 59-61, 108—148.

«Полис, 1994, №1. С. 33—48.

Шмитт К. Политическая теология. – М., 2000. С. 7—19.

93

Общественное спасение (фр.).

В целом (лат.).

95

Суверенитет есть абсолютная и непрерывная власть государства (фр.).

Истинные приметы суверенитета (фр.).

Война всех против всех (лат.).

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково Поле, 2001.

Нодия Г. Национализм и демократия // Пределы власти, №4. – М., 1994.

100

Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. – М., 1998. С. 378—386.

Бек У. Что такое глобализация? – М., 2001. С. 9—43.

102

См. об этом на с. 73, 89, 124—139, 156—163 наст, издания.